Церковное краснорѣчіе

и

его основные законы.

Профессора Кіевской Духовной Академіи

В. О. Пѣвницкаго.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й
1906.

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . I—IV

Церковное краснорѣчіе и его основные законы.

Понятіе о проповѣди 1
Точки зрѣнія, съ какихъ можетъ быть разсматриваема проповѣдь 4

I. Проповѣдь, какъ видъ ораторства.

Сущность краснорѣчія, и его отношеніе къ простому выраженію мыслей и желаній 5
Обязанности оратора, по опредѣленію древнихъ риторовъ, и элементы, входящіе въ составъ ораторскаго произведенія: дидактическій, художественный и нравственный. Ихъ относительное значеніе 11
Главное условіе совершенства ораторскаго произведенія . . 14
Приложеніе законовъ краснорѣчія къ церковному проповѣдническому слову 26

II. Проповѣдь, какъ исполненіе церковно-религіознаго служенія.

Значеніе проповѣди въ экономіи церковной жизни . . . 38
Требованія, предъявляемыя къ лицамъ, выполняющимъ проповѣдническое служеніе 42
Образованіе, или знаніе, необходимое для христіанскаго проповѣдника 43
Недостаточность одного холоднаго знанія для успѣшнаго веденія дѣла проповѣдническаго 55
Разъясненіе условій, при которыхъ съ надлежащимъ достоинствомъ можетъ быть совершаемо проповѣдническое служеніе . . . . . 55—84

О содержаніи проповѣдей 85

Широкая область проповѣдническихъ предметовъ 92
Средоточный пунктъ христіанской проповѣди 97
Указаніе матерій, неумѣстныхъ на церковной каѳедрѣ . 98

Виды проповѣдей, опредѣляемые различіемъ содержанія или исходныхъ точекъ, которыми пользуется проповѣдникъ при выполненіи своего служенія 103

I. Омиліи или изъяснительная бесѣда 103

II. Слово, черпающее содержаніе изъ идеи церковнаго года . 118

III. Катихизическое поученіе 139

IV. Проповѣдь на современныя темы (публицистическая) . . . 158

О характерѣ проповѣдей. 181

Два главные гомилетическіе закона, опредѣляющіе характеръ проповѣдей 165

I. Церковно-библейскій духъ или характеръ проповѣди 168

Естественность требованія отъ проповѣди церковно-библейскаго духа 168

Сущность этого требованія, и разъясненіе условій, при которыхъ оно можетъ быть выполняемо 187

II. Популярность проповѣди 213

Обязательность закона популярности для проповѣдника . 213

Требованія закона популярности, по отношенію

1) къ содержанію проповѣдей, ... 215

2) къ образу представленія или раскрытіи мысли, . . 222

3) къ языковому изложенію 228

Средства, способствующія пріобрѣтенію искусства популярнаго изложенія проповѣдей 238

О приготовленіи проповѣдей . . . 249

Необходимость усерднаго труда для достойнаго веденія дѣла проповѣдническаго и составленія проповѣдей . 251

На что долженъ быть обращенъ трудъ проповѣдника при приготовленіи проповѣдей 262

Допустимо ли пользованіе чужими проповѣдями 268

Объ импровизаціи проповѣдей 273

Сужденія по вопросу объ импровизаціи авторитетныхъ представителей науки и проповѣдничества 278

Различныя методы составленія проповѣдей, и наиболѣе пригодная изъ нихъ, соотвѣтствующая таланту и расположенію проповѣдника 291

Предисловіе.

Предлагаемыя въ настоящей книгѣ сужденія представляютъ плодъ внимательныхъ размышленій о вопросахъ, входящихъ въ область науки о проповѣдничествѣ.

Поставленные на каѳедру гомилетики, мы ex officio должны были посвятить полное вниманіе уясненію тѣхъ требованій, какія можно и должно предъявлять проповѣднику въ силу его высокаго служенія, и тѣхъ законовъ, какіе должны управлять его дѣятельностію, и соблюденіе которыхъ необходимо для достойнаго и успѣшнаго выполненія дѣла, ему порученнаго.

При уясненіи гомилетическихъ вопросовъ мы не хотѣли и считали себя не въ правѣ довольствоваться скороспѣлыми рѣшеніями, какія представлялись нашей мысли, при первоначальномъ приступленіи къ этому дѣлу. Мы старательно изучали лучшія руководства по изложенію законовъ какъ краснорѣчія вообще, такъ и церковнаго краснорѣчія въ частности. Обзоръ этихъ руководствъ мы представили въ печатныхъ трудахъ своихъ, вышедшихъ подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи гомилетеки“. Сюда вошли слѣдующія изданія: „Первая, самая древняя гомилетика (блаж. Августина) 1892. „Средневѣковая гомилетика“ 1895 г. „Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера“ (1899 г.). Къ этимъ сочиненіямъ можемъ присоединить уясненіе гомилетическихъ правилъ св. Григорія Великаго (въ книгѣ: „Св. Григорій Двоесловъ— его проповѣди и гомилетическія правила“ (1871) и статью: „Позднѣйшія протестантскія нѣмецкія гомилетики“ (Краусса,

(1883) и Бассерманна (1885), помѣщенную въ Трудахъ Академіи за 1886-й годъ (№ 11).

Какъ можетъ усмотрѣть читатель изъ этихъ сочиненій, богатый научный матеріалъ даютъ труды нашихъ предшественниковъ, посвятившихъ свои мысли и свое перо изложенію законовъ церковнаго краснорѣчія, и мы воспользовались этимъ богатымъ матеріаломъ, избирая изъ трудовъ лучшихъ представителей нашей науки то, что казалось намъ наиболѣе основательнымъ и наиболѣе достойнымъ вниманія. При разнообразіи воззрѣній по частнымъ гомилетическимъ вопросамъ въ наукѣ твердо стоятъ общія начала, опредѣляющія дѣло проповѣдничества, признанныя всѣми лучшими авторитетами. Мы въ своихъ сужденіяхъ опирались на эти общепризнанныя начала. Сложившійся у насъ взглядъ на дѣло проповѣди можетъ подлежать критикѣ и оспариванію, но мы думаемъ, что и не согласные съ нами не упрекнутъ насъ въ томъ, что мы говоримъ о предметѣ, подлежащемъ нашему изслѣдованію, не имѣя за собою вѣскихъ основаній.

У насъ, особенно въ послѣднее время, замѣтно предубѣжденіе противъ гомилетики, которое очень рѣзко заявляется и въ литературѣ. Многіе, и причастные къ богословской школѣ и наукѣ, не признаютъ значенія гомилетики, и готовы исключить ее изъ программы наукъ, изучаемыхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не цѣня или совершенно не зная той богатой литературы, какая существуетъ по этому предмету и опуская изъ виду ту высокую практическую цѣль, какая предназначается для этой науки и преслѣдуется ею. Многіе смотрятъ на проповѣдь, какъ на дѣло простое, которое, въ выполненіи, должно быть предоставлено личному вдохновенію и расположенію проповѣдника, и всякія теоріи или указанія лучшихъ способовъ проповѣдничества считаютъ совершенно излишними.

Такой взглядъ не новый. И въ прежнее время были люди, нападавшіе на гомилетику и даже признававшіе вред-

ное вліяніе ея на проповѣдническую практику. Шпенеръ, напримѣръ, видѣлъ въ гомилетикѣ одно изъ главныхъ препятствій къ тому, чтобы дѣло учительства церковнаго поставить на надлежащій путь. Но какъ ни рѣзки его нападки на гомилетику, въ нихъ нельзя видѣть безусловнаго отрицанія ея. Онъ нападаетъ особенно не на гомилетику вообще, но на гомилетику ему современную, на постановку ея въ томъ видѣ, какой она имѣла въ тогдашней школѣ. Самъ онъ съ своей стороны даетъ совѣты, начертываетъ правила, какъ нужно вести дѣло проповѣдничества, и разъясняетъ, какого метода лучше держаться, при исполненіи учительскаго долга. А это есть матеріалъ, приготовляемый Шпенеромъ для построенія новой гомилетики въ духѣ ему желательномъ, отъ какой онъ ожидаетъ добраго практическаго вліянія. И послѣдователи его не замедлили составить свою гомилетику, отличную отъ той, на какую нападалъ Шпенеръ. Эта гомилетика, составленная во вкусѣ Шпенера Іоакимомъ Ланге, явилась подъ заглавіемъ: „Oratoria sacra, ab artis homileticae vanitate repurgata (Halae, 1767). По адресу отрицателей гомилетики говоритъ Швейцеръ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ гомилетовъ половины прошлаго столѣтія: „Замѣчательно, что создавать особую священную риторику принуждены были даже тѣ, которые отвергали въ проповѣди всякое краснорѣчіе и предписывали для нея полную простоту и безискусственность“ [1]).

Въ германской богословской литературѣ гомилетика входитъ въ составъ практическаго богословія, которое, со времени Шлейермахера, получило тамъ широкое развитіе, и въ богословской энциклопедіи занимаетъ почетное мѣсто, служа вѣнцомъ широко разросшагося ствола богословской науки. Въ составъ этого практическаго богословія входятъ гомилетика, каноника, литургика и пименика или пастырское богословіе,

[1]) Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика Швейцера, стр. 384.

и въ иныхъ руководствахъ по практическому богословію, какъ напримѣръ у Шлейермахера, гомилетикѣ отводится болѣе широкое мѣсто, чѣмъ другимъ составнымъ частямъ его, что служитъ свидѣтельствомъ признанія относительной важности ея, въ сравненіи съ другими дисциплинами.

Проповѣдь мы назвали именемъ церковнаго краснорѣчія, и это могутъ признать не соотвѣтствующимъ существу дѣла тѣ, которые смотрятъ на проповѣдь, какъ на дѣло простаго учительства, чуждое всякой искусственности. Но слово „краснорѣчіе“ имѣетъ въ наукѣ значеніе техническаго термина, который прилагается ко всякому публичному слову, предлагаемому предъ народомъ. Такое названіе публичнаго слова употреблялось еще въ древности, и оно перешло и въ христіанство, какъ скоро здѣсь научнымъ образомъ стали разрабатывать вопросы, касающіеся проповѣди. Во Франціи *христіанское краснорѣчіе* обычное названіе для церковнаго проповѣднаго слова. Употребляется оно въ такомъ значеніи и въ Германіи (у Шотта, Теремина, Юнгманна—лучшихъ гомилетовъ прошлаго столѣтія). Съ техническими терминами, принятыми въ наукѣ, часто соединяется условное значеніе, которое не всегда отвѣчаетъ строго этимологическому смыслу слова. Такъ это имѣетъ мѣсто и здѣсь. Слово „краснорѣчіе“ прямымъ своимъ смысломъ указываетъ на искусственную, прикрашенную рѣчь. Но прилагая это слово къ проповѣди, мы отнюдь не соединяемъ съ нимъ требованія отъ проповѣди такой искусственной, красной рѣчи, а разумѣемъ подъ словомъ „церковное краснорѣчіе“ всякую рѣчь, которая говорится въ церкви предъ народомъ, и посвящена разъясненію предметовъ христіанскаго вѣдѣнія и христіанскаго правоученія. Болѣе подробное разъясненіе того, какое значеніе мы соединяемъ съ этимъ терминомъ, читатель найдетъ въ предлагаемой книгѣ.

Церковное краснорѣчіе и его основные законы.

Въ гомилетикѣ первый пунктъ, требующій особенно точнаго опредѣленія—понятіе о проповѣди. Отъ установленія такого или иного понятія о проповѣди зависитъ дальнѣйшее развитіе гомилетическихъ правилъ, и если въ опредѣленіи понятія о проповѣди замѣчается неполнота и неточность, то это не можетъ не отражаться невыгоднымъ образомъ на построеніи науки и на характерѣ ея руководственныхъ наставленій, а чрезъ это посредственно, если гомилетика хочетъ быть наукою вліятельною, и на самомъ характерѣ проповѣдничества,—на проповѣднической практикѣ.

Что же такое церковная проповѣдь?

Въ гомилетикѣ Амфитеатрова проповѣдь называется церковнымъ собесѣдованіемъ, и самые проповѣдники бесѣдовниками. Это слово „*собесѣдованіе*“ онъ считаетъ основнымъ словомъ для означенія церковныхъ поученій, и въ введеніи въ гомилетику, въ одномъ изъ параграфовъ, дѣлаетъ замѣчаніе, что если онъ въ своей системѣ и будетъ употреблять другія слова для наименованія церковной проповѣди, они не должны вносить инаго смысла, а будутъ значить одно и то же съ словомъ собесѣдованіе[1]). Такого же названія держится его преемникъ по каѳедрѣ протоіерей Ѳаворовъ, изложившій

[1]) Чтенія о церковной словесности, или гомилетика Амфитеатрова. Ч. I. § 3. Примѣчанія, стр. 12,

содержаніе гомилетики своего предшественника примѣнительно къ школьному употребленію ея въ качествѣ учебника. Онъ назвалъ свою учебную книгу по гомилетикѣ „*Руководствомъ къ церковному собесѣдованію*“. Ѳаворовъ совершенно вѣрно говоритъ, что, „называя церковное проповѣданіе слова Божія *собесѣдованіемъ*, мы заранѣе опредѣляемъ этимъ общій отличительный характеръ церковной проповѣди, и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаемъ содержаніе и характеръ самой науки о проповѣдничествѣ“ [1]).

Намъ кажется, названіе проповѣди собесѣдованіемъ не выражаетъ точно существа и характера ея и не обнимаетъ всѣхъ видовъ ея. Проповѣдь не собесѣдованіе, а рѣчь къ народу и предъ народомъ. Собесѣдованіемъ если была она, то только въ первыя времена христіанства, когда въ небольшихъ общинахъ, при собраніи вѣрующихъ, не одинъ говорилъ, при молчаливомъ вниманіи прочихъ, а многіе могли вступать въ бесѣду съ главнымъ наставникомъ-руководителемъ бесѣды, прося у него разъясненія, высказывая предъ нимъ недоумѣнія, предлагая дополненія къ сказанному другимъ, заправляющимъ бесѣдою. А нынѣ проповѣдникъ выступаетъ предъ обществомъ или своими пасомыми, какъ ораторъ, и народъ слушаетъ его рѣчь, какъ слушаютъ обыкновеннаго оратора, и никто изъ народа не прерываетъ его рѣчи и не вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. Отсюда, по формѣ, проповѣдь подпадаетъ подъ понятіе ораторства и составляетъ видъ ораторскихъ произведеній. У насъ подъ ораторствомъ привыкли разумѣть рѣчь искусственную, отличающуюся внѣшнимъ изяществомъ изложенія. Такое пониманіе ораторства выражено и въ гомилетикѣ Ѳаворова [2]). Смотря на ораторство съ такой точки зрѣнія, находятъ неудобнымъ роднить съ ораторствомъ проповѣдь, которая отличается и

---

[1]) Руководство къ церковному собесѣдованію, § 1, стр. 1.

[2]) Руководство къ церк. собесѣдованію, § 1. Примѣчаніе.

должна отличаться евангельскою простотою. Но ораторство въ существѣ самое естественное явленіе въ ряду словесныхъ произведеній, и внѣшнее изящество стиля отнюдь не главное и не отличительное его качество. Въ разрядъ ораторскихъ произведеній входятъ произведенія разнаго характера и достоинства, и сила ораторства не во внѣшней искусственности, а во внутренней энергіи и правдѣ слова, и она часто проявляется болѣе въ простомъ, чѣмъ внѣшне-искусственномъ словѣ. Но мы далѣе объяснимъ сущность и главные законы ораторства, а здѣсь дѣлаемъ предварительныя замѣчанія о немъ, чтобы устранить излишнія опасенія видѣть въ проповѣди видъ ораторства.

Переходя далѣе къ частнѣйшему опредѣленію понятія о проповѣди и указанію видоваго характера ея, отличающаго ее отъ другихъ родовъ ораторскихъ произведеній, что дается ея содержаніемъ, мы видимъ въ проповѣди рѣчь или живое свидѣтельство о нашемъ спасеніи и о средствахъ къ его достиженію, основывающееся на словѣ и повелѣніи Господа Іисуса Христа. Господь Іисусъ Христосъ совершилъ дѣло нашего искупленія; явившись въ міръ для совершенія божественнаго домостроительства о нашемъ спасеніи, Онъ принесъ падшему, погибающему, находящемуся подъ клятвою гнѣва Божія, роду человѣческому вѣсть о спасеніи. Его проповѣдь у евангелистовъ называется евангеліемъ о царствіи Божіемъ (Матѳ. IV, 23. Мр. I, 14). Онъ возвѣщалъ о наступленіи этого царствія Божія, наступленіи новаго лѣта Господня пріятнаго (Лук. IV, 19), и приглашалъ всѣхъ вступить въ это царство, гдѣ каждый изъ насъ можетъ получить не только спасеніе, но и блаженство,—блаженство вѣчное. Для вступленія въ это царство Онъ указывалъ путь покаянія (Марк. I, 15. Матѳ. IV, 17). А для достойнаго пребыванія въ этомъ царствѣ Онъ требовалъ вѣры и жизни по вѣрѣ, жизни святой, богоугодной, согласной съ волею Божіею.

Принесши вѣсть о спасеніи и проповѣдуя Евангеліе о царствіи Божіемъ, Господь повелѣлъ сначала апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ ихъ преемникамъ, неумолкаемо проповѣдывать это Евангеліе, возвѣщать о царствіи Божіемъ и объ условіяхъ вступленія въ это царство и пребыванія въ немъ, и проповѣдь наша есть не что иное, какъ продолженіе и раскрытіе евангельскаго слова Христова. Слово апостоловъ, какъ мы видимъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, было словомъ о покаяніи и спасеніи. *Покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ.... Спаситеся отъ рода строптиваго сего* (Дѣян. II, 38, 40), говорилъ апостолъ Петръ въ день Пятидесятницы, послѣ сошествія Святаго Духа на апостоловъ, при первомъ обнаруженіи Церкви Христовой, и эту проповѣдь онъ и другіе апостолы продолжали неизмѣнно во все время своего служенія (Дѣян. 111, 19—20. Дѣян. V, 30—32. XIII, 38. XVII, 30—31), во исполненіе повелѣнія Христова (Дѣян. X, 42—43. XX, 24).

Проповѣдь, какъ частная рѣчь, не обнимаетъ всего Евангелія о спасеніи и о средствахъ его пріобрѣтенія. Но всегда, какого бы частнаго предмета она ни касалась, она имѣетъ или должна имѣть непосредственную связь съ этимъ главнымъ и средоточнымъ пунктомъ христіанскаго ученія. Утерявъ связь съ нимъ, она перестаетъ быть проповѣдію христіанскою.

Проповѣдь такимъ образомъ есть возвѣщеніе евангельскаго ученія о нашемъ спасеніи въ живой рѣчи предъ народомъ. Этимъ понятіемъ указываются въ проповѣди двѣ стороны, съ которыхъ она можетъ быть разсматриваема: 1) *сторона ораторская*,—какъ рѣчь къ народу, она является видомъ ораторскихъ произведеній и не можетъ не подпадать законамъ, обязательнымъ для всякаго рода ораторскихъ произведеній,—2) сторона *церковно-религіозная*, по которой она является выполненіемъ религіознаго служенія,

возложеннаго Господомъ на апостоловъ и ихъ преемниковъ,— продолженіемъ и раскрытіемъ Евангелія, возвѣщеннаго Господомъ Іисусомъ Христомъ.

Съ этихъ двухъ сторонъ мы будемъ уяснять основные гомилетическіе законы, которымъ долженъ подчиняться проповѣдникъ въ своей практикѣ.

I.

Проповѣдь, какъ видъ ораторства или краснорѣчія.

Подъ ораторскимъ краснорѣчіемъ мы разумѣемъ болѣе или менѣе сильное выраженіе нашихъ желаній, мыслей и чувствъ, въ живой рѣчи предъ собраніемъ народа, вызываемое влеченіями сердца, потребностями минуты и нуждами народа, и имѣющее въ виду благо этого народа.

Краснорѣчіе, какъ мы замѣтили выше, не есть искусственное явленіе въ ряду словесныхъ произведеній. Оно естественно является на почвѣ обыденной жизни нашей, и проявленіе его вы можете видѣть всюду. Оно имѣетъ аналогію съ обыкновеннымъ возвышеніемъ голоса нашего, въ виду какихъ либо обстоятельствъ, дѣйствующихъ на наши нервы. Положимъ, беззаботно идетъ человѣкъ по дорогѣ, не замѣчая явной опасности, ему угрожающей: желая предостеречь его, мы, возвышая голосъ, заявляемъ ему объ опасности, ему угрожающей. Или, упалъ кто въ воду, и ему грозитъ потопленіе: мы крикомъ хотимъ дать знать близъ стоящимъ объ этомъ, желая, чтобы пришли на помощь утопающему. Человѣкъ, по требованію самой природы, вынуждаетъ свое слово и свой голосъ отвѣчать каждой потребности сердца. Отъ частныхъ, единичныхъ случаевъ, нами указанныхъ, перенеситесь мыслію къ представленію болѣе широкихъ круговъ, болѣе важныхъ и значительныхъ жизненныхъ интересовъ, касающихся судьбы или счастія цѣлой массы людей, и вы

увидите, какъ изъ обыкновенной рѣчи возникаетъ рѣчь краснорѣчивая. Вотъ отечество въ опасности, и нашимъ согражданамъ угрожаютъ большія бѣды, а они предаются полной безпечности, не думая объ опасностяхъ, висящихъ надъ ихъ головою. Вотъ невинность стѣснена и страдаетъ, а зло торжествуетъ и посмѣвается надъ страданіями невинности. Вотъ общество, наши ближніе падаютъ въ глубину нравственнаго развращенія, для нихъ гибельнаго, и требуютъ отрезвленія и возвращенія къ своему дому. Настоящее дурно, будущее страшно. Тамъ настоятельно требуется защита, въ другомъ мѣстѣ предостереженіе, наставленіе, руководство, въ третьемъ утѣшеніе и поддержка. Такія и подобныя обстоятельства зовутъ способнаго человѣка къ служенію ораторскому, къ такой рѣчи, которую мы называемъ краснорѣчіемъ. Избранный, своимъ званіемъ или стремленіемъ внутренняго чувства побуждаемый, въ нарочитыя минуты является предъ собраніемъ своихъ собратій, и съ извѣстною долею одушевленія, вызываемаго и возбуждаемаго въ немъ положеніемъ вещей, выражаетъ и раскрываетъ предъ нимъ то, что считаетъ полезнымъ или необходимымъ для него. Собраніе народа видитъ въ немъ одного изъ среды своей, близко сочувствующаго ему, прислушивается къ его слову, и ораторское слово падаетъ на почву сердецъ человѣческихъ и сопровождается болѣе или менѣе замѣтными практическими результатами. Вотъ объясненіе возникновенія того, что мы называемъ краснорѣчіемъ, и отсюда понятны существенныя свойства краснорѣчія и тѣ главныя требованія, какія долженъ выполнять ораторъ.

1) Для того, чтобы состоялось ораторское произведеніе, и обыкновенная рѣчь возвысилась до степени рѣчи краснорѣчивой, первѣе всего требуется болѣе или менѣе возбужденное состояніе духа человѣка-оратора. Это возбужденное состояніе можетъ быть вызываемо представленіемъ опасности, заблужденія, гибели лица или общества, или представленіемъ

какого либо радостнаго явленія или торжества. Въ состояніи возбужденія изъ груди или устъ человѣка выливается слово болѣе сильное и энергическое, чѣмъ какое слышится при обыкновенномъ разговорѣ. Источникъ ораторства такимъ образомъ есть внутреннее *одушевленіе* человѣка.

2) Съ одушевленнымъ энергическимъ словомъ ораторъ является публично предъ народомъ, и ему сообщаетъ свои мысли, опасенія, совѣты, надежды. Отсюда *публичность* и *общественный* характеръ краснорѣчія: кабинетное разсужденіе, старающееся исчерпать полноту какого-либо частнаго предмета, и не направленное прямо къ публикѣ, какъ бы ни было хорошо составлено, никогда не будетъ краснорѣчивымъ произведеніемъ. Человѣкъ, выступающій на каѳедру, но замыкающійся въ кругъ своего предмета, и при этомъ опускающій изъ вниманія своихъ слушателей, и не обращающійся къ нимъ, перестаетъ быть ораторомъ.

3) Являясь предъ собраніемъ слушателей съ болѣе или менѣе одушевленнымъ словомъ, ораторъ естественно разсчитываетъ на вниманіе къ себѣ и къ предмету своей рѣчи. Онъ хочетъ и ставитъ цѣлію для себя передать этому собранію что нибудь необходимое, полезное, благотворное для него въ какомъ либо отношеніи. Отсюда живой, общественный *интересъ предмета* рѣчи краснорѣчивой. Ораторъ можетъ и долженъ говорить о томъ, что имѣетъ важное значеніе для извѣстной массы слушателей, что ихъ болѣе или менѣе занимаетъ или должно занимать, и въ чемъ они, по предположенію оратора, должны принимать непосредственное, живое участіе. О пустой, малозначительной вещи, о вещи чуждой и сторонней для народа, говорить нельзя оратору.

4) Ораторъ, выступая съ рѣчью, имѣетъ въ виду опредѣленную *цѣль*, которой хочетъ достигнуть, и къ которой своимъ словомъ старается направить своихъ слушателей. Онъ поставляетъ своимъ долгомъ произвесть впечатлѣніе на слушателей, заставить ихъ принять рѣшеніе, же-

лательное ему, кажущееся ему полезнымъ или необходимымъ для слушателей, въ виду ихъ блага. Ораторство или ораторская рѣчь есть своего рода борьба. У оратора непремѣнно есть кліентъ, котораго онъ хочетъ защитить, есть врагъ, котораго онъ хочетъ поразить. Этимъ кліентомъ и врагомъ можетъ быть не опредѣленная личность: кліентомъ оратора можетъ быть благо народа, которому онъ говоритъ слово, врагомъ—опасности, ему угрожающія, грѣхъ, влекущій его въ погибель. И врагъ и кліентъ могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же человѣкѣ, при двойственности началъ, управляющихъ нашею волею, при частой смутности представленій о нашемъ существенномъ благѣ у большинства людей. Въ нашей природѣ двѣ души обыкновенно борются между собою,—одна, стремящаяся къ высшему благу, слѣдующая закону ума, боящаяся уклониться отъ требованій долга, а другая, влекущая насъ долу, чувственная, своекорыстная, повинующаяся страсти. Дѣло оратора помочь душѣ высшей въ насъ одержать побѣду надъ стремленіями низшими, чувственными, въ существѣ гибельными для насъ. Такъ понимаетъ ораторство Теренинъ, а онъ свое воззрѣніе подтверждаетъ примѣромъ двухъ образцовыхъ ораторовъ,—Димосѳена и Массильйона, въ произведеніяхъ которыхъ видѣлъ идеалъ ораторскаго совершенства. У нихъ каждая рѣчь—борьба, которую они вели превосходнымъ оружіемъ, съ великою силою и искусствомъ, и борьбу эту они вели съ своими слушателями, которыхъ заставляли преклоняться предъ ихъ словомъ. Не въ томъ полагали они свою задачу, чтобы раскрыть истину, а въ томъ, чтобы устранить препятствія, мѣшающія принятію этой истины, приведенію въ исполненіе такого или иного рѣшенія. Въ этомъ существенное отличіе рѣчи ораторской, съ одной стороны, отъ сочиненія ученаго, теоретическаго, а съ другой, отъ произведенія художественнаго. Въ ученомъ, теоретическомъ сочиненіи авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на своемъ пред-

метѣ, и представляетъ обстоятельное изслѣдованіе по извѣстному вопросу, чисто объективнымъ образомъ, не отвлекаясь отъ него въ своей работѣ необходимостію приспособленія къ слушателямъ, и не задаваясь практическими цѣлями. И въ художественномъ произведеніи поэтъ выражаетъ свое чувство или рисуетъ идеалъ безъ всякой практической тенденціи; напротивъ, такая практическая тенденція, если бы она руководила поэта, повредила бы его работѣ. Чистое искусство совершенно свободно отъ практическихъ цѣлей; только низшимъ, прикладнымъ искусствамъ усвояется служеніе практической пользѣ человѣка или общества.

5) Ораторство называютъ *дѣйствованіемъ въ* словѣ. Когда говоритъ ораторъ, онъ такъ же дѣйствуетъ словомъ, какъ другой дѣйствуетъ мечомъ или другимъ какимъ либо орудіемъ. Онъ является общественнымъ дѣятелемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ вовнѣ, въ среду, его окружающую, переноситъ то, что считаетъ цѣннымъ достояніемъ своего духа, и что добылъ внимательнымъ размышленіемъ; посредствомъ своего слова онъ хочетъ передать другимъ свои воззрѣнія и желанія,—передать съ тѣмъ, чтобы они, бывъ усвоены другими, перешли въ жизнь и осуществились въ практической дѣйствительности. Въ виду дѣйственности ораторскаго слова, направленнаго къ упорядоченію практической жизни, и дающей желательное оратору направленіе, Квинтиліанъ называетъ ораторскую рѣчь царицею вещей (Regina rerum oratio), и говоритъ, что краснорѣчіе (конечно, въ устахъ истиннаго и благонамѣреннаго оратора), способствующее водворенію правды и счастія между людьми, „самый драгоцѣнный даръ изъ всѣхъ, какими боги наградили смертныхъ“ [1]).

6) Работа оратора болѣе *сложная* и требуетъ большаго напряженія силъ, большей душевной энергіи, чѣмъ работа

[1]) Institutiones oratoriae, L. II, c. XVI.

ученаго мыслителя-теоретика и работа поэта. Отъ теоретическаго, ученаго произведенія требуется здравая, свѣтлая мысль; здѣсь весь трудъ возлагается на умственную силу, на разсудокъ. Твердое, болѣе или менѣе обширное, знаніе и основательное сужденіе составляютъ главное достоинство теоретическихъ сочиненій, и не представляется притязаній ни на что, кромѣ спокойнаго изслѣдованія и раскрытія предмета. Въ ораторскомъ произведеніи выполненіе этого требованія недостаточно. Здѣсь тоже нужна здравая, свѣтлая мысль; нужно и хорошее знаніе вещи, о которой говоритъ ораторъ; но этого одного мало для совершенства и надлежащаго дѣйствія ораторскаго произведенія. Здравая мысль въ ораторскомъ произведеніи не можетъ или не должна являться въ видѣ холоднаго, отвлеченнаго разсужденія. Она должна пройти чрезъ горнило сердечнаго одушевленія и согрѣта чувствомъ. Иначе она слабо подѣйствуетъ или вовсе не подѣйствуетъ на слушателей. Въ ораторскомъ произведеніи могутъ быть желательны поэтическія картины. Воображеніе призывается на служеніе оратору, чтобы прозрачнѣе и впечатлительнѣе представить истину и приблизить ее къ воспринимающей силѣ слушателей. Но писать картины для услажденія слушателей только, допускать игру воображенія и предаваться изліянію чувства безъ всякой посторонней цѣли, какъ дѣлаетъ поэтъ,—ораторъ не можетъ. Это прямо противорѣчило бы его характеру и назначенію. Все вниманіе оратора должно быть приковано къ практической сферѣ и направлено къ тому, чтобы жизни той среды, въ которой вращается ораторъ и предъ которою является въ качествѣ руководителя, дать опредѣленное направленіе, часто такое, отъ котораго среда уклоняется. Для дѣйствованія на эту среду, для склоненія ея слѣдовать направленію, указываемому ораторомъ и кажущемуся ему болѣе правильнымъ, требуется особая энергія или напряженіе воли, устремленной къ достиженію преднамѣренной цѣли. Воля стремящаяся къ дости-

женію своей цѣли, собираетъ всѣ силы души и заставляетъ ихъ служить себѣ, чтобы совокупнымъ трудомъ ихъ произвесть большее впечатлѣніе на слушателей и успѣшнѣе склонить ихъ къ принятію такого или иного рѣшенія. Такого сосредоточенія душевныхъ силъ или такой цѣлостной душевной работы нѣтъ въ другихъ родахъ словесныхъ произведеній, гдѣ, при отсутствіи практической тенденціи, является дѣйствующею или сила умственная—разсудокъ, или воображеніе и чувство.

Къ лучшему выясненію характера ораторскаго краснорѣчія и его задачи обратимся къ ученію объ этомъ предметѣ древнихъ знаменитыхъ риторовъ, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ позднѣйшихъ риторикъ.

Древніе риторы [1]) указывали три обязанности оратора—*docere*, *delectare*, *movere*—учить, нравиться, трогать. Эти три слова обнимаютъ полноту ораторскаго дѣйствованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ сложный составъ ораторскаго произведенія. *Docere* указываетъ на учительный, дидактическій элементъ, требуемый въ ораторскомъ произведеніи: это основательное сужденіе о предметѣ; усвоеніемъ и развитіемъ этого элемента ораторство соприкасается съ философіею и вообще съ прозою, преслѣдующею цѣли знанія. Обязанность *delectare* заставляетъ оратора вводить въ свои рѣчи художественный элементъ, пользоваться услугами воображенія и чувства, чтобы дѣйствовать на воображеніе и чувство слушателей: этотъ элементъ ораторство беретъ у силъ, служащихъ поэзіи, и чрезъ него оно соприкасается съ поэзіею. *Movere* указываетъ на элементъ спеціально ораторскій: это элементъ волевой, нравственный,—пафосъ, понимаемый въ благородномъ смыслѣ этого слова. Чтобы тронуть и увлечь слушателей,

---

[1]) F. Quintiliani Institutionum oratoriorum lib. III, c 5. M. T. Ciceronis Orator ad Brutum, c. 21. Ex editione Oliveti Glasguae 1748. Cic. operum omnium vol. II p. 36. Cic. De oratore ad Fratrem. L. II, 77.

ораторъ долженъ призвать къ дѣлу и проявить энергію души, объятой предметомъ его слова: слушатели ничѣмъ не могутъ тронуться, какъ одушевленіемъ и увлеченіемъ самого оратора, всецѣло преданнаго своему дѣлу и тому интересу, который онъ защищаетъ, и къ которому хочетъ склонить другихъ.

Въ совершенномъ ораторскомъ произведеніи всѣ эти три элемента должны проявляться въ гармоническомъ единеніи. Но совершенство принадлежитъ далеко не всѣмъ произведеніямъ краснорѣчиваго слова, и не всякій ораторъ равномѣрно исполняетъ указанныя риторами обязанности, на него налагаемыя. И въ теоріи центръ тяжести одни полагаютъ въ одной обязанности, другіе въ другой, третьи въ третьей. Обыкновенный, поверхностный взглядъ краснорѣчивымъ словомъ считаетъ рѣчь, отличающуюся внѣшнею художественностію, красотою и изяществомъ стиля, внѣшними средствами обольщенія и ласканія слуха, что древніе выражали словомъ delectare. Слово „краснорѣчіе“, какимъ у насъ называется ораторство, и. какое считается синонимическимъ слову „ораторство“, можетъ давать поводъ къ такому пониманію ораторства и можетъ служить какъ бы оправданіемъ ходячаго воззрѣнія на ораторство. Но это слово, какъ и многія техническія слова, употребительныя въ научномъ языкѣ, не выражаетъ сущности дѣла, и не указываетъ на главный и существенный признакъ, отличающій ораторство отъ другихъ родовъ словесныхъ произведеній. Платонъ въ *„Горгіи“* нападаетъ на такое пониманіе ораторскаго краснорѣчія, которое видитъ и цѣнитъ въ немъ одну внѣшнюю художественность слова, какъ совершенно не отвѣчающее существу дѣла, и опускающее изъ вида главное и существенное въ немъ. И Фенелонъ, въ своихъ *„Діалогахъ о краснорѣчіи“*, приступая къ выясненію истинныхъ законовъ краснорѣчія и тѣхъ требованій, съ какими нужно адресоваться къ нему, первѣе всего считаетъ нужнымъ опровергнуть тотъ поверхностный взглядъ, который видитъ въ ораторѣ человѣка, умѣющаго

красно и изящно говорить, и только этимъ однимъ довольствуется въ немъ, на это одно обращаетъ главное вниманіе. Внѣшнія красоты, которыя такъ плѣняютъ иныхъ, по замѣчанію Фенелона,—сами въ себѣ вещь неважная. При такомъ пониманіи краснорѣчія, оно не было бы искусствомъ серьезнымъ, перестало бы быть дѣломъ, направленнымъ къ практическимъ цѣлямъ, какимъ должно быть, а служило бы только для одного удовольствія, для забавы и ласканія слуха слушателей [1]). Такое одностороннее и поверхностное пониманіе краснорѣчія далѣе было поводомъ къ пренебрежительнымъ сужденіямъ о немъ, какія высказывали не рѣдко и люди авторитетные, какъ напримѣръ Кантъ въ своей „Критикѣ силы сужденія“ [2]).

Другіе,—и такихъ очень много, даже въ ряду представителей науки о краснорѣчіи,—Цицеронъ, блаж. Августинъ,—главною обязанностію оратора считаютъ учить—docere, а другія обязанности считаютъ побочными и второстепенными. Но по нашему мнѣнію, не тутъ центръ тяжести въ краснорѣчіи. Конечно, здравыя мысли, чистое ученіе, хорошее сужденіе—вещь важная въ ораторствѣ. Совершенно вѣрно, что если ты хочешь расположить людей дѣлать что либо, ты долженъ напередъ хорошо раскрыть то, къ чему ты располагаешь. Иначе какъ они могутъ дѣлать то, чего не знаютъ [3])?. Но этимъ можетъ отличаться и философское разсужденіе, сухое прозаическое теоретическое сочиненіе, и это одно не составитъ краснорѣчія, не доставитъ славы оратору. „Худая похвала оратору (говоритъ Жиберъ [4]), если скажутъ,

---

[1]) Dialogues sur l'eloquence en general, et sur celle de la chaire en particulier. Dial. I. Oeuvres de Fenelon, t. X, p. 169—212. См. еще Lettre, ecrite à l'academie Francaise, sur l'eloquence, la poesie etc. t. X, p. 329—337.

[2]) Immanuel Kant's Kritik der Urtheilskraft. Berlin. 1869, s. 166—7. 193—195.

[3]) Христіанская наука блаж. Августина, кн. IV, гл. XXVIII.

[4]) L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Gisbert chap. V, 21, p. 75.

что его рѣчь умное произведеніе. Такіе ораторы, которые только учатъ и хорошо разсуждаютъ, обыкновенно не производятъ впечатлѣнія на слушателей".

Очевидно, для полноты ораторскаго совершенства требуется нѣчто большее простаго, хотя бы и вполнѣ основательнаго, ученія,—требуется тотъ элементъ, на который древніе риторы указывали словомъ *mouere*, и въ этомъ элементѣ главное условіе успѣха оратора. Истиннымъ, наиболѣе вліятельнымъ ораторомъ можетъ быть только тотъ, кто своимъ словомъ можетъ тронуть своихъ слушателей и подѣйствовать на ихъ волю. Платонъ (въ Горгіѣ) замѣчаетъ, что ораторская рѣчь настолько краснорѣчива, насколько душу слушателя приводитъ въ движеніе. Самъ Цицеронъ, считающій первою обязанностію оратора учить, въ сочиненіи „Брутъ или о славныхъ ораторахъ" говоритъ: „Кто не признаетъ, что изъ всѣхъ достоинствъ оратора самое большее достоинство—способность воспламенять душу слушателей и склонять ихъ къ тому, чего требуетъ дѣло, и что кто не имѣетъ этой способности, тому недостаетъ главнаго въ ораторствѣ [1])?".

Въ древнихъ риторикахъ былъ особый трактатъ о страстяхъ (de affectibus). Ему дано было мѣсто въ наукѣ о краснорѣчіи потому, что отъ оратора ожидалось и требовалось не простое, хотя бы умное, слово, но слово, проникнутое страстію. Страсть, какъ условіе и источникъ краснорѣчія, означаетъ здѣсь возбужденіе души человѣка-оратора, производимое сознаніемъ и чувствомъ важности того предмета, которому онъ посвящаетъ свое слово, и представленіемъ значенія и высоты той цѣли, которой онъ стремится достигнуть. При этомъ возбужденіи человѣкъ-ораторъ выходитъ изъ обыкновеннаго холоднаго прозаическаго состоянія, и говоритъ съ большею или

[1]) Brutus, sive de claris oratoribus, c. LXXX, p. 279. Operum Ciceronis tomus secundus, Parisiis, 1768, p. 485—6.

меньшею силою и одушевленіемъ. Для означенія такого возбужденнаго состоянія оратора есть техническое слово, взятое изъ греческаго языка,—пафосъ (πάθος) и рѣчь, произнесенная въ такомъ состояніи,—патетикою или рѣчью патетическою. Всѣ признаютъ значеніе патетики въ ораторскихъ произведеніяхъ, но многіе назначаютъ ей узкія границы, указывая на то, чтобы къ патетикѣ или страстному возбужденному слову ораторъ прибѣгалъ въ частныхъ мѣстахъ своей рѣчи, и представляя патетику такимъ элементомъ, который хотя допустимъ и даже необходимъ въ ораторствѣ, но не можетъ и не долженъ простираться на всю широту рѣчи. Но намъ кажется болѣе справедливымъ въ риторическомъ смыслѣ подъ этою патетикою разумѣть не отдѣльныя, наиболѣе краснорѣчивыя и сильныя мѣста ораторскаго произведенія, а общій подъемъ духа, при которомъ ораторъ говоритъ съ особенною силою и убѣдительностію. Мы имѣемъ въ виду источникъ, изъ котораго, такъ сказать, ключемъ бьетъ живое, одушевленное, ораторское слово. А такъ называемыя патетическія мѣста въ рѣчи служатъ частичнымъ проявленіемъ его, и если они стоятъ отрывочно, безъ связи съ цѣлымъ и являются искусственною приставкою или прикраскою въ рѣчи, то они теряютъ свое достоинство.

Мы не одиноки въ такомъ пониманіи ораторской патетики. Такое пониманіе патетики ораторской встрѣчается у авторитетныхъ представителей науки о краснорѣчіи. Съ особенною рельефностію развито и выражено оно у Теремина въ его сочиненіи *„Краснорѣчіе—добродѣтель, или основныя черты систематической риторики“*. По его толкованію, пафосъ долженъ быть неотлучною принадлежностію оратора во все продолженіе его рѣчи: это слово характеризуетъ то состояніе, въ какомъ долженъ находиться ораторъ. Разъясняя свою мысль, Теремінъ называетъ это состояніе состояніемъ не страсти, но аффекта, и аффектъ отличаетъ отъ страсти. Ораторъ, по его словамъ, долженъ возбуждать аффекты,

но не страсти, и самъ долженъ быть въ состояніи аффекта. Состояніе души въ страсти возбуждается внѣшнимъ предметомъ или представленіемъ о немъ, и есть состояніе неспокойное и удручающее, и оно скоро проходитъ. Но состояніе аффекта совершенно иное. Душа въ немъ возбуждается не внѣшнимъ предметомъ, а идеею, и разумъ здѣсь не подавляется внѣшнимъ впечатлѣніемъ, а сохраняетъ свою энергію и обнаруживаетъ свою дѣтельность. Душа, проникнутая идеею, не можетъ оставаться холодною, какъ при отвлеченныхъ представленіяхъ; идея обнимаетъ всѣ силы души и приводитъ ихъ въ движеніе,—возбуждаетъ къ дѣятельности въ опредѣленномъ направленіи, и изъ соединеннаго дѣйствія всѣхъ силъ, изъ напряженія, обнаруживаемаго ими при этомъ, происходитъ состояніе, отличающееся высшею степенію теплоты и жизненности; это и есть состояніе аффекта. Въ аффектѣ всѣ силы и всѣ ощущенія сердца сливаются въ полномъ согласіи съ разумомъ; это самое счастливое состояніе, къ какому можетъ возвышаться человѣкъ. Въ немъ нравственная природа человѣка проявляется во всемъ своемъ блескѣ, въ своемъ высшемъ достоинствѣ. И оно не проходитъ такъ скоро, какъ страсть; потому что идея, его производящая, не отвнѣ приходитъ въ душу и не исчезаетъ вмѣстѣ съ возбужденіемъ; оно лежитъ въ душѣ человѣка и составляетъ ея неизмѣнное достояніе. Если эта идея нравственная, то она вѣчно существуетъ, и свойство долговѣчности она сообщаетъ аффекту, ее сопровождающему.

Признавая аффектъ за нѣчто прекрасное, Теренинъ требуетъ, чтобы ораторъ говорилъ непремѣнно съ аффектомъ. Онъ является предъ собраніемъ для того, чтобы сообщить ему идею, которою самъ одушевленъ, и эта идея, если она дѣйствительно есть въ немъ, должна сопровождаться аффектомъ. Если нѣтъ у оратора аффекта, то, значитъ, онъ не одушевленъ никакою идеею. Тогда онъ говоритъ или по нуждѣ, какъ наемникъ, или съ холодною суетностію, какъ

краснобай, или наконецъ съ коварною цѣлію, какъ обольститель народа. Такого оратора слушатель не будетъ уважать, и такому оратору онъ не откроетъ своего сердца [1]).

Итакъ много обязанностей долженъ выполнить ораторъ, и многими достоинствами должна отличаться истинно-ораторская рѣчь. Нельзя не придавать значенія внѣшнему изяществу или художественному элементу въ ораторствѣ, и ораторъ можетъ губить свое дѣло, то есть, можетъ не достигать своей цѣли, если является предъ собраніемъ съ словомъ вялымъ и небрежнымъ, съ дикціею сонливою и невыработанною. Пусть каждый ораторъ старается овладѣть внѣшнимъ искусствомъ изящнаго слова. Но этого мало; это одно не доставитъ ему славы; это, можно сказать, низшая степень ораторскаго достоинства. Больше значенія имѣетъ и на разумныхъ людей сильнѣе дѣйствуетъ содержаніе рѣчи, то есть, тѣ мысли и доказательства, какія приводитъ и раскрываетъ ораторъ, чтобы привесть своихъ слушателей къ признанію истины, имъ возвѣщаемой, и къ полному согласію и единенію съ собою во взглядѣ на предметъ, его интересующій и имъ обсуждаемый. Каждая хорошая ораторская рѣчь должна быть рѣчью умною, сильною и вѣрною по мысли и содержательною. Но этимъ дѣло оратора не исчерпывается и не кончается, и не здѣсь послѣдняя ступень ораторскаго совершенства, не здѣсь секретъ, овладѣвъ которымъ ораторъ можетъ проявлять побѣждающую силу слова. Высшую силу даетъ оратору напряженіе воли или всей души его, которое проявляется въ одушевленіи, въ пафосѣ. У оратора, который говоритъ съ силою и убѣжденіемъ, вся духовная организація находится въ состояніи возбужденія, и въ этомъ возбужденномъ состояніи онъ весь проникается тѣмъ предметомъ, ка-

---

[1]) См. нашу книгу: „Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера. стр. 424—325. Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik. Fr. Theremin, Gota, 1888, s.

кой хочетъ передать слушателямъ, воспринимаетъ его всею полнотою своего существа, и при этомъ стремительно направляетъ свое слово къ цѣли, имъ предположенной, желая, чтобы народъ, его слушающій, усвоилъ не только умомъ, но и сердцемъ то дѣло, какое онъ ему представляетъ, и совѣтъ или рѣшеніе, имъ рекомендуемое перевелъ въ практику, осуществилъ дѣломъ.

Одушевленіе или паѳосъ, составляющій главное условіе успѣшнаго ораторскаго дѣйствованія, нужно отличать отъ паѳоса напускного. Истинный паѳосъ возникаетъ изъ глубины души и есть выраженіе возбужденнаго состоянія всего духовнаго существа оратора. А напускной или фальшивый паѳосъ не имѣетъ корня въ душѣ, и является тогда, когда нѣтъ внутренняго одушевленія у оратора. Онъ никогда не можетъ замѣнить истиннаго глубокаго одушевленія оратора, и не можетъ скрыть отъ большинства слушателей отсутствія того огня благородной страсти, который придаетъ теплоту и силу истинно-ораторской рѣчи. Онъ проявляется шумихою словъ и искусственною напыщенною декламаціею. Это маска или личина, которую надѣваетъ на себя человѣкъ, выступающій въ роли оратора, но не имѣющій истиннаго ораторскаго духа. Старающіеся прикрыть этою личиною внутреннюю пустоту свою тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что они сознаютъ и чувствуютъ, гдѣ главный секретъ успѣшной ораторской дѣятельности, именно во внутреннемъ одушевленіи оратора, отсутствіе котораго они думаютъ замѣнить искусственными прикрасами. Зоркій глазъ слушателя не можетъ не замѣтить этихъ искусственныхъ прикрасъ, и такого оратора большею частію ожидаетъ провалъ у слушателей и собственное разочарованіе въ томъ дѣйствіи на нихъ, на какое онъ разсчитывалъ.

Но не всякое и истинное одушевленіе равноцѣнно предъ строгимъ судомъ критики, и не всякое одинаково можетъ дѣйствовать на слушателей и создавать славу и авторитетъ

оратора. Истинное глубокое одушевленіе можетъ быть возбуждаемо предметомъ высокой важности и можетъ поддерживаться въ душѣ неослабно, когда онъ видитъ предъ собою многозначительную цѣль, которую находитъ нужнымъ преслѣдовать. Нравственная идея,—идея блага, понимаемаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова, должна лежать въ основаніи ораторскаго одушевленія, и ею ораторъ долженъ руководиться въ своемъ служеніи. Что необходимо нужно для народа или для опредѣленнаго круга слушателей оратора, что полезно и спасительно для него, безъ чего ему угрожаютъ опасности, лишенія и страданія,—только въ томъ онъ долженъ находить источникъ своихъ вдохновеній, только то онъ долженъ предлагать народу, только это одно можетъ придавать значеніе ему и его слову въ глазахъ и на судѣ исторіи.

Главное дѣло оратора—убѣждать, но не просто убѣждать въ чемъ либо, а убѣждать къ совершенію дѣла важнаго и спасительнаго, склонять слушателей къ исправленію, къ предотвращенію какой либо опасности или какого либо вреднаго предпріятія, къ усильному старанію овладѣть благомъ, какого нѣтъ у общества, стоящаго предъ глазами оратора, и сохранить благо, могущее ускользнуть отъ него. Это одно изъ главныхъ условій истиннаго ораторства, по признанію лучшихъ представителей науки о краснорѣчіи. Квинтиліанъ порицаетъ Аристотеля за то, что онъ цѣлію риторики ставитъ то, чтобы она научила оратора приводить слушателей къ тому, чего онъ хочетъ. Этого мало, замѣчаетъ онъ. И блудники, и ласкатели и развратители могутъ дѣлать это. Но можно ли ихъ хвалить за это? И могутъ ли они быть истинными ораторами? Краснорѣчіе, по его представленію [1]), болѣе благочестиво и нравственно, чѣмъ истинно. Краснорѣчіе искусство не просто убѣждать въ чемъ бы то ни было, а говорить съ силою для убѣжденія въ томъ, что честно, или что должно

[1]) Institutiones oratoriae, 11, c. XVI.

быть (quod honestum est, sive quod oporteat). И Платонъ, *въ Горгіѣ*, указываетъ два рода ораторовъ, ораторовъ истинныхъ и ораторовъ фальшивыхъ. „Одни,—истинные ораторы,—что ни говорятъ, говорятъ по благопопечительности о народѣ, а другіе (фальшивые) ораторы не имѣютъ въ виду этого. Этого рода ораторство не заслуживаетъ имени краснорѣчія, и есть ласкательство и постыдное краснобайство, а другой родъ ораторства—дѣло прекрасное, направляющееся къ тому, чтобы души гражданъ сдѣлать наилучшими: это усиліе говорить о вещахъ наилучшихъ, пріятно ли то будетъ слушателямъ, или непріятно. Истинный ораторъ всегда долженъ имѣть въ виду, чтобы въ душахъ его согражданъ жила справедливость, а неправда была изгоняема, жила разсудительность, а безразсудность и необузданность была оставляема,—жила и всякая другая добродѣтель, а зло удалялось“ [1]).

Добродѣтель или доброе нравственное направленіе многими риторами ставилось непремѣннымъ требованіемъ, отъ исполненія котораго зависитъ плодотворное ораторское служеніе. Цицеронъ, опредѣляя качества оратора, говоритъ, что онъ долженъ быть *vir bonus, dicendi peritus* [2]). Квинтиліанъ замѣчаетъ [3]), что не напрасно этотъ знаменитый ораторъ требованіе добраго направленія отъ оратора поставилъ на первомъ мѣстѣ, а требованіе умѣнья говорить или искусства рѣчи на второмъ; этимъ онъ хотѣлъ выразить то, что первое,—нравственное,—требованіе важнѣе второго. Квинтиліанъ еще рѣшительнѣе выражаетъ это требованіе, говоря: „*Nemo orator nisi vir bonus*“ [4]). То есть, по этому опредѣленію только добрый или нравственный человѣкъ можетъ быть орато-

---

[1]) Горгіасъ, 502—504. Сочиненія Платона, переведенныя Карповымъ, ч. 11, стр. 328—329. 331.

[2]) M. Tullii Ciceronis Rhetoricorum sev de inventione rhetorica liber I, c. I.

[3]) Institutiones oratoriae L. XII, c. I.

[4]) Fabii Quintiliani Institutiones oratoriae L. I. Prooemium 9 et lib. II. c. XVI.

ромъ. Требованіе добраго нравственнаго направленія отъ оратора риторика, основательно излагаемая, включаетъ въ число основныхъ своихъ правилъ потому, что считаетъ необходимымъ указать оратору на его высокое служеніе и предостеречь человѣка, выступающаго на ораторскую каѳедру, отъ увлеченія низменными или фальшивыми идеями и отъ стремленія его къ цѣлямъ недостойнымъ. Человѣкъ, не отличающійся добрымъ нравственнымъ направленіемъ, на каѳедрѣ оратора можетъ явиться пустымъ ласкателемъ, по своей недоброкачественности или по подкупу можетъ служить низкимъ цѣлямъ и быть проводникомъ идей фальшивыхъ или вредныхъ для блага народа, или несогласныхъ съ законами высшей правды. Но это можетъ быть только униженіемъ высокаго дѣла краснорѣчія и измѣною ему. Если такой ораторъ иногда имѣетъ минутный успѣхъ, зато никогда не можетъ создать себѣ исторической славы и пріобрѣсть твердый авторитетъ и уваженіе у народа. А человѣкъ высокаго нравственнаго духа никогда не будетъ служителемъ неправды и проводникомъ нечистаго дѣла, никогда не будетъ воодушевляться какимъ либо пустымъ или неправымъ предметомъ, и не будетъ по напрасну тратить свою энергію и склонять своихъ слушателей къ цѣли сомнительнаго достоинства. Его можетъ занимать и возбуждать только высокое благо народа; онъ выступитъ или въ защиту попираемой правды или для указанія народу или обществу того, что потребно и необходимо для его спасенія и благосостоянія.

Ставя первымъ условіемъ ораторскаго успѣха глубокое и искреннее одушевленіе оратора въ виду высокой цѣли, имъ указываемой народу, не входимъ ли мы въ противорѣчіе съ тѣми авторитетами, которые считаются первыми и высшими представителями краснорѣчія, и которыхъ сужденія объ этомъ искусствѣ должны имѣть особенный вѣсъ и значеніе въ глазахъ всѣхъ, интересующихся этимъ дѣломъ? Димосѳенъ, этотъ знаменитѣйшій ораторъ древняго міра, побѣждавшій

сердца своихъ слушателей силою своего одушевленнаго слова, выливавшагося изъ души, глубоко убѣжденной и преданной защищаемому имъ дѣлу, отнюдь не умалялъ значенія внѣшней художественности въ ораторствѣ; напротивъ, какъ будто ей придавалъ здѣсь первенствующее значеніе. Извѣстно, что, когда его спросили, что онъ считаетъ самымъ главнымъ въ ораторствѣ, онъ отвѣчалъ: произношеніе; а что потомъ? онъ повторилъ: произношеніе, а что еще? опять онъ сказалъ: произношеніе. Произношеніе одна частная сторона во внѣшней ораторской дѣятельности, но Димосѳенъ какъ будто въ ней только видитъ главную силу, дающую успѣхъ ораторскому слову. И исторія говоритъ намъ, что онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы овладѣть этою силою. Онъ имѣлъ много недостатковъ, препятствовавшихъ ему овладѣть совершенствомъ произношенія; но настойчивыми усиліями онъ успѣлъ освободиться отъ этихъ недостатковъ. Онъ былъ кортавъ и не могъ выговаривать буквы р; этотъ недостатокъ онъ исправилъ, кладя подъ языкъ камешки и такимъ образомъ произнося трудныя слова. Онъ имѣлъ прерывистое дыханіе и не могъ отъ того держать плавной рѣчи; чтобы исправить этотъ недостатокъ, онъ, восходя на гору, произносилъ длинные стихи однимъ голосомъ, безъ отдохновенія. Чтобы укрѣпить и усилить свой голосъ, онъ выходилъ на берегъ моря и декламировалъ, когда оно бушевало. Было у него подергиваніе плечъ: чтобы освободиться отъ этого недостатка, онъ говорилъ, стоя на узкой каѳедрѣ, вѣшая надъ собою острое копье, которое причиняло бы ему рану, если бы онъ сдѣлалъ неосторожное движеніе. Конечно, такія усилія надъ собою дѣлалъ Димосѳенъ, въ сознаніи той важности, какую въ ораторствѣ имѣетъ хорошее произношеніе. И другой знаменитый, христіанскій, ораторъ тоже выставляетъ особенное значеніе хорошаго произношенія для успѣха рѣчи, хотя не съ такою силою, какъ Димосѳенъ. Мы имѣемъ въ виду одного изъ лучшихъ проповѣдниковъ Франціи вѣка

Людовика XIV, Бурдалу. Когда его спросили, какая изъ его проповѣдей болѣе всего ему нравится, онъ отвѣчалъ: та, которую я лучше всѣхъ выучилъ наизусть; потому что я лучше другихъ произнесъ ее.

Но выставляя важное значеніе произношенія въ дѣлѣ ораторства, Димосѳенъ и другіе тѣмъ самымъ не устраняютъ необходимости выполненія другихъ требованій краснорѣчія. Само собою предполагается при этомъ, что существенныя требованія краснорѣчія выполнены ораторомъ; иначе онъ не могъ бы являться ораторомъ. Но смыслъ указанія Димосѳена, равно какъ и Бурдалу, на значеніе произношенія, тотъ, что дѣло оратора, и выполнившаго другія условія его служенія, можетъ пропасть и не увѣнчаться успѣхомъ, если онъ дурно произнесетъ свою рѣчь. Димосѳенъ не могъ предполагать, чтобы рѣчь, плохо составленная и обдуманная, и притомъ направленная не къ доброй цѣли, могла имѣть успѣхъ у слушателей, при одномъ хорошемъ произношеніи ея. Какой либо обольститель, склоняющій людей къ дурному, нечестному и гибельному, дѣлу, ужели бы заслужилъ одобреніе у Димосѳена и у другихъ людей, здраво смотрящихъ на вещи, за то только, что съумѣлъ хорошо произнесть свою рѣчь? Конецъ вѣнчаетъ дѣло,—говоритъ пословица. Но онъ можетъ вѣнчать только дѣло доброе, и хорошо налаженное. А если нѣтъ этого добраго, хорошо поставленнаго дѣла, надъ чѣмъ ставить вѣнецъ? Съ другой стороны, произношеніе, вѣнчающее и заканчивающее дѣло оратора, стоитъ въ прямой зависимости отъ его одушевленія. Одушевленіе, волнующее и возбуждающее оратора, не можетъ не отражаться на его произношеніи: оно придаетъ ему силу и выразительность. Когда сильно возбужденъ чѣмъ либо человѣкъ-ораторъ, тогда онъ не будетъ говорить о своемъ дѣлѣ вяло и холодно: огонь одушевленія, изъ тайниковъ души его, проторгнется наружу и проявится въ живомъ, энергическомъ произношеніи. А когда нѣтъ одушевленія и возбужденія въ душѣ

оратора,—его произношеніе можетъ не имѣть недостатковъ, можетъ быть исправнымъ съ внѣшней стороны, но при всей видимой исправности въ немъ едва ли можетъ быть такая энергія, живость и выразительность, какая можетъ придавать слову побѣждающую силу, и какая является плодомъ внутренняго возбужденнаго состоянія человѣка.

Намъ могутъ сдѣлать другое возраженіе противъ нашего положенія о признаніи одушевленія первымъ и самымъ важнымъ условіемъ успѣшнаго ораторства. Это одушевленіе вещь трудная: не у всякаго, и не во всякое время, можетъ быть оно; имъ овладѣть и его почувствовать въ себѣ для многихъ гораздо труднѣе, чѣмъ овладѣть искусствомъ слова. Искусству слова можно научиться, можно пріобрѣсть его усильнымъ трудомъ и практикою. А одушевленію кто научитъ, и гдѣ его взять, когда его нѣтъ въ душѣ? Ужели же человѣкъ, когда не будетъ чувствовать одушевленія и не будетъ въ состояніи аффекта, не можетъ и не долженъ выступать на каѳедру оратора? Если это такъ, то не стѣснимъ ли мы доступа на ораторскую каѳедру многимъ, готовымъ посвятить себя краснорѣчію, и даже призываемымъ къ тому своимъ общественнымъ положеніемъ?

Какъ бы ни казалось высокимъ и не для всякаго удобоисполнимымъ указываемое нами требованіе, мы должны настаивать на немъ по самому существу дѣла. Когда начертываются законы правильной дѣятельности въ какой бы то ни было области, имѣется въ виду чистый идеалъ, съ которымъ должны сообразоваться, и къ которому должны приближаться частные дѣятели. Если бы мы устраняли или опускали изъ вида высокія требованія идеала, въ виду ограниченности человѣческихъ способностей и въ виду частыхъ уклоненій отъ нихъ въ практической дѣятельности, то мы погрѣшили бы противъ истины и вмѣстѣ содѣйствовали бы пониженію или искаженію искусства, допуская или узаконяя то, что является отступленіемъ отъ закона или нарушеніемъ его.

Пусть ораторъ является такимъ, какимъ долженъ быть, и пусть прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы возвыситься надъ тою ограниченностію и надъ тѣмъ низменнымъ бездушіемъ, съ какимъ являются люди не призванные на каѳедрѣ оратора. Если выступаешь ораторствовать, говори по-ораторски,—отъ сердца и съ одушевленіемъ. А нѣтъ одушевленія, не выливается слово прочувствованное, согрѣтое теплотою сердечною,—не являйся на каѳедрѣ и не имѣй притязанія на титло оратора. У Гёте въ Фаустѣ, Вагнеръ проситъ Фауста научить его, какъ дѣйствовать на мнѣнія, то есть, къ какимъ средствамъ нужно обращаться, чтобы склонять людей къ принятію извѣстнаго рѣшенія и говорить имъ съ полною убѣдительностію, и Гете влагаетъ въ уста Фауста такой, и единственный, совѣтъ ораторамъ: „глубоко прочувствуй то, о чемъ ты хочешь говорить, и никогда не берись говорить о томъ, что не прочувствовано тобою. Если слово не выходитъ изъ души, то оно, при всей своей пріятности, не побѣдитъ сердецъ слушателей: оно слово праздное“. Эту же мысль подтверждаетъ древнее латинское изреченіе, часто приводимое риторами: *Pectus est, quod disertos facit*[1]), то есть, сердце дѣлаетъ людей краснорѣчивыми.

Кто же послѣ этого можетъ быть ораторомъ? Всякій человѣкъ съ живою душею, способною чувствовать добро и носящею въ себѣ горячее желаніе содѣйствовать благу своихъ собратій, особенно въ виду опасностей, имъ угрожающихъ; всякій человѣкъ, у котораго есть бьющееся сердце и огонь въ груди, и который носитъ въ себѣ высокіе идеалы, и во имя этихъ идеаловъ чутко отзывается на все, что трогаетъ и интересуетъ близкихъ къ нему и окружающихъ его. Но пусть далеко стоитъ отъ каѳедры оратора и не восходитъ на нее вялая, тепло-хладная душа, которая холодно и равнодушно относится къ самымъ священнѣйшимъ интересамъ,

---

[1]) Quintiliani Institutionis oratoriae, L. X, cap. VII, 15.

и въ которой убѣжденіе не можетъ пустить глубокихъ корней, и ничто не вызываетъ горячаго одушевленія. Такой человѣкъ, пожалуй, многое можетъ знать и обильно говорить о разныхъ предметахъ. Но рѣчь его никогда не достигнетъ высоты ораторскаго слова; она будетъ какъ мѣдь звенящая, безъ силы, безъ выразительности, и мало можетъ дѣйствовать на души другихъ. Понятно послѣ сего, чего мы первѣе всего требуемъ отъ оратора. Въ нашей богозданной душѣ положена божественная искра, сродная всему доброму, высокому и священному. Тлѣющая въ глубинѣ нашего существа, она должна разгораться пламенемъ, при внѣшнемъ возбужденіи, на нее дѣйствующемъ. Если въ васъ воспламенится эта божественная искра, отъ васъ, безъ особенныхъ усилій, выльется сильное и одушевленное слово, могущее побѣждать умы и сердца слушателей. При сродствѣ душъ человѣческихъ огонь одушевленія, овладѣвшій душею оратора, чрезъ его теплое слово перейдетъ къ слушателямъ и въ нихъ, незамѣтно для нихъ самихъ, воспламенитъ сокрытую въ нихъ искру,— приведетъ ихъ въ состояніе, отвѣчающее состоянію оратора.

Примѣнимъ эти основные законы краснорѣчія къ проповѣди, какъ виду ораторскихъ произведеній, руководствуясь указаніями авторитетныхъ мужей, излагавшихъ правила касательно церковнаго краснорѣчія, и требованія, какія можно предъявить проповѣди и проповѣдникамъ съ ораторской точки зрѣнія, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Внѣшняя художественность слова, въ которой поверхностный взглядъ готовъ видѣть первое и главное условіе краснорѣчія, отнюдь не должна стоять у проповѣдника на первомъ планѣ, и не о ней онъ долженъ первѣе всего заботиться. Правда, внѣшнее приличіе въ словѣ и проповѣдническомъ дѣйствованіи не должно быть имъ пренебрегаемо, и изящное, обработанное слово можетъ усилить дѣйственность

проповѣди; блаженный Августинъ въ своей *Христіанской наукѣ* выражаетъ желаніе, чтобы проповѣдникъ говорилъ не только мудро, но и краснорѣчиво; „ибо нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что соединеніе того и другого принесетъ болѣе пользы... Что лучше сладости, когда она въ то же время и спасительна, и спасительности, которая вмѣстѣ и сладка? Ибо въ такомъ случаѣ чѣмъ вожделѣннѣе сладость, тѣмъ скорѣе и легче спасительность приноситъ пользу“ [1]). Но внѣшнее приличіе не цѣль для проповѣдника-оратора, а только средство, способствующее достиженію цѣли, и если на немъ одномъ онъ сосредоточитъ свое вниманіе, о немъ только будетъ заботиться, онъ остановится на полудорогѣ, измѣнитъ своему назначенію и не достигнетъ того, къ чему долженъ стремиться. „Слогъ, имѣющій въ виду нравиться однимъ наружнымъ краснорѣчіемъ (замѣчаетъ блаж. Августинъ), не долженъ быть употребляемъ самъ для себя; напротивъ, его надобно употреблять только для того, чтобы онъ своею пріятностію выраженія нѣсколько легче возбуждалъ, и крѣпче удерживалъ мысль и чувство слушателя на тѣхъ предметахъ, которые излагаются съ пользою и достоинствомъ... Пусть главную заботу свою полагаютъ въ томъ, чтобы говорить рѣчью красивою, избранною, свѣтскіе ораторы, любящіе тщеславиться искусствомъ и обработанностію стиля, и желающіе только нравиться слушателямъ. А мы, христіанскіе наставники, должны замѣнить эту цѣль другою, болѣе существенною, цѣлію, и имѣть первѣе всего въ виду возбужденіе въ слушателяхъ любви къ благонравію и отвращенія отъ худой нравственности... Красотою слога мы будемъ пользоваться не для хвастовства, а по благоразумію; не будемъ довольствоваться тѣмъ, чтобы только нравиться слушателю; но будемъ употреблять красивую рѣчь, какъ вспомогательное средство къ убѣжденію въ истинно благомъ“ [2]).

---

[1]) Христіанская наука, кн. IV, гл. VIII.

[2]) Христіанская наука, кн. IV, гл. LV.

Такъ же, какъ блаж. Августинъ, оцѣниваетъ значеніе внѣшняго краснорѣія и св. Григорій Двоесловъ. „Надобно и нравиться пасомымъ (говоритъ онъ въ своемъ *Пастырскомъ правилѣ*), только не изъ самолюбія,—но для того, чтобы своею любезностію поддерживать въ нихъ любовь къ истинѣ, не для того только, чтобы услаждаться ихъ любовію, но для того, чтобы любовь ихъ сдѣлать путемъ, чрезъ который сердца слушателей можно привести къ любви Создателя. Ибо едва ли охотно будутъ слушать того проповѣдника, который не умѣетъ слушателей расположить къ себѣ. Такимъ образомъ пастырь и не долженъ пренебрегать любовію пасомыхъ, если хочетъ, чтобы его слушали, и не долженъ заискивать ея для себя лично, если не хочетъ оказаться на дѣлѣ измѣнникомъ и похитителемъ правъ Того, которому видимо служитъ“. По смыслу этихъ словъ святаго отца, желательно, чтобы слово проповѣдника имѣло и внѣшнія достоинства. Проповѣднику ничѣмъ не нужно пренебрегать, чтобы довести святую истину до сердца слушателей и возбудить ихъ волю къ благочестію. Но дурно, если проповѣдникъ будетъ стараться больше нравиться, чѣмъ учить. „Тогда самолюбіе сдѣлаетъ весь трудъ его совершенно напраснымъ для Бога. Ибо тотъ врагъ Искупителя, кто добивается, хотя бы и хорошими средствами, быть любимымъ церковію, вмѣсто Него. Это было бы то же самое, какъ если бы какой-нибудь отрокъ, чрезъ котораго женихъ пересылаетъ подарки къ своей невѣстѣ, вздумалъ предательски привлечь къ себѣ ея сердце и обольстить ее. Проповѣдникъ перестаетъ быть служителемъ истины, когда онъ слишкомъ увлекается желаніемъ нравиться людямъ“ [1]).

Внѣшнее краснорѣчіе, не составляющее перваго и главнаго условія дѣйственности слова и въ свѣтскомъ ораторствѣ,

---

[1]) Regula pastoralis, lib. II, c. VIII. Patrologiae cursus completus, t. LXXVII, col. 43.

въ проповѣди имѣетъ еще меньшую значимость, и здѣсь менѣе чувствуется потребность прибѣгать къ внѣшнимъ средствамъ, усиливающимъ дѣйственность слова. Свѣтскій ораторъ не имѣетъ предъ слушателями такого авторитета, какимъ, въ силу своего призванія, облеченъ церковный проповѣдникъ, и интересы, имъ защищаемые, не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми высокими предметами, о какихъ долженъ говорить проповѣдникъ. Оратору свѣтскому вслѣдствіе этого становится нужнымъ возбуждать вниманіе слушателей, усиленнымъ образомъ дѣйствуя на ихъ чувство, чему способствуетъ внѣшнее искусство слова и ораторскаго дѣйствованія. А проповѣдникъ говоритъ не самъ отъ себя, а по уполномочію отъ Церкви Божіей, и предлагаетъ не свое слово, но слово Божіе. Божественный авторитетъ слова и ученія, имъ разъясняемаго, придаетъ ему особенную силу, безъ всякихъ побочныхъ средствъ, направленныхъ къ увеличенію дѣйственности слова. Присоедините къ этому высоту истины христіанской, раскрываемой въ проповѣди, глубину и духовность вдохновеній, какими руководится проповѣдникъ, важность цѣли, какую онъ имѣетъ въ виду,—спасеніе людей. Все это, взятое вмѣстѣ, освобождаетъ проповѣдника отъ излишней заботы о внѣшней сторонѣ слова. При условіяхъ, нами указанныхъ, внѣшнее краснорѣчіе или, по Апостолу, *препрѣтельныя слова человѣческой премудрости* (1 Кор. II, 4) не такъ важны и нужны въ проповѣди, какъ въ свѣтскомъ ораторствѣ. Сила слова сама собою возникаетъ здѣсь отъ того источника, изъ котораго черпаетъ свое содержаніе проповѣдь.

Между тѣмъ увлеченіе блестками внѣшняго краснорѣчія часто замѣчается въ христіанскомъ обществѣ и по отношенію къ проповѣдному слову, и оно сопровождается неблагопріятными практическими слѣдствіями. При немъ слушатели обращаютъ вниманіе не на то, о чемъ говоритъ проповѣдникъ, и къ чему направляетъ свое слово, а на то, какъ онъ говоритъ; они хотятъ и требуютъ услажденія слуха, забывая о

томъ, что проповѣдь не это должна имѣть въ виду, а ихъ нравственное благо и спасеніе. Ихъ мысль, такъ сказать, скользитъ по поверхности слова, и не проникаетъ внутрь, цѣнитъ скорлупу, а не то полезное ядро, которое предлагается въ этой скорлупѣ. И проповѣдники нерѣдко поддаются дѣйствію этихъ увлеченій, и вмѣсто существенныхъ цѣлей, имъ предлежащихъ, преслѣдуютъ цѣль побочную, второстепенную. Это замѣтно было даже въ классическій вѣкъ церковнаго краснорѣчія, когда на церковной каѳедрѣ раздавалось сильное слово Златоуста, Василія Великаго и Григорія Богослова. Въ то время у грековъ слишкомъ было развито риторическое художественное чувство, и свѣтскіе ораторы-софисты стремились удовлетворять этому чувству. Они выступали съ рѣчами, не имѣющими практическаго значенія, и въ этихъ рѣчахъ разсыпали цвѣты краснорѣчія, которыми думали услаждать и услаждали души слушателей, нажившихъ потребность эстетическаго наслажденія художественною и изысканною рѣчью. Проповѣдники имѣли предъ собою слушателей съ изнѣженнымъ вкусомъ, избалованныхъ свѣтскими риторами; и въ церкви эти слушатели хотѣли такого же ласканія слуха, какое получали въ свѣтскихъ аудиторіяхъ. Видя это, многіе изъ проповѣдниковъ болѣе думали о доставленіи удовольствія слушателямъ, чѣмъ объ ихъ спасеніи, на что жалуются отцы, стоявшіе во главѣ церковнаго общества. Св. Григорій Богословъ въ одномъ словѣ заявляетъ, что многіе идутъ въ церковь на проповѣдь потому, что „надѣются насытить слухъ и получить удовольствіе“ [1]). И св. Іоаннъ Златоустъ равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ: „не для пользы, а для забавы очень многіе слушаютъ проповѣдника, подобно тѣмъ, которые сидятъ и судятъ о трагическихъ поэтахъ или игрокахъ на цитрѣ“ [2]).

---

[1]) Св. Григорія Богослова слово 7-е. Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. I, стр. 241.

[2]) Св. Іоанна Златоуста слово о священствѣ V, гл. I.

Св. Григорій Богословъ о себѣ говоритъ, что онъ „не изъ числа краснослововъ, похищающихъ благосклонность ласкательствомъ“, но въ то же время глубоко сожалѣетъ о томъ, что между проповѣдниками „много способныхъ къ этому ласкательству... Эти люди и наше благочестіе, которое просто и чуждо искусственности, обратили въ искусственное и въ какой-то новый родъ упражненія, перенесенный съ торжищъ во святилище и съ зрѣлищъ въ недоступное взорамъ многихъ тайноводство“ [1]). Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бесѣдѣ на Дѣянія Апостольскія со скорбію и горечью жалуется на то, что „многіе слишкомъ заботятся о томъ, чтобы, ставши на средину, держать длинную рѣчь, и если они получаютъ рукоплесканія отъ толпы, то для нихъ это все равно, какъ будто они получили царство. Это совершенно извратило порядокъ церковный, что вы не ищете слова, способнаго произвести угрызеніе совѣсти, а ищете такого слова, которое бы могло доставить вамъ наслажденіе и звукомъ и сочетаніемъ реченій, совершенно такъ, какъ вы идете слушать пѣвцовъ или игроковъ на цитрѣ. И мы такъ равнодушно и недостойно поступаемъ, что слѣдуемъ вашимъ прихотливымъ желаніямъ вмѣсто того, чтобы искоренять ихъ. Мы гоняемся за изяществомъ слова, заботимся о стройности и гармоніи языка для того, чтобы вамъ нравиться, а не для того, чтобы принести вамъ пользу,—для того, чтобы заслужить у васъ удивленіе, а не для того, чтобы доставить вамъ назиданіе,—для того, чтобы съ рукоплесканіями и похвалами уйти отсюда, а не для того, чтобы содѣйствовать исправленію нравовъ“ [2]).

Противъ увлеченія внѣшнимъ краснорѣчіемъ мы встрѣчаемъ строгое обличеніе еще въ древности у пророка. Еще

---

[1]) Св. Григорія Богослова слово 36-е о себѣ самомъ. Твор. св. отцевъ въ русскомъ переводѣ, т. Ш, стр. 201.

[2]) S. Ioannis Chrysostomi in Acta apostol hom XXX. Patrologiae cursus completus T. LX, col. 225—6.

въ ветхозавѣтныя времена пророки должны были ратовать противъ такого направленія въ народѣ, при которомъ онъ искалъ въ словѣ пророка-проповѣдника не пользы, не назиданія себѣ, а простаго услажденія слуха. *О тебѣ, сынъ человѣческій* (читаемъ мы у пророка Іезекіиля), *сыны народа твоего разговариваютъ у стѣнъ и въ дверяхъ домовъ, и говорятъ одинъ другому, братъ брату: пойдите, и послушайте, какое слово вышло отъ Господа. И они приходятъ къ тебѣ, какъ на народное сходбище, и садится предъ лицемъ твоимъ народъ Мой, и слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ; ибо они въ устахъ своихъ дѣлаютъ изъ этого забаву, сердце ихъ увлекается за корыстію ихъ. И вотъ ты для нихъ, какъ забавный пѣвецъ съ пріятнымъ голосомъ, и хорошо играющій; они слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ* (Іез. XXXIII, 30—32.

Важнѣе внѣшней формы въ проповѣди внутренняя сторона или содержаніе, въ ней предлагаемая и раскрываемая, и ей слѣдуетъ придавать больше значенія, чѣмъ внѣшнему стилистическому совершенству, и на нее должно обращать больше вниманія, чѣмъ на сторону внѣшнюю. Такое требованіе, вытекающее изъ основныхъ законовъ краснорѣчія, выставлялъ на видъ проповѣдникамъ первый христіанскій писатель, прилагавшій къ церковному краснорѣчію то, что свѣтскіе риторы узаконяли по отношенію къ ораторству вообще. Онъ требуетъ отъ проповѣдника первѣе всего рѣчи полезной или мудрой, а потомъ, если возможно, и краснорѣчивой. „Къ званію проповѣдническому (говоритъ онъ) скорѣе способенъ тотъ, кто можетъ разсуждать и говорить мудро, хотя бы и не могъ говорить краснорѣчиво; ибо такой можетъ быть истинно полезнымъ для слушающихъ, хотя и не столько, сколько бы пользовалъ ихъ, если бы обладалъ вмѣстѣ и даромъ краснорѣчія... Риторы признавались, что если мудрость безъ краснорѣчія мало доставляетъ пользы

государствамъ, то краснорѣчіе безъ мудрости часто приноситъ великій вредъ, пользы напротивъ никогда не приноситъ [1]). Слѣдовательно, если по внушенію одной простой истины принуждены были сдѣлать такое признаніе люди, кои сами изложили правила краснорѣчія, и сдѣлали это въ тѣмъ самыхъ сочиненіяхъ, кои они писали о краснорѣчіи,—еще не зная мудрости истинной, свыше нисходящей отъ Отца свѣтовъ; то какъ же намъ, чадамъ и служителямъ сей мудрости, не мыслить иначе и благоразумнѣе о достоинствѣ краснорѣчія“ [2])?

По отношенію къ этой части ораторскаго служенія,—соблюденію надлежащаго достоинства внутренней стороны или содержанія слова, церковный ораторъ поставленъ, съ одной стороны, въ болѣе благопріятныя условія, въ сравненіи съ ораторомъ свѣтскимъ, но, съ другой стороны, онъ встрѣчаетъ здѣсь такія затрудненія, какія не существуютъ для оратора свѣтскаго.

Благопріятныя условія состоятъ въ томъ, что проповѣднику даны и указаны высокіе предметы, о какихъ, по званію своему, онъ долженъ говорить съ народомъ. Свѣтскому оратору приходится говорить о предметахъ житейскаго свойства, которые по своему значенію не могутъ равняться съ предметами, подлежащими обсужденію на церковной каоедрѣ: внѣшняя юридическая правда, внѣшнее благополучіе человѣка или общества—вотъ та цѣль, которой онъ старается достигнуть силою своего слова. Проповѣдникъ свое слово посвящаетъ защитѣ и разъясненію интересовъ вѣчныхъ: не къ временному благополучію, а къ вѣчному спасенію онъ долженъ вести народъ, его слушающій. Онъ хочетъ устроять на землѣ правду высшую, небесную; путемъ добродѣтели онъ хочетъ вести своихъ слушателей къ наслѣдію благъ вѣчныхъ, къ

---

[1]) Cicero de inventione. Lib. I, pag. 25, 55.

[2]) Христ. наука. Кн. IV, гл. 7.

достиженію царства небеснаго. Раскрывая и внѣдряя въ умы и сердца людей ученіе о спасеніи, онъ выполняетъ повелѣніе, данное Господомъ Іисусомъ Христомъ, приходившимъ съ неба для совершенія домостроительства нашего спасенія, и является въ полномочіи посланника Божія, зовущаго своихъ братій съ пути погибельнаго на путь правый, ведущій къ блаженству, и слово его является отраженіемъ или отголоскомъ слова божественнаго. Ораторство въ христіанствѣ получаетъ высшую миссію, какой оно не имѣло въ древніе вѣка, во времена Димосѳеновъ и Цицероновъ, и слово проповѣдника, исполняющаго эту миссію, является словомъ внушительнымъ и святымъ по тому предмету, который оно раскрываетъ, по той цѣли, какой оно служитъ, и по тому источнику, изъ котораго беретъ оно свое содержаніе. *Слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. X, 16), говорилъ Господь Іисусъ Христосъ семидесяти апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь по разнымъ городамъ и мѣстамъ, и это слово Спасителя имѣетъ приложеніе ко всѣмъ проповѣдникамъ, продолжающимъ то дѣло, которое во время земной жизни своей Господь поручилъ Апостоламъ. Въ силу этого рѣчь проповѣдника, и при всей простотѣ и безъискусственности, способна вызывать вниманіе къ себѣ у всѣхъ, вѣрующихъ въ Господа, и по этой вѣрѣ чтущихъ посланныхъ отъ Него и совершающихъ повелѣнное отъ Него.

При высотѣ и важности предмета, обсуждаемаго въ церковной проповѣди, и святости цѣли, стоящей въ виду у проповѣдника, затрудненія для него возникаютъ изъ того, что этотъ предметъ стоитъ передъ нимъ во всей необъятной широтѣ своего содержанія; онъ не можетъ разомъ охватить его во всей цѣлости. При этомъ ему угрожаетъ опасность касаться его поверхностно и говорить общими мѣстами, въ практическомъ отношеніи мало дѣйственными. У свѣтскаго оратора почти всегда въ виду частный случай, вызывающій его на служеніе слова. Онъ говоритъ по поводу какого либо

опредѣленнаго обстоятельства, увлекающаго вниманіе его и его слушателей. У него видимый врагъ, на котораго онъ нападаетъ, или близкій кліентъ, котораго онъ старается защитить. Предъ нимъ ясно поставлена частная цѣль, и къ ней прямо направляется его слово. Въ виду этой цѣли, прямо стоящей предъ его глазами, онъ далекъ отъ опасности уклониться въ сторону общихъ мѣстъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ живой дѣйствительности. Самое дѣло, которымъ вызывается его слово, заставляетъ его или даетъ ему возможность говорить практично. У проповѣдника большею частію нѣтъ такой частной, ясно указанной, цѣли. Рѣдко какое либо жизненное обстоятельство ставитъ предъ нимъ опредѣленную задачу, указывающую прямое направленіе его слову. Нѣтъ у него въ наличіи врага, нѣтъ и кліента въ качествѣ опредѣленнаго лица. Того и другого ему нужно искать и указывать слушателямъ, и искать и указывать въ сердцѣ самихъ слушателей. Этимъ врагомъ, съ которымъ онъ борется, служитъ грѣхъ, гнѣздящійся въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, часто не видимый и не сознаваемый нами; а кліентомъ является добродѣтель или тотъ святой законъ, который ведетъ насъ ко спасенію, существующій больше въ идеѣ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни,—наше спасеніе или вѣчное блаженство, которое намъ указано, какъ конечная цѣль нашей жизни, и которымъ мы часто такъ легкомысленно пренебрегаемъ. Изъ широкой области предметовъ, стоящихъ предъ его умственнымъ взоромъ,—притомъ по своему идеальному характеру прямо не видимыхъ и не осязаемыхъ въ реальной дѣйствительности,—онъ самъ долженъ выбирать такой или иной вопросъ, ставить такую или иную частную цѣль, руководствуясь своими соображеніями, и эта цѣль можетъ ставиться произвольно и не мѣтко, безъ соотвѣтствія съ потребностями среды, слушающей проповѣдника, или ей даютъ такіе широкіе размѣры, что теряется или дѣлается

затруднительною ея практическая пригодность и приложимость. Отсюда проповѣдники часто довольствуются общими мыслями и предлагаютъ рѣчи, хотя вѣрныя и святыя по своему содержанію, но по своему отвлеченному содержанію приложимыя ко всѣмъ, и ни къ кому въ частности. Такія рѣчи обыкновенно скользятъ по поверхности душъ слушателей, но не западаютъ въ сердце и разсѣяваются въ воздухѣ, не производя требуемаго дѣйствія. Мало сказать: не грѣшите, или будьте благочестивы, подобное чему нерѣдко служитъ содержаніемъ проповѣдей. Этому доброму общему уроку нужно дать опредѣленную форму,—нужно вести его въ направленіи, прямо отвѣчающемъ обстоятельствамъ времени, настроенію и потребностямъ слушателей. Отсюда отъ проповѣдника требуется особенное стараніе и особенное умѣнье, чтобы излагаемому имъ слову спасенія дать жизненную силу, и изъ сферы отвлеченной перевесть въ область практическую. Въ этомъ отношеніи ему предстоятъ бо́льшія трудности, чѣмъ оратору свѣтскому.

Но проповѣдникъ не выполнилъ еще всего своего дѣла, если онъ въ своей рѣчи хорошо и основательно раскрылъ ту или другую часть святой христіанской истины, и ученію о спасеніи умѣлъ дать болѣе или менѣе практическое направленіе, въ сознаніи потребности своихъ слушателей. Ученіе христіанское хорошо раскрывается въ учебникахъ и разныхъ теоретическихъ сочиненіяхъ. Книга, нынѣ распространенная даже въ сельскихъ закоулкахъ, можетъ передавать и передаетъ народу то, что нужно знать объ ученіи Христовомъ и объ условіяхъ нашего спасенія. Но мертвая книга не можетъ давать того, что ожидается отъ живаго слова проповѣдника... При множествѣ книгъ и сочиненій, посвященныхъ уясненію христіанскаго ученія о спасеніи, всегда и всюду чувствуется потребность въ живомъ ораторскомъ или проповѣдномъ словѣ. Это живое слово, произносимое съ

церковной каѳедры, должно дать святой истинѣ, въ немъ раскрываемой, теплоту и силу. Эта истина въ книгѣ лежитъ, такъ сказать, неподвижно. Проповѣдникъ-ораторъ беретъ ее изъ мертвой книги, оживляетъ ее своимъ дыханіемъ и даетъ ей движеніе, и она, имъ направляемая, находитъ путь къ сердцамъ слушателей и дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе проповѣдникъ вноситъ своей душевной силы и энергіи на оживленіе истины, служащей предметомъ его словъ. Нужно, значитъ, не только сознать истину; но нужно проповѣднику перечувствовать ее, воспринять ее и переработать въ лабораторіи своего сердца, и уже перечувствованную, сдѣлавшуюся достояніемъ его души, передать ее другимъ, и въ этомъ случаѣ само собою выльется изъ устъ проповѣдника слово сердечное, такое слово, которое будетъ способно жечь умы и сердца людей. А безъ этого будутъ раздаваться съ церковной каѳедры слова, пожалуй, умныя и разсудительныя, но сухія и холодныя, отъ которыхъ не возгорится искра, тлѣющая въ душахъ слушателей, и они не будутъ тронуты холоднымъ разсужденіемъ проповѣдника. „Не похвала или самая худшая похвала проповѣди— сказать, что это умное произведеніе (повторимъ мы слова Жибера). Если въ этомъ умномъ произведеніи нѣтъ того, что исходитъ отъ сердца,—огня, жизни, чувства, чего не можетъ дать никакой умъ, то оно мѣдь звенящая... Кто не умѣетъ чувствовать, тотъ никогда не будетъ хорошо проповѣдывать“ [1]).

Гдѣ найти и указать средства для того, чтобы проповѣдникъ съ энергіею и огнемъ могъ возвѣщать народу святое ученіе о спасеніи? Главное, если не единственное, средство къ этому—нравственное христіанское воспитаніе человѣка, глубокая преданность души тому, что внушалъ намъ

---

[1]) L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Gisbert, chap. V, 21, p. 75.

небесный Учитель, и полное проникновеніе ея божественною истиною, которую мы должны сообщать слушателямъ. Воспитайте въ себѣ духъ Христовъ, согрѣвайте свое сердце благочестивымъ размышленіемъ о глубинѣ нашего паденія, о гибели, намъ угрожающей, въ случаѣ нашего неисправленія,— о величіи любви Божіей къ намъ, готовой исторгнуть насъ изъ бездны погибели, куда часто безсознательно влечемся мы, и изливающей на насъ неизреченныя милости и щедроты,— воодушевитесь любовію къ братьямъ своимъ, которыхъ вы призваны обращать на путь спасенія. Тогда у васъ откроется неизсякаемый источникъ, откуда, безъ особеннаго напряженія съ вашей стороны, потечетъ обильное и сильное слово, которое способно будетъ смягчать и побѣждать упорство и ожесточеніе людей.

II.

Проповѣдь, какъ исполненіе церковно-религіознаго служенія.

Проповѣдь, разсматриваемая съ религіозной точки зрѣнія, есть раскрытіе слова Божія или сообщеніе ученія о нашемъ спасеніи, содержащагося въ Откровеніи и хранимаго въ церкви, въ видахъ споспѣшествованія устроенію нашей духовно-нравственной жизни, сообразно тѣмъ завѣтамъ, какіе даны Господомъ для людей, желающихъ вступить въ царство Божіе. Она есть продолженіе того благовѣстія, которое во время земной жизни своей Господь Іисусъ Христосъ сообщалъ людямъ, ждавшимъ избавленія, приглашая ихъ вступить на путь спасенія и указывая условія и средства къ этому. Она должна дѣйствовать на просвѣщеніе ума, разъясняя божественную истину и возбуждая и укрѣпляя вѣру въ нее, и вмѣстѣ съ тѣмъ разгоняя мракъ заблужденій. Она должна дѣйствовать и на волю, указывая ей образецъ нравственнаго совершенства и богоугодной жизни, и возбуждая ее къ возможному достиженію нравственнаго совершенства,

и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняя ее отъ тѣхъ преткновеній на пути къ этому совершенству, какія угрожаютъ намъ въ мірѣ, полномъ соблазновъ и страстей. Всего человѣка, падшаго и долу преклоннаго, она должна возстановлять и возрождать и претворять въ новаго человѣка по духу Христову, созидая въ немъ сердце чистое и обращая его къ Богу, источнику высшаго небеснаго блага.

Въ экономіи церковной жизни или въ Божіемъ домостроительствѣ нашего спасенія проповѣдь имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Она служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ къ распространенію и утвержденію царства Божія на землѣ. Господь Іисусъ Христосъ не пользовался никакими внѣшними средствами для основанія и укрѣпленія этого царства. Онъ ходилъ и училъ народы, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе, изливалъ изъ своей божественной души чистое и святое дѣйственное слово, указывающее путь спасенія. И это святое слово было основаніемъ, на которомъ созидалось зданіе церкви спасающей, было сѣменемъ, возросшимъ въ великое древо, отростки котораго покрываютъ всю землю. Благовѣстіе, данное и сообщаемое Господомъ во время Его земной жизни, было источнымъ началомъ проповѣди и заключало въ себѣ тотъ матеріалъ, который позднѣйшее время должно было раскрывать, примѣняя его къ потребностямъ живущихъ поколѣній. Названіе, съ какимъ обращались къ Нему во время Его чрезвычайнаго служенія роду человѣческому, было: *раввуни* или *равви*, что значитъ учитель (Іоан. XX, 16. IX, 2), чѣмъ означалось преимущественное значеніе учительства въ Его дѣятельности. Своимъ ученикамъ или апостоламъ не давалъ Онъ никакого другого порученія, кромѣ того, чтобы они проповѣдывали Евангеліе всей твари. Явившись имъ по воскресеніи, Онъ далъ имъ такой послѣдній торжественный завѣтъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари* (Марк. XVI, 15); *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына*

и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ (Матѳ. XXVIII, 19—20). Апостолы, вѣрные завѣту своего Господа и Учителя, въ служеніи слова или проповѣди Евангелія видѣли и полагали главное свое призваніе и дѣло, и находили неудобнымъ для себя оставлять это дѣло, на нихъ возложенное, для другихъ занятій (Дѣян. VI, 24). Апостолы поручали это дѣло своимъ преемникамъ, избираемымъ ими на служеніе спасенію людей. И съ первыхъ вѣковъ христіанства раздается предъ слухомъ людей глаголъ Божій, разъясняющій нашему духу высокія истины вѣры и законъ нашей жизни. Церковь христіанская начала расти съ тѣхъ поръ, какъ народъ услышалъ въ день пятидесятницы дивныя рѣчи апостоловъ (Дѣян. II, 6—41). Слышимая нынѣ въ церкви проповѣдь есть не что иное, какъ продолженіе того свидѣтельства о Христѣ и совершенномъ имъ дѣлѣ нашего спасенія, которое, по порученію Господа, первоначально возвѣщали самовидцы и слуги Слова (Лук. I, 2).

Знаменательно, что повелѣніе Господа апостоламъ идти и проповѣдывать Евангеліе всѣмъ языкамъ обставлено словами: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли... и се, Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 18. 20). Первыя слова соединяютъ проповѣдное слово во имя Христово съ высшею властію, какая принадлежитъ Основателю святой церкви, и какою можно располагать въ мірѣ свободы. Эта власть—власть надъ умами и душами людей, заставляющая ихъ слѣдовать туда, куда влечетъ ихъ проповѣдникъ. Проповѣдающимъ во имя Божіе Господь обѣщалъ уста и премудрость, которая будетъ склонять на путь спасенія и побѣждать всѣхъ, противляющихся имъ (Лук. XXI, 15). А послѣдующія слова обнадеживаютъ ихъ постоянною помощію свыше. Господь обѣщаетъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ служителямъ проповѣднаго слова, быть съ ними до скончанія вѣка. Они являются такимъ образомъ, по слову Господа, непосредственными продолжате-

лями Его учительскаго служенія, и Онъ непрестанно, хотя и невидимо, будетъ при нихъ, вдохновляя ихъ и управляя ихъ мыслію, и всѣ, слышащіе проповѣдь во имя Христово, должны видѣть не частное ученіе того или другого проповѣдника, а слово, запечатлѣнное высочайшимъ божественнымъ авторитетомъ. *Слушаяй васъ* (говоритъ Господь, посылая седмьдесятъ учениковъ на проповѣдь) *Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ Мене отметается* (Лук. X, 16). Слѣдуя этому указанію, мы должны видѣть въ церковной проповѣди прямой отголосокъ живого и дѣйственнаго слова самого Господа. Христіанская проповѣдь, имѣя свой корень въ благовѣстіи Господа, въ теченіе вѣковъ служитъ въ церкви великою силою, оживляющею, направляющею и поддерживающею духовно-нравственную жизнь христіанъ.

Условіемъ спасенія нашего служитъ вѣра. *Иже вѣру имѣтъ и крестится* (говоритъ Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь) *спасенъ будетъ: а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. XVI, 16). Но вѣра насаждается и укрѣпляется въ сердцахъ людей словомъ проповѣди. *Благовѣствованіе Христово сила Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Римл. I, 17). *Вѣра отъ слуха* (говоритъ апостолъ), *слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. X, 17). А глаголъ Божій есть именно проповѣдь апостоловъ и преемствовавшихъ имъ служителей церкви, которая, достигая слуха, насаждаетъ и возгрѣваетъ вѣру въ душахъ людей, ведетъ или влечетъ ихъ ко спасенію. Безъ проповѣди не можетъ быть этого насажденія и возгрѣванія вѣры. *Како увѣруютъ* (говоритъ апостолъ), *егоже не услышаша? Какоже услышатъ безъ проповѣдающаго* (Рим. X, 14)? Глаголомъ Божіимъ, проносимымъ и возглашаемымъ проповѣдниками, мы духовно рождаемся для жизни вѣры, и этимъ глаголомъ постоянно должны питать и поддерживать себя, доколѣ *достигнемъ въ мѣру возраста исполненія Христова*, для чего Господь далъ апостоловъ, пророковъ, благовѣстни-

ковъ, пастырей и учителей: всѣ они служили и служатъ *къ совершенію святыхъ, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. IV, 11—13).

Какъ скоро на дѣло проповѣди мы смотримъ, какъ на высокое служеніе, способствующее спасенію людей, то естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ о лицахъ, долженствующихъ выполнять это служеніе,—о тѣхъ требованіяхъ, какія можно предъявлять имъ, или о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ съ надлежащимъ достоинствомъ и успѣхомъ можетъ быть совершаемо служеніе церковнаго слова.

Само собою понятно, что такое высокое служеніе, какъ проповѣдь, должно быть поручаемо избраннымъ лицамъ. Первоначально Господь на это дѣло изъ среды народа призвалъ двѣнадцать, а потомъ семьдесятъ учениковъ, которыхъ въ теченіе трехъ лѣтъ приготовлялъ къ совершенію его своими наставительными бесѣдами о царствіи Божіемъ и о соблюденіи людьми всего, необходимаго для ихъ спасенія. Онъ имъ, этимъ избраннымъ ученикамъ своимъ, поручилъ, по воскресеніи своемъ, дѣло проповѣди евангельской, и въ своей первосвященнической молитвѣ ихъ посольство на проповѣдь приводитъ въ непосредственную связь съ своимъ посланничествомъ отъ Отца для спасенія людей. *Якоже Мене послалъ еси въ міръ, и Азъ послахъ ихъ въ міръ* (Іоан. XVII, 18). Апостолы, сами избранные и посланные Господомъ на дѣло благовѣстія Христова, съ своей стороны, указывали, что на дѣло служенія церковнаго слова должны быть отдѣляемы отъ среды людей мужи свидѣтельствованные, и для своего служенія должны быть снабжаемы особыми полномочіями. *Како проповѣдятъ* (говоритъ апостолъ), *аще не послани будутъ* (Римл. X, 15)? Этимъ изреченіемъ апостола предполагается, что изъ среды вѣрующихъ должны избираться особые люди, которымъ, по признанію ихъ дарованій, дается полномочіе проповѣдывать Евангеліе, и на которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ

возлагается обязанность нести это трудное служеніе. По заповѣди апостола, къ этому служенію могутъ и должны быть призываемы мужи, держащіеся *вѣрнаго словесе по ученію*, сильные *и утѣшати во здравѣмъ ученіи и противящіяся обличати* (Тит. I, 9). Впослѣдствіи это дѣло возложено на предстоятелей церкви,—епископовъ и пресвитеровъ (апост. прав. 58. VI всел. собор. пр. 19). Но въ теченіе многовѣковой церковной жизни эти правила не стѣсняли представителей власти церковной давать позволеніе на проповѣдь и извѣстнымъ имъ способнымъ людямъ, не состоящимъ въ числѣ предстоятелей церковныхъ,—именно дидаскаламъ или учителямъ школъ, устрояемыхъ церковію: эти дидаскалы, по самому званію своему, причислялись къ клиру церковному, и многіе изъ нихъ, послѣ служенія въ школѣ, призывались къ высшему служенію церковному. Мы, впрочемъ, при изложеніи ученія о проповѣди въ гомилетикѣ, не считаемъ нужнымъ канонически рѣшать вопросъ о томъ, кто обязанъ и кто можетъ проповѣдывать слово или ученіе Христово въ церкви.

Нашъ прямой вопросъ въ томъ, что требуется отъ человѣка, выступающаго на дѣло проповѣди церковной, для успѣшнаго выполненія этого дѣла,—чѣмъ онъ долженъ обладать, и что долженъ выполнять, какъ вѣрный служитель Божій и избранникъ церкви на высокое дѣло благовѣстія Христова.

Проповѣдникъ первѣе всего является учителемъ. Такъ смотрѣли на проповѣдника въ древнее время, и отъ него ждали и требовали разъясненія вѣры и раскрытія таинъ домостроительства нашего спасенія. Каѳедра епископа въ древности часто называлась θρόνος διδασκαλικὸς. Такъ смотрятъ на него и нынѣ. И если въ Господѣ, возвѣщавшемъ евангельское слово о спасеніи, видѣли и чтили великаго Учителя, то и въ посланныхъ отъ Него на продолженіе Его благовѣстія, должно видѣть учителей народа какъ вѣрующаго,

такъ и мало вѣрующаго и заблуждающагося. А отъ учителя требуется первѣе всего знаніе,—отчетливое знаніе того, чему онъ долженъ учить и что долженъ разъяснять, чтобы быть *дѣлателемъ непостыднымъ, право правящимъ слово истины* (2 Тим. II, 15). Было бы великимъ дерзновеніемъ и неразумѣемъ выступать на каѳедру учителя-проповѣдника, не запасшись напередъ для того необходимыми знаніями. „Что касается до раздаянія слова (составляющаго первую обязанность пастырей церкви), говоритъ [1]) св. Григорій Богословъ,—слова божественнаго и высокаго,—то ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать: малоумію) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ каждому *даяти во время житомѣріе* (Лук. XII, 42) слова, и съ разсужденіемъ вести домостроительство истины нашихъ догматовъ, то есть, нашего любомудраго ученія о предметахъ вѣры".

Какое же знаніе требуется отъ человѣка, призываемаго къ исполненію проповѣдническаго служенія и являющагося на церковной каѳедрѣ въ званіи церковнаго учителя?

Люди, разсуждавшіе и писавшіе объ условіяхъ ораторскаго служенія вообще, требуютъ отъ служителя публичнаго ораторскаго слова самаго тщательнаго и широкаго образованія. Платонъ въ „Федрѣ", гдѣ онъ излагаетъ правила касательно краснорѣчія, доказываетъ, что истиннымъ ораторомъ можетъ быть только философъ, и перечисляетъ множество предметовъ, какіе оратору знать необходимо; для успѣха въ его дѣлѣ ему нужно знаніе человѣка и всего того, что входитъ въ область психологіи, знаніе законовъ и обычаевъ

---

[1]) Твор. св. Григорія Богослова, т. I, стр. 37, слово 3-е, въ которомъ св. Григорій оправдываетъ свое удаленіе въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера.

страны, нравовъ каждаго сословія, способовъ воспитанія, предразсудковъ и интересовъ, господствующихъ въ живущемъ поколѣніи, средствъ образовать и исправлять умы... Цицеронъ[1]) еще болѣе расширяетъ кругъ свѣдѣній, необходимыхъ оратору. По его сужденію, ораторъ все бы долженъ знать, потому что обо всемъ ему приходится говорить, и онъ никогда не можетъ хорошо говорить о томъ, чего не знаетъ. Но всего нельзя изучить человѣку, по краткости жизни и другимъ непреодолимымъ причинамъ. Въ виду этого Цицеронъ указываетъ знанія, наиболѣе необходимыя оратору. Сюда относитъ онъ знаніе философіи, въ особенности той части ея, которая говоритъ о нравахъ, знаніе природы страстей, такъ какъ краснорѣчіе имѣетъ цѣлію возбуждать страсть; далѣе полезно и необходимо ему чтеніе древнихъ грековъ, изученіе историковъ не для стиля только, но и для ознакомленія съ историческими событіями, изученіе поэтовъ, по причинѣ близкаго соотношенія между поэзіею и краснорѣчіемъ. Однимъ словомъ, ораторъ долженъ обогатить свой умъ разнообразными познаніями прежде, чѣмъ выступитъ на каѳедру. Тѣ, которые безъ надлежащихъ знаній приступаютъ къ ораторскому служенію,—то же, что люди, отправляющіеся въ дорогу безъ всякой провизіи.

Какое же знаніе необходимо христіанскому проповѣднику, возвѣщающему людямъ слово спасенія?

Мы не хотимъ предъявлять проповѣднику, по отношенію къ его знанію, такихъ широкихъ требованій, какія заявляли по отношенію къ свѣтскому оратору упомянутые нами знаменитые древніе писатели, руководители мысли современныхъ имъ поколѣній. Проповѣдникъ, по заповѣди Господа Іисуса Христа и полномочію церкви, долженъ служить дѣлу спасенія людей, насаждая и утверждая въ нихъ сѣмена вѣры и благо-

---

[1]) De oratore. Lib. I. cap. XII, p. 52—54. Operum Ciceronis tomus secundus, Parisiis, 1768, p. 23—24.

честія или нравственнаго усовершенствованія. Онъ долженъ поэтому въ совершенствѣ знать все то, чему училъ и что соблюдать заповѣдалъ Господь Іисусъ Христосъ. Ученіе Христово или христіанская вѣра, понимаемая во всей широтѣ своего значенія—вотъ первый и самый необходимый предметъ, на которомъ должно быть сосредоточено вниманіе проповѣдника, и безъ основательнаго знанія котораго невозможно быть христіанскимъ проповѣдникомъ.

Откуда же можно пріобрѣсть это знаніе христіанскаго ученія? Этотъ вопросъ можетъ показаться праздным. Отвѣтъ на него уже данъ жизнію и тѣми учрежденіями, какія въ христіанскихъ благоустроенныхъ обществахъ и государствахъ существуютъ для приготовленія достойныхъ служителей церкви, и въ частности проповѣдниковъ. У насъ существуютъ спеціальныя духовныя школы, въ которыхъ преподается и изучается богословская наука по широкой программѣ, и будущіе проповѣдники здѣсь многолѣтнимъ трудомъ пріобрѣтаютъ для себя нужный запасъ свѣдѣній. Духовный Регламентъ, устроявшій порядокъ церковной жизни въ нашемъ отечествѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и имѣвшій законодательное значеніе, даетъ нарочитыя полезныя регулы или правила о проповѣдникахъ слова Божія, и въ первомъ правилѣ право на проповѣдь даетъ только людямъ, прошедшимъ школу, и въ ней изучившимъ богословіе. „Никтоже же да дерзаетъ проповѣдать (говоритъ первая регула Регламента о проповѣдникахъ), не въ сей Академіи ученый (статья о проповѣдникахъ слова Божія въ Регламентѣ слѣдуетъ за статьею о домахъ училищныхъ), и отъ Коллегіума духовнаго не свидѣтельствованный. Но если кто учился у иновѣрцовъ, тотъ бы явилъ себе прежде въ духовномъ Коллегіумѣ, и тамо его испытать, какъ искусенъ въ священномъ Писаніи: и слово сказалъ бы о томъ, о чемъ ему повелитъ Коллегіумъ, и если искусенъ покажется,

то дать ему свидѣтельство, что аще похощетъ быть въ чину священническомъ, мощно ему проповѣдать".

Но и помимо школы, возможно достаточно полное усвоеніе истинъ вѣры (хотя это гораздо труднѣе и можетъ являться счастливымъ исключеніемъ) путемъ самоличнаго благочестиваго упражненія въ пріобрѣтеніи религіознаго знанія, и если истины вѣры усвоены человѣкомъ, не посѣщавшимъ спеціальной богословской школы, не умомъ только, но и сердцемъ, то такой можетъ быть плодотворнымъ и вліятельнымъ проповѣдникомъ, что мы нерѣдко и видимъ на инокахъ, стяжавшихъ извѣстность своею благочестивою жизнію. Да и въ самой спеціальной школѣ, при множествѣ предметовъ, числящихся въ ея программѣ, не всѣ они имѣютъ равное значеніе для проповѣдника, имѣющаго своею задачею изложеніе народу ученія о спасеніи. И если нужно указать, знаніе чего наиболѣе полезно и необходимо для проповѣдника, то на первомъ мѣстѣ мы поставили бы знаніе священнаго Писанія. Въ священномъ Писаніи содержится правило вѣры нашей и источникъ нашихъ познаній о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, о человѣкѣ, его судьбѣ и назначеніи. Здѣсь, въ священныхъ боговдохновенныхъ книгахъ проповѣдникъ найдетъ все, что нужно ему для успѣха въ его дѣлѣ. Церковная проповѣдь есть разъясненіе слова Божія. Въ словѣ Божіемъ для проповѣдника дано все, что нужно и полезно знать намъ для нашего спасенія; въ немъ и чистое ученіе о предметахъ религіознаго вѣдѣнія, и святой законъ нравственной жизни, и побужденія къ исполненію этого закона, и достоподражаемые примѣры на пути къ нравственному самоусовершенствованію, и все это, облеченное божественнымъ авторитетомъ, придаетъ особенную силу слову проповѣдника,—отсюда онъ можетъ получать подкрѣпленіе своей мысли, и, опираясь на высокій непреложный авторитетъ боговдохновеннаго слова, говорить слушателямъ со властію и дѣйственнымъ вліяніемъ. Блаженный

Августинъ, излагая правила, уясняющія способъ проповѣданія церковнаго ученія, знаніе Писанія ставитъ первымъ условіемъ добраго и успѣшнаго выполненія проповѣдникомъ своего долга. „Мудро говоритъ человѣкъ (замѣчаетъ блаж. Августинъ) тѣмъ болѣе или менѣе, чѣмъ болѣе или менѣе оказалъ онъ истинныхъ успѣховъ въ познаніи священнаго Писанія, т. е., не въ одномъ только чтеніи и затверживаніи онаго на память, но вмѣстѣ въ добромъ разумѣніи и въ тщательномъ изысканіи смысла его... Чѣмъ бѣднѣе видитъ проповѣдникъ самого себя въ отношеніи къ собственнымъ дарованіямъ, тѣмъ нужнѣе ему обогащаться знаніемъ слова Божія, дабы то, что онъ говоритъ своими словами слабо, подкрѣплять силою Писанія. Такимъ образомъ кажущійся недорослымъ по своему языку нѣкоторымъ образомъ займетъ себѣ ростъ отъ свидѣтельства мужей великихъ“ [1]).

Второй предметъ, послѣ священнаго Писанія, которому должно быть посвящено вниманіе проповѣдника, и изученіемъ котораго ему нужно съ возможною тщательностію заняться, —творенія отцовъ и учителей церкви. Въ нихъ онъ найдетъ лучшее изъясненіе священнаго Писанія,—первоисточника нашей вѣры; чрезъ нихъ для него раскроется истинный смыслъ Писанія въ мѣстахъ темныхъ, подвергающихся перетолкованіямъ, и они укажутъ ему правильный методъ толкованія Писанія. Въ нихъ далѣе раскрыта вся полнота церковнаго ученія, и они вѣрные хранители церковнаго преданія, служащаго вторымъ, равнозначительнымъ съ первымъ, источникомъ нашего вѣроученія. Наконецъ, въ писаніяхъ отцовъ мы имѣемъ прекрасные образцы церковно-проповѣдническаго слова, по которымъ можно научиться плодотворному, вліятельному и достойному церковной каѳедры способу проповѣдничества. Сильный духъ вѣры и благочестія,

---

[1]) Христіанская наука, блаж. Августина. Кн. IV, гл. 7 и 8. Кіевъ, 1835, стр. 249—250.

какимъ проникнуты и запечатлѣны ихъ писанія и проповѣди, ихъ богатый духовный опытъ, ихъ преданность дѣлу спасенія своихъ братій и пламенная ревность, съ какою они охраняли святыню, врученную церкви,—все это, переходя изъ ихъ писаній въ душу прилежно изучающаго ихъ, воспитываетъ его для достойнаго совершенія своего дѣла и способствуетъ ему обогатиться силами или качествами христіанскаго духа, такъ важными для успѣшнаго исполненія церковнаго слова. Лучшіе гомилеты совѣтуютъ готовящимся къ проповѣдничеству и проповѣдникамъ прилежно изучать въ особенности слова и бесѣды величайшаго изъ христіанскихъ проповѣдниковъ,—св. Іоанна Златоуста. Богословъ-гомилетъ XVI вѣка Гиперій, высокочтимый и въ современномъ протестантскомъ богословскомъ ученомъ мірѣ, выражаетъ желаніе, чтобы молодые проповѣдники непрестанно, день и ночь читали и перечитывали бесѣды Златоуста; потому что ни у кого, какъ у св. Златоуста, нельзя научиться проповѣднику говорить такъ, какъ нужно,—ясно, просто, популярно, и вмѣстѣ учено, умно, вполнѣ прилично и важно [1]). Такой же совѣтъ даетъ проповѣдникамъ лучшая гомилетика французская (Жибера), писанная въ классическій вѣкъ французскаго церковнаго краснорѣчія [2]). И въ нашемъ духовномъ Регламентѣ шестая регула о проповѣдникахъ слова Божія гласитъ: „Долженъ всякъ проповѣдникъ имѣти у себя книги святаго Златоуста, и прилежно чести оныя: ибо тако пріобучится складать чистѣйшее и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоустому равное“.

Что касается богословской учености, нужной для профессора или учителя школы, обязаннаго преподавать извѣстный спеціальный предметъ, то она, пожалуй, желательна

[1]) De formandis concionibus sacris, sive de interpretatione scripturarum populari. 1553. Lib. I, c. VI, p. 22.

[2]) L'eloquence chretienne dans idee et dans la pratique, par Gisbert, ch. XIII. Paris. 1866, p. 251.

въ извѣстной степени, но не составляетъ необходимаго условія для успѣшнаго веденія дѣла проповѣдническаго. И не обладающій обширною богословскою ученостію можетъ быть вліятельнымъ проповѣдникомъ. Долгъ проповѣдника сообщать людямъ слово спасенія и вести ихъ къ нравственному совершенству. Для этого не требуются ученые снаряды и утонченные матеріалы, почерпнутые изъ спеціальныхъ наукъ. Проповѣдникъ говоритъ народу, большинство котораго составляютъ люди простые, не досягающіе до глубины научной мудрости, и учитель народа уклонится отъ своего назначенія, если будетъ блистать предъ нимъ своею ученостію и расточать предъ нимъ такія знанія, какія нужны для людей школы. Свидѣтельство Божіе, какое возвѣщать долженъ проповѣдникъ, исходитъ изъ глубины вѣрующаго духа и можетъ проявлять свою силу надъ сердцами, и безъ пособія школьной мудрости человѣческой. Апостолъ Павелъ, великій благовѣстникъ Божій, проповѣдывалъ *не въ премудрости слова* (2 Кор. I, 17) *и не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (2 Кор. II, 4), но его проповѣдь обладала такою силою, какой не обладало слово мудрецовъ, книжниковъ и совопросниковъ вѣка сего.

Кругъ знаній, необходимыхъ проповѣднику, хорошо опредѣленъ въ нашемъ Духовномъ Регламентѣ, въ статьѣ: *„Домы училищные, и въ ихъ учители и ученики, такожъ и церковные проповѣдники“*, въ седьмой регулѣ которой дается такое наставленіе: „Въ богословіи собственно приказать, чтобъ ученѣ главные догматы вѣры нашея и законъ Божій. Челъ бы учитель богословскій священное писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній: и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ писаній. А въ помочь того дѣла, челъ бы прилежно святыхъ отецъ книги: да таковыхъ отецъ, которые прилежно писали о догматахъ, за нужду распрь, въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси... Къ томужъ зѣло полезны

дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ синодовъ. И отъ таковыхъ учителей при священномъ Писаніи не тщетное будетъ ученіе богословское. А хотя и можетъ богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать, но долженъ не учится у нихъ и полагатися на ихъ сказки, но только руководство ихъ принимать, какихъ они отъ Писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляютъ... Многажды бо лгутъ господа оные, и чего не бывало, приводятъ. Многажды же слово истинное развращаютъ".

Нужно ли проповѣднику, для успѣшнаго выполненія своего служеніи, свѣтское образованіе или знаніе гуманныхъ наукъ? Конечно, всякое знаніе полезно служителю церковнаго слова, и чѣмъ богаче онъ образованіемъ, тѣмъ большими средствами располагаетъ для дѣйствованія на умы людей и для достиженія цѣли, стоящей на виду у него. Лучшіе изъ отцовъ-проповѣдниковъ, напримѣръ, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, не только знали въ совершенствѣ ученіе вѣры, но и владѣли богатствомъ современнаго гуманнаго знанія, и пользовались имъ въ своей богословской и въ частности проповѣднической практикѣ. Св. Василій Великій даже написалъ особое сочиненіе—слово „къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими (свѣтскими) сочиненіями" [1]), гдѣ онъ показываетъ, что изученіе внѣшнихъ писателей можетъ быть полезно для уразумѣнія священныхъ и таинственныхъ уроковъ, почерпаемыхъ изъ Откровенія, и разъясняетъ условія, при какихъ это изученіе можетъ быть полезно. Эразмъ Роттердамскій въ своей гомилетикѣ, подобно древнимъ риторамъ, говорившимъ о воспитаніи и образованіи будущаго оратора, начертываетъ очень обширную программу наукъ, необходимыхъ и полезныхъ для проповѣдника, и хочетъ видѣть его свѣдущимъ во многихъ

[1]) Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. VIII. Твореній св. Василія Великаго, ч. IV. Бес. 22, стр. 344—366.

отрасляхъ знаній. По Эразму, проповѣднику необходимо изучать и знать и грамматику, которой онъ даетъ очень широкіе размѣры, и исторію, и піитику, и древности, и ариѳметику, геометрію, физику и три языка, греческій, латинскій и еврейскій. Само собою разумѣется, что ему должны быть извѣстны риторика и діалектика. Кромѣ того, Эразмъ входитъ въ разъясненіе того, какія книги лучше всего имѣть будущему проповѣднику, и въ этомъ случаѣ онъ совѣтуетъ ему читать не только творенія святыхъ отцовъ,—но и языческихъ писателей,—прежде всего Димосѳена и Цицерона, затѣмъ Платона, Аристотеля, Ливія, Тацита, Сенеки и Плутарха и другихъ. Эразмъ сознается, что трудно человѣку изучить всѣ, рекомендуемыя имъ, разнообразныя науки во всей полнотѣ: для этого не станетъ всей жизни человѣческой. Но проповѣднику, по его словамъ, нѣтъ нужды дѣлать эти науки предметомъ подробнаго спеціальнаго изученія. Для него достаточны сокращенныя изложенія ихъ, въ которыхъ бы преподавалось главное и существенное содержаніе той или другой науки[1]). Въ этомъ начертаніи плана наукъ, необходимыхъ и полезныхъ проповѣднику, какое внушила Эразму забота о поднятіи и усовершенствованіи современнаго ему проповѣдничества, мы видимъ pium desiderium, и выполненію этого благочестиваго желанія нѣкоторымъ образомъ служатъ наши духовныя школы, въ которыхъ приготовляются къ своему служенію будущіе пастыри-проповѣдники. Никто не будетъ спорить, что прекрасное явленіе представляетъ проповѣдникъ-полигисторъ, обладающій обширными и разнообразными знаніями, и если онъ имѣетъ своими слушателями людей изъ образованнаго круга, то несомнѣнно его вліяніе будетъ сильнѣе, если онъ стоитъ на высотѣ современнаго образованія, и знакомъ съ послѣдними результатами науч-

[1]) Ecclesiastes sive concionator evangelicus, L. II. См. нашу книгу „Средневѣковыя гомилетики“, стр. 150—157.

ныхъ пріобрѣтеній. Но собственно въ дѣлѣ проповѣдничества это не существенное требованіе. Свидѣтельство Божіе, возвѣщаемое въ проповѣди, сильно и дѣйственно само по себѣ, безъ пособія внѣшней свѣтской учености, и вѣра не нуждается въ такой опорѣ, какую можетъ предложить свѣтская наука. Когда мы излагаемъ ученіе Христово и говоримъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, когда ссылаемся на свидѣтельства евангелистовъ, апостола Павла и другихъ богодухновенныхъ мужей, то могутъ ли придать силы нашему слову мнѣнія Платона, Аристотеля и прочихъ представителей свѣтской учености? И какъ-то непристойно ставить рядомъ съ Христомъ или апостоломъ Павломъ какого-либо Сенеку или Платона или Виргилія. Ихъ мѣсто внѣ храма или въ преддверіи храма, а не въ самомъ святилищѣ, гдѣ говорится проповѣдь церковная. У Христа, который всегда богатъ и плодовитъ (говоритъ Эразмъ), пусть вѣрнѣе всего остается проповѣдникъ, и сторонній внѣшній придатокъ, приводимый въ обиліи проповѣдниками (справедливо замѣчаетъ Юнгманнъ) кажется неумѣстенъ при раскрытіи откровенной божественной истины. Пользоваться можно въ проповѣди матеріалами, доставляемыми свѣтскою ученостію, но съ особенною осторожностію, безъ нарушенія церковнаго приличія, отнюдь не придавая имъ равнаго значенія съ матеріалами, почерпаемыми изъ священныхъ религіозныхъ источниковъ. Въ вѣка господства схоластики проповѣдники любили уснащать свои проповѣди свѣдѣніями и примѣрами, заимствованными изъ свѣтскихъ сочиненій сомнительнаго достоинства, и многія изъ этихъ сочиненій, въ родѣ „Физіолога“, „Римскихъ дѣяній“, „Историческаго зерцала“ и т. п., нарочито составлялись для доставленія проповѣдникамъ годнаго для нихъ матеріала. Этими матеріалами схоластическіе проповѣдники пользовались, если не для большей убѣдительности своего слова, то для приданія ему большей занимательности. Но чистый гомилетическій вкусъ въ этомъ смѣшеніи священно-религіознаго съ

свѣтскимъ элементомъ увидѣлъ грубое нарушеніе церковнаго приличія, и въ немъ указываетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ схоластической проповѣди. И въ вѣка господства раціонализма, какъ, напримѣръ, въ Германіи въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, проповѣдники, часто сами скудные вѣрою, говоря съ церковной каѳедры, въ своихъ рѣчахъ не столько опирались на слово Божіе, которое изъяснять должны были, сколько старались говорить отъ своего ума своими естественными мудрованіями, думая усилить свою проповѣдь и больше понравиться своимъ слушателямъ. Благочестивые люди, слушая такія проповѣди, построенныя не на словѣ Божіемъ, и проникнутыя раціональными элементами, выходили изъ храма неудовлетворенными и чувствовали гладъ слышанія слова Божія. Если и хорошо говорилось въ такихъ проповѣдяхъ о томъ или другомъ предметѣ съ человѣческой точки зрѣнія, то мѣсто такимъ рѣчамъ (думалось имъ) не въ храмѣ, а въ какой-либо свѣтской аудиторіи. Проповѣдники, пренебрегающіе простымъ ученіемъ церкви и предпочитающіе ему доказательства умственныя, слѣдуютъ ложному направленію проповѣдническаго духа. Проповѣдники, въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко заходящіе, у отцовъ церкви сравниваются съ корчемниками, которые ради сквернаго прибытка мѣшаютъ вино съ водою (замѣчаетъ по этому поводу Амфитеатровъ въ своей гомилетикѣ) [1]). Они корчемствуютъ божественнымъ словомъ (говоритъ блаж. Ѳеодоритъ въ толкованіи на 2 посланіе къ Коринѳянамъ (II, 17), дѣлая его баснею или простымъ сказаніемъ, и примѣшивая къ благодати свои вымыслы, подобно тѣмъ, которые мѣшаютъ чистое вино съ водою, какъ говоритъ пророкъ: *корчемницы твои миѣшаютъ вино съ водою* (Ис. I, 19).

---

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 250, стр. 91.

Не въ знаніи проповѣдника главное условіе сильнаго и вліятельнаго проповѣдничества. Человѣкъ широко образованный и отлично изучившій богословскую науку, усвоившій всѣ ея тонкости, въ проповѣднической практикѣ можетъ оказываться и часто оказывается ниже человѣка съ посредственнымъ образованіемъ. Мало одного холоднаго знанія для успѣшнаго выполненія проповѣдническаго служенія, какъ бы оно ни было широко. Нужно не умомъ только, но и сердцемъ, и первѣе всего сердцемъ, воспринять спасительную истину Христову, нужно всецѣло проникнуться ею,—и тогда она, выходя изъ глубины пламенѣющаго духа, согрѣтая огнемъ одушевленія, будетъ въ устахъ проповѣдника силою, побѣждающею умы и сердца людей. Проповѣднику поручено возвѣщать народу слово Божіе, средоточный пунктъ котораго вѣсть о нашемъ спасеніи, и главная обязанность его, вслѣдствіе полномочія, ему даннаго,—призывъ всѣхъ ко спасенію. Когда слово Божіе, какое возвѣщать онъ долженъ, составляетъ внѣшній предметъ, такъ сказать, чуждый и сторонній его духу,—онъ будетъ говорить вяло и не впечатлительно, и отъ него нельзя ожидать горячаго и усерднаго выполненія порученнаго ему дѣла. Иначе становится дѣло, когда слово Божіе переходитъ во внутреннее достояніе человѣка, сливается съ его духовнымъ существомъ и составляетъ жизненный нервъ его души. Когда слово Божіе, зовущее насъ ко спасенію и указывающее пути спасенія, проникаетъ душу человѣка,—при свѣтѣ его онъ ясно видитъ неполноту и несовершенство нашей жизни и нашей мысли, видитъ наши слабости и болѣзни и тотъ раздоръ между нашими стремленіями, который служитъ препятствіемъ къ неуклонному слѣдованію путемъ добродѣтели. Ему открывается, что мы люди блуждающіе, часто беззаботно идущіе туда, гдѣ угрожаетъ намъ конечная гибель. Освѣщеніе такого состоянія нашего не можетъ не трогать и не волновать чувства живого религіознаго человѣка. И вотъ въ этомъ случаѣ, когда сознаніе

и чувство проникаются словомъ Божіимъ,—въ груди человѣка рождается сила, которая нудитъ его, вовнѣ, среди собратій возвѣщать и распространять спасительные глаголы Божіи, и тогда раздается его голосъ, какъ голосъ проповѣдника, истиннаго посланника Божія,—голосъ сильный, внушительный и вліятельный, проникающій до души и духа, членовъ же и мозговъ. Собственно говоря, такіе люди могутъ быть истинными и плодотворными проповѣдниками. И какъ было бы хорошо для славы церкви и для блага людей, если бы такіе люди, всецѣло проникнутые силою слова Божія и пламенѣющіе желаніемъ сообщать людямъ вѣсть о спасеніи, являлись на церковной каѳедрѣ; ихъ слово не оставалось бы втуне, не пропадало бы безъ дѣйствія. Таковы ли нынѣшніе наши проповѣдники, мы объ этомъ не хотимъ здѣсь судить. Мы рисуемъ черты идеальнаго проповѣдника, и не можемъ не желать, чтобы въ дѣйствительности всѣ, обязанные нести служеніе церковнаго слова, старались приближаться къ этому идеалу, и выполняли свое служеніе не по долгу только (ex officio), какъ наемники, а отъ полноты сердца, носящаго въ себѣ слово Божіе, слово спасенія, и горящаго желаніемъ передать его другимъ. И говоримъ это, вполнѣ сознавая, какъ важно въ дѣлѣ проповѣдническаго служенія проникновеніе души проповѣдника словомъ Божіимъ, заключающимъ въ себѣ спасительную истину Христову или благую вѣсть о нашемъ спасеніи. Когда слово Божіе наполняетъ душу человѣка и дѣлается въ немъ внутреннею силою, тогда онъ неудержимо влечется или возбуждается къ возвѣщенію глаголовъ Божіихъ, и свою братію, смотря по вызову обстоятельствъ, или наставляетъ и исправляетъ, или утѣшаетъ, или обличаетъ и угрожаетъ ей гнѣвомъ Божіимъ.

Когда мы представляемъ себѣ идеалъ проповѣдника, говорящаго во имя Божіе, и являющагося посланникомъ Божіимъ, возвѣщающимъ спасеніе людямъ,—намъ припоминаются воодушевляющіе примѣры великихъ мужей, съ огненною

ревностію возвѣщавшихъ суды и велѣнія Божіи... Таковъ былъ великій пророкъ Илія. Глаголъ Господень, бывшій ему и проникшій его душу, воспламенилъ его ревностію по Господѣ Богѣ Вседержителѣ. Палимый этого ревностію, онъ идетъ возвѣщать гнѣвъ Божій на нечестіе Израиля, презирая опасности, ему угрожающія за строгое слово обличенія. На пророка за его строгую проповѣдь поднимаются гоненія: чувство самосохраненія побуждаетъ его скрываться отъ гонителей то у потока Хораѳа, то въ хижинѣ бѣдной вдовы, то въ безводной пустынѣ. Ему извѣстно, что нечестивый царь, разгнѣванный на него, всюду посылаетъ искать его, чтобы предать его смерти. Но слово Божіе, имъ воспринятое, какъ огнемъ, палило его душу, и онъ выходитъ изъ своего убѣжища, и прямо и безбоязненно предстаетъ предъ лице царя, искавшаго его погибели, и возвѣщаетъ ему суды Божіи, и сила слова его побѣждаетъ жестокосердіе нечестивыхъ (3 Цар. XVII, XVIII, XIX). Или вотъ другой великій пророкъ, посланный Богомъ для народовъ—Іеремія, внушительный образецъ для проповѣдниковъ. Съ робостію и нерѣшительностію приступаетъ онъ къ выполненію труднаго служенія, представляя свои слабыя человѣческія силы, и даже обращается къ Господу, посылающему его на проповѣдь, съ словомъ недоумѣнія: *о, сый Владыко Господи, се, не вѣмъ глаголати; яко отрокъ азъ есмь* (Іер. I, 6). Но Господь простеръ руку свою, коснулся устъ его, и вложилъ слова свои въ уста его (I, 9), и полились эти слова изъ устъ его,—слова его духа, просвѣщеннаго и укрѣпленнаго силою Божіею. Онъ сталъ во вратахъ дома Господня, и именемъ Божіимъ убѣждалъ всѣхъ исправить пути и умышленія свои, обнадеживая въ случаѣ исправленія милостію отъ Бога, а въ противномъ случаѣ угрожая отверженіемъ отъ лица Божія. Проповѣдь пророка, полная угрозъ за нечестіе отъ имени Божія, вызываетъ досаду, брань и поруганіе со стороны обличаемыхъ. Вокругъ него угрозы; надъ нимъ учиняютъ

насиліе, ввергаютъ его въ колоду, заключаютъ въ темницу. *Быхъ въ посмѣхъ* (говоритъ онъ) *весь день, вси ругаются мнѣ* (Іер. XX, 7). Даже *судъ смертный* изрекаютъ ему (Іер. XXVI, 11). И вотъ подумалъ онъ: не буду я болѣе напоминать о Богѣ, не буду болѣе говорить во имя Его. Но слово Божіе *бысть въ сердцы моемъ, яко огнь горящъ, палящъ въ костехъ моихъ*, и я истомился, удерживая его, и *не могу носити* (Іер. XX, 9). И онъ, хотя видитъ труды и скорби, какія выпали на его долю за проповѣдь отъ имени Божія, хотя тяжко ему чувствовать, что дни его исчезаютъ въ безславіи за вѣрное исполненіе возложеннаго на него порученія, съ удвоенною силою выноситъ предъ слухъ народа слово, заключенное въ его внутренности и палящее его кости. Припомнимъ первыхъ провозвѣстниковъ благовѣстія Христова. Пока не восприняли они слова Божія, и пока оно не сдѣлалось неотъемлемою частію ихъ существа, они не знали, какъ и что они будутъ говорить. Но Господь, ободряя ихъ, сказалъ имъ: *не пецытеся, како или что возглаголете: не вы будете глаголющіи, но духъ Отца вашего, глаголяй въ васъ* (Матѳ. X, 19—20). Обѣтованіе Господа апостоламъ имѣетъ тотъ смыслъ, что когда освѣтится ихъ сознаніе свѣтомъ небеснымъ, и въ нихъ водворится духъ, хранящій истину Божію и ей научающій, имъ дана будетъ премудрость, которой не могутъ противостоять всѣ, противлющіеся имъ, и они, возбуждаемые и руководимые духомъ, имъ обѣщаемымъ, смѣло и рѣшительно выступятъ на проповѣдь Евангелія, хотя бы всѣми были ненавидимыми ради имени Христова. И вотъ, когда душа ихъ прониклась и наполнилась спасительною истиною Христовою, отъ нихъ полились такія сильныя слова убѣжденія, что слышавшіе ихъ ужасались, дивились и недоумѣвали, откуда въ нихъ такая сила словъ, зная, что они люди простые и некнижные (Дѣян. II, 12, IV, 13), и цѣлыя тысячи отъ ихъ слова умилялись сердцемъ и прилагались къ сонму вѣрую-

щихъ (Дѣян. II, 37), Князи, старцы и книжники, *призвавше ихъ, заповѣдаша имъ отнюдь не провѣщавати, ниже учити о имени Іисусовѣ* (Дѣян. IV, 18). Но они отвѣчаютъ имъ: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. IV, 26), и послѣ запрета со всякимъ дерзновеніемъ возвѣщали глаголы жизни сея и въ церкви и по домамъ (Дѣян. V, 20—21. 42). Ихъ подвергаютъ биченіямъ за ихъ проповѣдь; но они радовались, что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе (Дѣян. V, 41), и не могли удерживать при себѣ слово спасенія, наполнявшее ихъ душу, не могли не возвѣщать его среди своихъ собратій, которыхъ желали они спасти отъ пути погибельнаго.

Можетъ быть подумаетъ читатель, что мы напрасно представляемъ въ примѣръ проповѣдникамъ, при изъясненіи существенныхъ условій достойнаго служенія церковнаго слова, великихъ пророковъ и апостоловъ, которые говорили по вдохновенію отъ Духа Святаго, и которыхъ призваніе было призваніе чрезвычайное. Да, мы не можемъ и не смѣемъ равнять съ ними по обилію Духа, на нихъ изліяннаго, нашихъ обыкновенныхъ проповѣдниковъ: нашимъ проповѣдникамъ не дано такого непосредственнаго откровенія, какого удостоивались упомянутые нами пророки и апостолы. Но не смотря на это, мы не видимъ логическаго произвола или насилія въ сближеніи проповѣдниковъ съ тѣми святыми мужами, которыхъ посылалъ Господь возвѣщать народу свои велѣнія или глаголы спасенія. Служеніе проповѣдниковъ нашихъ въ существѣ дѣла то же служеніе, къ какому призывались пророки и апостолы. И наши проповѣдники поставляются и посылаются Церковію, устроенною Господомъ для домостроительства нашего спасенія, возвѣщать отъ имени Божія то же ученіе, которое дано намъ Откровеніемъ, и которое запечатлѣно печатію божественнаго авторитета. Не свои слова они проповѣдаютъ, а словеса Господни. Пред-

метъ ихъ проповѣди—всеблагая воля Божія о насъ и о нашемъ спасеніи и *премудрость не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ, но премудрость Божія, которую открылъ намъ Богъ духомъ своимъ* (1 Кор. II, 6—7, 10). И если наши проповѣдники не получили чрезвычайнаго посланничества, то они исполняютъ порученіе или повелѣніе Господа, преемственно перешедшее къ нимъ чрезъ рядъ вѣковъ отъ апостоловъ. Апостолъ говоритъ о себѣ и другихъ своихъ сослужителяхъ: *мы пріяхомъ... духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ* (1 Кор. II, 12), и руководимые этимъ Духомъ отъ Бога они обращали ко Христу тысячи изъ народа. Этотъ Духъ отъ Бога долженъ исполнять и души нашихъ проповѣдниковъ, продолжателей служенія первыхъ проповѣдниковъ Евангелія, и если сердце проповѣдника не ощущаетъ вѣянія этого духа, если онъ будетъ говорить только *въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (1 Кор. II, 13), т. е., будетъ возвѣщать то, что пріобрѣтено имъ холоднымъ знаніемъ, не износя того изъ своего сердца, переполненнаго спасающею и одушевляющею истиною Божіею, то онъ не будетъ въ своемъ служеніи достойнымъ послѣдователемъ посланныхъ Богомъ провозвѣстниковъ Евангелія.

Мы до сихъ поръ разъясняли первое существенное требованіе, предъявляемое проповѣднику, выходя изъ того положенія, что онъ, какъ учитель, призванъ возвѣщать слово Божіе. Слово или свидѣтельство Божіе, понимаемое въ широкомъ, нами отмѣченномъ, смыслѣ,—главный предметъ его рѣчи и главная сила, долженствующая одушевлять его и изливаться изъ его устъ. Дополненіемъ къ этому требованію должно быть другое требованіе, сущность котораго разъяснится для насъ, когда мы обратимъ вниманіе на тѣхъ людей, которымъ проповѣдникъ сообщаетъ благовѣстіе Христово.

Слово Божіе въ проповѣди церковной не можетъ быть простымъ отвлеченнымъ раскрытіемъ религіозной истины. Кабинетское разсужденіе, посвященное уясненію того или другого богословскаго вопроса, если ни къ кому не адресовано, не можетъ быть проповѣдію, какъ бы хорошо оно ни было написано, и какъ бы обстоятельно ни разслѣдовало предметъ свой. Проповѣдь непремѣнно, прямо и непосредственно, направляется къ сердцамъ слушателей, требующихъ наставленія или нуждающихся въ немъ. Господь въ извѣстной притчѣ слово Божіе, которое возвѣщать должны проповѣдники, уподобляетъ сѣмени, которое сѣятель бросаетъ въ землю (Лук. VIII, 11). Какъ предъ глазами сѣятеля почва, въ которую онъ влагаетъ сѣмена свои, чтобы они, прозябши въ ней, принесли плоды, такъ точно и предъ глазами проповѣдника, сѣющаго слово Божіе,—живая, духовная почва, въ которую онъ сѣетъ сѣмена слова Божія.

Что же это за почва? Это люди, для спасенія которыхъ приходилъ на землю Сынъ Божій, и которыхъ ищетъ и зоветъ къ себѣ милосердіе Божіе. Первоначально Господь съ проповѣдію о приближеніи царствія Божія послалъ учениковъ своихъ ко *овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. X, 6) а потомъ повелѣлъ нести слово спасенія ко всѣмъ языкамъ, всѣхъ желая привлечь въ небесное царство свое (Матѳ. XXVIII, 19). Евангелистъ, когда приступаетъ къ повѣствованію о первоначальномъ посланіи апостоловъ на проповѣдь, указываетъ побудительную причину къ этому распоряженію небеснаго Учителя въ Его милосердной любви или жалости къ народу. *Видѣвъ народы* (говоритъ онъ) *милосердова о нихъ, яко бяху слятени и отвержени, яко овцы, не имущія пастыря* (Матѳ. IX, 36). Онъ видѣлъ, что для этихъ народовъ нужны приставники, руководители и учители, что много нужно этихъ приставниковъ, и что этимъ приставникамъ предлежитъ не легкій трудъ. *Жатва многа* (говоритъ Онъ ученикамъ своимъ), *дѣлате-*

лей же мало: молитеся убо господину жатвы, да изведетъ дѣлатели на жатву свою (Матѳ. IX, 37—38). Проповѣдники и являются тѣми дѣлателями, которыхъ Господь зоветъ и посылаетъ на жатву свою. И вотъ дѣлатели, призываемые на духовную жатву, должны быть одушевлены такимъ же чувствомъ, какимъ исполнено было сердце Учителя и нашего Господа, когда Онъ посылалъ учениковъ своихъ на проповѣдь Евангелія,—жалостію къ народу или горячею любовію къ нему. Проповѣдникамъ поручено возвѣщать народу слово спасенія. Если народамъ, по повелѣнію и указанію Господа, необходимо это слово спасенія, то, значитъ, они представляютъ изъ себя родъ, близкій къ погибели, при неосторожности и легкомыслiи, могущій ниспасть въ бездну погибели. И дѣйствительно, такъ смотрѣть долженъ проповѣдникъ на тотъ народъ, къ которому обращается съ своимъ словомъ. Правда, въ христіанскомъ мірѣ, гдѣ дѣйствуютъ наши проповѣдники, народъ не представляетъ изъ себя разсѣянныхъ и блуждающихъ овецъ, не имѣющихъ пастыря,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ. Въ немъ является для насъ родъ спасаемыхъ, чрезъ вѣру въ Искупителя вошедшихъ въ царство Божіе. Но и для народа, воспринятаго или вошедшаго въ царство Божіе, нужно слово спасенія, порученное проповѣдникамъ. Среди него много людей, которые не успѣли еще овладѣть спасительною истиною Христовою или утеряли ее. Многихъ изъ нихъ можно назвать младенцами по вѣрѣ, которые питались однимъ млекомъ, годнымъ только для дѣтскаго возраста. Имъ нужно дать болѣе твердую пищу, чтобы они достигли зрѣлости духовной. *Всякъ, причащайся млека* (говоритъ апостолъ) *не искусенъ слова правды, младенецъ бо естъ* (Евр. V, 13). По апостолу, твердое пониманіе вѣры и ясное познаніе Сына Божія всѣмъ членамъ церкви необходимо, дабы не были они болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ и по хитрому ис-

кусству обольщенія (Евр. IV, 14). Кромѣ того и живущіе въ церкви и увѣровавшіе въ Сына Божія, Спасителя міра, не могутъ считать себя въ полной безопасности отъ паденій. Скользкимъ путемъ идутъ они; соблазны кругомъ и искушенія; внутри насъ страсти и плотяной законъ, противоборствующій закону ума нашего. Въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ гнѣздится и господствуетъ грѣхъ, который порабощаетъ насъ себѣ и поработивъ низвергаетъ насъ въ бездну погибели. Апостолъ указываетъ еще болѣе сильную брань, которую должны выдерживать ищущіе спасенія;—это брань не къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего (Ефес. VI, 12), которые, какъ львы рыкающіе, ходятъ, ища, кого поглотити (1 Петр. V, 8). Церковь не даромъ называется церковію воинствующею. Царствіе Божіе и спасеніе въ немъ, по слову Господа, нудится, и только нужницы восхищаютъ его (Матѳ. XI, 12), то есть, оно достается путемъ напряженнаго труда и большихъ усилій, и при безпечности и неосторожности можетъ быть утеряно и тѣми, которые восприняли и благодать отъ Бога въ таинствахъ. Предъ глазами проповѣдника стоятъ толпы народа съ разнообразными нуждами, требующими удовлетворенія. Инымъ изъ нихъ нужно наставленіе и наученіе въ вѣрѣ, другимъ поощреніе къ доброй нравственной дѣятельности, третьимъ предостереженіе, четвертымъ обличеніе и исправленіе, пятымъ утѣшеніе и тому подобное, и все это въ видахъ спасенія, которое стоитъ предъ всѣми нами, какъ завѣтная цѣль, къ которой мы должны стремиться. И всѣ эти люди наши ближніе, наши братья, соединенные съ нами множествомъ узъ. Къ этимъ узамъ, скрѣпленнымъ единствомъ происхожденія и природы и пребываніемъ въ единомъ тѣлѣ церкви въ такомъ союзѣ, въ какомъ находятся члены нашего тѣлеснаго организма, изволеніемъ Господа и избраніемъ правителей церковныхъ, для проповѣдниковъ присоединена новая связь съ людьми,

являющимися предъ ихъ каѳедрою. Господь, по безмѣрной любви своей благоволившій ради нашего спасенія низойти съ неба и претерпѣть крестную смерть, желающій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити, проповѣдникамъ поручаетъ быть пѣстунами и хранителями людей, ввѣряемыхъ ихъ попеченію. Ихъ избраніе и положеніе въ церкви внушаетъ имъ особенную заботливость о тѣхъ, для кого они поставляются учителями, хранителями и руководителями. Сила, подвигшая Сына Божіа на спасеніе міра, должна находить отраженіе и въ тѣхъ, кому ввѣряется охраненіе спасаемыхъ: ею должны одушевляться и укрѣпляться въ своемъ служеніи проповѣдники, пѣстуны народа. Эта сила— *любовь*. Это второе качество, требуемое отъ проповѣдника для достойнаго выполненія своего служенія. Любовь къ братіи подвинетъ проповѣдника съ неутомимою ревностію проносить и провозглашать слово спасенія. Она дастъ ему энергію и согрѣетъ теплотою его рѣчи. Одушевляемый ею, онъ бодро будетъ стоять на стражбѣ своей, и неумолчно будетъ возглашать, направляя людей на пути Господни, и, какъ трубу, возвыситъ гласъ свой, когда будетъ видѣть, что великія опасности угрожаютъ его народу, и онъ своимъ поведеніемъ призываетъ на себя грозный гнѣвъ Божій. Не будетъ въ сердцѣ проповѣдника этой одушевляющей любви къ братіи, слово его будетъ сухо, холодно, казенно и потому мало дѣйственно на слушателей. Ими тотчасъ же чувствуется, изъ какихъ побужденій возникаетъ слово проповѣдника, изъ внутренней ли потребности горячаго благожелательнаго сердца, или просто изъ одного оффиціальнаго долга, возложеннаго на человѣка, и въ первомъ случаѣ на слово сердца они отвѣчаютъ открытымъ сердцемъ, и съ покорностію склоняются предъ нимъ даже тогда, когда проповѣдникъ, по требованію обстоятельствъ, обращаетъ къ нимъ суровое слово обличенія.

Если сердце проповѣдника одушевлено любовію къ тому народу, которому онъ поставленъ возвѣщать слово спасенія, то онъ войдетъ въ живое и тѣсное взаимообщеніе съ нимъ. Онъ съ теплымъ участіемъ будетъ относиться къ нему, войдетъ въ его положеніе, узнаетъ его воззрѣнія, его нравственное состояніе, со всѣми его недостатками, степень его умственнаго развитія и весь строй и направленіе его духовной жизни. А это знаніе, пріобрѣтаемое проповѣдникомъ при участливомъ и любовномъ отношеніи къ своимъ слушателямъ, — весьма важное и даже необходимое условіе дѣйственнаго и плодотворнаго проповѣднаго слова. Безъ этого знанія слово проповѣдника будетъ не мѣтко, обще и отвлеченно; безъ этого знанія онъ можетъ предлагать своимъ слушателямъ не то, что для нихъ требуется, и можетъ говорить тономъ и складомъ рѣчи, для нихъ непривычнымъ и неприспособленнымъ. Онъ можетъ возвѣщать святую истину, можетъ раскрывать ученіе, заимствованное изъ Откровенія. Но слово проповѣдника, возвѣщающее святую истину, взятую въ общемъ, отвлеченномъ видѣ, годную для всѣхъ и ни для кого въ частности, можетъ оказаться мало жизненнымъ. Оно можетъ не встрѣтить въ сердцахъ слушателей воспріимчивой для себя почвы. Оно будетъ раздаваться предъ слухомъ слушателей, но ничто изъ него или только малая часть будетъ западать въ души слушателей, и сѣмя слова Божія, такимъ образомъ сѣемое, будетъ разноситься вѣтромъ, и не принесетъ того плода, какого отъ него можно бы было ожидать, если бы проповѣдникъ, возвѣщая святую истину, соразмѣрялъ ее съ потребностями и воспріемлемостію своихъ слушателей, то есть, бралъ изъ нея то, что для нихъ наиболѣе необходимо, и давалъ ей понятное и доступное для народа выраженіе. Иначе онъ будетъ, какъ *мѣдь звенящая или кимвалъ бряцаяй* (1 Кор. XIII, 1), хотя бы слово его и обладало обиліемъ разума.

Апостолъ Павелъ, говоря о проповѣди Евангелія или о благовѣстіи Христовомъ, какое, по повелѣнію Господа, онъ несъ народамъ, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на то, что онъ при своемъ благовѣствованіи обращалъ вниманіе на немощи и настроеніе тѣхъ, которымъ приходилось ему благовѣствовать о Христѣ и по возможности старался приспособляться къ нимъ, чтобы лучше подѣйствовать на нихъ и обратить ихъ на путь спасенія. *Для іудеевъ* (говоритъ онъ) *я былъ, какъ іудей, чтобы пріобрѣсть іудеевъ; для подзаконныхъ былъ, какъ подзаконный, чтобы пріобрѣсть подзаконныхъ; для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона (не будучи чуждъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу), чтобы пріобрѣсть чуждыхъ закона, для немощныхъ былъ, какъ немощный, чтобы пріобрѣсть немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Сіе же дѣлаю для Евангелія, чтобы быть соучастникомъ его* (1 Кор. IX, 20—23). *Я угождаю всѣмъ во всемъ, ища не своей пользы, но пользы многихъ, чтобы они спаслись* (1 Кор. X, 33).

Примѣръ апостола знаменателенъ и поучителенъ для всѣхъ благовѣстниковъ Христовыхъ, какими мы считаемъ проповѣдниковъ. Подобно апостолу, они должны входить въ ближайшее сердечное общеніе съ своими слушателями. При этомъ общеніи для иныхъ откроются въ нихъ такія расположенія, къ какимъ удобно привязать слово благовѣстія, и тогда найдутъ они въ ихъ душѣ почву, предрасположенную къ принятію и усвоенію сѣмени слова Божія. При этомъ общеніи видны будутъ и ихъ духовно-религіозныя нужды, и тогда легко будетъ дать имъ соотвѣтственное удовлетвореніе. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ имъ: *млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте, но ниже еще можете нынѣ* (1 Кор. III, 2). Видите, съ какою, можно сказать, нѣжностію и вмѣстѣ съ какою мудрою осмотрительностію онъ питаетъ духовною пи-

щею тѣхъ, кого, по его собственному выраженію, онъ родилъ своимъ благовѣствованіемъ. Какъ мать, относится онъ къ чадамъ своимъ по благовѣстію, и владѣя всею полнотою истины Христовой, для нихъ избираетъ легчайшія и существенныя части, которыя бы безъ труда могли быть усвоены ихъ разумѣніемъ.

Если мы обратимся къ практикѣ апостольскаго благовѣстія, и будемъ судить по тѣмъ рѣчамъ, какія сохранили, для нашего назиданія, Дѣянія апостольскія, то увидимъ, съ какою снисходительностію и съ какою мудростію апостолы приспособляли свое благовѣстіе къ настроенію и нравственному состоянію своихъ слушателей, желая тѣмъ вѣрнѣе привесть ихъ къ спасительной вѣрѣ во Христа или утвердить увѣровавшихъ въ ихъ преданности закону Божію. Вотъ апостолъ Петръ проповѣдуетъ въ Іерусалимѣ, гдѣ слушателями его были іудеи, почивавшіе на законѣ. Призывая ихъ къ вѣрѣ въ Господа Іисуса, онъ припоминаетъ имъ, что Господь Богъ отъ вѣка предопредѣлилъ послать имъ обѣтованнаго Избавителя, приводитъ древнія пророчества о Немъ и о временахъ Его благодатнаго царства, указываетъ на то, что они не приняли Его, отверглись Его и даже Начальника жизни предали смерти, но Богъ воскресилъ Его отъ мертвыхъ, чему мы являемся свидѣтелями. Но чтобы смягчить тяжесть вины, лежащей на предавшихъ смерти Господа, апостолъ прибавляетъ, въ извиненіе ихъ: *Вѣмъ, братіе, яко по невѣдѣнію сіе сотвористе, якоже и князи ваши* (Дѣян. II, 14—39. III, 12—26), но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, что это совершилось въ исполненіе древнихъ пророчествъ: *Богъ. яже предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ пострадати Христу, исполни тако.* Вамъ (далѣе говоритъ апостолъ, располагая слушателей къ принятію благовѣстія) первѣе всего дано обѣтованіе спасенія, и чадамъ вашимъ; къ вамъ первымъ Богъ, воскресивъ Сына Своего Іисуса, послалъ Его благословить васъ, чтобы каждый изъ васъ отвратился отъ

злыхъ дѣлъ своихъ. И многіе, слыша такое слово, умилялись сердцемъ и любезно принимали апостольское слово. Или припомните рѣчь апостола Павла въ аѳинскомъ Ареопагѣ. Въ Аѳинахъ духъ его раздражался при видѣ множества идоловъ. Но приведенный въ Ареопагъ, онъ въ рѣчи своей сдерживаетъ свое негодованіе, вызванное въ немъ видомъ множества идоловъ, и первѣе всего выставляетъ на видъ ихъ набожность и благочестіе, но только это благочестіе, по словамъ апостола, не туда направлено, куда бы слѣдовало, такъ какъ они не знаютъ истиннаго Бога, что засвидѣтельствовано и надписью на ихъ храмѣ. Этого истиннаго Бога, котораго, не зная, чтили аѳиняне, апостолъ и сталъ имъ проповѣдывать, и въ своихъ разъясненіяхъ приводилъ даже изреченія изъ греческихъ стихотворцевъ. Апостолъ говорилъ такъ, имѣя въ виду ту почву, на которую онъ призванъ былъ обстоятельствами сѣять сѣмя слова Божія, и хотя большинство не приняло святаго сѣмени, предложеннаго апостоломъ, но мудрое слово все-таки не осталось безплоднымъ. По сказанію книги Дѣяній апостольскихъ, нѣкоторые, по выслушаніи рѣчи апостола, приставъ къ нему, увѣровали; между ними былъ извѣстный въ исторіи христіанской письменности Діонисій ареопагитъ (Дѣян. XVII, 22—34). Но тотъ же Павелъ въ рѣчи, говоренной въ синагогѣ антіохійской, другое направленіе даетъ проповѣдуемому имъ слову спасенія, сообразуясь съ настроеніемъ своихъ слушателей. Онъ припоминаетъ имъ исторію богоизбраннаго народа, ознаменованную чудесами особеннаго промышленія о немъ, и перешедши къ слову о Христѣ, воскресшемъ изъ мертвыхъ, указываетъ въ Немъ исполненіе обѣтованія, даннаго отцамъ ихъ (Дѣян. XIII, 16—41). А въ рѣчи къ пресвитерамъ ефесскимъ мы читаемъ такое трогательное задушевное слово, вызванное обстоятельствами и расположеніями людей, призванныхъ имъ. Почвою, на которую онъ сѣялъ здѣсь слово Божіе, были сердца людей, къ нему расположенныхъ и съ особеннымъ

стараніемъ наученныхъ имъ вѣрѣ, которымъ онъ поручилъ охраненіе церкви Божіей,— и вотъ предъ ними его душа изливается въ такихъ словахъ, отъ которыхъ не могли не умилиться размягченныя сердца. Онъ припоминаетъ имъ свои заботы и труды, для нихъ подъятые, указываетъ на свои скорби и выражаетъ свое предчувствіе, которое говоритъ ему, что скоро придется ему скончать свое теченіе и принятое отъ Господа служеніе проповѣданія Евангелія благодати Божіей, и потомъ проситъ ихъ внимать себѣ и всему стаду, ввѣренному ихъ охраненію, предвидя и со скорбію указывая на то, что, по отшествіи его, явятся лютые волки, не щадящіе стада, и въ заключеніе всего предаетъ ихъ Богу и слову благодати Его, могущему назидать ихъ и дать имъ наслѣдіе со всѣми освященными (Дѣян. XX, 18—35).

Мы привели эти примѣры въ поясненіе того, какъ должны быть выполняемы существенныя требованія, предъявляемыя проповѣднику. Для него мало того, чтобы душа его была наполнена словомъ Божіимъ. Это только одна сторона дѣла. Сѣмя слова Божія, ему порученное, онъ не зря долженъ бросать вокругъ себя, а строго сообразуясь съ духовными потребностями и удобопріемлемостію тѣхъ, кому онъ предлагаетъ свое благовѣстіе. Слову Божію въ устахъ проповѣдника нужно быть не только словомъ чистымъ и святымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и словомъ жизненнымъ, которое бы прямо могло пустить корни въ ту почву, въ которую сѣется. Можетъ говорить проповѣдникъ умное слово, можетъ разсыпать въ немъ богатство знанія, можетъ раскрывать возвышенное ученіе о тайнахъ вѣры, но что пользы отъ этого слова, когда оно носится надъ головами слушателей и не можетъ быть воспринято ими? Необъятно широко содержаніе слова Божія, возвѣщаемаго въ церкви. Умѣть выбрать изъ него именно потребное и пригодное для народа долгъ и дѣло искусства проповѣдника. А это умѣнье дается и пріобрѣтается сердечною любовію къ народу, стоящему предъ гла-

зами проповѣдника, которая исполняетъ его живѣйшимъ желаніемъ помочь ему, указать ему путь ко спасенію и поддержать на этомъ пути, и вмѣстѣ съ тѣмъ вводя его въ близкое отношеніе къ нему, раскрываетъ предъ нимъ нужды этого народа и его расположенія.

Итакъ отъ проповѣдника, для достойнаго исполненія своего служенія, требуется двойное одушевленіе: съ одной стороны, глубокое воспріятіе всѣмъ существомъ своего духа, а не однимъ холоднымъ знаніемъ, святаго закона Божія или того слова спасенія, какое дано намъ въ благовѣстіи Христовомъ. Душа его должна быть объята и переполнена спасительною истиною Христовой, и отъ избытка сердца, переполненнаго ею, уста его будутъ возвѣщать то, что служитъ къ созиданію спасенія нашего и къ устраненію всѣхъ препятствій, затрудняющихъ наше спасеніе. Съ другой стороны, у него должно быть живое сердечное сочувствіе своему народу, къ которому онъ направляетъ свое слово, ясное пониманіе его нравственно-религіозныхъ нуждъ и всецѣлая преданность интересамъ своихъ братій, побуждающая его сдѣлать все для ихъ просвѣщенія, спасенія и нравственнаго совершенствованія въ богоугодной жизни. Если будетъ у него это двойное одушевленіе, тогда пусть онъ не печется о томъ, о чемъ и какъ ему нужно говорить. Душа его изольется въ словахъ, которыя безъ особеннаго напряженія явятся у него, какъ естественное непринужденное выраженіе горячаго убѣжденія въ спасительной истинѣ, его одушевляющаго, и его рѣчи будетъ указывать направленіе и дастъ силу и энергію глубокая симпатія къ братіи своей, сердечное желаніе возвѣстить имъ то, что полезно, или что требуется для нихъ по ихъ религіозно-нравственному состоянію. И слова эти будутъ и сильны и убѣдительны, и въ то же самое время мѣтки, падая на почву, хорошо извѣстную сѣятелю духовнаго сѣмени.

И вотъ, въ воспитаніи будущаго проповѣдника, главная задача насадить и утвердить въ его душѣ эти двѣ силы, это двойное одушевленіе и истиною Божіею и любовію къ народу, нуждающемуся въ этой истинѣ. Этихъ силъ не дастъ гомилетика, какъ бы хорошо и обстоятельно ни была она построена и раскрыта. Насажденію и укрѣпленію ихъ въ сердцѣ человѣка должны содѣйствовать весь строй и вся система воспитанія, понимаемая во всей широтѣ ея. Когда человѣкъ будетъ обладать этими силами, или, лучше, когда онѣ будутъ обладать его душею, для него, при выполненіи служенія церковнаго слова, не будетъ имѣть большой важности школьная наука, предписывающая правила проповѣдничества, не нужна и даже стѣснительна можетъ быть внѣшняя форма, указываемая литературнымъ или гомилетическимъ обычаемъ, которая въ иныхъ случаяхъ можетъ быть лишнею уздою и причиною охлажденія искренняго горячаго энтузіазма.

Не то это значитъ, что проповѣдникъ, въ силу своего одушевленія, можетъ пренебрегать внѣшнею формою и принятымъ приличіемъ церковнымъ, и можетъ дозволять себѣ небрежныя выраженія и какой-либо грубый или простоватый стиль. Это было бы оскорбленіемъ святаго одушевленія и проповѣдуемой истины. Благородная и сильная душа съумѣетъ найти себѣ благородное и сильное выраженіе, и не можетъ иначе выражаться, какъ чисто, благородно и сильно, такъ какъ въ стилѣ выражается весь человѣкъ и отпечатлѣвается душа его. Святое и возвышенное убѣжденіе влечетъ за собою и соотвѣтственное внѣшнее облаченіе, когда настоитъ ему нужда высказаться предъ слухомъ многихъ. Мы хотимъ сказать только, что забота о внѣшней формѣ проповѣднической не должна быть главною заботою въ служеніи проповѣдника. Не здѣсь, не въ этомъ секретъ, отъ котораго зависитъ сила и дѣйственность проповѣдническаго слова, а именно въ томъ одушевленіи, о которомъ мы говорили прежде. Безъ этого одушевленія проповѣдники будутъ, если не лживыми проро-

ками, то бездушными и большею частію праздными говорунами. Ихъ слово не будетъ носить и возвѣщать живой истины, хотя бы они говорили правду, не вызывающую возраженій. Они будутъ возвѣщать всѣмъ извѣстное и утвержденное церковію ученіе, но о нихъ могутъ говорить, что ихъ проповѣдь казенная, не отъ нихъ вышедшая, не ими возлелѣянная, а на прокатъ взятая изъ общей сокровищницы вѣры и знанія. Къ такимъ проповѣдникамъ можно приложить слова пророка Іереміи о лживыхъ пророкахъ, износившихъ предъ народомъ такія пророчества, которыя вовсе не выходили изъ ихъ сердца. Ихъ слово пророкъ называетъ мякиною, сравнивая его съ чистымъ словомъ Божіимъ, которое онъ называетъ пшеницею или чистымъ зерномъ. *Зачѣмъ быть мякинѣ съ чистымъ зерномъ? Таково слово Мое, говоритъ Господь. Слово Мое не подобно ли огню, говоритъ Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Посему вотъ Я на пророковъ, говоритъ Господь, которые крадутъ слова Мои другъ у друга. Вотъ Я на пророковъ, говоритъ Господь, которые дѣйствуютъ своимъ языкомъ, а говорятъ: Онъ сказалъ... Такіе пророки никакой пользы не приносятъ народу своему* (Іер. XXIII. 28—32). Правда, проповѣдники, передающіе христіанское ученіе, какъ бы они его ни излагали, сѣютъ и предлагаютъ не мякину, а чистое зерно, и мы, можетъ быть, дѣлаемъ натяжку, когда на нихъ простираемъ судъ Божій, изреченный нѣкогда пророкомъ Іереміею на ложныхъ пророковъ. Но если проповѣдники выносятъ предлагаемое ими слово ученія не изъ сокровищницы своего сердца, не прочувствованное ими, то они такъ же, какъ обличаемые Іереміею пророки, крадутъ слова ученія, ими предлагаемаго, у искренняго своего или изъ мертвой книги, и дѣйствуютъ однимъ языкомъ, въ самодовольной увѣренности, что они передаютъ откровеніе Божіе. И слово Божіе изъ ихъ устъ выходитъ, какъ слово или сѣмя изсохшее, не оживотворенное, въ которомъ не чув-

ствуется присутствіе оплодотворяющей силы, и потому оно, падая на почву душъ слушателей, можетъ не пустить въ ней ростковъ и не проявить той живительной силы, какая сокрыта въ немъ.

Для всѣхъ проповѣдниковъ высочайшимъ образцомъ, къ которому они, по мѣрѣ силъ своихъ, должны приближаться, служитъ небесный Учитель-Господь, съ своимъ божественнымъ словомъ. Въ чистѣйшемъ и совершенномъ проявленіи Его учительной силы дано намъ наставительное руководство въ способѣ сообщенія спасительной истины народу, показывающее намъ, какъ нужно вести дѣло церковно-общественнаго назиданія. Что же показываетъ намъ и чему учитъ этотъ высочайшій образецъ, стоящій передъ нами, хотя и недостижимый для насъ во всей полнотѣ своей? Евангелисты сообщаютъ намъ о необыкновенномъ впечатлѣніи, производимомъ на слушателей Его ученіемъ и Его рѣчами. По ихъ словамъ, всѣ дивились ученію Его (Матѳ. VII, 28. Марк. I, 22), и это удивленіе простиралось даже до ужаса (Лук. IV, 32). Въ объясненіе этого поражающаго дѣйствія ученія Христова, они указываютъ, съ одной стороны, на то, что Онъ училъ народъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники (Матѳ. VII, 29. Марк. I, 22. Лук. IV, 32), а съ другой стороны, на то, что слова Его были слова благодати (χάρις), обладавшія необычайною сладостію. Поражающая царственная власть божественнаго слова небеснаго Учителя происходила не отъ внѣшняго блеска, а отъ полноты внутренняго духа, проникнутаго всепобѣждающею правдою Божіею. Властное слово— это слово святаго одушевленія, въ которомъ находила выраженіе сила божественнаго духа Христова. Этого свойства побѣждающей власти не можетъ имѣть вялое или сухое слово, повторяющее чужой голосъ, и не согрѣтое живымъ дыханіемъ души говорящаго. И слова благодати, исходившія изъ устъ Спасителя, услаждавшія сердца слушателей, не были плодомъ искусства. Слышавшіе ихъ недоумѣвали и спраши-

вали другъ у друга: откуда у Учителя такая увлекающая благодатная сила слова? *Не сей ли есть сынъ тектоновъ* (Іосифовъ) (Матѳ. XIII, 54—6. Лук. IV, 22)? Въ нихъ не видно было того напряженія, которымъ достигается совершенство словъ людьми ораторской профессіи. Необыкновенную сладость и благодать рѣчамъ небеснаго Учителя придавало величіе божественной любви, проникающей Его слово. Въ Его словѣ слышался голосъ глубокой несказанной симпатіи къ человѣку и человѣчеству, его нуждамъ, бѣдамъ и страданіямъ. Изъ любви божественной души возникала творческая сила, которая простому орудію человѣческой мысли и сообщенія—языку давала высшее совершенство, и благоуханіемъ своей святыни приправляя волнующееся слово, облекала его такимъ могуществомъ и сладостію, что ему не могли противостоять и тѣ, которые желали бы признать его несовершенства и слабости.

Апостолъ, когда говоритъ о своей проповѣди, основнымъ свойствомъ ея представляетъ не искусство, не мудрость человѣческую, но явленіе духа и силы. *Слово мое и проповѣдь моя* (говоритъ онъ) *не въ препрѣпѣльныхъ человѣческія прелудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. II, 4). Это явленіе духа и силы есть именно то дѣйственное одушевленіе, которое мы ставимъ первымъ условіемъ сильнаго и впечатлительнаго церковнаго слова. Противополагая это свойство мудрости человѣческой или отстраняя отъ своего слова внѣшнее искусство, апостолъ тѣмъ самымъ хочетъ дать понять, въ чемъ онъ полагаетъ главную принадлежность, которая должна отличать дѣйственную христіанскую проповѣдь.

Можетъ ли и должна ли заявлять себя въ проповѣди личность человѣка—проповѣдника? Благовѣстіе Христово, составляющее содержаніе проповѣди, дано свыше и одно для всѣхъ, и проповѣдники, сообщающіе народу это благовѣстіе,—

органы, чрезъ которые оно переходитъ къ людямъ. Повидимому, здѣсь нѣтъ мѣста для проявленія личной оригинальности проповѣдника. Но такъ можетъ казаться только при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Проповѣдникъ не мертвый органъ, чрезъ который механически передается народу слово спасенія, а живой свидѣтель истины, призванный на служеніе ближнимъ своимъ. Истина, имъ возвѣщаемая, должна пройти чрезъ горнило его духа, такъ сказать, расплавиться въ лабораторіи его сердца, и явиться предъ слушателями не въ мертвомъ или сухомъ видѣ, но согрѣтая его дыханіемъ, какъ живое слово его убѣжденія. При этомъ воспріятіи истины духомъ проповѣдника, для передачи ея народу, онъ перерабатываетъ или видоизмѣняетъ ея форму, примѣнительно къ нуждамъ и воспріемлемости своихъ слушателей. То недостатокъ проповѣди, если въ ней не видно отпечатка личнаго элемента или личнаго воздѣйствія проповѣдника. Это знакъ, что возвѣщаемая истина не выливается изъ души, а только проходитъ чрезъ уста проповѣдника, и въ этомъ случаѣ трудно признать ее живымъ свидѣтельствомъ истины. А когда излагается истина прочувствованная, выносится со дна души, какъ хранимое здѣсь сокровище, тогда слово объ этой истинѣ не можетъ не имѣть личнаго отпечатка. Душа человѣка-проповѣдника тѣмъ сильнѣе и рельефнѣе проявляетъ себя и свою личную оригинальность въ своемъ словѣ, чѣмъ глубже и искреннѣе ея убѣжденіе въ возвѣщаемой истинѣ. И, замѣчательно, какъ чутокъ и внимателенъ бываетъ народъ къ живому слову убѣжденія, отмѣченному печатію личнаго таланта. Толпы стекаются слушать его, хотя то, что слышатъ отъ него, знаютъ изъ книгъ, хотя книга даже обстоятельнѣе раскрываетъ затрогиваемую имъ истину. Живая душа ищетъ и жаждетъ живого свидѣтельства, выходящаго отъ сочувствующей души, и имъ удовлетворяется болѣе, чѣмъ умными холодными разсужденіями.

Долженъ ли проповѣдникъ быть ораторомъ? Изъ нашихъ предыдущихъ изъясненій виденъ тотъ отвѣтъ, какой мы можемъ и должны дать на этотъ вопросъ. Если сущность ораторства полагать въ красотѣ и блескѣ слова, во внѣшней художественной техникѣ рѣчи, какъ многіе и понимаютъ его, то мы прямо скажемъ, что такое краснорѣчіе—eloquentia artificiosa—пріобрѣтаемое трудомъ и спеціальнымъ изученіемъ и требующее еще особаго таланта, не можетъ быть поставляемо въ прямую обязанность церковнаго проповѣдника, возвѣщающаго слово спасенія. Господь Іисусъ Христосъ простыхъ рыбарей, незнакомыхъ съ искусствомъ, изучаемымъ въ школѣ, послалъ проповѣдывать евангеліе всѣмъ народамъ и учить ихъ всему, заповѣданному имъ, и они, исполняя повелѣніе своего Учителя и Господа, при возвѣщеніи евангелія о Христѣ и нашемъ спасеніи, не прибѣгали къ пособію искусства человѣческаго. Апостолъ Павелъ даже съ особеннымъ удареніемъ свое простое слово противополагаетъ мудрости человѣческой, и даетъ разумѣть, что это простое слово, вспомоществуемое силою Божіею, и почерпаемое не *въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ наученыхъ Духа Святаго*, оказались гораздо сильнѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ слово мудрости или искусства человѣческаго (1 Кор. II, 4—13), и тѣмъ самымъ какъ бы отрицаетъ значеніе человѣческаго искусства въ служеніи благовѣстія Христова. Но сущность краснорѣчія, по нашему пониманію, раздѣляемому и другими авторитетными изслѣдователями этого предмета, отнюдь не состоитъ во внѣшнемъ блескѣ и художественной техникѣ слова. Источное начало краснорѣчія—внутренняя сила духа человѣка, выступающаго съ публичнымъ словомъ къ народу, объятаго предметомъ и обнимающая предметъ свой, и стремящаяся передать свое содержаніе другимъ. Въ этой внутренней силѣ духа, стремящейся подѣйствовать на сознаніе и волю другихъ,— главное условіе истиннаго ораторства, и внѣшняя художе-

ственность слова второстепенная, можно сказать, несущественная и случайная принадлежность его. Она можетъ быть и не быть: ораторское произведеніе состоится и можетъ имѣть свое значеніе, равно и производить свое дѣйствіе, если и не будетъ облечено въ красивую форму. Понятно, въ какомъ смыслѣ проповѣдникъ и можетъ и долженъ быть ораторомъ. Отъ него мы въ правѣ требовать, чтобы въ немъ дѣйственна была внутренняя сила духа, дающая его слову живость и энергію. Различны степени проявленія этой силы, какъ различны достоинства ораторскихъ произведеній. Но у истиннаго проповѣдника должна быть большая или меньшая мѣра этой силы, которую мы можемъ назвать религіознымъ одушевленіемъ. Отъ дѣйствія этой силы раждается его слово, и отъ нея оно получаетъ живость, теплоту и сердечность. А когда нѣтъ ея въ душѣ, или она не дѣйствуетъ, а между тѣмъ проповѣдникъ выходитъ на каѳедру, тогда онъ хотя принимаетъ видъ оратора, но, не имѣя того, на чемъ основывается и зиждется достоинство ораторскаго произведенія, не можетъ дать дѣйственнаго слова, и проповѣди такихъ лицъ обыкновенно не имѣютъ духа и силы, и почти безслѣдно исчезаютъ въ воздухѣ.

Послѣ этого (намъ могутъ сдѣлать возраженіе) придется подчинить законамъ ораторства и включить въ число ораторовъ и первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія, которые совершенно незнакомы были съ правилами ораторскаго искусства и были, по выраженію апостола Павла, *невѣжды словомъ* (2 Кор. XI, 6). Какъ ни страннымъ можетъ показаться наше утвержденіе, но мы не стѣсняемся признать это положеніе и не можемъ не видѣть проявленія ораторства,—и истиннаго ораторства,—въ рѣчахъ первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія и даже самого небеснаго Учителя,—Господа Іисуса Христа. Правда, они не изучали и не знали законовъ искусственнаго краснорѣчія и не пользовались тѣми средствами или пособіями науки, какими снабжаетъ школа

людей, готовящихся къ служенію общественнаго слова. Но для того, чтобы быть ораторомъ, не требуется непремѣнно школьное изученіе искусства краснорѣчія. Часто природа или естественный талантъ замѣняетъ то, что пріобрѣтается годами долгаго изученія. А здѣсь, въ дѣлѣ служенія первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія, вспомоществовала имъ сила, высшая школьной науки и природы, именно Духъ Божій, который, по премудрому усмотрѣнію Промыслителя, обильно изливался на нихъ, при первоначальномъ насажденіи христіанства. Руководимые Духомъ Божіимъ, они, безъ пособія науки и искусства, возвышались до естественнаго краснорѣчія, и благодаря дѣйствію этого Духа, рѣчь ихъ оказывалась сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ рѣчи ораторовъ по профессіи, прошедшихъ школу краснорѣчія. Съ своей стороны, они къ дѣйствію этого Духа, ихъ научавшаго, присоединяли внутреннее религіозное одушевленіе, которымъ призывали на себя высшую божественную, имъ вспомоществовавшую, силу, и которое само по себѣ служитъ залогомъ рѣчи сильной и дѣйственной, когда требуется сообщать слово спасенія. Шоттъ [1]) указываетъ образцы истинно ораторскаго слова въ рѣчахъ Господа, а потомъ и въ писаніяхъ новозавѣтныхъ. „Какое живое, наглядное и впечатлительное представленіе вещей (говоритъ онъ) мы видимъ въ безподобныхъ притчахъ евангельскихъ! Какъ сильно въ рѣчахъ Іисуса Христа и апостоловъ общія идеи представляются въ примѣрахъ! Какимъ огненнымъ языкомъ Господь Іисусъ Христосъ и апостолы порицали нравственное развращеніе и заблужденія своихъ современниковъ! Какъ убѣдительно и сильно говорили они сердцу, выставляя необходимость покаянія или измѣненія жизни! Какая сердечность и глубина

[1]) Theorie der Beredsamkeit mit besonderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit, in ihrem ganzen Umfange dargestelt. Т. I. См. нашу книгу: „Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера“, стр. 276—277.

религіознаго чувства выражается въ молитвахъ Господа Іисуса Христа (напр. въ 14-й главѣ Евангелія отъ Іоанна), и какое нѣжное священное чувство братской любви въ Его послѣднихъ бесѣдахъ съ учениками! Какая простая возвышенность въ первыхъ словахъ Евангелія отъ Іоанна! Какой полетъ фантазіи и чувства, какое впечатлительное изложеніе, отличающееся нѣкоторымъ естественнымъ ритмомъ въ тринадцатой главѣ перваго посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ: *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, бых яко мѣдь звеняще или кимвалъ звяцаяй*... и другихъ подобныхъ отдѣлахъ апостольскихъ посланій. Изложеніе, какое господствуетъ въ новозавѣтныхъ книгахъ, нужно назвать не иначе, какъ „религіозное краснорѣчіе“. Языкъ Іисуса Христа и апостоловъ содержитъ въ себѣ и образецъ и возбужденіе для христіанскихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ говорить наглядно, живо и сильно“.

Блаженный Августинъ, первый гомилетъ, изложившій въ связной полнотѣ правила о проповѣдничествѣ, у священныхъ писателей указываетъ явные слѣды краснорѣчія, и совѣтуетъ проповѣдникамъ въ нихъ учиться не только мудрости, но и краснорѣчію, т. е. не только заимствовать у нихъ содержаніе для проповѣди, но и по возможности подражать имъ въ самомъ способѣ изложенія: „Можетъ быть (говоритъ онъ) [1]), кто-нибудь спроситъ: богодухновенные писатели священныхъ книгъ мудрыми ли только должны быть названы или вмѣстѣ и краснорѣчивыми?... Тамъ, гдѣ сіи писатели понятны для меня,—тамъ для меня ничего не можетъ быть не только мудрѣе ихъ, но и краснорѣчивѣе... Если бы у меня было свободное время, я могъ бы нѣкоторымъ самохваламъ, языку священныхъ писателей, предпочитающимъ свой языкъ—не по истиному величію, а по надутости онаго,—я могъ бы,—

[1]) Христіанская наука, кн. IV, главы IX и X.

говорю,—показать всѣ совершенства и красоты витійства, заключающіяся въ священныхъ письменахъ мужей, коихъ Промыслъ избралъ для наученія насъ, и для приведенія отъ настоящаго развращеннаго вѣка въ блаженную вѣчность. Впрочемъ, совершенства языка, общія симъ мужамъ съ языческими ораторами и поэтами, самого меня, можно сказать, не слишкомъ удивляютъ. Напротивъ, я тому наиболѣе дивлюсь и изумляюсь, какъ священные писатели, при своемъ особомъ и высшемъ родѣ витійства, такъ искусно умѣли употреблять наше человѣческое краснорѣчіе, что оно и находится у нихъ все вполнѣ, и между тѣмъ не выказывается явно: ибо имъ не надлежало ни отвергать краснорѣчія человѣческаго, ни тщеславиться имъ; но они отвергали бы, когда бы явно избѣгали его, и, напротивъ, выказывали бы тщеславіе, когда бы въ ихъ твореніяхъ легко было признавать черты витійства человѣческаго. Если людямъ, знакомымъ съ наукою, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія представляются явные слѣды краснорѣчія человѣческаго, то въ сихъ мѣстахъ говорится о такихъ предметахъ, что слова, выражающія предметы, кажутся не отъ писателя придуманными, а добровольно изъ сущности предметовъ родившимися. Читая ихъ, невольно думаешь, что здѣсь одна простая мудрость исходитъ изъ обители своей, то есть, изъ груди мудреца, а краснорѣчіе слѣдуетъ за нею, какъ неотлучная раба, не будучи нисколько звана къ ней“. Приведши далѣе нѣсколько примѣровъ изъ посланій апостола Павла и изъ книги пророка Амоса, и указавши въ нихъ такія красоты, какимъ учитъ риторика, свой риторическій разборъ ихъ заключаетъ слѣдующими словами: „Священное Писаніе создано не усиліями человѣческими, но излилось изъ Ума божественнаго,—излилось мудро и краснорѣчиво, такъ что при семъ не мудрость искала краснорѣчія, но краснорѣчіе ни на шагъ не отступало отъ мудрости. Если правила ораторскаго искусства, по точному мнѣнію краснорѣчивѣйшихъ и остро-

умнѣйшихъ мужей, не иначе могли составиться, какъ чрезъ наблюденія и замѣчанія красотъ, находящихся въ твореніяхъ лучшихъ ораторовъ, и чрезъ приведеніе ихъ въ извѣстную систему или науку, то что мудренаго находить сіи правила и красоты въ писаніяхъ мужей богодухновенныхъ, коихъ послалъ Тотъ, Кто творитъ умы великіе? По сей причинѣ я смѣло признаю нашихъ священныхъ писателей и учителей не только мудрыми, но и краснорѣчивыми въ отношеніи къ такому роду витійства, какой былъ совершеннно привыченъ имъ“ [1]).

Сужденіе блаж. Августина, основывающееся на историческомъ опытѣ, указываетъ значеніе внѣшняго художественнаго слова въ проповѣднической практикѣ. Священные писатели, когда излагали откровеніе, имъ сообщаемое, или говорили рѣчи къ народу, вовсе не думали о какомъ-либо ораторскомъ достоинствѣ своего изложенія, незнакомые съ риторическими правилами. Между тѣмъ ораторская сила и красота сама собою является въ ихъ писаніяхъ и рѣчахъ, какъ естественный непосредственный отпечатокъ ихъ святаго одушевленія. Не гонялись за красотою рѣчи и не прилагали особенныхъ стараній къ тому, чтобы сообщить своимъ бесѣдамъ внѣшній блескъ, лучшіе проповѣдники церковные. Но сила ихъ духа и горячность ихъ одушевленія производили то, что изъ ихъ устъ лилось слово живое и впечатлительное, если и не имѣющее искусственныхъ красотъ, то обладающее такими достоинствами изложенія, какимъ могли бы позавидовать лучшіе ораторы. И мы отнюдь не ставимъ проповѣднику въ обязанность заботиться о краснорѣчивомъ изложеніи ученія, имъ возвѣщаемаго народомъ. Но если оно дается ему, то это служитъ немалымъ возвышеніемъ достоинства его проповѣдническихъ бесѣдъ. Только пусть это будетъ не плодомъ его напряженныхъ усилій, а естествен-

[1]) Христ. наука, кн. IV, гл. XXI.

нымъ выраженіемъ силы и благородства души, проникнутой сознаніемъ высоты истины, возвѣщаемой проповѣдникомъ. Пусть краснорѣчіе слѣдуетъ за мыслію проповѣдника, по слову блаж. Августина [1]), „какъ неотлучная раба, не будучи нисколько звана къ ней“.

Намъ могутъ сказать, что мы, изображая идеалъ проповѣдника, который можетъ показаться очень высокимъ, осуществленіе котораго для многихъ недостижимо, чрезъ то самое затрудняемъ исполненіе долга служенія церковнаго слова. Запросъ на религіозное ученіе въ христіанскомъ обществѣ слишкомъ великъ; духовно-нравственныя нужды общества, которому человѣкъ, поставленный на служеніе церкви, долженъ нести то слово назиданія, то слово ободренія и исправленія, то слово утѣшенія, то слово обличенія и наказанія, очень назойливо заявляютъ себя предъ взоромъ человѣка, сочувствующаго своимъ ближнимъ, и ему, по долгу своего званія или по побужденію ревности по славѣ Божіей и любви къ братіи, настоитъ учить благовременно и безвременно и быть готовымъ на всякій часъ предложить потребное слово нуждающимся въ немъ. А мысль о томъ, что отъ проповѣдника, для достойнаго веденія его дѣла, требуется святое одушевленіе, не будетъ ли стѣсненіемъ для выполненія долга, возлагаемаго на учителей церковныхъ? Можетъ казаться при этомъ, что не всякій и не во всякое время способенъ явиться съ достойнымъ словомъ назиданія. Кто къ симъ доволенъ (могутъ сказать намъ)? Для этого нужны избранныя лица, и для нихъ особыя благопріятныя времена духовнаго возбужденія.

Но въ силу нашихъ требованій, вызываемыхъ существомъ дѣла, мы отнюдь не думаемъ заграждать входъ на церковную каѳедру людямъ, призываемымъ къ тому своимъ

---

[1]) Христ. наука, кн. IV, гл. X.

положеніемъ въ церкви. Пусть каждый исполняетъ свое дѣло, къ которому приставленъ, по мѣрѣ силъ своихъ, вспомоществуемый испрашиваемою благодатію Божіею. И если у призваннаго къ служенію церковнаго слова живо представленіе о томъ, каковъ онъ долженъ быть въ своемъ служеніи, это послужитъ не къ умаленію его ревности, а къ возбужденію его духа, сопровождающемуся болѣе плодотворною работою, и къ возвышенію его учительской дѣятельности. И отъ чего, если не прямо требовать, то не желать, чтобы служеніе церковнаго слова или благовѣстіе Христово совершаемо было съ возможною силою и совершенствомъ, чисто и свято? Проповѣдническое служеніе въ церкви Христовой такъ высоко, что зря приступать къ нему и вести его кое-какъ— это было бы недостойно этого высокаго служенія, если не прямо грѣшно. Дѣло Божіе нельзя совершать съ небреженіемъ. И истины, возвѣщать которыя долженъ проповѣдникъ,—о Богѣ и нашемъ спасеніи—такъ безконечно велики и возвышенны, что въ устахъ его онѣ должны найти достойное для себя выраженіе. Ихъ сила и возвышенность, ясно сознаваемая, не можетъ не производить глубокаго дѣйствія на душу человѣка, призываемаго къ передачѣ ихъ, и не вызывать въ немъ благоговѣйнаго одушевленія. Если человѣкъ вяло и холодно говоритъ о нихъ,—это знакъ, что онъ не проникнутъ ими, не сознаетъ живо и не чувствуетъ ихъ величія, и едва ли кто такого провозвѣстника высокихъ истинъ сочтетъ достойнымъ совершителемъ святаго дѣла. Такой глашатай вовсе нежелателенъ на церковной каѳедрѣ.

Намъ замѣчали, что устрашаетъ многихъ требованіе религіознаго возбужденія или одушевленія, какое мы предъявляемъ къ проповѣдникамъ слова Божія. Но намъ кажется, это одушевленіе само собою должно возникать въ душѣ того, кто носитъ въ сердцѣ живую вѣру и благоговѣетъ предъ святынею Евангелія, и кому близко и дорого спасеніе своихъ братій, особенно когда его долгъ или собственное чувство

призываютъ возвѣщать слово спасенія людямъ, уклоняющимся отъ прямаго пути своего на путь погибельный. А человѣка, не носящаго въ душѣ своей живой вѣры, и равнодушнаго къ гибели или спасенію своихъ братій, отъ котораго нельзя ожидать одушевленнаго слова, кто пожелаетъ видѣть на церковной каѳедрѣ провозвѣстникомъ евангельскаго слова о спасеніи? Когда же есть одушевленіе у человѣка, когда душа его наполнена спасительною истиною Христовою, когда онъ пламенѣетъ ревностію о спасеніи своихъ ближнихъ, тогда не трудно для него служеніе церковнаго слова: тогда изъ его устъ живою струею текутъ глаголы живота вѣчнаго, и во всякое время онъ готовъ предложить богатое и потребное назиданіе людямъ, его окружающимъ, ввѣряемымъ его попеченію и руководству.

О содержаніи проповѣдей.

Обыкновенно въ гомилетикахъ посвящается очень много страницъ обозрѣнію тѣхъ матерій, которыя могутъ быть раскрываемы съ церковной каѳедры. Если вы будете разсматривать гомилетическія руководства, являвшіяся въ средніе вѣка,—въ нихъ найдете гораздо меньше разсужденій о формальной сторонѣ проповѣди и способахъ ея составленія, чѣмъ разъясненія и указанія того, что можно предлагать народу въ цѣляхъ его назиданія. Указаніе и перечень проповѣдническихъ матерій, съ краткимъ или болѣе подробнымъ раскрытіемъ ихъ, стоитъ въ нихъ на первомъ планѣ и отодвигаетъ на второй планъ разсмотрѣніе другихъ гомилетическихъ вопросовъ. Мало того, что въ теоретическихъ руководствахъ по преимуществу дано широкое мѣсто указанію матерій проповѣдническихъ. Въ видахъ облегченія проповѣдниковъ при составленіи проповѣдей, явилось тогда множество сборниковъ, въ которыхъ изъ разныхъ источниковъ извлекались разнообразные матеріалы, годные для проповѣдническої каѳедры, и представлялись вниманію желающихъ или обязанныхъ нести служеніе церковнаго слова.

Гиперій, профессоръ богословія въ Марбургскомъ университетѣ (1542—1564), первый, давшій богословскій характеръ гомилетикѣ, и старавшійся освободить ее отъ зависимости отъ риторическихъ системъ, существенною отличительною чертою ея по отношенію къ риторикѣ, ставитъ то,

что главное вниманіе ея должно быть сосредоточено на содержаніи проповѣди, которою она занимается. Свѣтская риторика (говоритъ онъ) учитъ тому, какъ нужно составлять рѣчь и дѣйствовать оратору, а гомилетика излагаетъ то, что проповѣдникъ долженъ предлагать народу: тамъ форма— главное, а здѣсь матерія [1]). Впрочемъ, поставивши для гомилетики главною задачею указаніе и разъясненіе того, что долженъ проповѣдникъ предлагать народу, Гиперій не входитъ въ подробное перечисленіе матерій проповѣдническихъ, какъ то, часто безъ системы, дѣлали средневѣковые гомилеты, а въ общихъ чертахъ намѣчаетъ нѣсколько разрядовъ этихъ матерій, руководствуясь указаніемъ священнаго писанія (2 Тим. Ш, 16. Римл. XV, 4), и на различіи этихъ матерій построяетъ роды церковнаго краснорѣчія,—учительный, обличительный, наставительный, исправительный и утѣшительный, и затѣмъ указываетъ, тоже въ общихъ чертахъ, свойства матеріи, годной для церковной каѳедры.

Въ позднѣйшихъ протестантскихъ гомилетикахъ „*матеріальная часть*“, трактующая о матеріи или содержаніи проповѣдей, занимаетъ очень видное мѣсто, и обыкновенно предшествуетъ части формальной, въ которой говорится о расположеніи, изложеніи и произношеніи проповѣдей. Начала, въ свое время выставленныя Гиперіемъ, по которымъ гомилетика существенно отличается отъ риторики, принимаются во вниманіе, и имъ придается значеніе, хотя здѣсь нельзя предполагать прямого воздѣйствія стараго гомилета XVI столѣтія. Вообще признано, что гомилетика не можетъ быть просто формальною наукою, подобно риторикѣ: для нея важнѣе то, что проповѣдуется, чѣмъ то, какъ проповѣдуется. Въ риторикахъ излагался и излагается трактатъ объ изобрѣтеніи. Но этотъ риторическій трактатъ не можетъ имѣть

---

[1]) De formandis concionibus sacris, 1553. Lib. I, c. 3. p. 23—24.

полной аналогіи съ гомилетическимъ трактатомъ о матеріи или содержаніи проповѣдей. Въ свѣтскомъ ораторствѣ, которымъ занимается риторика, матерія дается обстоятельствами, и въ трактатѣ объ изобрѣтеніи не указываются матеріи ораторской рѣчи, а только источники или пособія, которыми можно пользоваться оратору при развитіи данной темы. А въ церковномъ краснорѣчіи матерія имѣетъ самостоятельное значеніе, и она сама даетъ ораторскую форму, чтобы произвесть опредѣленное дѣйствіе. И гомилетика, имѣющая своимъ предметомъ ученіе о проповѣди, не можетъ не останавливаться съ особенною подробностію на уясненіи содержанія или матеріи церковнаго краснорѣчія, имѣющей въ немъ первостепенное значеніе.

Изъ протестантскихъ гомилетикъ наиболѣе научною строгостію построенія отличается гомилетика Швейцера [1]), имѣвшая значительное вліяніе на представителей этой науки послѣдней половины прошлаго столѣтія. У него въ матеріальной части три отдѣла: въ первомъ обозрѣвается гомилетическій матеріалъ, взятый во всей широтѣ своей, во второмъ показывается, какъ этотъ матеріалъ можетъ раскрываться въ рядѣ проповѣдей, а въ третьемъ опредѣляется, что можетъ быть содержаніемъ отдѣльной частной проповѣди, произносимой въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Въ нашей русской гомилетикѣ, до сихъ поръ считающейся лучшимъ руководствомъ для проповѣдниковъ,—именно въ гомилетикѣ Амфитеатрова,—раскрытію матеріи церковнаго собесѣдованія посвящена цѣлая (первая) часть его книги, и въ ней съ особенною подробностію разобраны разнообразные предметы, о какихъ можно и нужно говорить

---

[1]) Homiletik der evangelisch-protestantischen Kirche, systematisch dargestelt von Alexander Schweizer, Doctor und ordentlichen Professor der Theologie, Kirchenrath und Pfarrer am Grossmunster in Zurich. Leipzig. 1848.

съ церковной каѳедры. Въ началѣ своихъ чтеній о церковной словесности, послѣ предварительныхъ понятій, Амфитеатровъ говоритъ, что „на первомъ шагу занятій гомилетическихъ встрѣчаетъ насъ вопросъ: о чемъ должно проповѣдывать? Вопросъ о *матеріи* церковнаго собесѣдованія такимъ образомъ является у него первымъ вопросомъ, съ рѣшенія и разъясненія котораго должна начинаться наука о проповѣдничествѣ. Этотъ вопросъ, весьма простой и естественный, онъ признаетъ весьма труднымъ для рѣшенія, потому что онъ открываетъ безчисленный рядъ предметовъ проповѣдническихъ. Область истинъ, входящихъ въ составъ церковнаго собесѣдованія (говоритъ онъ) такъ же обширна и глубока, какъ область Писанія, которое есть источникъ безчисленнаго множества темъ для проповѣдей; такъ же огромна, какъ область церкви, которая каждымъ словомъ и дѣйствіемъ своимъ назидаетъ; такъ же многоразлична и разнообразна, какъ многостороння жизнь человѣческая, какъ разнообразны состояніе, нужды, потребности людей въ нѣдрахъ церкви и общества... Церковное собесѣдованіе должно раскрыть и возвѣстить все, что есть въ религіи необходимѣйшаго для спасенія народа,—должно сопровождать человѣка на всѣхъ путяхъ и приключеніяхъ его жизни, должно наблюдать его, руководить во всѣхъ состояніяхъ,—церковномъ, гражданскомъ, семейномъ и т. д.“ [1]). Поставивши во главѣ первой части своей гомилетики такое общее положеніе, нашъ гомилетъ даетъ потомъ обстоятельный и подробный перечень или обзоръ разнообразныхъ матерій, о которыхъ можно и нужно говорить съ церковной каѳедры, раздѣливши ихъ на три разряда или отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ онъ излагаетъ ученіе догматическое, какъ предметъ проповѣди, присоединяя къ нему, какъ предметъ вспомогательный,—ученіе естественное,—о предме-

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетикѣ Я. Амфитеатрова. Ч. I. § 22, стр. 55—56.

тахъ и явленіяхъ міра физическаго, и ученіе историческое,— о событіяхъ и лицахъ историческихъ. Во второмъ отдѣлѣ онъ разсматриваетъ ученіе дѣятельное или христіанское нравоученіе, а въ третьемъ ученіе церковно-богослужебное. Амфитеатровъ выполняетъ поставленную имъ задачу съ обычнымъ ему мастерствомъ, и нельзя не отдать чести силѣ его мысли, основательности его сужденій и тонкости его анализа. Но при частномъ раскрытіи того ученія, которое гомилетъ считаетъ нужнымъ разъяснять съ церковной каѳедры, у него замѣчаются напрасныя излишества. Въ общемъ главномъ положеніи, поставленномъ въ началѣ первой части гомилетики о матеріи церковнаго собесѣдованія, выставлено то, что церковное собесѣдованіе должно раскрыть и возвѣстить все, что есть въ религіи необходимаго для спасенія народа. А за тѣмъ. приступая къ разсмотрѣнію ученія догматическаго, какъ матеріи церковнаго собесѣдованія, гомилетъ ставитъ вопросъ: могутъ ли догматы составлять матерію церковнаго собесѣдованія, и нужно ли предлагать ихъ на церковной каѳедрѣ? [1]), который нельзя не признать излишнимъ, и по существу дѣла и по значенію догматовъ въ религіозной жизни христіанъ, въ особенности послѣ указанія широкой полноты ученія, годнаго и нужнаго для церковной каѳедры въ первомъ вводномъ положеніи. Такіе же вопросы стоятъ предъ изложеніемъ естественнаго [2]) и историческаго [3]) ученія, какъ предмета, годнаго для церковнаго собесѣдованія. По принятому порядку системы, вопросы о томъ, необходимо ли предлагать ученіе извѣстнаго рода на церковной каѳедрѣ, являются даже тогда, когда говорится въ ней о нравственномъ ученіи [4]), которое представляетъ пре-

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетики Амфитеатрова, ч. I, § 24.

[2]) Тамъ же, § 43.

[3]) § 49.

[4]) § 65.

имущественный и самый необходимый предметъ въ ряду матерій церковнаго собесѣдованія.

Нужно ли подробное указаніе проповѣдническихъ матерій въ гомилетикѣ? Намъ кажется,—не нужно. Гомилетика пускается въ чужую область, когда хочетъ представить подробное обозрѣніе матерій проповѣдническихъ. Все ученіе христіанское и вся религіозно-нравственная жизнь человѣка подлежитъ вниманію проповѣдника. А ученіе христіанское раскрывается въ другихъ богословскихъ наукахъ. Гомилетикѣ по необходимости придется дѣлать заимствованія изъ нихъ, если она поставитъ себѣ цѣлію обозрѣть кругъ матерій, пригодныхъ для проповѣдника. Въ ней будетъ повтореніе чужого, и повтореніе напрасное. Чѣмъ оно будетъ подробнѣе, тѣмъ болѣе будетъ сливаться съ содержаніемъ другихъ наукъ, разсматривающихъ ту или другую область богословскихъ предметовъ. Да всего и обозрѣть нельзя въ гомилетикѣ: такъ широка и необъятна область проповѣдническихъ матерій. Положимъ, ученіе христіанское,—догматическое ли то, или нравственное, или еще какое другое,—гомилетика разсматриваетъ не безотносительно, не само въ себѣ,—а примѣнительно къ цѣли назиданія, какую долженъ преслѣдовать проповѣдникъ. Но если и съ этой точки зрѣнія разсматривать всю совокупность матерій проповѣдническихъ, и при этомъ подвергать болѣе или менѣе подробному разбору каждый родъ ихъ, то это задача, съ одной стороны, слишкомъ обширная, могущая завлечь обозрѣвателя въ нескончаемыя дебри, при исполненіи которой трудно обойтись безъ повторенія содержанія другихъ наукъ, съ другой стороны, это—задача, выполненіе которой, и самое кропотливое и усердное, едва ли можетъ сопровождаться особенно важными и благотворными результатами для проповѣднической практики. Проповѣдь есть живое свидѣтельство или живое слово о нашемъ спасеніи и его условіяхъ, и каждому проповѣднику не книга лучше всего можетъ указывать матерію для его бесѣды, а

его-вѣра, его сердце, его сочувствіе людямъ, ждущимъ отъ него слова назиданія, и знаніе ихъ нравственныхъ нуждъ. Извѣстный Эразмъ Роттердамскій въ своей гомилетикѣ [1]) предпринялъ было подробный указатель матерій проповѣдническихъ, чтобы дать нѣкоторую помощь людямъ, не имѣющимъ времени для размышленія, или менѣе усерднымъ, тяготящимся работою изобрѣтенія, и въ немъ онъ предположилъ дать руководство, какъ можно развивать и уяснять каждый частный титулъ или предметъ проповѣднический. Трактатъ, посвященный этой задачѣ, онъ назвалъ „лѣсъ—sylva". Но онъ не выполнилъ своей задачи въ предположенной имъ мѣрѣ; во-первыхъ, потому, что его „лѣсъ" могъ бы разростись необозримо широко, то есть, его рѣчь растянулась бы почти въ безконечность, если бы онъ подробно говорилъ о каждой матеріи проповѣднической, а во-вторыхъ, потому, что онъ чувствовалъ, что нельзя проповѣднику предписать, о чемъ онъ долженъ говорить, и что онъ долженъ представлять въ разъясненіе той или другой матеріи. Это былъ бы, по его представленію, трудъ напрасный, и вмѣсто помощи проповѣднику могло бы только стѣснять его живую мысль. Трактатъ объ этомъ предметѣ онъ заключаетъ такими словами: „Изъ того, чего мы только коснулись, легко сообразитъ благоразумный читатель, сколько нужно было бы книгъ, если бы кто захотѣлъ говорить подробно о каждомъ предметѣ порознь, и кромѣ того было бы пустымъ и неблагодарнымъ дѣломъ все предписывать формулами, и какъ дитяти класть въ ротъ пережеванную пищу. Потому я предоставляю людямъ усерднымъ самимъ докончить остающуюся работу: пусть каждый, изучая божественныя книги, почерпаетъ изъ нихъ то, что сочтетъ годнымъ для проповѣди, и пусть это приводитъ въ приличный порядокъ [2])".

---

[1]) Ecclesiastes sive concionntor evangelicus. Lib. IV.

[2]) См. нашу книгу: Средневѣковыя гомилетики, стр. 217—218

Но не вдаваясь въ подробности, и считая излишнимъ грузомъ для гомилетики перечисленіе и обозрѣніе матерій проповѣдническихъ, раскрываемыхъ въ другихъ наукахъ, мы считаемъ нужнымъ установить общія начала, какими можетъ и долженъ руководствоваться проповѣдникъ, при выполненіи лежащаго на немъ долга.

При мысли о содержаніи проповѣдей, представляется весьма обширная и разнообразная область матерій, о которой проповѣдникъ можетъ, и по усмотрѣнію нуждъ пасомыхъ, долженъ бесѣдовать съ ними съ церковной каѳедры. Содержаніемъ проповѣди можетъ быть все, во что сердцемъ вѣруется въ правду, и что усты исповѣдуется во спасеніе,— все, чѣмъ можно способствовать, да совершенъ будетъ всякій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (Кол. I, 28). Апостолъ Павелъ, примѣромъ своей учительной дѣятельности, намѣчаетъ два предѣла, между которыми заключается безчисленное множество предметовъ, подлежащихъ обсужденію и разъясненію церковнаго христіанскаго учителя. Съ одной стороны, онъ возносился духомъ въ рай и повѣдалъ о тайнахъ третьяго неба, насколько то доступно человѣческому разумѣнію, а съ другой стороны, онъ ниспускался до тайнъ супружескаго ложа, и давалъ наставленія касательно удовлетворенія низменныхъ потребностей нашей природы, и касательно устроенія внѣшняго поведенія человѣка (1 Кор. VII, 2—6. VI, 18—19. X, 31. 1 Том, II, 9. Еф. IV, 29. Кол. IV, 6). Святый Григорій Двоесловъ въ своемъ „Пастырскомъ правилѣ“ двумя терминами опредѣляетъ кругъ предметовъ пастырскаго наставленія [1]). Эти, указываемые имъ, термины— съ одной стороны, высота созерцанія, съ другой, состраданіе ко всѣмъ. Эти термины, не указывая прямо предметовъ про-

[1]) Regula pastoralis. L. II. c. V. c. VII. Patrologiae latinae cursus completus T. LXXVII, col. 32—33. 38—42

повѣди, намѣчаютъ слишкомъ широкія границы проповѣдническому слову и не стѣсняютъ свободы его выбора въ ряду многосложныхъ истинъ нашей вѣры и нашего сознанія. Высота созерцанія ведетъ мысль проповѣдника къ уясненію высшаго божественнаго міра, а состраданіе ко всѣмъ заставляетъ его не пренебрегать потребностями и слабостями плотскаго человѣка. Въ разъясненіе своихъ положеній, святой отецъ указываетъ на лѣствицу, видѣнную Іаковомъ во снѣ, и образомъ этой лѣствицы намѣчаетъ тѣ пункты, на которыхъ долженъ останавливаться своимъ вниманіемъ каждый проповѣдникъ. Опираясь на камнѣ, эта лѣствица оканчивалась у престола Божія, и по ней восходили и нисходили ангелы Божіи. На верху этой лѣствицы Господь Саваоѳъ, а внизу ея лежитъ спящій человѣкъ, съ душею, полною заглохшихъ желаній, и волнуемою мечтами или сновидѣніями, съ своими немощами и съ своею безпомощностію, въ виду опасностей, ему угрожающихъ. И истинные проповѣдники, смотря на этотъ образъ, должны восходить созерцать главу церкви, т. е., Господа, должны уяснять ученіе о посредникахъ и пособникахъ нашего спасенія, соединяющихъ міръ земной, человѣческій съ міромъ небеснымъ, божественнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не должны отвращать своего взора и отъ немощей человѣка: онъ у нихъ всегда долженъ быть на виду, съ своими желаніями, съ своими потребностями, даже съ своими мечтами и грёзами.

Говоримъ это къ тому, чтобы показать и высокимъ авторитетомъ подтвердить, что не одни божественные возвышенные предметы могутъ и должны занимать мысль проповѣдника, но что просятъ его вниманія и предметы земные, низменные, не составляющіе прямой части божественнаго ученія, даже такіе, которые стоятъ въ противорѣчіи съ истиннымъ ученіемъ, излагаемымъ въ церкви, какъ заблужденія человѣческія и отступленія отъ закона правды. Господь Іисусъ Христосъ, стоящій образомъ, хотя и недосягаемымъ

для всѣхъ служителей церковнаго слова, проповѣдывалъ евангеліе о царствіи Божіемъ, къ которому всѣ мы должны стремиться, чтобы получить въ немъ спасеніе и блага, уготованныя намъ благостію Божіею. Но Онъ, разъясняя свое благовѣствованіе, говоритъ о многихъ предметахъ житейскаго обихода,—о томъ, напримѣръ, какъ нужно вести себя во время поста, объ умащеніи главы и о умовеніи лица (Матѳ. VI, 16—17),—говоритъ о заботахъ нашихъ объ одеждѣ и пищѣ (Мѳ. VI, 25. 28. 31),—говоритъ о нечистомъ воззрѣніи на жену (Мѳ. V, 28) и т. д.

Лучшіе христіанскіе проповѣдники, руководя народъ ко спасенію и къ устроенію своей жизни въ согласіи съ закономъ Христовымъ, нерѣдко вызывались обстоятельствами къ рѣчи о предметахъ, относящихся къ житейскому обиходу. Святый Іоаннъ Златоустъ касался въ своихъ проповѣдяхъ такого низменнаго предмета, какимъ служитъ наша обувь, и проповѣдь его объ этомъ предметѣ произвела такое дѣйствіе на слушателей, что у многихъ вызвала слезы и рыданія. Всѣмъ извѣстна проповѣдь и нашего великаго учителя,—Филарета, митрополита московскаго, объ одеждѣ,—матеріи, не имѣющей непосредственнаго отношенія къ ученію о нашемъ спасеніи. Проповѣдей о подобныхъ предметахъ мы много можемъ встрѣчать и у другихъ проповѣдниковъ.

Но эти предметы внѣшняго житейскаго обихода могутъ и должны быть обсуждаемы съ церковной каѳедры не сами по себѣ, а по такому или иному отношенію къ домостроительству нашего спасенія, и настолько можетъ касаться ихъ проповѣдникъ, насколько они или заботы о нихъ служатъ препятствіями къ достиженію главной цѣли, намъ указанной, или отвлекаютъ насъ отъ прямого пути, ведущаго насъ къ нравственному совершенству.

Есть одинъ средоточный пунктъ, котораго никогда не долженъ опускать изъ вниманія проповѣдникъ, и который долженъ заправлять всею мыслію его, когда онъ бесѣдуетъ

съ народомъ христіанскимъ, ждущимъ отъ него слова назиданія. Этотъ пунктъ Христосъ, за насъ распятый, и своею смертію искупившій насъ отъ грѣха и проклятія, тяготѣвшаго надъ нами. Этотъ средоточный пунктъ проповѣди христіанской указываетъ апостолъ Павелъ, когда характеризуетъ сущность или главное содержаніе проповѣди своей и другихъ апостоловъ, проповѣдывавшихъ евангеліе Христово. *Мы проповѣдуемъ* (говоритъ онъ) *Христа распята.... всѣмъ званнымъ іудеямъ же и еллинамъ Христа, Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 23—24). Говоря далѣе о томъ, что должно запечатлѣть въ сердцахъ слушателей апостольская проповѣдь, онъ замѣчаетъ: *не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 11, 2). Изъ этого пункта исходятъ и къ этому пункту возвращаются всѣ частности ученія о домостроительствѣ нашего спасенія, и собственно это ученіе составляетъ прямой и непосредственный предметъ христіанской проповѣди. Неуклонно держась точки зрѣнія, указанной этимъ пунктомъ, проповѣдникъ можетъ своею мыслію и своимъ назидающимъ словомъ простираться въ разныя сферы жизни человѣческой, и давать руководящее направленіе теченію явленій и дѣяній этой жизни. Тогда его слово будетъ словомъ святымъ, церковнымъ и христіанскимъ, хотя бы онъ въ этомъ словѣ призывалъ къ суду закона Христова дѣла житейскаго обихода и изображалъ мелкія суетныя помышленія наши. Когда святый Іоаннъ Златоустъ исторгалъ слезы у слушателей, говоря имъ о такомъ низкомъ и малозначительномъ предметѣ, какова наша обувь, то, конечно, не этотъ низкій предметъ самъ по себѣ вызывалъ его вниманіе, а то неправильное предосудительное отношеніе къ нему, какое онъ замѣтилъ у современныхъ ему согражданъ, тѣ излишнія заботы объ украшеніи этой части нашей одежды, какія они предпочитали заботамъ объ украшеніи души своей. То же самое руководило мыслію нашего

проповѣдника Филарета, митрополита московскаго, когда онъ говорилъ сильное обличительное слово объ одеждѣ.

Но если человѣкъ станетъ говорить съ церковной каѳедры о предметахъ житейскаго обихода или будетъ раскрывать матеріи, относящіяся къ благоустроенію внѣшней жизни человѣка, порвавши или утерявши связь своей рѣчи съ средоточнымъ пунктомъ въ ученіи о домостроительствѣ нашего спасенія,—это не будетъ уже проповѣдію христіанскою, и мѣстомъ для такихъ рѣчей должна быть не церковная каѳедра, а какая-либо свѣтская аудиторія. Много хорошаго и полезнаго можетъ быть сказано объ условіяхъ, способствующихъ улучшенію внѣшняго благосостоянія человѣка. Но если въ этой полезной рѣчи не будетъ вѣянія духа Христова, который дается душѣ, занятой мыслію о нашемъ спасеніи, она не можетъ быть проповѣдію церковною.

Въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, въ такъ называемый вѣкъ просвѣщенія, многіе протестантскіе проповѣдники въ Германіи отрывались отъ того корня, изъ котораго должна выростать и на которомъ должна утверждаться церковная проповѣдь, и заставляли ее служить не спасенію людей, а счастію земному. Подъ вліяніемъ философскаго эвдемонизма, они полагали, что для проповѣди достаточно, если она будетъ освобождать людей отъ предразсудковъ, будетъ вести ихъ къ здоровью и внѣшнему благополучію и способствовать облагороженію народа. О Христѣ, за насъ распятомъ, они не упоминали, и ихъ рѣчи никакой связи не заявляли съ этимъ средоточнымъ пунктомъ ученія о спасеніи. Говорили о сельско-хозяйственныхъ предметахъ, о медицинскихъ темахъ, касающихся здоровья народа,—напримѣръ, о привитіи оспы,—о предметахъ, относящихся къ простой гражданственности,—о любви къ порядку, о болѣе удобныхъ взаимныхъ отношеніяхъ людей, живущихъ въ одной мѣстности и т. п. Хотя рѣчи о такихъ житейскихъ предметахъ, имѣющія въ виду одну пользу и внѣшнее гражданское благо, говорились съ

церковной каѳедры, но онѣ не могутъ быть названы христіанскими проповѣдями, и исторія, вѣрно понимающая идею церковнаго краснорѣчія и назначеніе христіанской проповѣди, въ такомъ направленіи проповѣди, какая замѣчалась у протестантскихъ проповѣдниковъ въ вѣкъ просвѣщенія, и къ какому склоняются проповѣдники при господствѣ раціонализма, указываютъ уклоненіе ея отъ своего прямаго пути и отъ выполненія лежащей на ней задачи и подвергаетъ представителей такого направленія проповѣди полному порицанію. Восходятъ на церковную каѳедру люди и говорятъ совершенно не то, что ожидается и требуется отъ служителей церковнаго слова.

Проповѣдникъ—посланный Богомъ или призванный церковію живой свидѣтель, указывающій народу путь спасенія, ведущій въ царство небесное. Это дѣло, ему порученное, онъ долженъ совершать со всевозможнымъ усердіемъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шуее. Ему указанъ средоточный пунктъ въ ученіи о домостроительствѣ нашего спасенія—Іисусъ Христосъ, за насъ распятый, котораго онъ ни на минуту не долженъ опускать изъ вниманія. Отъ этого пункта, какъ радіусы отъ центра, должны расходиться до далекой окружности многообразныя сочетанія разныхъ представленій, вызываемыя нуждами слушателей и потребностями времени. Предъ взоромъ проповѣдника, внимательнаго къ своему долгу, великая сокровищница. Бери изъ нея, что хочешь, и только умѣй выбирать то, что наиболѣе необходимо и полезно для того круга слушателей, къ которому онъ обращается съ своимъ словомъ. Ему не исчерпать всего богатаго содержанія, какое заключается въ этой сокровищницѣ. Но все, что бы ни говорилъ проповѣдникъ, должно имѣть большую или меньшую связь съ словомъ крестнымъ. Апостолъ Павелъ, въ словѣ крестномъ указывающій сущность христіанской проповѣди (I Кор. 1, 18), въ другомъ посланіи (къ Титу) такъ подробнѣе опредѣляетъ предметъ, которымъ должна зани-

маться проповѣдь, возлагаемая на служителей церкви: *явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже далъ есть себе за ны, да избавитъ насъ отъ всякаго беззаконія и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ. Сія* (завѣщаетъ онъ Титу, поставленному имъ правителемъ критской церкви) *глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ, да никтоже тя преобидитъ* (Тит. II, 11—15).

Указывая широкія грани, между которыми заключается, можно сказать, неисчерпаемое множество предметовъ и матерій, стоящихъ предъ взоромъ проповѣдника, призваннаго возвѣщать народу слово спасенія, мы выставленіемъ средоточнаго существеннаго пункта христіанской проповѣди намѣтили не только то, что нужно говорить и разъяснять народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, чего проповѣдь должна избѣгать, и что въ ней является неумѣстнымъ.

Мы уже говорили, что неумѣстны на церковной каѳедрѣ и совершенно не отвѣчаютъ задачѣ проповѣди рѣчи, направленныя единственно къ улучшенію внѣшняго быта состоянія человѣка, касающіяся, напримѣръ, лучшей обработки земли, ухода за садами и другихъ хозяйственныхъ условій,— сохраненія здоровья и прочихъ предметовъ, входящихъ въ область внѣшней культуры. И если настоитъ иногда надобность, въ цѣляхъ духовнаго назиданія паствы, касаться въ проповѣди предметовъ житейскаго обихода, то для рѣчи о такихъ предметахъ отъ проповѣдника требуется особенное искусство, чтобы умѣть дать своей рѣчи церковное направленіе и духъ истинно-христіанскій, что не легко достается проповѣдникамъ молодымъ, мало опытнымъ, не воспитав-

шимъ въ себѣ духа Христова. При этомъ не только излишне, но неумѣстно на церковной каѳедрѣ подробное изображеніе этихъ предметовъ. Въ нихъ или въ увлеченіи ими проповѣднику дается только поводъ или побужденіе умѣрять или подавлять излишнія пристрастія къ вещамъ малоцѣннымъ и направлять мысль и волю слушателей отъ земныхъ работъ, поглощающихъ ихъ вниманіе, къ заботамъ о единомъ на потребу,—о благѣ духовномъ и спасеніи души. Примѣромъ для проповѣдниковъ можетъ быть въ этомъ случаѣ слово апостоловъ, и этому слову должны подражать они. Говоритъ св. апостолъ Петръ объ украшеніяхъ внѣшнихъ, которыми часто много занимаются женщины, и смотрите, какъ сдержанно его слово, и куда онъ направляетъ мысль тѣхъ, къ кому обращаетъ свое слово. *Женамъ* (говоритъ онъ) *да будетъ не внѣшняя, плетенія власъ и обложенія злата, или одѣянія ризъ лѣпота, но потаенный сердца человѣкъ въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно. Тако бо иногда и святыя жены, уповающія на Бога, украшаху себе, повинующяся своимъ мужемъ* (I Петр. III, 3—5). Совершенно такое же слово, также сдержанное въ изображеніи предмета, и также всецѣло направленное къ назиданію, мы читаемъ у другого апостола,—Павла въ его посланіи къ Тимоѳею. *Жены во украшеніи лѣпотнѣмъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но еже подобаетъ женамъ, обѣщающимся благочестію, дѣлы благими* (1 Тим. II, 9—10).

Въ виду того, что проповѣдь церковная содержаніемъ своимъ имѣетъ ученіе о домостроительствѣ нашего спасенія и разъясненіе этого ученія для устроенія жизни нашей по духу Христову, сами собою выставляются ограниченія, устраняющія отъ церковной каѳедры предметы, не ведущіе къ

цѣли назиданія, которую должна преслѣдовать проповѣдь церковная.

Въ силу этихъ ограниченій неудобны для церковной каѳедры и неумѣстны на ней какія-либо ученыя изслѣдованія, разъясняющія вопросы знанія, какими занимается школа. Было бы странно слышать съ церковной каѳедры разсужденія о матеріяхъ философскаго или политическаго характера. Какъ бы они ни были умно составлены и развиты, и какимъ бы понятнымъ языкомъ ни были изложены, они были бы совершенно неумѣстны тамъ, откуда народъ ждетъ слова о спасеніи и объ условіяхъ, способствующихъ достиженію блаженства вѣчнаго. Слово о царствіи Божіемъ Господь возвѣщалъ народу во время своего земного служенія, и это же слово Онъ повелѣлъ проповѣдывать апостоламъ и ихъ преемникамъ до скончанія вѣка. Что не входитъ въ понятіе царствія Божія и не уясняетъ пути, ведущаго къ этому царству, то предметъ чуждый для церковной проповѣди. Не мѣсто на церковной каѳедрѣ даже богословскимъ трактатамъ, преслѣдующимъ чистый интересъ знанія, безъ приложенія къ потребности духовнаго усовершенствованія христіанъ. Каѳедра проповѣдника не можетъ быть отождествляема и смѣшиваема съ школьною каѳедрою профессора. На этой послѣдней каѳедрѣ могутъ быть умѣстны утонченныя отвлеченныя умствованія, изслѣдованія объ источникахъ знаній, критическіе разборы сужденій по тѣмъ или другимъ богословскимъ вопросамъ: здѣсь учитель является во всеоружіи учености. Главное дѣло ученаго или профессора богословія уясненіе предмета, изслѣдованіе истины, при чемъ мало принимаются во вниманіе потребности жизни. А у проповѣдника духовныя нужды народа на первомъ планѣ, и имъ онъ служитъ первѣе всего. Его вниманіе должно быть направлено не на изслѣдованіе истины, а на передачу, на сообщеніе ея народу, въ видахъ устроенія его жизни. Ученый или профессоръ разрабатываетъ почву, а проповѣдникъ беретъ и передаетъ то, что возра-

стаетъ на этой почвѣ. Ученый, если можно употребить для уясненія дѣла другое сравненіе, углубляется въ кладезь мудрости, а проповѣдникъ напояетъ народъ тою водою, которая извлекается изъ этого кладезя.

Нужно ли напоминать далѣе, что на церковную каѳедру не допустимо ничто сомнительное, апокрифическое, не имѣющее характера твердой, непреложной истины? Именемъ Божіимъ говоритъ проповѣдникъ, и является посланникомъ Господа Іисуса Христа. Ему поручено возвѣщать слово Божіе или ученіе Господа Іисуса Христа. Онъ измѣняетъ своему назначенію, если къ святому слову истины, облеченному божественнымъ авторитетомъ, примѣшиваетъ измышленія человѣческаго ума, и, какъ откровеніе божественное, передаетъ свои мечтанія или сомнительныя повѣствованія другихъ, которыя въ слушателяхъ могутъ подорвать вѣру въ возвѣщаемое имъ ученіе. Въ этомъ случаѣ вмѣсто золота онъ даетъ народу фольгу, вмѣсто истинной монеты фальшивую, или чистое вино разводитъ водою. Противъ такихъ проповѣдниковъ, которые вмѣсто святого и непреложнаго слова Божія возвѣщаютъ народу сомнительныя измышленія и сказанія, неоднократно высказываются отъ лица Божія прещенія и угрозы у пророка Іереміи. *Лживо пророцы пророчествуютъ во имя Мое* (говоритъ Господь), *не послахъ ихъ, ни заповѣдахъ имъ... понеже видѣнія лжива и гаданія и волшебства и произволы сердца своего тіи пророчествуютъ вамъ* (Іер. XIV, 14). *Доколѣ будетъ въ сердцы пророковъ, пророчествующихъ лжу и пророчествующихъ льщенія сердца своего?... Пророкъ, иже имать слово мое, да глаголетъ слово во истинѣ. Что плевы ко пшеницѣ? Тако слово мое, рече Господь.. Се Азъ на пророки, глаголетъ Господь, износящія пророчествія языкомъ и дремлющія дремліе свое. Се Азъ на пророки, пророчествующія соніе лживо* (Іер. XXIII, 26—32).

Мы указали общія начала, опредѣляющія широкій кругъ проповѣдническихъ матерій и выставили центральный пунктъ въ этомъ кругѣ, который никогда не долженъ опускать изъ вида проповѣдникъ, когда выполняетъ свое служеніе. Что когда брать и предлагать народу изъ широкаго круга проповѣдническихъ матерій,—это должно быть предоставлено такту и благоразумію проповѣдника. Пусть онъ знакомится съ народомъ, который собирается вокругъ его каѳедры, пусть изучаетъ его бытъ и нравы, и пріобрѣтаетъ ясное представленіе о его религіозно-нравственномъ состояніи и духовныхъ потребностяхъ: тогда сама жизнь подскажетъ его уму и его заботливой любви, на что ему нужно обратить вниманіе, и что предлагать народу для его назиданія. А отвлеченныя указанія и правила, какъ бы ни были подробны, какое обиліе темъ ни представляли бы, мало могутъ помочь дѣлу; даже могутъ отвлечь проповѣдника отъ того пути, идя которымъ онъ скорѣе можетъ быть полезенъ народу. Пожалуй, можно указать, какое содержаніе умѣстно предложить и развить въ тотъ или другой праздникъ. Но это дается проповѣднику и безъ особеннаго нарочитаго указанія: событіе, воспоминаемое въ тотъ или другой праздникъ, праздничное богослуженіе, уясняющее смыслъ церковнаго дня, чувства, возбуждаемыя въ христіанахъ церковнымъ торжествомъ,—все это, и безъ особыхъ теоретическихъ наставленій, опредѣляетъ предметъ проповѣди на тотъ или другой праздничный день, хотя это не должно связывать проповѣдника. Св. Іоаннъ Златоустъ, по требованію обстоятельствъ, въ праздникъ воскресенія говоритъ не только о воскресеніи, но и о пьянствѣ, и о послѣднемъ больше, чѣмъ о первомъ. И извѣстное слово св. Василія Великаго о пьянствѣ сказано тоже въ одинъ изъ дней пасхальнаго праздника, по поводу тѣхъ безчиній, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ наканунѣ.

Не претендуя на указаніе матеріи для каждой частной проповѣди изъ широкаго круга проповѣдническихъ предметовъ, наука можетъ указывать источники, изъ которыхъ проповѣдникъ можетъ почерпать содержаніе для своихъ поученій, или исходныя точки и руководительныя начала, какими онъ можетъ пользоваться, при выполненіи своего проповѣдническаго служенія. Отъ различія этихъ источниковъ или исходныхъ точекъ зависитъ, если не различіе содержанія проповѣдей, которое въ существѣ неизмѣнно должно быть одно и то же ученіе Христово, то различіе въ построеніи проповѣди и развитіи и разъясненіи проповѣднической матеріи. Отъ этого различія исходныхъ точекъ при построеніи проповѣдей и зависящаго отъ него разъясненія христіанскаго ученія происходятъ различные виды проповѣдей. Такихъ видовъ мы насчитываемъ четыре: 1) *омилія* или изъяснительная бесѣда, имѣющая своимъ непосредственнымъ источникомъ и матеріаломъ священное писаніе, и ставящая своею задачею изъясненіе его, 2) *слово*, берущее свое содержаніе изъ идеи церковнаго года, 3) *катихизическое поученіе*, излагающее элементарные уроки вѣры, нравоученія и богослуженія и 4) *проповѣдь*, называемая нынѣ *публицистическою*, отвѣчающая на вопросы современности, и исходною точкою для себя поставляющая воззрѣнія современнаго поколѣнія, весьма часто уклоняющіяся отъ истины, теоретическія заблужденія и нравственныя болѣзни вѣка, которыя она обсуждаетъ и направляетъ по руководству слова Божія. Во французской проповѣднической литературѣ этой публицистической проповѣди отвѣчаютъ церковныя бесѣды, отмѣчаемыя именемъ „Conferences“, начало которымъ въ началѣ истекшаго столѣтія положено извѣстнымъ проповѣдникомъ Фрейсину.

1. Омилія.

Первый источникъ, изъ котораго проповѣдь заимствуетъ матеріалъ и беретъ исходную точку для назиданія предлагае-

маго народу, есть слово Божіе или священное писаніе, и первый видъ проповѣди церковной есть омилія или изъяснительная бесѣда. Въ древности,—въ первые четыре вѣка,—омилія была господствующимъ родомъ церковныхъ поученій. Изъясненію священнаго писанія, большею частію въ порядкѣ библейскаго текста той или другой книги, посвящали свое слово древніе отцы проповѣдники, и толкуя текстъ богодухновенныхъ книгъ, брали изъ него потребныя наставленія для назиданія вѣрующихъ.

Древніе святые отцы—проповѣдники первымъ долгомъ своимъ считали въ своихъ церковныхъ бесѣдахъ изъяснять священныя библейскія книги потому, что видѣли въ Библіи книгу первостепенной важности для христіанина. Все, въ ней написанное, написано по вдохновенію Духа Святаго, и въ ней изложено все то, что Умомъ божественнымъ признано необходимымъ сообщить человѣку для его наученія и руководства по пути спасенія. Никакая другая книга рѣшительно не можетъ по своему значенію идти въ сравненіе съ божественною книгою, заключающею въ себѣ писанія боговдохновенныхъ мужей,—пророковъ и апостоловъ, а тѣмъ болѣе замѣнить ее. Что намъ нужно знать о Богѣ и человѣкѣ, о законѣ богоугодной жизни, ведущей насъ къ совершенству и объ условіяхъ нашего спасенія,—все это съ возможною полнотою раскрыто въ священныхъ книгахъ. Откровеніе, записанное въ библейскихъ книгахъ, дано намъ для того, чтобы мы истиною, въ немъ сообщенною, питали свои души, освѣщали свою мысль, разрѣшали могущія смущать насъ недоумѣнія и направляли свою волю къ дѣланію добра и къ снисканію обѣтованнаго намъ блаженства. Цѣня такое значеніе книги Откровенія, древніе христіане стремились поучаться въ законѣ Господнемъ со всевозможнымъ усердіемъ, и въ святой книгѣ искали для себя пищи духовной. Въ то время, при отсутствіи книгопечатанія, труднѣе было, чѣмъ нынѣ, доставать кодексъ книгъ священныхъ. Но по свидѣ-

тельству Златоуста, священныя книги были въ рукахъ многихъ, и многіе напередъ прочитывали тѣ отдѣлы, которые имѣли быть изъясняемы проповѣдникомъ.

Нынѣ у насъ омилія или изъяснительная бесѣда вышла изъ употребленія, и мы не видимъ цѣльныхъ опытовъ изъясненія той или другой священной книги съ церковной каѳедры. И даже въ нашихъ руководствахъ по проповѣдничеству мало обращается вниманія на священное Писаніе, какъ на источникъ и матеріалъ церковной проповѣди. Въ гомилетикѣ Амфитеатрова, при обширности трактата о матеріи церковнаго собесѣдованія, разросшагося въ цѣлый томъ, только вскользь упоминается о библейскихъ книгахъ, какъ матеріалѣ для церковнаго собесѣдованія. Изъясненію священнаго Писанія у него не отведено особаго мѣста, при обозрѣніи предметовъ церковнаго собесѣдованія, и объ немъ говорится только при обозрѣніи ученія богослужебнаго. Здѣсь, послѣ разъясненія суточнаго богослуженія и обозрѣнія церковно-богослужебной библіотеки (октоиха, минеи, тріоди, требника и другихъ) особый членъ (третій) посвященъ обозрѣнію церковно-учительской библіотеки, въ ряду книгъ которой первое мѣсто дано книгамъ священнаго Писанія, и объ нихъ говорится, какъ матеріалѣ для церковнаго собесѣдованія, поскольку эти книги входятъ въ церковно-богослужебное употребленіе [1]). Впрочемъ, Амфитеатровъ, сдѣлавши замѣчаніе о священномъ Писаніи, какъ матеріалѣ для церковнаго собесѣдованія, поскольку чтенія изъ него предлагаются при богослуженіи, въ концѣ трактата объ этомъ, говоритъ о важности рядового изъясненія книгъ священнаго Писанія: „Лучше всего было бы (говоритъ онъ), если бы проповѣдники... возстановили древній образъ проповѣди. Церковь положила читать слово Божіе подъ рядъ, и для сего опредѣлила *рядо-*

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, §§ 164—167; стр. 250—255.

выя зачала. Слѣдовательно, по ея намѣренію, проповѣдникъ долженъ изъяснять слово Божіе не по частямъ, не отрывками изъ того или другого священнаго писателя, а въ рядъ и цѣльно... Не такъ ли поступали древніе учители христіанскіе? Св. Златоустъ избиралъ для своихъ бесѣдъ не темы, не отдѣльные тексты изъ того или другого мѣста Писанія; нѣтъ,—онъ избиралъ цѣлыя книги библейскія, и избранную дотолѣ не оставлялъ, пока не разобралъ всю ее предъ своими слушателями. Только этою методою можно ввести слушателей въ духъ Писанія, и только при этой методѣ можно сдѣлать Писаніе учебною книгою для народа христіанскаго" [1]).

Этому, совершенно вѣрному, замѣчанію Амфитеатрова, занимающему не видное мѣсто въ его системѣ, нужно бы дать болѣе важное значеніе. Въ числѣ матеріаловъ для церковнаго собесѣдованія, и нынѣ, какъ въ древнія времена, на первомъ мѣстѣ совершенно прилично ставить слово Божіе или книгу Откровенія. Нельзя не пожалѣть о томъ, что нынѣшніе пастыри-проповѣдники не хотятъ слѣдовать обычаю отцовъ-проповѣдниковъ, въ изъясненіи священнаго Писанія полагавшихъ первую свою задачу. Книга Откровенія и для нашего времени имѣетъ то же значеніе, какое она имѣла для христіанъ первыхъ вѣковъ: въ ней сообщены намъ и содержатся незамѣнимые глаголы живота вѣчнаго, какіе угодно было даровать намъ Господу и Спасителю нашему. Указывать и разъяснять то, что для нашего спасенія изглаголано Духомъ Божіимъ,—это первая задача христіанскаго учителя, выше которой мы и представить не можемъ. Правда, нынѣшніе христіане, хотя теоретически не могутъ не признавать высокаго значенія для насъ священныхъ книгъ, практически мало стараются знакомиться съ ними и изучать ихъ, и этому не помогаетъ и то, что нынѣ гораздо легче можно пріобрѣсть библію или по крайней мѣрѣ

[1]) Тамъ же, стр. 254 – 255.

книги новаго завѣта, чѣмъ это было въ первые вѣка нашей эры, и библія нынѣ, благодаря печати, гораздо болѣе распространена, чѣмъ во времена давно минувшія. Вмѣсто библіи для людей нашего вѣка руководительною книгою служитъ книга свѣтская, распустившаяся чрезвычайно широко, и ей посвящаютъ гораздо больше вниманія, чѣмъ книгѣ божественной, священной: эта послѣдняя, можно сказать, заслоняется книгою свѣтской. Но христіанскій учитель, сознающій все великое значеніе для насъ книги, содержащей божественное Откровеніе, долженъ не приспособляться къ настроенію людей, привыкшихъ искать для себя духовной пищи и просвѣтительныхъ началъ въ книгѣ мірской, газетѣ или журналѣ, и часто совершенно забывающихъ о священной книгѣ, а напротивъ долженъ показывать предъ всѣми свое благоговѣніе предъ нею, какъ Откровеніемъ, даннымъ отъ Бога, и тѣмъ болѣе долженъ выражать это, чѣмъ болѣе замѣчаетъ невниманія къ божественной книгѣ. При томъ это невниманіе къ божественной книгѣ весьма часто зависитъ отъ малаго знакомства съ этою книгою, отъ того, что люди не читали ея, и не вникали въ ея содержаніе. Умѣлою рукою покажите такимъ все богатство содержанія божественной книги, постарайтесь почерпать изъ нея ту живую воду, которая лучше всякой свѣтской книги можетъ утолить нашу духовную жажду, и щедро раздавайте изъ нея то драгоцѣнное золото, въ ней хранимое, котораго не замѣчаютъ люди мало внимательные,—и тогда разсѣется предубѣжденіе противъ библіи, если есть оно у кого, и возбудится надлежащее вниманіе къ ней.

Ссылающимся, въ объясненіе пренебреженія древнею формою омиліи, на то, что насъ не будутъ слушать, если мы, подобно древнимъ отцамъ, будемъ объяснять стихъ за стихомъ той или другой книги священнаго Писанія, можно указать на примѣръ сектантовъ. У нихъ меньше пониманія священнаго Писанія, и менѣе искусства въ его толкованіи,

чѣмъ у нашихъ пастырей—проповѣдниковъ; иногда даже своимъ темнымъ разумомъ они рѣшительно не могутъ добраться до истины и грубо извращаютъ смыслъ Писанія. А между тѣмъ ихъ слушаютъ, и они берутся изъяснять трудныя для пониманія книги Писанія, напримѣръ, книгу пророка Іезекіиля. Если они, люди темные и невѣжественные, умѣютъ приковать вниманіе своихъ слушателей къ изъясненію рядовыхъ текстовъ той или другой книги Писанія, находятъ здѣсь удобовоспріемлемый матеріалъ для назиданія народа, то не тѣмъ ли болѣе могли бы сдѣлать это учители, хорошо наставленные въ вѣрѣ и съ молодыхъ лѣтъ, изъ школы, ознакомленные съ Писаніемъ и наученные правильному толкованію его, по примѣру древнихъ отцовъ Церкви?

При высокомъ значеніи для насъ библіи, какъ незамѣнимой книги божественнаго Откровенія, кромѣ богатства назиданія, въ ней заключающагося, вниманіе къ ней проповѣдниковъ и забота о ея правильномъ толкованіи должны быть возбуждаемы тѣмъ, что въ ней много неяснаго и неудобовразумительнаго для людей, не получившихъ надлежащаго церковнаго образованія. При чтеніи многихъ мѣстъ, гдѣ, напримѣръ, встрѣчаются человѣкообразныя представленія о Богѣ, или гдѣ передаются повѣствованія о святыхъ ветхозавѣтныхъ мужахъ, повидимому, не согласующіяся съ нашимъ представленіемъ о людяхъ нравственнаго совершенства, благоугождающихъ Богу, у многихъ могутъ возникать сомнѣнія и недоумѣнія, требующія разъясненія. Далѣе, многія мѣста Писанія, ложно понятыя, прямо могутъ вести и не однихъ темныхъ людей къ заблужденіямъ и превратнымъ толкованіямъ истинъ вѣры. Еретики, отступавшіе отъ церкви, старались защищать свои лжеученія словами Писанія, придавая имъ не тотъ смыслъ, какой въ нихъ заключается. И наши нынѣшніе сектанты тоже думаютъ опираться на словѣ Божіемъ, когда защищаютъ свое лжеученіе и когда

стараются распространять его въ народѣ, и увлекаемые ими не замѣчаютъ и по своей умственной темнотѣ даже не могутъ замѣтить, какъ они злоупотребляютъ Писаніемъ, сами не понимая точнаго смысла библейскихъ выраженій. Будучи слѣпцами, ослѣпленные духомъ своеволія и гордыни, они принимаютъ дерзновеніе по своему толковать слова божественной мудрости, и своимъ узкимъ умомъ думаютъ исчерпать весь кладезь ученія, заключенный въ библіи. И сбывается слово Писанія: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мѳ. XV, 14). По слову святого отца (Григорія Богослова) „не всякая книга (библейская) всякому съ перваго раза вразумительна, и заключающая въ себѣ болѣе глубокій смыслъ, можетъ даже многимъ, по своему внѣшнему смыслу, обратиться въ большій вредъ“ [1]). Поэтому святые отцы и считали необходимымъ съ церковной каѳедры разъяснять народу точный смыслъ Писанія, разъясняя недоумѣнія и предохраняя отъ неправильнаго толкованія его, могущаго вести къ заблужденіямъ и сопровождаться большимъ вредомъ. Это самое должно быть въ виду и у нынѣшнихъ учителей церкви.

Мы должны прибавить къ этому, что и нынѣ, какъ прежде, воля церкви возлагаетъ на пастырей долгъ разъясненія книгъ священнаго Писанія. Эта воля выражена въ церковномъ Уставѣ. Установивъ чтеніе нѣкоторыхъ книгъ священнаго Писанія при богослуженіи въ рядовыхъ дневныхъ зачалахъ, обнимающихъ всю полноту той или другой книги, св. церковь вмѣняетъ въ обязанность своимъ служителямъ предлагать народу изъясненіе этихъ книгъ въ тѣ періоды года, къ какимъ пріурочено чтеніе зачалъ той или другой книги. Въ Уставѣ церковномъ указаны даже тѣ толкованія, Писанія, какими можно пользоваться, и какія можно и нужно предлагать народу. „Подобаетъ вѣдати (говорится въ цер-

---

[1]) „Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. 1. Слово св. Григорія Богослова 3-е, стр. 45.

ковномъ Уставѣ), яко во святую и великую недѣлю Пасхи начинается *еже отъ Іоанна Евангеліе*, и чтется до Пентикостіа. Толкованія же того Евангелія *Златоустова* чтутся на утреняхъ въ тыя дни. Отъ недѣли Пентикостіа до мѣсяца сентембрія чтется *еже отъ Матѳея Евангеліе*, а толкованія на оное Златоустова чтутся на утреняхъ. Отъ новаго же лѣта, сирѣчь отъ недѣли по Воздвиженіи до недѣли сырныя чтется *отъ Луки святаго Евангеліе*. На утреняхъ же чтется толкованіе *Ѳеофилактово* и толкованіе посланій св. апостола Павла, *еже отъ Златоуста*, такожде и Маргаритъ Златоустовъ. Отъ первыя же недѣли четыредесятницы, въ субботахъ и недѣляхъ, чтется *еже отъ Марка Евангеліе*; на утреняхъ же *Шестодневникъ Златоустовъ*“ [1]). Но въ церкви, при богослуженіи, читаются не одни Евангелія. По Уставу „отъ недѣли св. Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ чтутся Дѣянія св. апостоловъ; въ прочія же недѣли всего лѣта чтутся седмь *соборная посланія* апостольская и *четыренадесять посланій св. апостола Павла и Откровеніе* св. апостола Іоанна Богослова“. Кромѣ книгъ новаго Завѣта предлагаются чтенія и изъ ветхаго Завѣта. Въ періодъ четыредесятницы полагается рядовое чтеніе книги Бытія, книги пророка Исаіи, книги притчей и нѣкоторыхъ отдѣловъ изъ книги Іова. А въ паремiяхъ, на праздничные дни всего года, предлагаются отрывочные отдѣлы изъ разныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Такимъ распоряженіемъ церкви наши пастыри-проповѣдники не вызываются ли къ такому служенію церковнаго слова, какое выполняли древніе отцы, считавшіе своимъ долгомъ изъяснять книги священнаго Писанія, въ цѣломъ ихъ составѣ по порядку стиховъ текста? Нужды нѣтъ, что теперь забыто такое служеніе церковнаго слова. Добрый обычай, хотя и забытый, всегда можно возстановить, и силу возстановленнаго добраго

[1]) Церковный Уставъ, гл. 10, листъ 22.

обычая, хотя и не сразу, признаютъ люди, ищущіе истиннаго духовнаго назиданія, если только съ усердіемъ и умѣньемъ возьмутся за это дѣло служители церковнаго слова.

Изъ авторитетныхъ писателей по теоріи церковнаго краснорѣчія съ особенною силою ратовалъ Фенелонъ (въ своихъ *Разговорахъ о краснорѣчіи и церковномъ краснорѣчіи въ частности)* за возстановленіе древняго обычая, по которому отцы-проповѣдники изъясняли книги священнаго Писанія, по порядку стиховъ текста. Онъ, сожалѣя объ утратѣ этого обычая, для большей дѣйственности церковнаго слова, желаетъ и съ настойчивостію требуетъ, чтобы проповѣдники, проникшись духомъ Писанія, изъясняли начала и связь ученій, изложенныхъ въ Писаніи, чтобы всѣ бесѣды ихъ служили къ уясненію Писанія и къ возбужденію вниманія къ нему. „Какой авторитетъ (говоритъ онъ) имѣлъ бы проповѣдникъ, если бы онъ ничего не говорилъ отъ собственнаго измышленія, а слѣдовалъ мыслямъ и словамъ Божіимъ, и ихъ изъяснялъ предъ народомъ! И какая польза была бы для слушателей, если бы проповѣдникъ пріучилъ ихъ питать себя этимъ священнымъ хлѣбомъ! Гораздо легче изображать и бичевать настроенія, замѣчаемыя въ мірѣ, чѣмъ основательно изъяснять существенное содержаніе христіанской вѣры. Для перваго достаточно легкаго знакомства съ міромъ; а для второго нужно серьезное и глубокое изученіе священнаго Писанія.—Большая часть проповѣдей, нынѣ являющихся, представляютъ изъ себя умствованія философовъ. И въ проповѣди слышится тогда не слово Божіе, а слово и измышленіе человѣческое“ [1]).

Какъ вести дѣло изъясненія священнаго Писанія, при желательномъ возстановленіи древней омиліи? Путь къ этому указанъ и проложенъ древними отцами-проповѣдниками. Имъ

---

[1]) См. нашу книгу: Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера. стр. 231—232.

нужно подражать, у нихъ нужно учиться надлежащей плодотворной методѣ изъясненія священнаго Писанія, при которой буква Писанія являлась неизсякаемымъ источникомъ назиданія.

Изъясненіе Писанія въ церковныхъ бесѣдахъ древнихъ отцовъ отличалось отъ ученаго комментарія; цѣли, имѣвшіяся въ виду и преслѣдуемыя проповѣдниками при изъясненіи Писанія съ церковной каѳедры, не были тожественными съ тѣми задачами, какія старались выполнять толкователи Писанія, писавшіе комментаріи. Оригенъ, много трудившійся надъ изъясненіемъ Писанія, и въ своихъ бесѣдахъ оставившій намъ первые образцы изъяснительныхъ омилій, не разъ указываетъ различіе между ученымъ изъясненіемъ Писанія въ комментаріяхъ и изъясненіемъ его для народа съ церковной каѳедры. Здѣсь (на церковной каѳедрѣ), говоритъ онъ въ одной бесѣдѣ [1]), мы несемъ *служеніе не изъясненія Писанія, а назиданія церкви*, хотя изъ того, что мы говоримъ, всякій благоразумный слушатель можетъ найти ясныя стези къ уразумѣнію. Изъ прочитаннаго мы, не имѣя возможности изъяснить всего, собираемъ нѣчто, могущее назидать слушателей, какъ бы нѣкоторые цвѣтки съ полнаго поля, благословеннаго Господомъ. Въ другой бесѣдѣ онъ замѣчаетъ, что въ бесѣдѣ, говоримой въ церкви, мы „не имѣемъ столько времени, чтобы разсмотрѣть каждое слово Писанія и предложить такое изъясненіе его, чтобы ничто не осталось неизслѣдованнымъ, такъ какъ объясненіе подобнаго рода скорѣе дѣло комментарія, чѣмъ бесѣды“.

Въ чемъ же различіе между комментаріемъ и омиліею? Въ комментаріѣ экзегетъ сосредоточиваетъ свое вниманіе всецѣло на текстѣ Писанія и представляетъ полное, по возможности всестороннее изслѣдованіе его, а въ омиліи у экзегета главное вниманіе устремлено на потребности слушателей,

[1]) In Levit. homilia VII, n. 1. Patrologiae cursus compl. t. XII, col. 475.
[2]) In Numeros hom. XIV, n. 1. Patr. c. compl. t. XII, col. 676.

и онъ не ставитъ своею задачею дать полное объясненіе извѣстнаго отдѣла Писанія, а старается извлечь изъ него полезные уроки для слушателей. Въ комментаріѣ умѣстны и часто требуются филологическія изслѣдованія, подробные разборы текста, археологическія и историческія замѣчанія и справки, способствующія лучшему уразумѣнію библейскаго слова; здѣсь каждый пунктъ долженъ быть обслѣдуемъ съ возможною тщательностію. А для церковной бесѣды такой ученый снарядъ былъ бы излишнимъ грузомъ, и введенный въ нее, онъ могъ бы безъ нужды обременить вниманіе слушателей и затруднить достиженіе той цѣли назиданія, какую должны преслѣдовать проповѣдники. Правда, въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоуста, который является лучшимъ образцомъ проповѣдника-экзегета, при изъясненіи ветхозавѣтныхъ книгъ (напримѣръ, въ бесѣдахъ на псалмы) приводятся разночтенія въ переводахъ текста библейскихъ книгъ, но эти разночтенія указываются имъ не съ ученою цѣлію, а приводятся главнымъ образомъ для того, чтобы извлечь изъ нихъ болѣе уроковъ для назиданія народа.

Проповѣдникъ при изъясненіи священнаго Писанія на церковной каѳедрѣ (какъ справедливо замѣчаетъ Оригенъ), не можетъ останавливаться на каждомъ словѣ Писанія и подробно разбирать каждый пунктъ текста: этого не позволяютъ ему ограниченные предѣлы бесѣды и времени, назначаемаго для бесѣды. Да это и не требуется для цѣлей назиданія. Онъ долженъ схватывать и разъяснять главную суть отдѣла книги, предлежащаго его толкованію, долженъ собирать и предлагать народу съ великаго поля наиболѣе удобопріемлемые и полезные цвѣтки. Онъ можетъ опускать въ изъясняемой ими книгѣ цѣлые отдѣлы, если они мало даютъ матеріала для гомилетическаго назиданія (напримѣръ, въ книгѣ Бытія то мѣсто, гдѣ говорится о построеніи ковчега Ноева и показывается его измѣренія (VI, 14—16) или та глава (X), гдѣ перечисляются имена потомковъ Ноя.

Въ своихъ изъяснительныхъ бесѣдахъ, при помощи библейскаго текста, проповѣдникъ долженъ поставить своею задачею раскрытіе предъ слушателями исторіи божественнаго міроправленія, ученія о домостроительствѣ нашего спасенія и даннаго намъ закона святой жизни, нарушеніе котораго навлекаетъ на насъ гнѣвъ Божій. Для выполненія этой задачи ему нѣтъ нужды пускаться въ утонченныя розысканія и подробности, а достаточно остановиться на главномъ и существенномъ. Онъ можетъ выставлять на видъ наиболѣе крупныя и впечатлительныя черты въ библейскихъ сказаніяхъ, можетъ останавливаться на тѣхъ мѣстахъ, которыя служатъ доказательствомъ и подтвержденіемъ главныхъ истинъ нашего вѣроученія или подвергаются неправильнымъ лжетолкованіямъ,—знакомить съ поучительными исторіями о лицахъ и событіяхъ, записанными въ библіи для нашего назиданія, и изъ всего извлекать нравственные уроки, способствующіе нашему утвержденію на пути добродѣтели. Все, что ни говоритъ онъ, пусть говоритъ онъ для народа, для его назиданія: все должно быть ясно, вразумительно для народа и не отяготительно для его пониманія и вмѣстѣ съ тѣмъ все должно быть направлено къ утвержденію его въ вѣрѣ и доброй жизни.

У древнихъ практиковались двѣ методы изъясненія священнаго Писанія. Многіе не довольствовались указаніемъ простаго смысла Писанія, указываемаго буквою его, но искали въ каждомъ мѣстѣ священнаго Писанія иносказательнаго, аллегорическаго смысла, который не открывается простому читателю Писанія, не видящему ничего далѣе буквы. Аллегорія Писанія особенно любима была отцами александрійской школы. Съ особенною силою и настойчивостію выставлялъ необходимость и важность аллегорическаго толкованія Писанія Оригенъ. По его воззрѣнію, въ каждой самомалѣйшей части священнаго Писанія, даже въ каждой буквѣ и іотѣ скрывается особый смыслъ, невидный для простого глаза или поверхностнаго пониманія. Пристрастіе къ аллегоріи наслѣ-

довали отъ него другіе проповѣдники александрійскаго направленія. и въ проповѣдяхъ многихъ отцовъ этого направленія аллегорія занимаетъ слишкомъ широкое мѣсто, и указаніе иносказательнаго смысла въ томъ или другомъ мѣстѣ Писанія является какъ бы непремѣнною обязанностію экзегета-проповѣдника. Типическое значеніе многихъ мѣстъ священнаго Писанія ветхаго завѣта и событій ветхозавѣтной исторіи, въ прообразовательномъ смыслѣ указывавшихъ событія новозавѣтныя и служившихъ сѣнію грядущихъ благъ, давало законное основаніе для аллегоріи, при толкованіи ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ. Но александрійскіе экзегеты слишкомъ расширяли примѣненіе аллегорической методы толкованія Писанія, и старались, съ одной стороны, прилагать ее къ самымъ безплоднымъ мѣстамъ, изъ которыхъ безъ натяжки нельзя извлечь никакого таинственнаго смысла, а съ другой заслоняли и замѣняли аллегоріею богатый и глубокій смыслъ, даваемый буквою Писанія. При этомъ въ букву Писанія влагался такой смыслъ, какого не имѣли и не подозрѣвали сами богодухновенные писатели.

Въ гомилетическомъ отношеніи аллегорическая метода толкованія Писанія не была особенно благоплодна и представляетъ значительныя невыгоды. Правда, посредствомъ аллегоріи можно и на сухомъ полѣ возращать разнообразные цвѣты; посредствомъ нея можно влагать смыслъ въ мало говорящую букву. Но увлеченные пристрастіемъ къ аллегоріи дозволяли себѣ слишкомъ много произвола въ извлеченіи изъ буквы Писанія смысла, ею не указываемаго прямо, хотѣли вести слушателей къ глубокимъ созерцаніямъ, прибѣгая къ самымъ смѣлымъ сближеніямъ, и гоняясь за этими смѣлыми созерцаніями, они удалялись отъ прямого пути, ведущаго къ назиданію,—удовлетворяли больше пытливости ума, чѣмъ требованіямъ сердца, нуждающагося въ духовной назидательной пищѣ. Считая одно простое толкованіе, привязанное къ буквѣ Писанія, безъ пособія аллегоріи, недостаточнымъ и

неполнымъ, они тѣмъ самымъ оказывали какъ бы неуваженіе или пренебреженіе къ буквѣ Писанія, и посредственно вели къ такому же отношенію къ буквальному смыслу Писанія и своихъ слушателей.

Въ гомилетическомъ отношеніи гораздо плодотворнѣе была другая метода толкованія которой держались по преимуществу антіохійскіе проповѣдники. Держащіеся этой методы, не чуждаясь совершенно аллегоріи и пользуясь ею въ потребныхъ случаяхъ, главное вниманіе свое сосредоточивали на буквальномъ смыслѣ текста библейской книги. Не дѣлая никакого насилія тексту, какое дозволяли себѣ аллегористы, они умѣли черпать обильное назиданіе изъ самой буквы Писанія, и въ ихъ устахъ библія въ прямомъ, не иносказательномъ смыслѣ, являлась великою книгою божественной мудрости и неизсякаемымъ источникомъ нравственныхъ наставленій. Руководясь ею, они, по вызову текста, иногда давали исправленія и разъясненія вѣры и при этомъ входили въ обличенія заблуждающихся, а чаще всего направляли свое слово къ нравственной области,—уясняли, болѣе или менѣе подробно, законъ святой жизни, представляли примѣры добродѣтели, раскрывали побужденія къ упражненію въ добродѣтели, грозили гнѣвомъ Божіимъ и казнями въ семъ и будущемъ вѣкѣ за уклоненіе отъ праваго пути жизни и за нарушеніе даннаго намъ закона Божія, въ доказательство этого ссылаясь на историческія событія, записанныя въ священныхъ книгахъ и т. под. Въ бесѣдахъ отцовъ антіохійскихъ главное преобладающее направленіе, которое дѣлало особенно назидательнымъ толкованіе Писанія,—направленіе нравственное. Особенно любилъ и умѣлъ извлекать изъ каждаго мѣста св. Писанія богатые нравственные уроки великій Златоустъ. Онъ, какъ экзегетъ-проповѣдникъ,—нравоучительный проповѣдникъ по преимуществу, и въ этомъ отношеніи нѣтъ равнаго ему на всемъ протяженіи христіанской церковной исторіи. У него нужно учиться, ему нужно подражать, кому

предстоитъ трудъ, или кто хочетъ съ пользою для народа изъяснять книги священнаго Писанія. Слѣдуя его примѣру, онъ найдетъ неистощимые матеріалы для назиданія народа въ божественной книгѣ, написанной святыми мужами, по вдохновенію отъ Духа Божія.

Нужно замѣтить впрочемъ, что и аллегористы не пренебрегали нравственнымъ смысломъ Писанія въ своихъ церковныхъ бесѣдахъ. Напротивъ, они посредствомъ аллегоріи старались извлекать изъ буквы не одни утонченныя созерцанія, но и нравственныя наставленія, и эти послѣднія занимаютъ широкое мѣсто въ ихъ изъясненіяхъ. Оригенъ, слишкомъ широко и свободно пользовавшійся аллегоріею, когда говорилъ, что въ священномъ Писаніи нѣтъ ни одной буквы, ни одного титла, безъ сокрытаго въ нихъ глубокаго смысла, то разумѣлъ главнымъ образомъ нравственный смыслъ, какого нужно искать всюду. Онъ, какъ извѣстно, принималъ три смысла Писанія: простой, нравственный и таинственный; но для церковныхъ бесѣдъ, когда онъ изъяснялъ ту или другую мысль Писанія, онъ считалъ наиболѣе пригоднымъ смыслъ нравственный. Смыслъ простой, буквальный онъ считалъ слишкомъ низкимъ и малозначительнымъ, чтобы на немъ долго останавливаться и имъ назидать народъ, а смыслъ таинственный слишкомъ труднымъ и малодоступнымъ для пониманія большинства народа. И потому главное вниманіе его въ проповѣдяхъ сосредоточено на представленіи смысла нравственнаго, который онъ считалъ наиболѣе полезнымъ и наиболѣе доступнымъ для массы народа. И вотъ аллегорія являлась у него пригоднымъ средствомъ, при пособіи котораго онъ изъ всякаго мѣста Писанія могъ извлекать добрыя нравоученія. Нравоученію онъ посвящаетъ главную часть своего церковнаго проповѣднаго слова, и нравственныя наставленія въ изобиліи разсѣяны по всѣмъ страницамъ его бесѣдъ.

II. Слово.

Если въ древней церкви господствующею формою проповѣдничества была *омилія*, посвященная изъясненію священнаго Писанія и раскрывающая смыслъ его, толкуя стихъ за стихомъ той или другой библейской книги, то въ настоящее время господствующимъ видомъ церковной проповѣди является *слово*, которое черпаетъ свое содержаніе изъ идеи церковнаго года. Идея церковнаго года, послѣ священнаго Писанія, служитъ вторымъ источникомъ матерій, которыя можетъ разъяснять въ назиданіе народу христіанскій проповѣдникъ.

Церковный годъ, заключающій въ себѣ преемственное періодическое теченіе дней годового круга, сопряженныхъ съ извѣстными воспоминаніями, представляетъ чрезвычайно важное учрежденіе, и въ особенности благотворно его значеніе для проповѣдника. Въ идеѣ церковнаго года заключено, можно сказать, все широкое и многообразное содержаніе христіанскаго ученія, содержимаго въ церкви. Святая домоправительница—церковь ввела мудрый порядокъ въ возвѣщеніе народу ученія вѣры и спасенія, распредѣливъ его по днямъ года. Къ каждому дню года она пріурочила опредѣленную часть изъ необъятной области святыхъ истинъ. Въ преемственномъ рядѣ дней церковнаго года воспоминается и раскрывается вся исторія домостроительства нашего спасенія, по частямъ предлагается евангельское ученіе, и прославляются подвиги святыхъ Божіихъ, служащихъ ходатаями за насъ предъ Богомъ и подающихъ намъ примѣръ богоугодной жизни, въ лицѣ которыхъ церковь земная, воинствующая входитъ въ непосредственное соотношеніе съ церковію небесною, торжествующею.

Во многихъ иностранныхъ гомилетикахъ, въ трактатѣ о содержаніи проповѣдей, подробно разъясняется идея цер-

ковнаго года, во всей ея широтѣ, какъ богатый источникъ гомилетическаго матеріала. Въ нашихъ русскихъ гомилетикахъ нѣтъ нарочитаго самостоятельнаго трактата, посвященнаго разъясненію идеи церковнаго года, какъ источника проповѣдническаго матеріала. Но въ гомилетикѣ Амфитеатрова, отличающейся полнотою изложенія матеріи церковнаго собесѣдованія, не опущенъ изъ вниманія этотъ источникъ проповѣдническихъ матерій: относящееся къ этому предмету у него изложено въ трактатѣ объ ученіи богослужебномъ. Въ его книгѣ подробно раскрывается смыслъ службъ церковныхъ, и указывается, какое въ нихъ заключается обиліе гомилетическаго матеріала. Разбирая церковно-богослужебную библіотеку (во второмъ членѣ отдѣла объ ученіи богослужебномъ), онъ проходитъ разъясняющимъ словомъ все періодическое теченіе въ особенности знаменательныхъ дней года, указывая, какое ученіе ими предлагается проповѣднику въ службѣ того или другого дня, находящейся въ октоихѣ или минеѣ, и съ особенною внимательностію останавливаясь на службахъ постной и цвѣтной тріоди.

Церковный годъ, не безъ основанія, по характеру службъ церковныхъ, раздѣляютъ на двѣ половины. Одна половина праздничная, когда воспоминаются по преимуществу событія, относящіяся къ исторіи домостроительства нашего спасенія или къ исторіи искупленія рода человѣческаго, совершеннаго Господомъ Іисусомъ Христомъ, а другая простая, не праздничная, когда главнымъ образомъ воспоминается жизнь церкви въ лицѣ избранныхъ и прославленныхъ членовъ ея, послѣ совершенія дѣла искупленія Спасителемъ и дарованія ей силы для совершенія дѣла освященія и спасенія вѣрующихъ.

Первая, праздничная, половина можетъ быть раздѣлена на три стадіи, и службы каждой стадіи рѣзко отличаются по своему характеру и содержанію отъ службы другихъ ста-

дій, соотвѣтственно характеру воспоминаемыхъ въ нихъ событій.

Первая стадія праздничной половины ведетъ свое начало отъ дней или недѣль, подготовляющихъ къ празднику Рождества Христова, когда воспоминается явленіе на землѣ Искупителя міра. Средоточными пунктами въ этой стадіи служатъ праздники Рождества Христова и Богоявленія Господня или крещенія Господа Іисуса Христа отъ Іоанна въ Іорданѣ, послѣ котораго Онъ выступилъ на общественное служеніе. Воспоминаемыя въ эти праздничные дни великія событія въ историческомъ явленіи своемъ отдѣлены одно отъ другого тремя десятилѣтіями. Но въ кругѣ церковнаго года они сближены между собою, такъ какъ оба эти событія одинаково служатъ предначинательными явленіями въ исторіи искупленія, совершеннаго воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Родившійся отъ Дѣвы Маріи Господь Іисусъ Христосъ до времени крещенія своего пребывалъ въ неизвѣстности, и Евангеліе, повѣствуя о Его земной жизни и служеніи, послѣ изображенія первыхъ дней Его явленія на землѣ, прямо переходитъ къ повѣствованію о Его пришествіи къ Іоанну на Іордань, для принятія отъ него крещенія, когда открылось для вѣрующаго ума, въ чрезвычайныхъ знаменіяхъ, Его божественное достоинство, какъ Сына Божія. Во вниманіе къ такому значенію событій, воспоминаемыхъ въ праздникъ Рождества Христова и Богоявленія, какъ явленій, открывающихъ исторію искупленія, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, въ древней церкви оба эти праздника объединялись и торжествовались въ одинъ день. Указанные нами пункты главные въ этой первой стадіи праздничной половины; но они дополняются другими, стоящими въ соприкосновеніи съ ними. Восполняемыя другими воспоминаніями, церковныя службы этой стадіи даютъ широкое и разнообразное содержаніе, какое могутъ получать изъ нихъ внимательные къ урокамъ, преподаваемымъ церковію. На эту стадію, меж-

ду прочимъ, падаетъ память многихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и святыхъ праотецъ или ветхозавѣтныхъ праведниковъ, спасавшихся вѣрою въ грядущаго Мессію—избавителя міра.

Вторую стадію праздничной половины церковнаго года составляетъ періодъ святой четыредесятницы съ приготовительными къ ней недѣлями. Въ этой стадіи главный пунктъ составляютъ дни воспоминанія страданія и крестной смерти Господа Іисуса Христа, заключающіе собою этотъ періодъ. Такъ какъ страданія Господа были искупительною жертвою за грѣшный родъ человѣческій, то естественно воспоминаніе о нихъ располагаетъ вѣрующихъ къ покаяннымъ чувствамъ, и церковныя службы этого періода, заканчивающагося днями страстей Христовыхъ, возбуждаютъ и воспитываютъ въ насъ чувства скорби и покаянія. На этой стадіи церковнаго года съ особенною внимательностію останавливается Амфитеатровъ въ своей гомилетикѣ и въ 18 параграфахъ (отъ 125 до 143) подробно разъясняетъ ученіе, содержащееся въ службахъ постной тріоди, называя ее одною изъ боголѣпнѣйшихъ церковныхъ книгъ. Она (говоритъ онъ) собраніе возвышенныхъ пѣсней умиленія, покаянія, горькихъ слезъ о глубинѣ паденія и о нечистотѣ падшаго духа человѣческаго... Грѣшно проповѣднику, если онъ не хочетъ проникаться духомъ тріоди (въ тѣ дни), и въ проповѣдяхъ своихъ удаляется отъ ея содержанія и тона“ [1]). Еще задолго, за нѣсколько недѣль до наступленія святой четыредесятницы, церковь приготовляетъ вѣрующихъ къ днямъ поста и покаянія, въ приготовительныхъ недѣльныхъ службахъ показывая примѣры покаянія въ лицѣ мытаря и блуднаго сына, представляя картину страшнаго суда (въ недѣлю мясопустную) и воспоминая (въ недѣлю сыропустную) паденіе Адамово, служащее

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, § 125, стр. 205—206.

главною причиною того сѣтованія, которымъ преисполняется душа человѣка, воспоминающая о потерѣ первобытнаго блаженства. Мы не будемъ передавать всего глубоко назидательнаго и чрезвычайно богатаго содержанія церковныхъ службъ этой стадіи года. Скажемъ только, что всѣ эти службы, премудро устроенныя, проникнуты одною идеею и неизмѣнно выдерживаютъ одинъ тонъ и характеръ, хотя основная идея, развиваясь въ теченіе дней святой четыредесятницы, находитъ много разныхъ формъ выраженія, и, переливаясь изо дня въ день, является видоизмѣняющеюся, при чемъ каждому дню дается новый оттѣнокъ, особое содержаніе. Этотъ періодъ скорбныхъ воспоминаній и покаянныхъ чувствъ освѣщается двумя великими праздниками, изъ которыхъ одинъ (Входъ Господень въ Іерусалимъ) стоитъ въ ряду воспоминаній о послѣднихъ дняхъ жизни Господа Іисуса, а другой (Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы) какъ бы случайно попадаетъ въ этотъ періодъ изъ другой серіи. Внося новую свѣтлую струю въ теченіе скорбныхъ покаянныхъ дней, эти праздники даютъ отраду сердцу христіанъ и исполняютъ ихъ святыми чувствами благодаренія Богу, вызывая ихъ въ одинъ праздникъ славить Господа, а въ другой вмѣстѣ съ этимъ величать пресвятую Богоматерь, послужившую дѣлу нашего спасенія. Но прославляя чудесное событіе, положившее начало дѣлу искупленія рода человѣческаго вочеловѣченіемъ Сына Божія (воспоминаемое въ праздникъ Благовѣщенія) церковь и въ этотъ праздникъ не прерываетъ выраженія скорбныхъ и покаянныхъ чувствъ, если этотъ праздникъ падаетъ на будній день, а не на воскресенье или субботу, когда и въ теченіе святой четыредесятницы измѣняется или ослабляется обычный тонъ великопостныхъ службъ церковныхъ.

Третія стадія праздничной половины церковнаго года самая торжественная. Она начинается свѣтлымъ праздникомъ Пасхи и оканчивается праздникомъ Пятидесятницы. Церковь

въ эту стадію воспоминаетъ и торжествуетъ воскресеніе Христово,—этотъ праздниковъ праздникъ. Онъ является высочайшимъ и радостнымъ потому, что воскресеніе Христово, необычайное по своей чудесности, было завершеніемъ дѣла искупленія и печатію, утвердившею исполненіе всѣхъ обѣтованій. Въ немъ мы воспѣваемъ славу воскресшаго Искупителя и торжествуемъ побѣду Его надъ смертію, послѣ которой упразднился этотъ послѣдній врагъ нашъ. Хотя временно мы и платимъ дань этому врагу нашему, но онъ не страшенъ для насъ въ надеждѣ на будущее воскресеніе наше. Трудно представить что-нибудь величественнѣе и отраднѣе той службы церковной, которая совершается въ дни святой Пасхи. Высокорадостное и святое чувство, которымъ проникнуты церковныя воспоминанія свѣтлаго воскресенія Христово, не ограничивается днями пасхальной недѣли. Всѣ послѣдующіе дни, до праздника Пятидесятницы включительно, суть какъ бы одинъ не прерывающійся праздникъ, въ который, при воспоминаніяхъ о Воскресшемъ, воспѣваются торжественныя пѣсни въ прославленіе Его и дѣла, Имъ совершеннаго. Послѣ прекращенія пѣсней воскресенія, чрезъ четыредесять дней послѣ перваго дня Пасхи въ память сорокадневнаго пребыванія на землѣ воскресшаго Господа, новый свѣтлый праздникъ—Вознесеніе Господне, въ который церковь воспоминаетъ, какъ воскресшій Спаситель съ пречистою плотію восходитъ отъ земли на небо и при ликованіяхъ ангеловъ возсѣдаетъ на престолѣ славы, одесную Бога Отца. Затѣмъ завершеніемъ свѣтлаго періода служитъ праздникъ Пятидесятницы, когда вспоминается сошествіе Святаго Духа на апостоловъ во огненныхъ языкахъ и дарованіе имъ благодатныхъ силъ для устроенія церкви Божіей, созданной Господомъ. Событіе, вспоминаемое въ этотъ праздникъ, служитъ завершеніемъ исторіи домостроительства нашего спасенія, и такъ какъ въ немъ проявило свою силу и дѣйствіе Третіе лицо Пресвятыя Троицы, то святая Церковь этотъ

день посвящаетъ прославленію Пресвятой Троицы, исповѣдуя свою вѣру въ Тріединаго Бога, создавшаго насъ, промышляющаго о насъ и насъ спасающаго. Это исповѣданіе главнаго и полнаго глубокой тайны догмата нашей вѣры и прославленіе единосущной Троицы служитъ прекраснымъ заключеніемъ всѣхъ воспоминаній, въ какихъ церковь воспроизводитъ по частямъ главнѣйшія изъ событій, записанныхъ въ священной исторіи нашего искупленія. Сладостная по воспоминаніямъ, эта стадія праздничной половины года тѣмъ радостнѣе для насъ, что съ нею совпадаетъ весеннее оживленіе природы, когда и неодушевленная природа какъ будто принимаетъ участіе въ радости вѣрующихъ, живущихъ надеждою на обновленіе въ царствѣ славѣ. Къ этой стадіи праздничной половины года пріурочено чтеніе на литургіяхъ Евангелія св. Іоанна Богослова и Дѣяній апостольскихъ, и на воскресные дни назначены особенно знаменательныя и глубоко содержательныя зачала изъ этого возвышеннѣйшаго Евангелія, а Дѣянія Апостольскія читаются въ этотъ періодъ, какъ объясняетъ святый Іоаннъ Златоустъ, потому, что событія, въ нихъ описанныя, служатъ разительнѣйшимъ доказательствомъ истинности воскресенія Христова.

Вторая, не праздничная, половина церковнаго года главнымъ образомъ представляетъ жизнь церкви, основанной Господомъ послѣ совершенія дѣла искупленія, и надѣленной благодатными силами къ освященію вѣрующихъ. Здѣсь преимущественное вниманіе обращено на памяти святыхъ Божіихъ, спасавшихся въ церкви и благоугодившихъ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на разъясненіе ученія, принесеннаго на землю Господомъ Іисусомъ Христомъ и раскрытаго апостолами и святыми отцами. Тамъ, въ праздничной половинѣ года фактъ, исторія главнымъ образомъ, а здѣсь основанное на фактѣ и исторіи ученіе. Впрочемъ, строгаго разграниченія въ этомъ случаѣ дѣлать невозможно. Характеристика, нами

указанная, только приблизительно отвѣчаетъ дѣйствительности, и точною въ полномъ смыслѣ быть не можетъ.

Непраздничная половина церковнаго года открывается недѣлею всѣхъ святыхъ, первою по Пятидесятницѣ, когда воспоминается церковію все великое сонмище воспользовавшихся плодами искупленія, и своею жизнію по вѣрѣ Христа благоугодившихъ Богу. Эти святые служатъ посредниками, связующими церковь земную, воинствующую, съ церковью небесною, торжествующею. Такимъ образомъ вся полнота церкви обнимается мыслію въ службѣ недѣли всѣхъ святыхъ. *Подобаше* (говорится въ синаксарѣ этой недѣли) всѣхъ святыхъ *во единъ собрати день, да явится, яко о единомъ Христѣ подвизашася, и вси тожде добродѣтели текоша поприще, и тако вси, яко единаго Бога раби,—достойно вѣнчани бывше, церковь сію составиша, горній міръ вознаполняюще.* Воспоминая всѣхъ святыхъ, церковь, съ одной стороны, прославляетъ силу благодати Божіей, насъ спасающей, и приведшей ко Христу великій сонмъ людей благочестія, въ наполненіе отпадшаго чина ангельскаго, а съ другой, предлагаетъ намъ высокіе образцы для подражанія и слѣдованія тѣмъ путемъ, идя которымъ они заслужили вѣнецъ славы и блаженную жизнь на небѣ. При великомъ разнообразіи подвиговъ святыхъ благоугождавшихъ Богу на разныхъ поприщахъ жизни, въ разныхъ положеніяхъ и званіяхъ, въ памяти о нихъ предлагаются уроки назиданія для всѣхъ, живущихъ въ церкви, стремящихся къ почести вышняго званія; но особенно церковь чествуетъ мучениковъ, кровію запечатлѣвшихъ свою преданность вѣрѣ и Господу, и намъ подающихъ примѣръ неуклоннаго исповѣданія имени Христова.

Чествуя всѣхъ святыхъ въ первую недѣлю по Пятидесятницѣ, отъ которой мы ведемъ начало непраздничной половины года, церковь предлагаетъ въ этомъ своимъ членамъ въ общемъ видѣ всю совокупность славныхъ памятей, кото-

рыя хранятся въ ней и могутъ служить для насъ и утѣшеніемъ и назиданіемъ. Это какъ бы общее вступленіе къ раздѣльному чествованію святыхъ угодниковъ Божіихъ. Изъ этой общей основы церковь беретъ частныя воспоминанія и распредѣляетъ ихъ по всему кругу церковнаго года, посвящая особый день памяти каждаго изъ извѣстныхъ святыхъ, и при этомъ изъ ряда обыкновенныхъ будничныхъ дней выдѣляются дни, посвящаемые памяти святыхъ, особенно чтимыхъ и прославляемыхъ за высокіе подвиги и великія заслуги для утвержденія и распространенія вѣры Христовой. Дни эти, къ которымъ пріурочено чествованіе великихъ и славныхъ дѣятелей церкви, являются какъ бы яркими цвѣтами на широкомъ и длинномъ полѣ годичнаго круга; доставляя духовное услажденіе вѣрующимъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ къ возбужденію и оживленію молитвеннаго духа въ нихъ.

И въ эту половину года, хотя мы назвали ее не праздничною, по сравненію съ первою половиною, праздничною по преимуществу, торжествуются нѣкоторые отдѣльные великіе праздники,—Преображеніе Господне, Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго креста, Успеніе и Рождество пресвятыя Богородицы, и праздники средніе, когда воспоминаются явленія милости Божіей чрезъ мощное ходатайство пресвятой Богоматери, каковъ, напримѣръ, праздникъ Покрова пресвятыя Богородицы. Въ преемственномъ рядѣ будничныхъ дней эти праздники стоятъ, какъ высокіе столбы на дорогѣ, останавливающіе на себѣ вниманіе странниковъ, или какъ украшенныя зданія, въ которыхъ труждающійся путникъ можетъ найти отдохновеніе и получить потребное для него услажденіе. Представляя мысли и сердцу вѣрующихъ напоминаніе о силѣ креста Христова, о страданіи за насъ Искупителя (въ праздникъ Воздвиженія), о его божественной славѣ (въ праздникъ Преображенія, или (въ богородичные праздники) о событіяхъ изъ жизни пресвятой Богоматери и

о ея мощномъ ходатайствѣ за насъ предъ Богомъ, дни эти, выдающіеся изъ ряда обыкновенныхъ дней, служатъ къ возбужденію, поддержанію и возвышенію въ чадахъ церкви религіознаго чувства, и, радуя христіанское сердце, питаютъ его духовною святою пищею въ изобильной мѣрѣ. И въ этомъ нельзя не видѣть мудрой распорядительности святой церкви.

При воспоминаніяхъ о священныхъ событіяхъ и святыхъ людяхъ, въ церковномъ году установлены нарочитые дни для поминовенія усопшихъ, умершихъ въ надеждѣ воскресенія въ жизнь вѣчную. Въ западномъ церковномъ календарѣ поминовеніе усопшихъ отнесено къ окончанію церковнаго года, и слѣдуетъ непосредственно за праздникомъ всѣхъ святыхъ, который совершается тамъ перваго ноября. Въ нашей православной церкви, которая всегда молится объ усопшихъ въ вѣрѣ и покаяніи, установлены три нарочитые дня для особеннаго поминовенія всѣхъ скончавшихся, и особенной молитвы о нихъ. Во-первыхъ, по обычаю церковному, поминовеніе усопшихъ совершается вслѣдъ за пасхальною недѣлею, когда, послѣ недѣли антипасхи, вѣрующіе идутъ на могилы помолиться за усопшихъ родныхъ, въ надеждѣ воскресенія, дарованнаго намъ Господомъ, побѣдившимъ державу смерти. Во-вторыхъ, днемъ поминовенія усопшихъ служитъ канунъ Пятидесятницы, предъ воспоминаніемъ нисхожденія благодати Духа, оживляющей церковь и насъ спасающей, и въ самый вечеръ праздника церковь возноситъ умилительныя молитвы къ Богу объ оставленіи грѣховъ и упокоеніи усопшихъ отцовъ и братій нашихъ. Третій день особеннаго нарочитаго поминовенія усопшихъ— суббота предъ недѣлею мясопустною, въ которую читается евангеліе о страшномъ судѣ.

Что же выбирать проповѣднику изъ матерій, заключающихся въ идеѣ церковнаго года? Прежде всего проповѣднику нужно уловить существенно важное въ идеѣ того или другого церковнаго дня, и то представлять въ уясненномъ

видѣ народу. Существенный смыслъ ученія, пріуроченнаго къ тому или другому церковному дню, первѣе всего заключается въ дневныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеніяхъ, и къ нимъ первѣе всего проповѣдникъ долженъ приникать своимъ вниманіемъ. „Изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ церковнаго собесѣдованія (говоритъ Амфитеатровъ) библейскія зачала составляютъ самый первый, самый необходимый и важный источникъ, изъ родовъ древнихъ и донынѣ служащій первымъ и главнѣйшимъ указателемъ проповѣдническихъ матерій“ [1]). Этимъ источникомъ,—библейскими зачалами,—пользовались въ древней ветхозавѣтной церкви, и самъ Господь Іисусъ Христосъ освятилъ этотъ обычай своимъ примѣромъ, когда въ синагогѣ Назаретской, въ день субботный, прочиталъ мѣсто изъ книги пророка Исаіи, и потомъ на основаніи прочитаннаго мѣста изъ пророческой книги предложилъ народу свое наставленіе, вызвавшее у всѣхъ слышавшихъ удивленіе *о словесѣхъ благодати, исходящихъ изъ устъ Его* (Лук. IV. 16—22). Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ объ этомъ обычаѣ, соблюдаемомъ у евреевъ, когда въ рѣчи своей говоритъ: *Моисей отъ родовъ древнихъ ко всѣмъ градомъ проповѣдающія его имать, въ сонмищахъ по вся субботы чтимый* (Дѣян. XV, 21). И проповѣдь апостоловъ, когда они являлись въ богослужебныхъ собраніяхъ іудеевъ, примыкала къ прочитаннымъ въ собраніи библейскимъ отдѣламъ и слѣдовала за ними, служа какъ бы продолженіемъ и изъясненіемъ ихъ. Такъ, когда апостолъ Павелъ и бывшіе съ нимъ въ день субботный пришли въ сонмище въ Антіохіи Писидійской, то послѣ чтенія закона и пророковъ начальники сонмища или синагоги послали сказать имъ: *мужіе братіе, аще есть слово въ васъ утѣшенія къ людемъ, глаголите*, и послѣ этого при-

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, стр. 252—3.

глашенія апостолъ произнесъ наставительную рѣчь къ народу (Дѣян. XIII, 14—16).

Изъ библейскихъ зачалъ, предлагаемыхъ для чтенія въ церкви, первое мѣсто по значенію принадлежитъ евангельскимъ чтеніямъ, и къ нимъ наиболѣе должно склоняться и склоняется вниманіе проповѣдниковъ слова Божія. Держись этого источника, проповѣдникъ можетъ пройти и раскрыть все евангельское ученіе. Наиболѣе назидательныя части евангельскихъ сказаній или чтеній пріурочены къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и этимъ указывается проповѣднику, на что въ тотъ или другой воскресный день должно обратить вниманіе, какую мысль или какое ученіе изъ сокровищницы христіанскихъ истинъ предложить народу. Проповѣдникъ можетъ раскрыть все содержаніе того или другого отдѣла, предложеннаго народу, изъ евангелія. Но весьма часто прочитанное зачало богато содержаніемъ и въ одномъ поученіи трудно подробно разъяснить его. Поэтому рѣдко передаютъ сполна все содержаніе евангельскаго чтенія, и берутъ изъ него одну мысль, ставятъ во главѣ проповѣди одинъ небольшой текстъ, и изъ него выводятъ тему или назидательный урокъ, какой считаютъ полезнымъ сообщить народу. Нельзя ограничивать проповѣдника въ выборѣ предмета для проповѣди изъ евангельскаго чтенія какими либо предписаніями. Цѣли назиданія одинаково можетъ достигать проповѣдь при методѣ цѣльнаго толкованія всего евангельскаго зачала, и при извлеченіи изъ него какого-либо отдѣльнаго текста, хотя намѣренію церкви, расположившей по днямъ года чтеніе Евангелія, болѣе отвѣчаетъ уясненіе всего евангельскаго чтенія. Тактъ проповѣдника, по соображенію обстоятельствъ времени, нужды и потребностей его слушателей, можетъ быть при этомъ опредѣляющею силою, направляющею его на наиболѣе удобный путь. Учительное Евангеліе Іоанна Ксифилина, составленное въ XI столѣтіи, имѣвшее въ византійскій періодъ большую извѣстность, из-

вѣстное у насъ больше подъ именемъ Учительнаго Евангелія Никифора Каллиста или Филоѳея, и неоднократно переводимое на русскій языкъ, а изъ русскихъ произведеній Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона въ исторіи пропроповѣднической литературы является замѣчательнымъ памятникомъ поученій на дневныя евангельскія чтенія.

Вторымъ источникомъ матерій для проповѣдника въ идеѣ церковнаго года служитъ апостольское чтеніе. Апостольское дневное чтеніе или зачало не такъ рѣзко выставляетъ и оттѣняетъ идею того или другого церковнаго дня, какъ евангельское чтеніе. Апостольскія посланія, разъясняющія ученіе Христово, заключающееся въ Евангеліи, написаны въ формѣ догматико-теоретическихъ и нравственныхъ наставленій, и въ нихъ для простого ума неуловима съ разу главная мысль, или она представлена въ рядѣ сужденій, связь которыхъ не имѣетъ наглядной очевидности для не искушенной мысли. Это служитъ причиною того, что проповѣдники уклоняются отъ изъясненія апостольскихъ чтеній или отъ выбора изъ нихъ текста и темы для своей бесѣды, находя это, не безъ основанія, болѣе затруднительнымъ, чѣмъ изложеніе ученія, заключающагося въ Евангеліи. Но, съ одной стороны, богатство содержанія въ апостольскихъ чтеніяхъ и ихъ значеніе для уясненія нашей вѣры, съ другой меньшая вразумительность его для простыхъ умовъ налагаютъ на проповѣдника обязанность не опускать изъ вниманія этого источника, и по мѣрѣ надобности прибѣгать къ нему для назиданія народа. Прекраснымъ источникомъ и руководствомъ, при изъясненіи апостольскихъ чтеній, могутъ быть творенія святого Іоанна Златоуста, который въ своихъ бесѣдахъ изъяснялъ Дѣянія Апостольскія и всѣ посланія святого апостола Павла.

Третій источникъ для проповѣдей по кругу церковнаго года—историческія событія, воспоминаемыя церковію. Къ такому источнику естественно обращаться проповѣднику въ

дни праздниковъ, учрежденныхъ церковію въ воспоминаніе тѣхъ или другихъ событій изъ жизни Господа Іисуса Христа, и изъ жизни пресвятой Богоматери. За исключеніемъ праздниковъ въ честь Богоматери, почти, всѣ воспоминаемыя церковію событія разсказаны въ евангельскихъ праздничныхъ чтеніяхъ. Въ богородичные праздники, кромѣ праздника Благовѣщенія, евангельскія чтенія не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ воспоминаемымъ событіямъ. Потому въ богородичные праздники евангельскія чтенія не даютъ прямой темы, соотвѣтственной духу и характеру праздника, и если берется иногда изъ нихъ исходная точка, то проповѣдь выходитъ общею, не имѣющею опредѣленнаго цвѣта, не приспособленною къ церковному дню. Прямой предметъ проповѣдей въ богородичные праздники—событія изъ жизни Богоматери, разъясняемыя въ примѣненіи къ нравственнымъ потребностямъ слушателей, или воспоминанія о благодѣяніяхъ, оказываемыхъ роду человѣческому пресвятою Богоматерію. Повидимому, составленіе хорошей проповѣди на какой-либо праздникъ дѣло легкое. Ясно, какія событія прославляются въ тотъ или другой праздникъ, какой духъ праздника, и какія чувства и настроенія нужно возбуждать и поддерживать въ такіе дни. Но далеко не всегда удается выраженіе всего этого въ проповѣдяхъ, и весьма часто праздничныя проповѣди являются безцвѣтными, мало оригинальными: большею частію въ нихъ слышится повтореніе сказаннаго другими, и мало замѣтно личнаго элемента проповѣдника, который бы свидѣтельствовалъ, что изъ устъ его выходитъ слово, вынесенное изъ глубины его духа. Не всегда легко найти потребное количество частныхъ представленій для развитія главнаго положенія, подсказываемаго духомъ и характеромъ праздника, и дать цѣлому своеобразную и оригинальную одежду. По сужденію талантливыхъ проповѣдниковъ, много потрудившихся въ служеніи церковнаго слова, особенно трудно составлять хорошія проповѣди на праздники Бо-

жіей Матери. Мало конкретныхъ историческихъ чертъ изъ ея жизни записано въ книгѣ Откровенія, и проповѣднику угрожаетъ опасность пуститься въ область произвольныхъ или апокрифическихъ построеній. Массильйонъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, отчаявался въ возможности написать похвальную рѣчь въ собственномъ смыслѣ въ честь пресвятой Дѣвы. „Работа этого рода (писалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни одному священнику ораторіи) легка только для проповѣдниковъ безъ таланта, отъ которыхъ никто не ожидаетъ чего-либо особеннаго, которые всѣмъ довольны, ни о чемъ, выходящемъ изъ круга ихъ зрѣнія, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, и воображаютъ себѣ, что они составили похвальную рѣчь, если привели нѣкоторое число историческихъ чертъ, безъ всякаго значенія, и разбавили ихъ множествомъ ничего не говорящихъ общихъ мѣстъ“ [1]).

Амфитеатровъ главными предметами поученій на великіе праздники ставитъ 1) *ученіе историческое*; такъ какъ всякій праздникъ есть живое представленіе того или другого происшествія изъ жизни Искупителя..., 2) *ученіе догматическое*: всякій праздникъ въ основаніи своемъ содержитъ и въ службѣ отражаетъ такой или другой догматъ церковный. Проповѣдникъ не долженъ обходить этого догмата, а обязанъ изъяснять его, 3) *ученіе нравственное*: оно есть слѣдствіе догмата, а потому проповѣдникъ, изъяснивъ догматъ, долженъ открывать практическія стороны его“ [2]).

Четвертый источникъ матерій для поученій по кругу церковнаго года—памяти святыхъ, прославляемыхъ церковію.

---

[1]) Maury, Essai sur l'eloquence de la chaire, I, p. 273. Jungmann. Theorie der geistlichen Beredsamkeit. Band zweiter, § 426, s. 1052. См. нашу книгу „Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера“ стр. 481—2.

[2]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова. Ч. I, § 122, стр. 200—201.

Къ каждому дню церковнаго года пріурочена память того или другого святого, а часто и нѣсколькихъ святыхъ. Каждому святому есть особая служба, содержащаяся въ мѣсячной минеѣ, и память каждаго святого изложена въ житіи, которое можетъ быть предлагаемо вмѣсто поученія. Эти житія содержатся въ прологѣ и такъ называемыхъ четьихъ-минеяхъ. Народъ нашъ любитъ сказанія о святыхъ и ихъ подвигахъ; для него книга эта наиболѣе понятная и впечатлительная; въ ней дается ему наглядное разъясненіе въ примѣрахъ того пути, который ведетъ человѣка ко спасенію или царствію небесному. И въ прежнія, древнія времена народъ собирался въ церковь „еже утѣшитися и на ревность подвизатися прочитаніемъ житій святыхъ и ради похвалы ихъ подвиговъ". И нынѣшнимъ христіанамъ, въ особенности изъ простого народа, книга житій святыхъ даетъ и утѣшеніе и возбужденіе къ подвигамъ благочестія и богоугодной жизни. Между святыми, чествуемыми церковію, есть имена, память которыхъ окружена особенною славою, и къ которымъ вѣрующіе относятся съ особеннымъ почитаніемъ и благоговѣніемъ. Таковы имена апостоловъ Петра и Павла, Іоанна Богослова, Андрея Первозваннаго, святителей Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Николая Мирликійскаго чудотворца, и многихъ, мѣстно чтимыхъ въ той или другой области. Дни, когда церковь празднуетъ память особенно чтимыхъ святыхъ, отличаются отъ простыхъ будничныхъ дней и переходятъ въ разрядъ праздниковъ, и въ такіе дни народъ въ большемъ числѣ приходитъ въ храмъ Божій. Во вниманіе къ этому, проповѣднику естественно предложить слово назиданія народу, взявши въ основаніе его матерію изъ сказаній о святомъ. Можно въ этомъ случаѣ возстановить въ памяти народа жизнь святаго, ознаменованную подвигами вѣры и благочестія, и говорить похвальную рѣчь. По Амфитеатрову, можно и даже должно по временамъ прочитывать повѣствованія народу такъ, какъ они есть, и из-

ложены въ повѣствовательныхъ книгахъ, не измѣняя въ существенномъ самаго языка повѣствованій, который драгоцѣненъ для насъ, обладая силою, богатствомъ, звучностію и плавностію древняго церковнаго языка, но можно и поновлять языкъ ихъ, гдѣ нужно, или употреблять свой разсказъ, довольствуясь иногда однимъ этимъ разсказомъ вмѣсто цѣлаго слова [1])! Но еще лучше съ разсказомъ о святыхъ и похвалою ихъ подвигамъ соединять увѣщаніе и наставленіе народу. Въ жизни того или другого святого всегда есть нѣсколько чертъ или фактовъ, которые могутъ быть выставляемы, какъ образцы для подражанія. Проповѣднику можно воспользоваться этими чертами или фактами, чтобы побудить своихъ слушателей жить и дѣйствовать такъ, какъ жили и дѣйствовали чествуемые святые, благоугождая Богу. По совѣту Ѳеофана Прокоповича, „въ праздники святыхъ то наипаче изъ исторіи житія ихъ избирати, и въ похвалу произносити, изъ чего мощно учить народъ подражанію ихъ вѣрѣ, терпѣнію, милосердію, смиренномудрію, правильному умерщвленію плоти, богомыслію и молитвѣ, страху Божію, любви къ Богу и ближнему, и прочая“ [2]). Мы можемъ присоединить къ этому совѣту Прокоповича, что лучшіе иностранные римско-католическіе гомилеты (Жиберъ и Юнгманнъ), хотя не изгоняютъ панегирика, прославляющаго память святыхъ съ церковной каѳедры, но даютъ рѣшительное предпочтеніе предъ простымъ панегирикомъ проповѣди увѣщательной, пользующейся памятію о святомъ для назиданія народа. По словамъ Жибера [3]), цѣлію церковнаго

---

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, §§ 191 и 184, стр. 269, 265.

[2]) Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ. Пристяженіе о проповѣдяхъ на праздники 11. Гомилетика Амфитеатрова § 21, стр. 38.

[3]) L' eloquence chretienne dans l' idee et dans la pratique, par Gisbert, chap. XV.

панегирика не должно быть одно хвалебное изображеніе заслугъ и добродѣтелей святого. Въ церковной проповѣди это только средство, а цѣлію должно быть нравственное воздѣйствіе на слушателей, въ видахъ ихъ исправленія или улучшенія ихъ жизни. Безъ этого панегирикъ обращается въ тщетную и безцѣльную декламацію. Всѣ похвалы, какія сплетаетъ проповѣдникъ въ честь того или другаго святаго, должны быть направлены къ тому, чтобы побудить слушателей больше подражать славимому святому, чѣмъ удивляться ему. Юнгманнъ, высказывая подобное сужденіе, въ подтвержденіе его ссылается на свидѣтельство и примѣръ знаменитыхъ французскихъ проповѣдниковъ,—Бурдалу и Боссюэта. Бурдалу въ проповѣди на святаго апостола Павла высказываетъ, какой методы онъ держится, когда говоритъ въ честь святаго. „Не смотрите на настоящую мою проповѣдь, какъ на простую похвальную рѣчь, которая бы единственною цѣлію имѣла дать вамъ высокое понятіе о святомъ Павлѣ, я уже сказалъ: я буду говорить вамъ проповѣдь; я буду давать руководство для жизни и выставлю предъ вашими глазами примѣръ или образецъ, на который нынѣ намъ Богъ указываетъ, дабы вы сдѣлали изъ него примѣненіе къ себѣ“. Боссюэтъ равнымъ образомъ говоритъ въ одной проповѣди (на Франциска Ассизскаго). „Чтобы вы болѣе пользы извлекли отсюда, мы свѣтскимъ ораторамъ предоставляемъ блескъ и пышность панегирическаго стиля... Мы хотимъ питать ваши души истинами, имѣющими высокое достоинство и всѣмъ понятными“ [1]).

Трудно, впрочемъ, начертать конспектъ, какого должно держаться проповѣднику, слѣдующему въ служеніи слова руко-

---

[1]) Theorie der geistlichen Beredsamkeit, Jungmann. 1878. Band zweiter, § 427, s. 1057—8. См. нашу книгу: **Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера, стр. 488.**

водству церковнаго года. Практическая гомилетика, ставящая своею задачею указаніе темъ и плановъ проповѣдей на каждый день года, по руководству главнымъ образомъ евангельскаго и апостольскаго чтенія, какова гомилетика протоіерея Толмачева, въ свое время увѣнчанная половинною Макаріевскою премією, и недавно вторично изданная редакціею Странника, сколько можетъ помогать проповѣднику, облегчая его работу, столько, съ другой стороны, можетъ и отвлекать его отъ избранія и предложенія наиболѣе потребнаго урока для того или другого изъ слушателей, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Она можетъ ослаблять его самодѣятельность, если онъ въ ней будетъ искать указанія того, о чемъ и что ему нужно говорить. Слово проповѣдника должно быть словомъ живымъ, возникающимъ изъ глубины его духа и религіознаго сознанія, а не даваться ему совнѣ. Пусть онъ выноситъ на каѳедру для слушателей то, чѣмъ самъ проникнутъ; а безъ этого его слово будетъ сухо, вяло и отвлеченно.

Какъ ни богато содержаніе церковнаго года, нельзя ограничиваться проповѣднику однимъ этимъ источникомъ, при совершеніи порученнаго ему служенія и передачѣ народу ученія вѣры и доброй нравственной жизни. Христа проповѣдывать и христіанское ученіе разъяснять можно и иначе, не прибѣгая непремѣнно къ указанному нами обильному источнику проповѣднических матерій, заключающихся въ идеѣ церковнаго года. По временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ даже нужно бываетъ, помимо матерій, указываемыхъ церковнымъ днемъ, прибѣгать къ другимъ источникамъ.

Противъ исключительной привязанности проповѣдниковъ къ идеѣ церковнаго года говоритъ, во-первыхъ, практика древней церкви. Отцы древней церкви, въ своихъ бесѣдахъ, изо дня въ день, проходили толкованіемъ цѣлыя книги священнаго Писанія, иногда прерывая это рядовое толкованіе

въ нѣкоторые нарочитые праздники, а иногда и въ эти нарочитые дни предлагая изъясненіе слѣдующаго по ряду мѣста разъ начатой толкованіемъ книги. Оригенъ въ великую пятницу говорилъ бесѣду, посвященную изъясненію шестой главы книги пророка Исаіи, не имѣющей никакого отношенія къ воспоминаемому въ тотъ день событію,—говорилъ при большомъ стеченіи народа, и никто не находилъ въ этомъ ничего, отступающаго отъ установленнаго порядка вещей.

Далѣе, отъ матерій, предлагаемыхъ идеею церковнаго года, могутъ отвлекать проповѣдника временныя обстоятельства, требующія отъ него особаго слова назиданія, каковы случайныя бѣдствія, постигающія народъ или общество, какія-либо рѣзкія проявленія страстей или острыя нравственныя болѣзни, опасныя лжеученія, распространяемыя въ народѣ и соблазняющія легковѣрныхъ и т. под. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ проповѣдникъ не только можетъ, но иногда прямо и настоятельно вызывается говорить не то, что указывается ему идеею церковнаго дня, а то, чего требуютъ запросы времени и нужды общества, мимо которыхъ нельзя проходить спокойно и равнодушно. Въ вѣка еретическихъ волненій святые отцы считали своею обязанностію посвящать свое слово защитѣ православнаго пониманія догмата, подвергавшагося искаженію и лжетолкованію у еретиковъ, и опроверженію ихъ лжеученій, и это дѣлали въ дни праздниковъ, когда видѣли предъ собою большое собраніе народа. Увлекаемые ревностію по правой вѣрѣ, они считали своимъ непремѣннымъ долгомъ выступать стражами ея, и въ защиту ея съ церковной каѳедры возвышали свой голосъ, разъясненіе спорныхъ вопросовъ считая первымъ предметомъ своей проповѣди. Равнымъ образомъ какія-либо нравственныя безобразія, замѣченныя въ обществѣ и возмутившія духъ ихъ,

вызывали у нихъ строгое обличеніе и наставленіе, и они обращались съ нимъ къ своимъ слушателямъ и въ такіе дни, которые располагали ихъ, по своему церковному характеру, къ бесѣдамъ другого рода. Св. Іоаннъ Златоустъ и въ дни святой Пасхи находилъ себя вынужденнымъ иногда возвышать слово противъ пьянства и соединенныхъ съ нимъ безчинствъ. Св. Григорій Нисскій въ воскресный день говорилъ слово *противъ немогущихъ сносить никакихъ упрековъ*, по поводу безпорядковъ, случившихся въ церкви въ субботу. Къ такимъ же словамъ, вызваннымъ временными обстоятельствами, относится слово св. Григорія Богослова, сказанное въ присутствіи отца, который безмолствовалъ отъ скорби, послѣ того, какъ градъ опустошилъ поля, и другое слово, сказанное встревоженнымъ жителямъ Назіанза и прогнѣванному градоначальнику, и многія другія.

Противъ исключительной привязанности въ проповѣдяхъ, при выборѣ матерій, къ идеѣ церковнаго года можно выставить еще то обстоятельство, что церковный годъ, въ своихъ дневныхъ службахъ, назидателенъ самъ по себѣ, и безъ проповѣди. Это назиданіе даютъ тѣ пѣснопѣнія, молитвы и чтенія, какія церковь предлагаетъ въ тотъ или другой день. Хорошо, если проповѣдникъ, для большаго внѣдренія въ умахъ и сердцахъ своихъ слушателей назиданія, предлагаемаго идеею церковнаго дня, сосредоточиваетъ на немъ свое и ихъ вниманіе и подробно разъясняетъ его, или останавливается на какомъ-либо выдающемся пунктѣ, въ ней заключающемся, и имѣющемъ особенно близкое приложеніе къ окружающей его средѣ. Но если онъ, по своимъ соображеніямъ, по вызову обстоятельствъ, или въ виду насущныхъ потребностей своихъ слушателей, предложитъ ученіе, не вытекающее изъ идеи церковнаго дня, и не имѣющаго къ ней близкаго отношенія, онъ тѣмъ не сдѣлаетъ ничего, противнаго намѣренію церкви. Церковный день, своими воспомина-

ніями, службами и чтеніями, даетъ одно назиданіе, а проповѣдь можетъ прибавлять къ нему другое.

III. Катихизическое поученіе.

Третій источникъ, изъ котораго проповѣдникъ можетъ брать исходную точку для своихъ поученій, и третій рядъ предметовъ, которые онъ можетъ и долженъ раскрывать народу, — принятыя церковью сокращенныя изложенія вѣры, нравоученія и молитвы. Эти предметы составляютъ содержаніе катихизиса, и въ немъ обыкновенно подвергаются разъясненію, и тотъ видъ церковныхъ поученій, въ которыхъ разъясняются эти предметы, извѣстенъ подъ именемъ катихизическихъ поученій. Въ нихъ излагаются и преподаются элементарные уроки вѣры и жизни христіанской, сообщающіе христіанину самое необходимое для него ученіе.

Все существенное, относящееся къ вѣрѣ христіанской, заключено и выражено словами Писанія въ символѣ вѣры, составленномъ отцами перваго и втораго вселенскаго собора, и никео-цареградскій символъ или его изъясненіе—первый и главный предметъ катехизическихъ наученій.

Нравоученіе, обнимающее совокупность обязанностей, какія христіане должны выполнять, изложено въ десятословіи, данномъ людямъ отъ Бога чрезъ Моисея. Это второй предметъ катихизическихъ поученій. Данное въ ветхомъ завѣтѣ, это, сокращенное по буквѣ, но полное по содержанію, нравоученіе подверглось разъясненію въ нагорной проповѣди Спасителя, которая даетъ намъ болѣе духовное и болѣе широкое пониманіе заповѣдей десятословія. Эта нагорная проповѣдь по этому не должна быть опускаема изъ вниманія, при изъясненіи нравоученія, заключающагося въ десятословіи.

Далѣе въ катихизическихъ поученіяхъ должно быть разъясняемо ученіе о молитвѣ, съ которою мы обращаемся къ Богу, Подателю всѣхъ благъ и нашему Спасителю. Первое, что здѣсь представляется вниманію проповѣдника,—это молитва Господня, которую Господь Іисусъ Христосъ далъ апостоламъ, когда они просили Его научить ихъ молиться (Лук. XI, 1—4), и разъясненіе которой составляетъ особый отдѣлъ катихизиса. Но разъясненіемъ одной молитвы Господней проповѣдникъ не можетъ ограничиваться, при сообщеніи ученія о молитвѣ. Съ этимъ вмѣстѣ должно соединяться разъясненіе другихъ общеупотребительныхъ молитвъ и объясненіе чина богослуженія, въ особенности состава и значенія важнѣйшей изъ службъ церковныхъ,—божественной литургіи.

Дополненіемъ къ этимъ тремъ предметамъ катихизическаго ученія должна служить священная исторія. Катихизическое поученіе, сообщающее священныя историческія свѣдѣнія, минуя подробности и частности, должно останавливаться на важнѣйшихъ событіяхъ, отмѣченныхъ въ исторіи домостроительства нашего спасенія, и на болѣе выдающихся лицахъ, память о которыхъ записана въ священной исторіи, каковъ нашъ общій праотецъ Адамъ, созданный по образу Божію, Авраамъ, отецъ всѣхъ вѣрующихъ, и великій законодатель Моисей. А главнымъ образомъ предметомъ вниманія катихизита-проповѣдника, въ священной исторіи, должно быть божественное лицо Господа Іисуса Христа, Сына Божія, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи,—его жизнь, страданія, смерть и воскресеніе, что составляетъ средоточный пунктъ въ исторіи домостроительства нашего спасенія. Большее или меньшее расширеніе этого предмета можетъ быть допускаемо проповѣдникомъ, по его усмотрѣнію, и по мѣрѣ воспріемлемости слушателей, если то дозволяетъ время, находящееся въ его распоряженіи.

Кругъ указанныхъ нами предметовъ составляетъ, можно сказать, азбуку или элементарную книгу, заключающую въ себѣ первоначальные существенные пункты христіанскаго уче-

нія. Знаніе и разумѣніе этихъ предметовъ необходимо для каждаго, вступившаго въ церковь Христову, и носящаго имя христіанина. Передача этого элементарнаго религіознаго знанія входитъ въ прямую обязанность пастыря, учителя ввѣреннаго его руководительству народа христіанскаго. Большинство нынѣшнихъ христіанъ представляютъ изъ себя младенцевъ по вѣрѣ, которые требуютъ млека, а не твердой пищи: для такихъ сообщеніе элементарныхъ катихизическихъ уроковъ полезнѣе и необходимѣе изъясненія библіи или раскрытія высокихъ истинъ, не входящихъ въ кругъ элементарнаго знанія и требующихъ для своего усвоенія большей или меньшей зрѣлости духовной. Въ священномъ Писаніи заключена полнота спасительныхъ истинъ, но эту полноту нельзя сразу обнять и передать, и человѣку мало развитому трудно усвоить ее, тѣмъ болѣе, что она выражена въ Писаніи не въ строгой системѣ. Обиліе и разнообразіе предметовъ, о которыхъ говоритъ Писаніе, такъ же поражаетъ мысль человѣка, стремящагося къ постиженію ихъ, какъ поражаютъ взоръ наблюдателя обиліе и разнообразіе цвѣтовъ на необозримомъ полѣ. И вотъ церковь извлекла изъ Писанія главные пункты вѣры, и представила ихъ въ краткомъ и связномъ видѣ, и въ этомъ видѣ передаетъ ихъ новоприходящимъ членамъ своимъ съ тѣмъ, чтобы они легче усвоили себѣ то, что необходимо знать имъ для своего спасенія и для оправданія носимаго ими званія христіанъ.

Для уясненія содержанія катихизическихъ поученій, и объема катихизическаго ученія мы считаемъ не излишнею историческую справку. Она можетъ служить для насъ указаніемъ того, на что, по волѣ церкви, слѣдуетъ обращать вниманіе, при введеніи христіанъ въ разумѣніе вѣры.

Въ древней церкви элементарное катихизическое ученіе, обнимающее существенные пункты христіанской вѣры, сообщалось христіанамъ прежде принятія ихъ въ число полноправныхъ членовъ церкви чрезъ крещеніе. Христіане, еще не принявшіе крещенія, назывались оглашенными, и оглашеніе

состояло въ ознакомленіи ихъ съ главными пунктами вѣры. Оглашенныхъ было нѣсколько классовъ, и иные изъ нихъ очень долго пребывали въ состояніи оглашенныхъ, откладывая крещеніе на послѣдніе годы, одни по небрежности, а другіе въ надеждѣ на то, что воды крещенія омоютъ всѣ грѣхи, надѣланные ими до крещенія. Церковь неблагопріятно смотрѣла на такое замедленіе въ принятіи крещенія оглашенными, и св. Григорій Нисскій говорилъ особое слово противъ откладывающихъ крещеніе. Церковь каждогодно, и не разъ, обращалась къ оглашеннымъ съ приглашеніемъ ихъ готовиться къ принятію крещенія. Крещеніе большею частію пріурочивалось къ празднику Пасхи, и задолго до Пасхи, именно со дня Богоявленія, возвѣщалось оглашеннымъ, чтебы желающіе изъ нихъ принять крещеніе предъ праздникомъ Пасхи объявляли объ этомъ, и имена таковыхъ вносились въ особую запись[1]). Эта запись продолжалась до второй недѣли великаго поста, и послѣ этого должна была прекращаться, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ 45 правило Лаодикійскаго собора, по которому *„по двухъ седмицахъ четыредесятницы не должно приниматі къ крещенію“*. По этому правилу, кто до начала четыредесятницы или по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль ея не изъявлялъ рѣшительнаго желанія принять крещеніе предъ праздникомъ Пасхи, тѣмъ уже не дозволялось готовиться къ крещенію въ сію четыредесятницу, и приготовленіе ихъ къ принятію таинствъ откладывалось на дальнѣйшее время, до заявленія ими большаго усердія къ воспринятію залога вѣры.

Оглашенные, внесенные въ списокъ лицъ, желающихъ принять крещеніе въ ближайшій свѣтлый праздникъ Пасхи,

[1]) Св. Кириллъ іерусалимскій, приступая къ оглашенію заявившихъ желаніе принять крещеніе, первое предогласительное слово начинаетъ такъ: „Ваше блаженство предъ вами уже, просвѣщаемые. Вступили уже вы въ преддверіе царскихъ чертоговъ. *Имена ваши вписаны*, призваніе въ воинство было,... изъявлены и желаніе небеснаго житія, и благое изволеніе, и сопровождающая оное надежда“. Слово предогласительное св. Кирилла іерусалимскаго. Творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Т. XXV, стр. 7.

составляли особый классъ, включенные въ который назывались просвѣщаемые (φωτιζομένοι,—иже ко просвѣщенію). Просвѣщаемымъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность изучать вѣру, и въ знаніи ея они до крещенія должны были давать отчеты предъ церковію или ея представителями. 78-е правило 6-го вселенскаго собора, а равно и 46 правило Лаодикійскаго собора говорятъ: „готовящимся ко крещенію надлежитъ обучатися вѣрѣ, и въ пятый день седмицы давати отвѣты епископу или пресвитерамъ“. Слѣдъ этого въ нашей богослужебной практикѣ остался въ эктеніи „о *иже ко просвѣщенію*“, которая возглашается на литургіи преждеосвященныхъ даровъ, во второй половинѣ великаго поста, въ слѣдъ за эктеніею объ оглашенныхъ.

Первое, что обычаемъ или установившеюся практикою и правилами соборными требовалось отъ просвѣщаемыхъ, готовящихся ко крещенію въ предстоящій праздникъ,—изученіе символа вѣры, а потомъ молитвы Господней. Это изученіе символа вѣры и молитвы Господней наизусть производилось не по книгѣ или тетради, а посредствомъ устной передачи символа и молитвы Господней живымъ словомъ. Передатчиками символа и молитвы Господней, по порученію церкви, были большею частію для мужчинъ діаконы [1]), а для женщинъ діакониссы. Помогая готовящимся ко крещенію изучить наизусть символъ вѣры и молитву Господню, они нѣсколько разъ должны были повторять ихъ предъ ними, и это дѣлали до тѣхъ поръ, пока тѣ не усвоятъ его вполнѣ и не запечатлѣютъ въ своемъ сердцѣ. „Воспринимите, чада (говоритъ блаженный Августинъ въ рѣчи къ оглашеннымъ, сказанной имъ предъ началомъ обученія ихъ вѣрѣ, согласно правиламъ церковнымъ [2]), правило вѣры, которое называется

[1]) Rufini Apologiae lib. 1, n. 4. Руфинъ говоритъ, что его училъ символу Евсевій, впослѣдствіи славнѣйшій и заслуженнѣйшій епископъ, когда былъ діакономъ, и онъ былъ для меня отцомъ и учителемъ символа вѣры (pater mihi et doctor symboli ac fidei fuit). Patrologiae latinae cursus completus, t. XXI, p. 543.

[2]) Patrologiae latinae e. compl. Migne, t. XL, p. 627. Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi, de symbolo sermo ad catechumenos. cap. primum, n. 1.

символомъ, и когда воспримете его, напишите въ сердцѣ, и каждый день говорите у себя... Символа никто не пишетъ, чтобы можно было читать, но для сохраненія его, чтобы какъ-нибудь забвеніе не изгладило, что предало прилежаніе, пусть для васъ кодексомъ будетъ ваша память. Что услышите, тому вѣруйте, а во что увѣруете, то передайте еще языкомъ. Этотъ символъ вы будете изучать, а потомъ будете сдавать его". И далѣе блаженный Августинъ, еще не переходя къ изложенію содержанія символа, дѣлаетъ общую характеристику его. „Самыя слова, какія вы услышите, почерпнуты изъ священнаго Писанія; оттуда они собраны и соединены въ едино, чтобы не затруднять памяти людей, не обладающихъ быстрою способностію воспріятія, чтобы всякій человѣкъ могъ удержать или высказать то, чему вѣрить".

Предъ врученіемъ символа вѣры, т. е., предъ началомъ изученія его со словъ діакона или діакониссы, говорились предстоятелемъ церкви болѣе или менѣе краткія рѣчи, въ которыхъ передавалось содержаніе символа, и разъяснялся смыслъ, въ немъ заключающійся, какъ намъ показываетъ рѣчь блаженнаго Августина къ оглашеннымъ, начало которой приведено нами выше.

По изученіи символа готовящіеся ко крещенію должны были сдавать его, то есть публично произносить его, въ виду вѣрующаго народа, предъ епископомъ или пресвитерами. Для этого назначался пятый день шестой седьмицы великаго поста, когда оглашенные, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, каждый отдѣльно, произносили символъ предъ церковію. Но этотъ день не былъ единственнымъ днемъ, въ который оглашенные могли и должны были сдавать (tradere) символъ, то есть, произносить его наизусть предъ всею церковію во свидѣтельство того, что они хорошо изучили его и усвояли себѣ то, во что должны вѣровать. Кто не успѣлъ изучить его, или при сдачѣ символа обнаружилъ недостаточное знаніе его,

тѣ могли сдавать символъ и въ вербное воскресеніе, и въ дни страстной седьмицы, и даже въ великую субботу, предъ самымъ совершеніемъ крещенія. При сдачѣ символа или при произнесеніи его, въ виду вѣрующихъ, оглашенными, изучившими его, тоже говорились рѣчи предстоятелями церкви, какъ и при первоначальномъ врученіи. Между твореніями блаж. Августина помѣщены четыре рѣчи о символѣ, сказанныя оглашеннымъ, изъ которыхъ, впрочемъ, три считаются сомнительными, но онѣ служатъ къ уясненію порядка, какой соблюдался въ церкви, при приготовленіи оглашенныхъ къ крещенію. Первая рѣчь, считающаяся подлинною, сказана предъ началомъ изученія символа, а другія при сдачѣ его, то есть, когда оглашенные, изучившіе символъ, являлись въ церковь, чтобы произнесть предъ нею усвоенный ими символъ, и тѣмъ засвидѣтельствовать, что они хорошо знаютъ то, во что нужно вѣровать приходящему къ Богу, т. е., вступающему въ число членовъ церкви. И вотъ при этомъ давалось имъ наставленіе, которое, поясняя тѣ или другіе пункты вѣры, должно было утвердить ихъ въ знаніи ученія христіанскаго. Такъ, одна рѣчь о символѣ къ оглашеннымъ, помѣщенная между твореніями блаж. Августина, и содержащая краткое изъясненіе символа, начинается такими словами: „знайте, что таинство символа, которое вы восприняли и должны держать въ памяти для своего спасенія,— есть основаніе вѣры каѳолической, надъ которымъ воздвигнуто зданіе церкви, построенное руками апостоловъ и пророковъ“ [1]). Отъ Петра Хрисолога, епископа равенскаго V вѣка, дошло до насъ семь проповѣдей о символѣ, и онѣ сказаны были оглашеннымъ, когда тѣ сдавали символъ или произносили его предъ церковію. Небольшія по объему, онѣ не входятъ въ подробное объясненіе символа, а сопровождаютъ произнесеніе его ищущими крещенія краткими наставленіями,

[1]) Patrologiae latinae t. XL. Aurelii Augustini operum t. VI, p. 651.

поясняющими вѣру, преданную оглашеннымъ. Семь проповѣдей Петра Хрисолога не составляютъ связнаго ряда поученій, послѣдовательно разъясняющихъ члены символа вѣры; а каждая изъ нихъ имѣетъ самостоятельное значеніе. Въ одной проповѣди говорится о вѣрѣ сердечной, а въ другихъ кратко передается и разъясняется содержаніе всего символа вѣры. Онѣ сказаны разнымъ партіямъ оглашенныхъ, по произнесеніи ими символа вѣры; въ этихъ партіяхъ были нѣкоторые и изъ придворныхъ и высокихъ гражданскихъ сановниковъ. Хрисологъ, выслушавъ отъ нихъ символъ вѣры, считалъ нужнымъ преподать имъ наставленіе, для утвержденія ихъ въ вѣрѣ, ими усвоенной. Это краткое наставленіе служило печатію, скрѣпляющею залогъ вѣры, врученный готовящимся къ крещенію.

Послѣ символа вѣры готовящіеся ко крещенію со словъ діакона или діакониссы изучали молитву Господню, и по изученіи ея сдавали ее, то есть, произносили наизусть предъ церковію, въ присутствіи епископа или пресвитеровъ. Сдача молитвы Господней происходила послѣ публичнаго засвидѣтельствованія о знаніи символа вѣры, частію предъ самымъ крещеніемъ. Когда просвѣщаемые въ слухъ церкви произносили изученную ими молитву Господню,—предстоятель церкви послѣ прочтенія ея, такъ же, какъ по сдачѣ символа вѣры, нерѣдко говорилъ имъ поученіе, служащее къ уясненію значенія и содержанія молитвы Господней, и къ большему утвержденію ея смысла въ умѣ и памяти просвѣщаемыхъ. Отъ Петра Хрисолога дошло шесть такихъ поученій о молитвѣ Господней, сказанныхъ въ разное время и предъ разными классами слушателей.

Но однимъ изученіемъ символа вѣры и молитвы Господней и краткимъ поученіемъ предъ началомъ изученія или (что было чаще) по изученіи, при произнесеніи изученныхъ символа и молитвы Господней предъ лицемъ церкви, дѣло приготовленія просвѣщаемыхъ къ крещенію не огра-

ничивалось. Въ періодъ приготовленія оглашенныхъ къ крещенію, падающій большею частію на дни святой четыредесятницы, говорились имъ особыя огласительныя поученія, въ которыхъ, по порученію епископа, пресвитеръ, а иногда даже низшій членъ клира, подробно объяснялъ имъ все существенное, относящееся къ вѣрѣ христіанской.

Изъ древней церкви до насъ дошелъ одинъ памятникъ такого подробнаго огласительнаго ученія въ огласительныхъ и тайноводственныхъ поученіяхъ св. Кирилла іерусалимскаго. Огласительныя и тайноводственныя поученія этого святаго отца представляютъ намъ главныя данныя, по которымъ мы можемъ судить о характерѣ и объемѣ катихизическаго ученія въ древнія времена. Мы, впрочемъ, не можемъ думать, чтобы въ этомъ отношеніи было въ разныхъ мѣстныхъ церквахъ полное однообразіе, и вездѣ дѣло велось такъ, какъ это ученіе велъ и предлагалъ святый Кириллъ іерусалимскій.

Оглашенія св. Кирилла іерусалимскаго начинаются увѣщаніемъ къ нравственному обновленію, и въ первыхъ пяти поученіяхъ раскрываютъ предметы общаго нравственно-религіознаго характера, а потомъ съ шестаго поученія они изъясняютъ догматы вѣры, слѣдуя порядку членовъ символа вѣры. Разъясненіе догматическаго христіанскаго ученія, по руководству символа вѣры, составляетъ главную и существенную часть оглашеній святаго Кирилла іерусалимскаго. Разъясняя и доказывая положенія, выраженныя въ символѣ вѣры, мѣстами священнаго Писанія, святой отецъ выступаетъ съ опроверженіями тѣхъ лжеученій, какія въ то время существовали и могли смущать вѣрующихъ.

Но раскрытіе и разъясненіе догматическаго ученія, заключеннаго въ символѣ вѣры, составляя ядро катихизическихъ наставленій, не обнимало всей полноты ученія, знаніе котораго требовалось отъ вступающихъ въ церковь, и ко-

торое сообщалось имъ до крещенія, а дополнялось другими свѣдѣніями изъ области религіозныхъ истинъ.

Первымъ дополненіемъ къ догматическому ученію въ оглашеніяхъ было нравоученіе. У св. Кирилла іерусалимскаго нѣтъ такого подробнаго раскрытія нравоученія, какое онъ даетъ догматамъ вѣры. Но послѣ общаго увѣщанія о нравственномъ обновленіи въ первыхъ поученіяхъ, онъ въ 18-мъ послѣднемъ огласительномъ поученіи обѣщаетъ оглашеннымъ, что онъ въ заключеніи будетъ учить ихъ о томъ, какъ они должны жить достойно полученной благодати [1]). До насъ не дошли эти обѣщанныя поученія; но можно думать, что онъ не оставилъ своего обѣщанія безъ исполненія, и не безъ основанія считаютъ потерянными поученія его, раскрывающія законъ нравственной жизни, достойной христіанина. Нужно полагать даже, что оглашеніе во многихъ мѣстахъ начиналось съ нравоученія, какъ предмета болѣе доступнаго для пониманія простыхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ существенно важнаго для указанія истиннаго пути, ведущаго къ богоугодной жизни, какою должны отличаться всѣ послѣдователи Христовы. Основаніемъ нравоученія было десятословіе, законъ, данный Богомъ чрезъ Моисея, въ которомъ кратко выражены всѣ требованія или заповѣди, исполненіе которыхъ необходимо для всякаго, желающаго угодить Богу. Это сокращеніе нравоученія (verbum consummans et brevians) выучивалось наизусть, и разъяснялось подобно тому, какъ разъяснялся символъ вѣры.

---

[1]) Кирилла іерусалимскаго поученіе 18-е, п. 33. Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. XXV, стр. 347—8. Въ послѣднемъ словѣ, посвященномъ изъясненію символа вѣры, въ заключеніи св. Кириллъ говоритъ: „Послѣ святаго и спасительнаго дня Пасхи, и именно съ понедѣльника въ послѣдующіе дни седмицы ежедневно, по окончаніи службы Божіей, приходя на сіе святое мѣсто, если благоволитъ Богъ, будете слушать иныя огласительныя слова, и въ нихъ объяснены вамъ будутъ причины каждаго совершаемаго дѣйствія... А наконецъ всего, если соблаговолитъ Богъ, сказано будетъ, какъ въ послѣдующее время должно вамъ и въ словахъ, и въ дѣлахъ вести себя достойно благодати, чтобы всѣ вы могли насладиться вѣчною жизнію“.

Далѣе, въ составъ огласительнаго ученія входила священная исторія. Историческія повѣствованія болѣе удобопріемлемы для простого ума, чѣмъ теоретическое ученіе, и блаженный Августинъ въ книгѣ объ оглашеніи простыхъ людей (De catechizandis rudibus) рекомендуетъ историческимъ путемъ вести оглашенныхъ къ уразумѣнію таинъ домостроительства нашего спасенія и къ водворенію въ нихъ любви отъ чистаго сердца, доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры. По его совѣту, къ разсказу должно быть присоединяемо основаніе и изъясненіе, то есть, теоретическое ученіе,—какъ золото, служащее къ оправѣ бриллианта [1]).

По совѣту блаженнаго Августина, исторія должна быть началомъ катихизаціи, и онъ рекомендуетъ излагать оглашеннымъ исторію полную, начиная ее съ первыхъ словъ книги Бытія,—съ исторіи творенія и вести ее до настоящихъ временъ церкви, но излагать ее такъ, чтобы причины и значеніе отдѣльныхъ событій и дѣяній направлялись къ показанію любви Божіей къ намъ и къ возбужденію въ насъ любви къ Богу [2]).

Рекомендуя излагать оглашеннымъ полную священную исторію, отъ начала ея до послѣднихъ временъ, блаж. Августинъ дѣлаетъ ограниченіе этой полноты. Не то это значитъ (говоритъ онъ послѣ указанія потребности для оглашенныхъ изложенія полной исторіи), что мы должны буквально прочитывать все Пятокнижіе, и всѣ книги Судей и Царствъ и Ездры, и все Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, или своими словами разсказывать и изъяснять все, что содержится въ этихъ книгахъ; для этого не станетъ времени, да это и не требуется. Но все нужно передавать въ краткихъ и общихъ чертахъ (summatim generatimque), избирая болѣе удивительное, что съ большимъ удовольствіемъ (svavius) выслуши-

---

[1]) De catechizandis rudibus, cap. VI, n. 10. Patrologiae latinae t. XL, p. 317.

[2]) Ibidem.

вается.., И то, что мы хотимъ наиболѣе рекомендовать, должно быть наиболѣе выпукло представляемо нами, и тогда безъ утомленія воспринимаютъ то, что мы хотимъ возбудить повѣствованіемъ, и не отягощается память того, кого мы хотимъ наставить ученіемъ“ [1]).

Ветхозавѣтныя писанія, по указанію блаж. Августина, должны быть раскрываемы оглашеннымъ; но при изложеніи и изъясненіи ихъ все должно быть направляемо къ одному главному пункту. Этотъ главный пунктъ—пришествіе Христово, и дѣло искупленія, совершенное воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Все, написанное въ священномъ Писаніи прежде пришествія Христова, указываетъ на это великое и чрезвычайное событіе и предъизображаетъ будущія судьбы церкви. Всѣ ветхозавѣтные святые вѣрили въ пришествіе Христа-Избавителя, и этою вѣрою спасались. Господь Іисусъ Христосъ прежде, чѣмъ явился во плоти, былъ посредникомъ между Богомъ и людьми, *сый надъ всѣми Богъ, благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 5). Въ святыхъ патріархахъ и пророкахъ, которые предупредили Его по времени рожденія, Онъ предпослалъ какъ нѣкую часть своего тѣла, будучи самъ главою тѣла церкви (Колосс. 1, 18), и всѣ они вѣрою въ Того, кого предвозвѣщали, соединены съ тѣмъ тѣломъ, котораго Онъ глава [2]).

Оглашеніе не заканчивалось съ принятіемъ крещенія. Въ дни пасхальной недѣли новокрещенные ходили въ церковь, и ихъ вводили въ разумѣніе чина богослуженія и важнѣйшихъ таинствъ, какъ показываютъ тайноводственныя поученія св. Кирилла іерусалимскаго. Въ пяти тайноводственныхъ поученіяхъ св. Кириллъ раскрываетъ новопросвѣщеннымъ смыслъ и значеніе важнѣйшихъ таинствъ церковныхъ,—

---

[1]) De catechizandis rudibus, cap. III, n. 5. Patrologiae latinae t. XL, p. 313.

[2]) De catechizandis rudibus, cap. III, n. 6. Patrologiae latinae t. XL, p. 313—314.

крещенія, мvропомазанія и евхаристіи, и тѣхъ обрядовъ, съ какими соединено было преподаваніе или совершеніе этихъ таинствъ. Примѣръ святаго Кирилла іерусалимскаго даетъ основаніе заключать, что и другіе катихиты входили въ объясненіе тѣхъ предметовъ, какіе раскрыты въ его тайноводственныхъ поученіяхъ. Можно думать, что въ бесѣдахъ съ оглашенными усерднѣйшіе изъ катихитовъ не только объясняли значеніе и чины важнѣйшихъ таинствъ, о какихъ говорилъ святой Кириллъ, но касались другихъ соприкосновенныхъ предметовъ богослужебнаго характера.

Итакъ историческая справка указываетъ такой кругъ предметовъ, знаніе которыхъ необходимо для каждаго, вступающаго въ церковь или живущаго въ ней: 1) ученіе догматическое, содержащееся въ символѣ вѣры, 2) ученіе дѣятельное, основывающееся на десятословіи, 3) молитва Господня, 4) чинъ богослуженія и обряды таинствъ и 5) священная исторія въ ея главныхъ лицахъ и событіяхъ. По сообщеніи этой элементарной азбуки христіанской оглашеннымъ до крещенія, или въ самые первые дни по крещеніи, древніе проповѣдники уже освобождали себя отъ повторенія того, знаніе чего сообщено было ихъ слушателямъ при первоначальномъ принятіи ихъ въ число вѣрующихъ. Предполагая знаніе элементарныхъ истинъ христіанскихъ извѣстнымъ каждому изъ вѣрныхъ, они въ своихъ проповѣдяхъ вели ихъ къ уразумѣнію болѣе глубокихъ истинъ вѣры, и вотъ мы видимъ, что они въ своихъ поученіяхъ, говоримыхъ съ церковной каѳедры, или разъясняютъ книги священнаго Писанія, по порядку стиховъ текста, извлекая изъ нихъ уроки и наставленія, укрѣпляющія ихъ въ вѣрѣ, расширяющія ихъ религіозное сознаніе и возбуждающія ихъ къ добродѣтельной жизни, или въ виду лжеученій представляли основательный разборъ высокихъ истинъ вѣры, подвергавшихся лжетолкованіямъ, или восхваляли добродѣтели и подвиги достойнѣй-

шихъ дѣятелей церкви, для возбужденія подражанія имъ въ своихъ слушателяхъ и т. под.

Нынѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, нѣтъ между нами оглашенныхъ. Въ наше время крещеніе обыкновенно совершается надъ младенцами, еще до раскрытія ихъ сознанія, и поручителями за нихъ, за ихъ вѣру являются воспріемники. Потому нужно ли нынѣ такое огласительное ученіе, какое преподаваемо было въ древности, когда къ крещенію приступали люди взрослые?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только положительный. Наши воспріемники, дающіе предъ церковью поручительство за вѣру воспринимаемыхъ ими отъ купели крещенія, обыкновенно, послѣ совершенія крещенія, и не думаютъ о лежащей на нихъ важной обязанности воспитать въ духѣ вѣры своихъ духовныхъ дѣтей,—часто не обращаютъ никакого вниманія на нихъ и не слѣдятъ за тѣмъ, сообщаетъ ли имъ кто-либо нужное для познанія вѣры, преподававшееся въ древности оглашеннымъ.—Семья и школа должны выполнять эту обязанность, и къ нимъ справедливо обращаться съ требованіями о томъ, чтобы онѣ живыхъ членовъ церкви, воспринятыхъ въ составъ ея еще до раскрытія сознанія, заботливо вводили въ разумѣніе тѣхъ истинъ, безъ знанія которыхъ нельзя достойно носить имя христіанина. Но кто станетъ оспаривать, что наши семьи въ большинствѣ мало способны дать дѣтямъ достаточное разумѣніе закона вѣры и благочестія, состоя изъ людей большею частію темныхъ, какъ они сами себя называютъ? Въ нихъ, при добромъ направленіи, научаются дѣти молиться Богу и произносить краткія молитвы, а что касается болѣе существеннаго въ вѣрѣ, то не дается имъ или дается очень мало.

На школу больше можно возлагать надеждъ въ этомъ отношеніи, и нынѣ, при заботливости нашего церковнаго и свѣтскаго правительства, а также и общества, увеличивается число школъ церковно-приходскихъ, правительственныхъ, го-

родскихъ и земскихъ При постоянно возрастающемъ количествѣ школъ добрая половина дѣтей имѣетъ возможность получать школьное образованіе. Въ народной школѣ сообщаются и разъясняются начатки христіанскаго ученія, входящіе въ составъ огласительнаго ученія, и вышедшіе изъ школы уже не являются невѣждами въ религіозномъ отношеніи, не имѣющими яснаго представленія о главныхъ истинахъ вѣры нашей. Въ народной школѣ главнымъ предметомъ стоитъ законъ Божій, и въ разумѣніе его вводитъ членовъ подростающаго поколѣнія большею частію пастырь церкви, который здѣсь выполняетъ то, что лежитъ на обязанности катихизатора. Но и при этомъ катихизація для взрослаго поколѣнія въ настоящее время является не только не излишнею, а часто и необходимою. Какъ ни увеличивается у насъ число народныхъ школъ, но далеко не все подростающее поколѣніе имѣетъ возможность получать образованіе въ школѣ. Многимъ изъ дѣтей не удается попасть въ школу, или по отдаленности ея отъ ихъ мѣстожительства, или по недостатку помѣщенія въ школѣ для всѣхъ, желающихъ поступить въ нее. А родители другихъ не заботятся о томъ, чтобы дѣти ихъ учились въ школѣ, а съ малыхъ лѣтъ заставляютъ ихъ выполнять такія или другія работы, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ. И при нынѣшнемъ большомъ количествѣ школъ все-таки остается много неграмотныхъ, не бывшихъ въ школѣ, чуть ли даже не половина деревенскаго народонаселенія. Далѣе, и для вышедшихъ изъ школы далеко не излишне катихизическое ученіе. У многихъ изъ нихъ тускнѣютъ и забываются тѣ понятія, какія имъ сообщали въ школѣ, и если въ числѣ вышедшихъ изъ школы являются нерѣдко люди, утерявшіе знаніе грамоты, то тѣмъ болѣе можетъ утеряться у иныхъ ученіе о вѣрѣ, имъ сообщенное,—ученіе болѣе летучее и менѣе корней пускающее въ душѣ, чѣмъ знаніе простой грамоты. У насъ высказываются

желанія или мечтанія о томъ, чтобы школьное ученіе сдѣлать общеобязательнымъ, такъ чтобы въ народѣ не осталось ни одного человѣка неграмотнаго. Конечно, желаніе доброе; но немало тяжелыхъ, трудноодолимыхъ, препятствій къ выполненію этого желанія, и едва ли въ скоромъ времени можно надѣяться на практическое осуществленіе желанія объ общеобязательномъ обученіи. Во всякомъ случаѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя устранять изъ обязанностей пастыря церкви, духовнаго учителя своего народа, сообщеніе ему необходимаго катихизическаго ученія съ церковной каѳедры.

Въ истекшемъ девятнадцатомъ столѣтіи на катихизицію обращено было вниманіе нашего церковнаго правительства большее, чѣмъ нынѣ; это было тогда особенно необходимо, при маломъ числѣ народныхъ школъ, въ которыхъ получала образованіе малая часть подростающаго поколѣнія. Въ городахъ избирались особые священники—катихизаторы, которые обязаны были въ послѣдовательномъ порядкѣ излагать катихизическое ученіе съ церковной каѳедры. Въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія Святѣйшій Синодъ, въ своей заботливости о религіозномъ просвѣщеніи народа учрежденіемъ трехъ значительныхъ премій вызывалъ опытныхъ проповѣдниковъ представить для печати и для руководственнаго употребленія другими образцы общепонятныхъ поученій, въ которыхъ бы въ послѣдовательномъ порядкѣ 1) изложено было православное ученіе догматическое и нравственное, 2) объяснено было обрядовое богослуженіе нашей православной церкви и 3) изложена была краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Премія Святѣйшаго Синода удостоено было (въ половинномъ размѣрѣ) „Собраніе церковныхъ поученій для простого народа“ священника Новодеревенской Благовѣщенской церкви (петербургской епархіи) Константина Стратилатова, вышедшее въ пе-

чати въ 1872 году, и нынѣ, въ 1903 году, изданное Тузовымъ третьимъ изданіемъ.

Собраніе церковныхъ поученій Стратилатова состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части содержатся поученія (75) на символъ вѣры, молитву Господню, блаженства евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ, а во второй— поученія (60) объ обрядовомъ богослуженіи православной церкви, съ присовокупленіемъ поученій на общеупотребительныя христіанскія молитвы. О. Стратилатовымъ задача, указанная Св. Синодомъ для катихизатора, исполнена въ двухъ главныхъ частяхъ. Осталась невыполненною только третья часть задачи, которою предложено было изложить краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣта. Могутъ быть рекомендуемы, какъ источникъ и руководство, для катихизическихъ поученій „Поученія о православной вѣрѣ, предложенныя по порядку пространнаго катихизиса православной церкви, Евсевія, архіепископа могилевскаго, вышедшія въ трехъ книгахъ въ 1863 году, отличающіяся подробностію и обстоятельностію изъясненія предметовъ, входящихъ въ составъ катихизическаго ученія. Наибольшая часть поученій Евсевія посвящена изъясненію символа вѣры (62 поученія въ первой книгѣ, и 79 поученій во второй, а въ третьей книгѣ излагается ученіе о христіанской надеждѣ (25 поученій) и христіанской любви (51 поученіе); въ отдѣлѣ о христіанской надеждѣ помѣщены поученія о молитвѣ и молитвѣ Господней въ частности, и о блаженствахъ евангельскихъ; а въ отдѣлѣ о христіанской любви, послѣ общихъ поученій о любви къ Богу и ближнему, разъясняются заповѣди закона Божія, изложенныя въ десятословіи. Въ свое время пользовались извѣстностію и были довольно распространены *„Катихизическія поученія“* кіевскаго протоіерея Іоанна Скворцова, имѣвшія два изданія (1855) и его же *„Краткія поученія о божественной литургіи“* (1862 г.).

Могутъ возразить противъ систематическаго веденія катихизическаго ученія съ церковной каѳедры, что для этого нѣтъ достаточно времени въ распоряженіи священника, и что отъ него при богослуженіи настоятельно требуется проповѣдь другого рода. Катихизическое ученіе млеко, нужное для начинающихъ христіанскую жизнь, а здѣсь, при богослужебныхъ собраніяхъ, должна предлагаться болѣе твердая пища. Нельзя не признать доли правды за этимъ возраженіемъ. Но весьма возможенъ и легокъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Если нѣтъ достаточнаго времени для сообщенія катихизическаго ученія при богослуженіи, то для этого могутъ быть избираемы и назначаемы другіе часы. Нынѣ во многихъ мѣстахъ вводятся внѣбогослужебныя бесѣды и чтенія. Большею частію онѣ бываютъ въ воскресные дни послѣ вечерняго богослуженія. Вотъ самое удобное время для катихизическихъ поученій, и тогда можно вести ихъ въ связномъ послѣдовательномъ порядкѣ, и если дѣло катихизиціи будетъ поведено съ усердіемъ и умѣньемъ, то можетъ образоваться кругъ слушателей, которые, сознавая необходимость уясненія для себя существенныхъ пунктовъ вѣры, неопустительно будутъ являться предъ каѳедрою катихизатора-учителя. Тѣмъ болѣе это (т. е. сообщеніе катихизическаго ученія въ внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и чтеніяхъ) умѣстно и можетъ быть желательно, что въ древнее время катихизическія поученія отличались отъ проповѣдей, говоримыхъ при богослуженіи; для сообщенія катихизическаго ученія назначались особые, небогослужебные часы, и для выслушанія и воспріятія его оглашенные собирались не въ самыхъ храмахъ, а въ устроенныхъ при нихъ крещальняхъ. И обязанность катихизатора, долженствовавшаго учить готовящихся ко крещенію вѣрѣ, нерѣдко возлагалась на людей, принадлежавшихъ къ составу низшихъ членовъ клира, которые, по своему положенію въ церкви, не имѣли права восходить на церковную каѳедру въ качествѣ проповѣдника.

IV. Проповѣдь на современныя темы (публицистическая).

Кромѣ омиліи, дающей изъясненіе священнаго Писанія,—слова, почерпающаго свое содержаніе изъ идеи церковнаго года, или изъ библейскихъ зачалъ и историческихъ воспоминаній, пріуроченныхъ къ извѣстному дню года, и катихизическихъ поученій, изъясняющихъ сокращенныя изложенія вѣроученія, нравоученіи и молитвы, или элементарную азбуку христіанскую, есть еще видъ проповѣди, имѣющій исходною точкою запросы современности, называемый нынѣ, хотя не точно, проповѣдію публицистическою. Такая проповѣдь является и развивается если не рядомъ съ указанными тремя видами церковныхъ поученій, то параллельно имъ, и служитъ восполненіемъ ихъ. Между видами проповѣди,—омиліею, словомъ и катихизическимъ поученіемъ,—при видимомъ различіи исходныхъ точекъ, въ существѣ дѣла неразрывная родственная связь. Во всѣхъ нихъ кореннымъ источникомъ и исходною точкою служитъ слово Божіе, и вѣра церкви, на немъ основывающаяся; такъ какъ въ кругѣ церковнаго года и въ сокращенныхъ основахъ катихизическаго ученія содержится и представляется въ извѣстномъ порядкѣ та же истина божественнаго Откровенія, которая дана намъ въ книгахъ Священнаго Писанія. Во всѣхъ нихъ проповѣдники руководятся указаніями, данными сверху, и изъ готовой, твердо опредѣленной и неизмѣнной, сокровищницы берутъ матеріалъ, излагая его для назиданія народа. А въ публицистической проповѣди исходная точка берется снизу: проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на настроенія, замѣчаемыя въ современной жизни, на недостатки, заблужденія и нравственныя болѣзни, заражающія поколѣніе, ему современное, и противъ нихъ направляетъ свое учительное слово.

Законность и необходимость такой проповѣди очевидна сама собою. Она служитъ восполненіемъ проповѣди, изясняющей слово Божіе и ученіе церкви, и оттуда берущей свою исходную точку, и часто настоятельно вызывается обстоятельствами времени. Если проповѣдникъ, при выборѣ матеріи для своихъ поученій, слѣдуетъ только указанію текста Писанія или идеи церковнаго года, то можетъ опустить изъ вниманія жизненныя явленія, требующія отъ него освѣщенія и исправленія, и въ его словѣ, при всемъ богатствѣ и разнообразіи ученій, почерпаемыхъ изъ божественнаго источника, можетъ чувствоваться замѣтный пробѣлъ. Мало или не все исполняетъ проповѣдь, если она вѣрно излагаетъ божественную и церковную истину, данную для вѣры. Начала вѣры неизмѣнны; но жизнь течетъ и видоизмѣняется: это—постоянно волнующееся море, гдѣ нѣтъ твердой устойчивости. Каждое время выдвигаетъ на видъ такіе, а не другіе вопросы, и въ поколѣніяхъ, смѣняющихъ одно другое, замѣтны разныя направленія. Нынѣ одни запросы волнуютъ общество, а послѣ они остаются въ тѣни, и вмѣсто нихъ получаютъ интересъ другіе. Равнымъ образомъ не одинаково содержаніе и направленіе духовно-религіозной жизни въ разныхъ мѣстностяхъ. Вѣра, проповѣдуемая въ церкви, всегда одна и та же, одна и та же и природа человѣческая, надъ усовершенствованіемъ которой трудится проповѣдникъ, и которую ведетъ ко спасенію; но мѣняются средства, употребляемыя врагами нашего спасенія для обольщенія дѣтей Адама, мѣняются и соблазны, какими міръ увлекаетъ людей съ пути спасенія на путь погибельный. Этимъ создается и предначертывается проповѣднику особый временный разрядъ матерій, требующихъ отъ него разъясненія, такъ сказать, не въ очередь. Правда, и проповѣдники, берущіе исходную точку въ неизмѣнныхъ источникахъ христіанскаго ученія, при раскрытіи этого ученія, не остаются безучастными къ запросамъ времени: они болѣе или менѣе направляютъ свое учительное слово къ по-

требностямъ стоящихъ предъ ними слушателей и должны ставить его такимъ образомъ. Но въ этомъ случаѣ отношеніе проповѣди къ современности случайное или посредственое: она, исходя изъ источника, указаннаго свыше, настолько касается современной жизни, насколько ведетъ къ тому ассоціація представленій, вытекающихъ изъ темы общаго характера. При этомъ могутъ остаться незатронутыми главныя больныя мѣста современности, могутъ не найти отклика, отвѣта и исправленія насущные, животрепещущіе вопросы, волнующіе и соблазняющіе современное поколѣніе или кругъ людей извѣстной мѣстности. Бываютъ иногда, и довольно часто, такія обстоятельства, порождаемыя текучимъ временемъ,— такія явленія и въ умственной и въ нравственной сферѣ, которыя настойчиво вызываютъ ревностнаго служителя церкви направлять слово вразумленія или обличенія уклоняющимся ли то отъ истины вѣры и соблазняющимъ своихъ собратій, или дозволяющимъ себѣ грубыя нарушенія церковнаго порядка жизни. Въ виду вопіющихъ болѣзненныхъ явленій въ современномъ обществѣ проповѣдникъ и можетъ и долженъ возставать противъ нихъ, оставляя въ сторонѣ или откладывая другіе предметы, входящіе въ кругъ обычныхъ его наставленій, то есть, можетъ и долженъ брать темы и вопросы для разъясненія, не держась того порядка, какой указывается ему идеею церковнаго года или преемственнымъ рядомъ истинъ, почерпаемыхъ изъ слова Божія и ученія церкви, и совершенно независимо отъ нихъ.

Въ особенности въ большихъ городахъ, служащихъ центрами просвѣщенія, чувствуется потребность проповѣди, отвѣчающей на запросы современности. Здѣсь возникаютъ и утверждаются настроенія и направленія мысли, часто несогласныя съ желаніями и указаніями церкви, а иногда прямо враждебныя имъ. Защищаемыя и распространяемыя людьми, обладающими талантомъ, бойкимъ словомъ и борзымъ перомъ, они пріобрѣтаютъ сочувствіе въ обществѣ, и имъ

подчиняются люди, близъ нихъ живущіе и числящіеся членами церкви. И вотъ въ церкви, или рядомъ съ нею, образуется классъ общества, теряющій праотеческую вѣру, и увлекающійся новыми модными учителями, не желающими знать церкви или не цѣнящими ея слова. Не тайна нынѣ, что въ значительной части образованнаго общества основами міровоззрѣнія служатъ вовсе не христіанскія начала и церковныя преданія, а идеи, навѣянныя ложною философіею, мудрствующею по стихіямъ міра, а не по Христѣ, и жизнь въ немъ устрояется не по уставамъ церкви, а часто въ прямое нарушеніе ихъ. И вотъ, въ виду распространенія ложныхъ ученій, противныхъ истинной вѣрѣ, которыми могутъ соблазняться нетвердые духомъ, готовые колебаться отъ всякаго вѣтра ученія, носящагося въ воздухѣ, или въ виду утвержденія обычаевъ, противныхъ порядку, установленному и поддерживаемому церковью, проповѣдникъ сознаніемъ своего долга и ревностію о духовномъ благѣ своихъ собратій вызывается говорить о томъ, чѣмъ болитъ окружающее его общество, и нести кому обличеніе, кому предостереженіе, кому исправленіе. Явленія, въ умственной ли то области, или нравственно-практической, возмущающія чистую христіанскую совѣсть, укореняющіяся въ жизни современнаго поколѣнія,— то же, что сорныя и вредныя тернія на полѣ, воздѣлываемомъ земледѣльцемъ, заглушающія пшеницу и не дающія ей простора для произрастанія. Земледѣлецъ при этомъ непремѣнною обязанностію своею считаетъ исторгать эти тернія, предохраняя и освобождая отъ нихъ воздѣлываемую почву, для того, чтобы на ней чище и свободнѣе росло доброе сѣмя. Такъ точно долженъ поступать и проповѣдникъ, этотъ духовный сѣятель добраго сѣмени. Какъ скоро онъ видитъ, что на духовной почвѣ, на которую онъ сѣетъ сѣмя слова Божія, возврастаютъ вредныя плевелы, грозящія заглушить доброе сѣмя,—ето прямой долгъ спѣшить очищать воздѣлываемую имъ почву отъ вредныхъ плевелъ. Это имѣя въ виду, апостолъ Павелъ, въ лицѣ Тимоѳея, заповѣдуетъ всѣмъ про-

повѣдникамъ слова Божія: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ* (1 Тим. V, 20), и въ другомъ мѣстѣ усиливаетъ это свое увѣщаніе, говоря: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ*, и чтобы показать необходимость настойчивой, благовременной и безвременной, обличительной проповѣди, онъ прибавляетъ: *будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ омвратятъ* (2 Том. IV, 2—3). Значитъ, когда обнаруживаются признаки появленія такого времени, проповѣдникъ, согласно наставленію святаго апостола, долженъ выступать во всеоружіи противъ людей, уклоняющихся отъ здраваго ученія и идущихъ во слѣдъ учителей ложныхъ.

Святые отцы, оставившіе намъ достоподражаемый примѣръ въ своей проповѣднической дѣятельности, обнаруживали особенную чуткость къ запросамъ времени. Считая главною своею обязанностію изъясненіе слова Божія, они прерывали рядовое изъясненіе его текста, когда обстоятельства выдвигали предъ нимъ вопіющія нужды времени, и посвящали свое слово разъясненію вопросовъ, волновавшихъ современное имъ поколѣніе, съ цѣлію предостереженія вѣрующихъ отъ увлеченія еретическимъ заблужденіемъ, или въ видахъ возстановленія нарушеннаго порядка жизни. Такъ, когда Арій и его послѣдователи взволновали христіанскій міръ своимъ нечестивымъ ученіемъ, отцы церкви въ своихъ проповѣдяхъ выступали горячими ратоборцами противъ него: въ праздники, при большомъ стеченіи народа въ храмѣ, они брали исходною точкою своихъ поученій тѣ лжетолкованія святыхъ изреченій Писанія, какія распространяли аріане, и на опроверженіи ихъ и разъясненіи и утвержденіи истиннаго ученія христіанскаго, ими искажаемаго, сосредоточивали свое вниманіе и вниманіе своихъ слушателей. Такъ было и послѣ, когда возникали и распространялись другія ереси. Напримѣръ,

въ вѣкъ Несторія его послѣдователи унижали богоматернее достоинство пресвятой Дѣвы Маріи, и въ виду этой ереси всѣ отцы того времени, отъ которыхъ дошли до насъ памятники проповѣдничества, считали своимъ долгомъ свое проповѣдное слово посвящать прославленію пресвятой Богоматери, и проповѣди въ честь Богоматери, вызванныя современными имъ еретическими толками, составляютъ самую видную часть въ гомилетической литературѣ, оставленной послѣдующимъ вѣкамъ отцами, жившими въ періодъ несторіанскихъ волненій. И не однѣ ереси и теоретическія заблужденія вызывали обличительное и исправительное слово у проповѣдниковъ, стоящихъ на стражѣ охраненія вѣры и благочестія, но и нравственно-практическіе безпорядки, грубыя нарушенія закона, охраняемаго церковію, побуждали ихъ, оставивъ на время проповѣдь чистаго ученія, хранимаго въ церкви и указываемаго Писаніемъ, выступать съ нарочитымъ словомъ противъ безпорядковъ, возмущающихъ миръ и строй церковной жизни. Св. Іоаннъ Златоустъ и св. Василій Великій видѣли себя вынужденными и въ свѣтлые пасхальные дни говорить рѣзкое слово противъ пьянства, по поводу безчинствъ, учиненныхъ нѣкоторыми въ эти святые дни. Также, по временнымъ побужденіямъ, въ пасху же, св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ сильное слово противъ увлеченія театральными зрѣлищами, возмущенный тѣмъ, что константинопольцы въ страстную пятницу въ большомъ количествѣ были на конскомъ ристалищѣ, а въ великую субботу въ театрѣ. И слова св. Василія Великаго о любостяжаніи и къ обогащающимся сказаны были во время голода и засухи, и вызваны были этимъ бѣдствіемъ, постигшимъ его согражданъ: видя великую нужду и страданія бѣдныхъ, святой отецъ старался смягчить жестокосердыхъ богачей и побудить ихъ придти на помощь бѣдствующимъ и облегчить ихъ страданія.

Кто, каждый ли пастырь-проповѣдникъ долженъ вести проповѣди, отвѣчающія на запросы времени, означаемыя

нынѣ неточнымъ именемъ проповѣдей публицистическихъ? Конечно, на всѣхъ, приставленныхъ къ охраненію святой вѣры и благочестія въ народѣ, лежитъ обязанность быть внимательнымъ къ нуждамъ и запросамъ времени, проявляющимся въ кругѣ, близкомъ къ проповѣднику. И въ деревнѣ, въ сельскомъ уединеніи, можетъ потребоваться проповѣдь, въ удовлетвореніе какой-либо временной нужды. И тамъ могутъ являться и являются сектанты, которые соблазняютъ вѣрующій народъ; и тамъ могутъ встрѣтиться какія-либо чрезвычайныя обстоятельства, которыхъ не можетъ обходить вниманіемъ заботливый пастырь,—положимъ, пожаръ, уничтоживший имущество жителей деревни, и повергшій ихъ въ уныніе и нищету, или градъ, истребившій воздѣланную жатву, или какое-либо грубое нарушеніе порядка церковно-нравственной жизни, напримѣръ, неприличное праздничное гульбище. Въ такихъ случаяхъ жизнь даетъ пастырю-проповѣднику матерію или вопросъ, на который онъ вызывается дать отвѣтъ, служащій предостереженіемъ отъ увлеченія, или утѣшеніемъ и успокоеніемъ опечаленныхъ при постигшемъ бѣдствіи, или возбужденіемъ избѣгшихъ гнѣва Божія къ посильной благотворительности нуждающимся.

Но сравнительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тихо течетъ жизнь, меньше поводовъ къ проповѣдямъ, отмѣченнымъ печатію современности, и исходною точкою берущимъ запросы, предлагаемые волнующимся и неспокойнымъ временемъ. Собственно говоря, мѣсто для публицистическихъ проповѣдей на каѳедрахъ большихъ городовъ, въ которыхъ сосредоточиваются умственныя силы поколѣнія, и гдѣ часто, рѣзко и громко, разглашаются ученія, мало имѣющія общаго съ вѣрою церкви. Здѣсь обыкновенно и пастыри обладаютъ большимъ образованіемъ, и болѣе способны вести борьбу съ заблужденіемъ, пользующимся оружіемъ науки, или съ укореняющимися обычаями жизни, несогласными съ требованіями закона Божія. Но часто и для нихъ является непосильною такая борьба, и

ихъ слово, при всемъ ихъ усердіи, не производитъ должнаго впечатлѣнія на тѣхъ, къ кому оно направляется. Чтобы съ успѣхомъ вести защиту церковнаго ученія предъ образованнымъ обществомъ, заражающимся ядомъ невѣрія, и показывать предъ нимъ несостоятельность новыхъ идей и направленій, проводимыхъ людьми, владѣющими немалою научною силою, отъ проповѣдника требуется много таланта, много знанія, знанія не только богословскаго, но и хорошаго знакомства съ тѣми ученіями, противъ которыхъ онъ выступать долженъ,—много силы и энергіи слова, и при этомъ глубокаго убѣжденія и горячей ревности къ защитѣ святой истины. Не всякій къ этому способенъ; не всякій обладаетъ такими высокими талантами, какіе требуются отъ защитника слова Божія, его вѣры и уставовъ, чтобы побѣдоносно отражать нападенія на вѣру и церковь со стороны людей, кичащихся образованіемъ, и производить впечатлѣніе на образованныхъ слушателей, сочувствующихъ ложнымъ ученіямъ. Потому желательно, чтобы тамъ, гдѣ настоитъ надобность защищать вѣру отъ нападеній невѣрія или лжевѣрія, и охранять народъ отъ заразы заблужденіемъ, ходячимъ подъ личиною истины, была учреждена или возстановлена особая должность проповѣдника, и чтобы на эту должность избирались люди, обладающіе талантомъ, знаніемъ и сильнымъ краснорѣчивымъ словомъ. Такіе проповѣдники могли-бы привлекать къ своей каѳедрѣ толпы народа, не простаго только, но и образованнаго, и, снискавъ авторитетъ, могли-бы производить благотворное дѣйствіе на современное поколѣніе, увлекающееся или соблязняемое чуждыми идеями. Избраніе и постановленіе особыхъ проповѣдниковъ для утвержденія въ народѣ, въ особенности въ образованномъ обществѣ, преданности вѣрѣ и церкви, и для отраженія соблазнительныхъ ученій, носящихся въ воздухѣ эпохи, не было бы въ нашей церкви нововведеніемъ. Въ XVII столѣтіи въ южной и западной Россіи въ каѳедральныхъ церквахъ и значительныхъ монастыряхъ были

избираемы и поставляемы въ проповѣдники люди, которыхъ считали болѣе сильными въ словѣ и ученіи, и имъ поручалось неустанное, возможно частое, проповѣданіе слова Божія. Вызвано было это учрежденіе особой должности проповѣдника опасностію, угрожавшею цѣлости православія со стороны иновѣрной пропаганды, производимой іезуитами, и поддерживаемой польскимъ правительствомъ. Въ виду этой опасности получившіе отъ церковныхъ властей благословенную грамоту на проповѣданіе слова Божія, между которыми были и учители школъ, не имѣвшіе священнаго сана, должны были выступать на защиту православной вѣры, на удержаніе въ ней членовъ православнаго общества и на отраженіе тѣхъ соблазновъ и нападеній, какимъ подвергался народъ русскій, воспитанный въ православіи, и они съ усердіемъ и успѣхомъ исполняли возлагаемый на нихъ долгъ, и ихъ заслуга отмѣчена въ исторіи. Нынѣ не менѣе ощутительна потребность въ защитѣ цѣлости вѣры и въ предохраненіи вѣрующихъ отъ соблазновъ и увлеченій ложными ученіями, чѣмъ въ XVII столѣтіи, когда противъ православія съ фанатическою ревностію возставали представители римскаго католичества. Слишкомъ усиливается и дерзко заявляетъ себя врагъ чистой вѣры, вооруженный знаніемъ, ссылающійся на послѣднее слово науки и разными способами распространяющій свои воззрѣнія, направленныя къ подрыву ученія христіанскаго, и на глазахъ нашихъ если не явно, то тайно, отпадаетъ отъ церкви значительная часть общества, причисляющая себя къ интеллигенціи.

Особые проповѣдники-іерокириксы—были и есть и нынѣ въ единовѣрной намъ Греціи. Они назначаются на цѣлый округъ, и обязываются проповѣдывать слово Божіе въ церквахъ этого округа, и они исполняютъ возложенное на нихъ дѣло, не развлекаемые обязанностями другого рода.

Въ римско-католическихъ странахъ на церковную каѳедру проповѣдника, въ центральныхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ,

храмахъ приглашаются избранные ораторы, отъ которыхъ ожидаютъ, что они могутъ быть надежными руководителями образованнаго общества, и могутъ дѣйствовать на его убѣжденія. Такихъ ораторовъ-проповѣдниковъ собираются слушать толпы народа, особенно въ проповѣднические періоды, какими служатъ постъ Adventus Domini, соотвѣтствующій нашему рождественскому посту, и постъ святой четыредесятницы. Въ соборной парижской церкви Богоматери (Notre Dame) на дѣло проповѣдничества выискиваются и приглашаются люди, отличающіеся особенными ораторскими талантами. Являясь на церковной каѳедрѣ главнаго храма города, эти избранные ораторы-проповѣдники своимъ сильнымъ и блестящимъ словомъ производятъ глубокое впечатлѣніе и собираютъ предъ своею каѳедрою толпы народа разныхъ слоевъ и направленій, относящагося къ нимъ съ большимъ вниманіемъ. Своими проповѣдями они обыкновенно стараются отвѣчать на запросы времени, направляя свое слово противъ тѣхъ нравственныхъ недуговъ, какими страдаетъ современное поколѣніе, и въ особенности образованная часть его, будя въ немъ заглохшія святыя желанія. Проповѣди такого рода отмѣчены особымъ именемъ „Conferences“, и эти Conferences могутъ быть виднымъ образцомъ публицистическихъ проповѣдей. Это названіе усвоено церковнымъ рѣчамъ въ защиту религіозныхъ истинъ въ виду заблужденій и ложныхъ стремленій времени. Первый представитель такого рода проповѣдей Фрейсину († 1834), открывшій *рѣчи о религіи* въ 1803 году, остановленный въ 1809 году Наполеономъ, и потомъ снова продолжавшій ихъ съ 1814 года по 1822 г. Дѣло, начатое Фрейсину, съ большимъ успѣхомъ продолжалъ доминиканецъ Лакордеръ, проповѣдывавшій десять лѣтъ, іезуитъ Равиньянъ, проповѣдывавшій семь лѣтъ, іезуитъ Феликсъ, приглашенный въ Парижъ изъ профессоровъ провинціальной семинаріи, проповѣдывавшій четырнадцать лѣтъ (1856—1870), далѣе, наконецъ, Оливье и Монсабре. Если-бы нѣчто подобное было у

насъ, то есть, если бы у насъ въ столицахъ и большихъ городахъ, служащихъ центрами просвѣщенія, при каѳедральныхъ церквахъ были особые проповѣдники, сильные словомъ и знающіе одно это дѣло, то отъ этого можно было бы ожидать и возвышенія проповѣди и большаго вліянія его на общество. Это было бы болѣе цѣлесообразно, чѣмъ нынѣшній порядокъ, по которому въ соборъ для проповѣди слова Божія приглашаются священники изъ другихъ церквей города и даже уѣзда. Эти случайные проповѣдники, являясь въ соборъ для произнесенія заказной проповѣди разъ или два въ году, имѣютъ предъ собою слушателей, которыхъ не знаютъ или мало знаютъ, и которые ихъ не знаютъ, и нужды и направленіе которыхъ имъ не вполнѣ извѣстны. Отсюда неудивительно, что часто въ такихъ вынужденныхъ случайныхъ проповѣдяхъ не слышится живого и мѣткаго слова, и общество не даритъ вниманіемъ мало знаемыхъ проповѣдниковъ. Болѣе практическое слово они могутъ предлагать своей паствѣ, которая ввѣрена ихъ попеченію, и духовно-нравственное состояніе которой имъ болѣе или менѣе извѣстно. Зачѣмъ отвлекать ихъ отъ своей паствы и заставлять говорить назиданіе чужимъ людямъ?

Какъ же вести проповѣдь публицистическаго характера, исходною точкою своею поставляющую недостатки и заблужденія, замѣчаемыя въ современномъ поколѣніи? Такъ же, какъ и при раскрытіи слова Божія, твердо держась началъ вѣры. Исходная точка здѣсь другая; но это только вопросъ, требующій рѣшенія, а отвѣтъ на него долженъ быть данъ на основаніи слова Божія. Приспособленіе здѣсь въ выборѣ матеріи, а разъясненіе ея почерпается изъ неизмѣнной сокровищницы христіанскихъ истинъ. Нельзя допускать ни малѣйшаго измѣненія началъ вѣры Христовой; нельзя дѣлать никакой уступки въ виду ходячихъ заблужденій времени, никакого послабленія строгихъ требованій евангельскаго закона,

въ виду понизившейся нравственности и нежеланія подчинять-ся имъ со стороны разслабленной воли. Напротивъ, чѣмъ больше замѣчается отступленій отъ чистой вѣры въ направленіи современной мысли, чѣмъ больше невниманія къ строгимъ требованіямъ святаго закона, тѣмъ больше настоитъ надобность проповѣднику во всей силѣ выставлять святыя начала, пренебреженіе къ которымъ замѣтно у современниковъ, тѣмъ громче слѣдуетъ возвышать голосъ, въ обличеніе несостоятельности распространяющагося ложнаго направленія мысли, или грубыхъ нарушеній порядка, установленнаго церковію. Задача проповѣди не принижать высокихъ требованій божественнаго закона до уровня понизившейся жизни, въ видахъ привлеченія послѣдней къ примиренію съ идеаломъ, хотя въ половинной мѣрѣ, но возводить понизившуюся жизнь до той высоты, на какой она должна стоять, по требованію слова Божія и указанію церкви. Сбившихся съ прямого пути нужно вести на тотъ путь, который они утеряли, а не оставлять ихъ на полудорогѣ.

Но легко проповѣднику, обсуждающему вопросы и явленія современности, по разсчетамъ, кажущимся добрыми, низойти съ той высоты, на какой ставитъ его церковь, желающая видѣть въ немъ провозвѣстника святыхъ и неизмѣнныхъ началъ вѣры. Идея примиренія христіанства съ современностію одна изъ заманчивыхъ идей, способная увлекать пылкіе умы, слѣдящіе за теченіемъ событій времени. Видя, что современная жизнь слишкомъ отвердѣла въ своихъ началахъ и не показываетъ ни малѣйшей склонности подчинять-ся высокимъ требованіямъ христіанскаго идеала, иные изъ проповѣдниковъ, какъ показываетъ исторія, готовы дѣлать уступки понизившейся жизни. Они воздерживаются отъ того, чтобы представлять христіанскій идеалъ во всей его чистотѣ и строгости, боясь этою строгостію устрашить ослабленную волю и тѣмъ удалить ее отъ себя или отъ церкви, и съ угодливостію ищутъ точекъ соприкосновенія между божествен-

ными началами, какія выставляетъ церковь, и тѣми представленіями, какими живетъ уклоняющееся отъ церкви общество. Они умалчиваютъ о томъ высокомъ и святомъ въ божественномъ законѣ, что кажется жесткимъ и неудобопріемлемымъ для плотянаго, поникшаго долу, человѣка, хотя это высокое и святое составляетъ коренную суть святой истины, и проповѣдуютъ, если и христіанство, то христіанство разжиженное и разслабленное. Въ ихъ устахъ слышится истина, но истина, на которой не видно печати божественнаго авторитета, но которая составляетъ плодъ естественнаго разума, и которую находятъ удобопріемлемою для себя и люди, живущіе внѣ церкви Христовой. Могутъ пріобрѣтать славу и авторитетъ подобные проповѣдники у людей, тяготящихся высокими требованіями христіанскаго идеала, какіе составляютъ большинство нашей, такъ называемой, интеллигенціи. Имъ могутъ рукоплескать, могутъ толпами собираться слушать ихъ и говорить про нихъ: вотъ какіе проповѣдники должны быть, и какихъ мы хотимъ слушать! Едва-ли можетъ сопровождаться добрыми результатами такая проповѣдь; скорѣе отъ нея будетъ прямой вредъ, когда она вмѣсто того, чтобы поднять на высоту понизившуюся жизнь, старается, въ видахъ примиренія съ нею, къ ней приноровлять святое ученіе, беря изъ него угодное и удобопріемлемое для плотяной мысли. Такими рѣчами не привлекаютъ въ церковь уклоняющихся отъ нея, а, убаюкивая ихъ, утверждаютъ ихъ въ томъ направленіи, которое требуетъ исправленія, и заслуживаетъ осужденія предъ строгимъ судомъ Божіимъ. Къ такимъ проповѣдникамъ могутъ быть приложимы строгія прещенія на лживыхъ пророковъ, какія мы читаемъ у пророка Іереміи. Они говорятъ: *миръ! миръ! когда нѣтъ мира. Они возглашаютъ: откровеніе!* То есть, они, повидимому, проповѣдуютъ то, что повелѣно Господомъ. А между тѣмъ они проповѣдуютъ *ложь и обманъ своего сердца. Господь Саваоѳъ говоритъ о такихъ пророкахъ: не слушайте*

словъ ихъ: они обманываютъ васъ, разсказываютъ мечты сердца своего, а не отъ устъ Господнихъ. Я не посылалъ пророковъ сихъ, а они пророчествовали сами отъ себя. Ихъ слово такъ же отличается отъ истинной проповѣди, какъ мякина отъ чистаго зерна, и *никакой пользы не приносятъ они народу своему* (Іер. XXIII, 16—32).

Весьма естественно, что проповѣдники, говорящіе не отъ устъ Господнихъ, а разсказывающіе мечты своего сердца, или излагающіе идеи и представленія, подсказываемыя имъ ихъ мыслію, старающеюся приноровляться къ требованіямъ и желаніямъ среды, ихъ окружающей, встрѣчаютъ широкое сочувствіе у людей маловѣрующихъ или неправовѣрующихъ, находящихъ тяжелыми и неудобоприемлемыми для себя высокія требованія христіанскаго идеала. Они рады видѣть, что проповѣдники, являясь на церковной каѳедрѣ, именемъ божественнаго авторитета утверждаютъ тѣ начала, какими руководятся въ жизни эти разслабленные христіане, и объ иномъ христіанскомъ идеалѣ, болѣе соотвѣтствующемъ чистому и высокому ученію Христову, они не захотятъ ни говорить, ни думать. Будутъ ли они искать новыхъ высшихъ благъ, ощущать потребность новой высшей истины, еще не достигнутой ими, когда поблажающіе имъ проповѣдники и вторящіе ихъ настроенію будутъ давать имъ чувствовать, что они богаты, идутъ надлежащимъ путемъ и ничего больше не требуютъ для себя? А между тѣмъ, если въ иномъ мѣстѣ, или рядомъ съ такою поблажающею проповѣдію будетъ раздаваться другого рода слово—чистое, высокое, воспроизводящее во всей силѣ требованія христіанской вѣры, и зовущее слушателей къ евангельскому совершенству, убаюкиваемые примирительною проповѣдію отвернутся отъ проповѣдника, говорящаго отъ устъ Господнихъ и желающаго возвести слушателей на тѣ высоты, какія указаны Евангеліемъ. Можетъ быть, такое чистое и высокое

слово коснулось бы слуха нѣкоторыхъ изъ маловѣрующихъ и возбудило бы ихъ вниманіе, если бы такого слова не заслоняла поблажающая проповѣдь неосторожныхъ примирителей началъ вѣры съ современными воззрѣніями, далеко не отвѣчающими высокимъ требованіямъ христіанскаго идеала.

Въ настоящее время у насъ являются самозванные учители, которые, не изучивъ науки вѣры, говорятъ самоувѣреннымъ тономъ о предметахъ высшаго богословскаго вѣдѣнія, и проповѣдуютъ новое христіанство, отличное отъ того, какое въ теченіе девятнадцати вѣковъ неизмѣнно исповѣдывали истинные послѣдователи Господа Іисуса Христа. Они нашли и указываютъ исповѣдникамъ Христова ученія *новый путь*, какого не замѣчали прежніе учители вѣры, и требуютъ, чтобы провозвѣстники слова Божія вступили на этотъ новый путь. Тогда-де ихъ будутъ слушать, и они принесутъ именно то, чего ждетъ и жаждетъ душа, ищущая примиренія съ церковію. И находятся, къ глубокому прискорбію вѣрныхъ чадъ церкви, и въ средѣ духовныхъ лицъ единицы, съ сочувствіемъ внимающія толкамъ новопутейцевъ, и готовыя отвѣчать ихъ зову, то есть, возвѣщать не слово Божіе, а слово человѣческое съ его естественною нравственностію и земными идеалами. При внѣшнихъ достоинствахъ такая новая проповѣдь пользуется большимъ успѣхомъ среди нашей интеллигенціи, хромающей на оба колѣна въ дѣлѣ вѣры и порывающей связи съ церковью, и такихъ новыхъ проповѣдниковъ она окружаетъ почетомъ и славой. А благочестивая часть слушателей, преданная церкви, не безъ скорби чувствуетъ въ этой новой проповѣди приниженіе высокихъ началъ богопреданной вѣры, на которыхъ зиждется достоинство проповѣди, и которыхъ она должна держаться, и какъ бы красиво ни излагалась проповѣдь въ духѣ новопутейцевъ, какъ бы громко ни раздавалась, она не даетъ

удовлетворенія людямъ, воспитаннымъ на началахъ святой отеческой вѣры, и они при ней будутъ чувствовать пустоту въ сердцѣ или гладъ слышанія слова Божія. А интеллигенція, отшатнувшаяся отъ церкви, съ восторгомъ слушающая проповѣдниковъ, имъ угождающихъ, то есть, говорящихъ въ ихъ тонѣ и духѣ, вмѣсто того, чтобы самой сблизиться съ церковію, отъ такой проповѣди, скорѣе увлечетъ за собою тѣхъ, кто желаетъ быть угодными ей руководителями.

Что собственно не нравится интеллигенціи, ищущей новаго пути для проповѣдниковъ слова Божія, въ прежнихъ проповѣдникахъ и учителяхъ церкви? Не нравится то, что служители церкви влекутъ людей къ небу, а забываютъ о землѣ,—говорятъ о спасеніи души и вѣчномъ блаженствѣ, а не думаютъ устроять земное благополучіе, водворять царство Божіе на землѣ,—царство Божіе, понимаемое ими своеобразно. Представители новаго пути узаконяютъ культъ плоти и признаютъ нормальными требованія закона, сущаго во удѣхъ нашихъ, противовоюющаго закону ума нашего, который Апостолъ противополагаетъ закону Божію, и прямо называетъ закономъ грѣховнымъ (Рим. VII, 22—23), и потому требуютъ, чтобы не стѣсняли названныхъ стремленій нашей природы, а давали имъ полный просторъ и удовлетвореніе. И только тогда они готовы войти въ единеніе съ церковью и жить ея жизнію. Никакой проповѣдникъ, сознающій свое призваніе, не можетъ отозваться сочувствіемъ на такой странный зовъ. Для него начертанъ неизмѣнный чистый идеалъ въ Евангеліи, и онъ ни на одну іоту не можетъ отступить отъ него, и что-либо измѣнить или ослабить въ немъ. Выдумывать какое-либо новое христіанство, менѣе строгое, болѣе угодливое нашей плоти,—дѣло еретиковъ и отступниковъ. У христіанскаго проповѣдника первѣе всего въ виду должны быть духовные вѣковѣчные интересы, и они не могутъ быть принесены въ жертву интересамъ времен-

нымъ, земнымъ, скоропреходящимъ, служащимъ часто къ удовлетворенію нашей похоти. О земномъ благополучіи, объ устроеніи и усовершенствованіи внѣшняго быта человѣка, о лучшихъ способахъ удовлетворенія потребностей низменныхъ, житейскихъ говорить—дѣло мірскихъ учителей, которыхъ много, гораздо больше, чѣмъ учителей церковныхъ. Зачѣмъ требовать этого, и именно этого по преимуществу, отъ служителей церкви, въ которой люди ищутъ спасенія души, а не угодливости плоти? Можно, конечно, говорить и съ церковной каѳедры о предметахъ, относящихся къ устроенію внѣшняго, житейскаго благополучія человѣка или общества, и часто слышался прежде, и нынѣ слышится голосъ пастырей церкви, убѣждающій вѣрующихъ къ взаимной любви, согласію, милосердію къ бѣдствующимъ, преданности и повиновенію предержащимъ властямъ, и т. под., что, полагаемъ, не безъ значенія для возвышенія и утвержденія того благополучія, котораго ищетъ человѣкъ на землѣ. Церковь небезучастна къ внѣшнему земному благу нашему. Она, какъ всѣмъ извѣстно, неусыпно молится о благорастворенiи воздуховъ, изобиліи плодовъ земныхъ и временахъ мирныхъ, молится объ избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ, междоусобныя брани, и смертоносныя язвы, а когда постигаютъ тотъ или другой край какія-либо тяжелыя бѣдствія, напримѣръ, засуха и бездождіе, угрожающее голодомъ, губительная болѣзнь, война, она усиливаетъ свои моленія, и къ своимъ ежедневнымъ молитвамъ присоединяетъ новыя моленія, прося у Бога избавленія отъ бѣдъ, насъ постигшихъ. Молитвамъ церкви отвѣчаетъ проповѣднический голосъ ея пастырей. Можно ли отсюда обвинять церковь и ея представителей въ пренебреженіи къ внѣшнему благу нашему? По ея возбужденію и подъ ея покровомъ возникали и существуютъ многіе благотворительныя

учрежденія, устрояемыя для удовлетворенія потребностей людей, нуждающихся въ чужой помощи,—нищихъ, больныхъ, странниковъ, и для облегченія страданій лицъ, застигнутыхъ какою-либо бѣдою. У ней издавна привыкли искать помощи и нынѣ ищутъ калѣки, убогіе, слѣпые, не могущіе пропитывать себя своими трудами, и гдѣ вы больше видите такихъ просителей подаянія на насущный хлѣбъ, если не у папертей церковныхъ? Обвиненіе церкви и ея представителей въ пренебреженіи земнымъ благополучіемъ человѣка основано, можно сказать, на недомысліи или непониманіи истиннаго духа христіанства. Дѣло въ томъ, что церковь, вѣрная завѣтамъ Христа, имѣетъ въ виду внутренняго человѣка, а не внѣшняго, душу хочетъ обновить и спасти, а не угождать тѣлу; цѣль, къ какой ведетъ она насъ,—наше спасеніе, и сюда направлена и здѣсь сосредоточена ея заботливая любовь о насъ. Но, ведя насъ ко спасенію, воспитывая для царства Божія и желая направить всѣхъ на путь добродѣтели, церковь чрезъ то самое способствуетъ улучшенію нашего внѣшняго благосостоянія. Она въ жизни людской кладетъ и утверждаетъ нравственныя основы, отъ крѣпости которыхъ больше зависитъ счастіе человѣка, чѣмъ отъ средствъ матеріальнаго свойства, рекомендуемыхъ и распространяемыхъ заботою и мудростію людей міра. Пусть эти дѣлаютъ свое дѣло, и чѣмъ успѣшнѣе будетъ ихъ дѣланіе, тѣмъ лучше; но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть не возлагаютъ на ремена представителей церкви своего собственнаго дѣла, и пусть съ благодарностію, а не укоризнами принимаютъ то содѣйствіе утвержденію внѣшняго благополучія человѣка, какое оказываетъ церковь, вкореняя въ душахъ начала нравственнаго закона Христова, оказывающія такое благотворное вліяніе на личный, семейный и общественный бытъ людей, ему слѣдующихъ. Забота о нашемъ спасеніи всегда была и всегда пусть будетъ главнымъ передаточнымъ пунктомъ церковной

проповѣди, котораго она никогда не должна опускать изъ вида, и къ которому должна направлять свои помыслы. Это ввѣрено и поручено ей Господомъ. Онъ не запрещаетъ намъ прилагать попеченіе къ лучшему устроенію нашего внѣшняго быта, но въ то же время наставляетъ насъ не сосредоточивать своего вниманія на удовлетвореніи нашихъ потребностей житейскихъ (Матѳ. V, 26—34). *Ищите прежде царствія Божія и правды его* (говоритъ Онъ), и *сія* вся то есть, внѣшнія блага *приложатся вамъ* (Матѳ. V, 33). *Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Матѳ. XVI, 26)? Видите, куда направляетъ вниманіе христіанъ, а въ особенности вниманіе проповѣдниковъ нашъ Господь и Спаситель, въ которомъ всѣ учители христіанскіе должны видѣть своего руководителя. Отодвигая на задній планъ заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ нашей жизни, Онъ указываетъ на то, чтобы мы первѣе всего старались воспитывать внутренняго человѣка для царства Божія, которое во всей силѣ откроется не въ здѣшней жизни. Смотрите далѣе, какъ наполняютъ свой учительскій долгъ первые провозвѣстники слова Божія, наставляемые Духомъ Святымъ. Возвѣщая свидѣтельство Божіе, они устрояютъ не внѣшній бытъ призываемыхъ ко спасенію, а проповѣдуютъ Христа, за насъ распятаго, и это слово о Христѣ, за насъ распятомъ, является у нихъ главнымъ и существеннымъ содержаніемъ проповѣди. *Не судихъ* (говоритъ апостолъ Павелъ коринѳянамъ) *вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 1, 23, 11, 1—2). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *все я почитаю тщетою ради превосходства познанія Христа Іисуса, Господа нашего. Для Него я отъ всего отказался, и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа* (Фил. Ш, 8). Св. Іоаннъ Златоустъ, характеризуя про-

повѣдь св. Апостоловъ, первыхъ вѣрныхъ провозвѣстниковъ слова Христова, говоритъ о нихъ такъ: „Оставивъ землю, они говорятъ все о небесномъ, предлагая намъ другую жизнь, и иной образъ жизни, иное богатство и иную будущность, иную свободу и иное рабство, иной животъ и иную смерть, другой міръ и другое общество,—все инаковое“ [1]).

Публицистическая проповѣдь, обсуждающая явленія современности и направленія мысли человѣческой, часто расходящейся съ ученіемъ Христовымъ,—по преимуществу проповѣдь апологетическая: она главнымъ образомъ имѣетъ въ виду людей, уклоняющихся отъ водительства вѣрою, и полагающихся на одни начала разума. Какъ быть проповѣднику, въ виду такихъ возможныхъ слушателей? Оставить ли ему доказательства, почерпаемыя изъ вѣры и Откровенія, и представлять одни разсудочныя соображенія? Или твердо стоять на той высотѣ, на которой онъ пользуется авторитетомъ божественнаго посланника и говоритъ отъ имени Божія? Въ вѣка оскудѣнія вѣры и предъ кругомъ слушателей, въ которомъ много вольномыслящихъ, многіе, и авторитетные, проповѣдники не только говорятъ отъ разума, но даже предпочитаютъ говорить отъ разума, а не отъ вѣры, думая, что проповѣдь раціональнаго характера больше понравится слушателямъ, и вѣрнѣе и сильнѣе можетъ подѣйствовать на нихъ, чѣмъ проповѣдь, утверждающаяся на началахъ вѣры и Откровенія. Но такое направленіе,—по справедливому замѣчанію Мосгейма, въ свое время знаменитаго лютеранскаго проповѣдника и гомилета-богослова,—при которомъ проповѣдники, пренебрегая ученіемъ вѣры, хотятъ питать души

---

[1]) На Евангеліе отъ Матѳея бес. 1-я.

слушателей мудрованіемъ человѣческимъ,—направленіе опасное. Оно можетъ проистекать и изъ добраго чувства, когда проповѣдникъ замѣчаетъ неуваженіе къ библейскимъ и церковнымъ свидѣтельствамъ въ окружающемъ его обществѣ; но приспособленіе къ слушателямъ и ихъ настроенію должно быть крайне осторожное, и не должно выходить изъ границъ, предписываемыхъ благоговѣніемъ къ Откровенію и вѣрѣ, на немъ основываемой. Иначе, незамѣтно для самого проповѣдника, имъ овладѣетъ духъ, чуждый церкви. Онъ будетъ говорить не какъ служитель Божій и человѣкъ вѣры, а какъ служитель разума: въ его ученіе могутъ вторгаться мнѣнія, уклоняющіяся отъ строгихъ и чистыхъ началъ вѣры, и онъ навыкаетъ подчинять законамъ ума все, содержащееся въ откровенномъ ученіи церкви[1]). Стоитъ разъ выпустить изъ рукъ тѣ твердыя начала, которыми сильно слово христіанскаго проповѣдника,—начала, запечатлѣнныя божественнымъ авторитетомъ, какъ проповѣдникъ лишаетъ себя надежной точки опоры и создаетъ для себя положеніе, полное нескончаемыхъ колебаній; стоитъ разъ отшатнуться отъ твердаго берега и увлечься волнами человѣческихъ мнѣній, чтобы потомъ на долго не имѣть устойчивости и потерять изъ виду безопасную пристань. И нашъ гомилетъ—Амфитеатровъ—предостерегаетъ проповѣдниковъ отъ такого направленія, слѣдуя которому иные изъ проповѣдующихъ слово Божіе и ученіе вѣры, вмѣсто того, чтобы пользоваться доказательствами библейскими, слишкомъ широкое мѣсто даютъ разсудочному элементу, и думаютъ все примирять и объяснять по началамъ разума, и мудрованіемъ человѣче-

---

[1]) См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера, стр. 138—139. Anweisung erbaulich zu predigen, von Mosheim, Erste Hauptstück. §§ 5 und 9, s. 130—135, 163—175.

скимъ хотятъ рѣшать важнѣйшіе вопросы о предметахъ вѣры и церкви. Проповѣдники, слишкомъ далеко заходящіе въ этомъ направленіи, сравниваются, по его словамъ, съ корчемниками, которые ради сквернаго прибытка мѣшаютъ вино съ водою, и это сравненіе онъ беретъ у блаж. Ѳеодорита и Ѳеофилакта, изъ ихъ толкованій на второе посланіе къ коринѳянамъ (11, 17), гдѣ говорится о людяхъ, не чисто проповѣдающихъ слово Божіе [1]).

Мы предвидимъ возраженія по поводу такихъ предостереженій проповѣдникамъ, заимствованныхъ нами у авторитетныхъ представителей науки о проповѣдничествѣ. Ужели (могутъ сказать намъ) въ церковной проповѣди, особенно въ проповѣди, обращенной къ людямъ раціоналистическаго направленія, не должно быть мѣста для доказательствъ отъ разума? Нѣтъ, нельзя такъ понимать предостереженія, обращенныя къ проповѣдникамъ людьми строго-христіанскаго образа мыслей: они отнюдь не запрещаютъ пользоваться разсудочными доказательствами въ проповѣдяхъ и предостерегаютъ только отъ излишняго довѣрія разуму и пользованія имъ однимъ, въ ущербъ вѣрѣ, въ надеждѣ привести въ единеніе съ собою людей, уклоняющихся отъ ученія церкви. Разумъ не только можетъ, но и долженъ быть призванъ къ служенію вѣрѣ и къ достиженію цѣлей назиданія. Вѣра наша, выступающая на борьбу съ заблужденіемъ, должна быть не только твердою, но и разумною, и чѣмъ больше въ ней видно разума, тѣмъ сильнѣе она можетъ дѣйствовать. Между вѣрою, опирающеюся на сверхъестественное откровеніе, и разумомъ, руководящимся естественными началами и пособіями, стоящими въ его распоряженіи, не должно быть противорѣчія.

---

[1]) Чтенія о церковной словесности или Гомилетика Амфитеатрова. Ч. 2, стр. 90—1.

Естественное откровеніе, которымъ руководился разумъ, дано намъ тѣмъ же Творцомъ, который сообщилъ намъ и сверхъестественное Откровеніе. Но ихъ нельзя равнять по силѣ свѣта истины. Разумъ, въ настоящемъ нашемъ поврежденномъ состояніи, тускло видитъ истину, и вслѣдствіе этого часто заблуждается и принимаетъ ложное направленіе; многое для него изъ области высшихъ, небесныхъ истинъ мало понятно. Сверхъестественное Откровеніе и дано человѣку въ помощь разуму, утратившему свою зоркость, и оно главнымъ образомъ простирается на такіе предметы, какіе недостижимы для разума, умѣющаго хорошо разсматривать всегда видимый, земной образъ бытія. Пользуйтесь разумомъ, при изъясненіи религіозныхъ истинъ; только знайте, что онъ не главный рѣшитель въ кругѣ тѣхъ предметовъ, которые постигаются вѣрою, и разъясняются для насъ Откровеніемъ. Проповѣдникъ говоритъ во имя Божіе: этого онъ никогда не долженъ упускать изъ вида. Его слово потеряетъ свою силу и свое значеніе, когда онъ, раскрывая истину, оставитъ въ тѣни авторитетъ божественный, и захочетъ утверждать свое ученіе одними естественными соображеніями.

Тѣмъ менѣе можетъ быть вызываемо и оправдываемо и практическими соображеніями пользованіе въ церковной проповѣди одними естественными, разсудочными доказательствами, при изложеніи истинъ религіи, въ угоду людямъ невѣрующимъ, не дающимъ цѣны доказательствамъ библейскимъ, что люди невѣрующіе не являются, или являются весьма рѣдко предъ церковною каѳедрою. Зачѣмъ же, въ угоду имъ, измѣнять тѣмъ началамъ, какими укрѣпляется церковное проповѣдническое слово? Слово проповѣдника, возвѣщаемое съ церковной каѳедры, предъ людьми вѣрующими, имѣетъ своею задачею не столько нападеніе на заблуждающихся и невѣрующихъ, сколько предостереженіе вѣрующихъ отъ увлеченія заблужденіемъ. Проповѣдь должна назидать, а не ниспровергать,

давать руководство для христіанской вѣры и жизни людямъ, нуждающимся въ этомъ руководствѣ и требующимъ его, а не входить въ препирательства съ искажающими чистую истину.

Дидактическіе уроки и чтенія, въ которыхъ, при пособіи естественнаго разумѣнья, обсуждаются и разбираются положенія религіозной философіи и иѳики, и опровергаются заблужденія и ложныя идеи, распространяемыя свѣтскою литературою и увлекающія современниковъ, могутъ имѣть значеніе и могутъ производить благотворное вліяніе, особенно если они предлагаются въ увлекательной формѣ. Но ихъ мѣсто, по словамъ Юнгманна, одного изъ лучшихъ гомилетовъ послѣдней половины истекшаго столѣтія, „не въ храмѣ, а въ салонѣ или въ свѣтской аудиторіи, куда допускается избранная публика по билетамъ, и гдѣ они могутъ быть предлагаемы и выслушиваемы при газовомъ или электрическомъ освѣщеніи. Это не слово Божіе, какое обязанъ возвѣщать христіанскій проповѣдникъ. Христіанскій проповѣдникъ безъ нужды не долженъ прибѣгать къ такимъ чисто естественнымъ средствамъ для утвержденія и распространенія между людьми царствія Божія; иначе его могутъ упрекнуть въ томъ, что онъ упраздняетъ крестъ Христовъ (1 Кор. 1, 17); ибо въ этомъ случаѣ, вопреки примѣру и наставленію Апостола, онъ проповѣдуетъ не *въ явленіи духа и силы, но въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (1 Кор. 11, 4)“ [1]).

---

[1]) См. нашу книгу: „Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера“, стр. 471. Theorie der geistlichen Beredsamkeit, v. Iungmann. Zehntes Kapitel, s. 639—633. 643.

О характерѣ проповѣдей.

Послѣ вопроса о томъ, о *чемъ* нужно проповѣдывать, другой важный вопросъ въ гомилетикѣ: какъ нужно проповѣдывать? Послѣ указанія матеріи или содержанія проповѣдей, самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ, какъ эта матерія должна быть раскрываема и излагаема въ церковной проповѣди.

Въ нѣмецкихъ гомилетикахъ часть, имѣющая своею задачею разъясненіе этого вопроса, называется формальною гомилетикою, и ей придается не меньшее значеніе, чѣмъ гомилетикѣ матеріальной, посвящаемой уясненію предмета или содержанія проповѣдей. Эта формальная гомилетика обнимаетъ и раскрываетъ тѣ предметы, которые въ древнихъ риторикахъ озаглавливались „de dispositione, de elocutione et de actione". Гомилетика Швейцера, отличающаяся наиболѣе стройною систематичностью изложенія, въ формальной гомилетикѣ раскрываетъ ученіе: 1) о планѣ и расположеніи проповѣди, или распредѣленіи матеріала, входящаго въ содержаніе проповѣди (что у него называется діатактикою), 2) о стилической обработкѣ проповѣди, и 3) о произношеніи изготовленной проповѣди.

Въ первомъ отдѣлѣ формальной гомилетики (діатактикѣ) обыкновенно очень много распространяются о частяхъ проповѣди и ихъ построеніи,—приступѣ, темѣ, раздѣленіи, изслѣдованіи и заключеніи. У Швейцера раскрытію этихъ

предметовъ посвящено 36 параграфовъ (§§ 164—200). Но мы считаемъ эти трактаты не особенно важными и нужными для гомилетики. Въ нихъ обыкновенно, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторяется то, что излагается въ риторикахъ, подробно излагающихъ ученіе о логическомъ построеніи или расположеніи всякой рѣчи. Повтореніе риторическаго ученія о частяхъ рѣчи для гомилетики существеннаго значенія не имѣетъ. И трактатъ о произношеніи и проповѣдническомъ дѣйствованіи (de actione) только съ нѣкоторою натяжкою можетъ быть включаемъ въ часть гомилетики, разъясняющую ученіе о формахъ проповѣди. Здѣсь мыслится и представляется нѣчто такое, что не обнимается терминомъ формы проповѣди. Предметъ, означаемый словами: „произношеніе и дѣйствованіе проповѣдническое“, требуетъ самостоятельнаго изслѣдованія, отдѣльнаго отъ трактата или ученія о формѣ проповѣди. Въ нашей русской гомилетикѣ Амфитеатрова нѣтъ трактата о частяхъ проповѣди. Но о произношеніи или (какъ у него говорится) „о сообщеніи церковнаго собесѣдованія“ онъ говоритъ въ той части, которая посвящена опредѣленію и развитію характера церковнаго собесѣдованія. Здѣсь онъ говоритъ въ одномъ отдѣлѣ о внутреннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія, въ другомъ о внѣшнемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія, а въ третьемъ о сообщеніи церковнаго собесѣдованія; въ прибавленіи третьяго отдѣла къ двумъ первымъ мы не видимъ строгаго логическаго дѣленія.

Въ рѣчи о характерѣ проповѣдей должны быть показаны тѣ существенныя свойства, какія принадлежатъ проповѣди, какъ спеціальному роду словесныхъ произведеній, и которыми она отличается отъ другихъ родовъ словесныхъ произведеній. Если бы мы, опредѣляя то, какъ нужно проповѣдывать, стали перечислять логическія и эстетическія свойства, какія должны быть въ каждомъ порядочномъ сочиненіи, какъ-то: точность и опредѣленность мысли и выраженія, ясность и правильность рѣчи и т. под., то этимъ нимало бы не опре-

дѣлили характера проповѣди, и трактація объ этомъ была бы лишнимъ балластомъ въ гомилетикѣ, хотя подобныя общія указанія свойствъ хорошей проповѣди встрѣчаются въ гомилетическихъ руководствахъ.

Что же собственно составляетъ отличительный характеръ проповѣди? Какимъ требованіямъ она должна удовлетворять, какимъ законамъ должна подчиняться въ своемъ строѣ, чтобы отвѣчать прямому своему назначенію?

У Амфитеатрова мы встрѣчаемъ чрезвычайно обильный анализъ тѣхъ свойствъ, какія должны быть соблюдаемы въ характерѣ церковнаго собесѣдованія. Опредѣляя внутренній характеръ церковнаго собесѣдованія, онъ указываетъ три главныя качества, какими оно должно обладать: 1) *назидательность* для ума, 2) *убѣжденіе* для воли и 3) *помазаніе* для сердца. Каждое изъ этихъ трехъ свойствъ у него подробно раскрывается, раздѣляясь на другія частнѣйшіи свойства. Разъясняя понятіе назидательности, онъ указываетъ три главныя черты, необходимыя для нея, чтобы проповѣдь была назидательною,—религіозность или духъ библейскій, православіе и народность. Говоря о помазаніи, онъ перечисляетъ множество частныхъ чертъ слова помазаннаго,—*евангельскую благодать* или пріятность, животворность и питательность, трогательность, *строгость пророческую*, возвышенность взора и быстроту, достоинство и глубину мысли, *власть и силу слова апостольскую*, *кротость отеческую*, простоту, искренность, обиліе и разнообразіе слова помазаннаго. Какъ ни подробенъ и ни обиленъ этотъ трактатъ въ гомилетикѣ Амфитеатрова, онъ не даетъ намъ полнаго удовлетворенія. Въ немъ не указаны съ раздѣльною ясностію существенныя черты характера проповѣди, и даже самое обиліе подраздѣленій главнаго понятія служитъ у него не столько къ уясненію, сколько къ затемненію дѣла. Напримѣръ, слово „помазаніе“ является обычнымъ терминомъ въ гомилетическомъ языкѣ; но когда говорятъ о немъ, съ нимъ не соеди-

няютъ яснаго и опредѣленнаго представленія. Эта неясность и неопредѣленность термина была видна и у Амфитеатрова, и онъ хотѣлъ уяснить его, приведши множество частныхъ чертъ, какими должно отличаться слово помазанное. Но сдѣлался-ли чрезъ это яснѣе гомилетическій терминъ „помазаніе“, такъ туго поддающійся точному опредѣленію? Самое главное раздѣленіе существенныхъ свойствъ церковнаго собесѣдованія, которыми служатъ назидательность, убѣдительность и помазаніе, у него выведено не изъ природы, не изъ существа проповѣди, а заимствованы основы дѣленія отвнѣ: онъ обращаетъ вниманіе на трехчастный составъ душевныхъ силъ, и опираясь на психологическія категоріи, говоритъ, что проповѣдь должна доставлять назиданіе уму, убѣждать волю и дѣйствовать на сердце. Этимъ опредѣляются не столько свойства проповѣди, сколько указывается цѣль, къ какой она должна быть направлена. Далѣе, раскрывая понятіе назидательности, нашъ гомилетъ указываетъ три частныя черты, которыми опредѣляется это понятіе,—религіозность, или духъ библейскій, православіе и народность. Все это, пожалуй, вѣрно; указанныя черты должны быть соблюдаемы въ проповѣди; церковное собесѣдованіе должно быть непремѣнно религіозно, должно быть и вѣрно православію или церковному ученію и вмѣстѣ съ тѣмъ приспособлено къ духу и характеру народа, къ которому обращается. Но строго логическаго соподчиненія нѣтъ между указанными понятіями. Религіозность и православіе сливаются между собою, и не отличаются строго одно отъ другого; а народность стоитъ рядомъ съ ними, какъ новое, совершенно отдѣльное отъ нихъ начало. Изъ понятія назидательности выведены эти три свойства, или къ нему приложены, не безъ искусственной махинаціи мысли.

Основныя черты, опредѣляющія характеръ проповѣди, мы находимъ естественнымъ вывести изъ самаго существа или понятія проповѣди. Проповѣдь есть сообщеніе слова Божія народу или живое свидѣтельство объ истинѣ нашего спа-

сенія, обращенное къ народу, ищущему пути спасенія, или по крайней мѣрѣ долженствующему искать такого пути. Изъ этого понятія вытекаютъ два требованія: во-первыхъ, проповѣдь, служащая сообщенію и разъясненію божественнаго святаго ученія, хранимаго въ церкви, должна отличаться характеромъ церковно-библейскимъ, во-вторыхъ, проповѣдь, обращенная къ народу, направляющая его на путь спасенія, по своему характеру должна быть близка и родственна народу, то есть, приспособлена болѣе или менѣе къ его духу и пониманію. Гомилетика можетъ выставить два закона, соблюденіе которыхъ необходимо для проповѣдника, желающаго достойнымъ образомъ выполнять свое служеніе: проповѣдь должна соблюдать церковно-библейскій характеръ, и съ другой стороны должна быть популярна.

I.

Первая основная черта, какая строго должна быть соблюдаема въ проповѣди,—*церковно-библейскій духъ* или характеръ. Имъ долженъ быть проникнутъ и внутренній складъ мысли и ея внѣшнее выраженіе.

Требованіе церковно-библейскаго характера самое естественное и необходимое требованіе. Проповѣдь выростаетъ изъ библіи, какъ изъ своего зерна. Она, по существу своему и своей задачѣ, есть раскрытіе библіи и ея толкованіе, и примѣненіе ея ученія къ нравственнымъ потребностямъ слушателей, и въ этомъ смыслѣ какъ бы продолженіе ея. Здѣсь въ библіи лучшіе проповѣдники получали для себя вдохновеніе, съ библіею сообразовали свое слово. Проповѣдь, далѣе, говорится обыкновенно въ церкви, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, и проповѣдникъ является уполномоченнымъ провозвѣстникомъ ученія, хранимаго въ церкви. Проповѣдь есть священнодѣйствіе благовѣствованія, и говорится во время

богослуженія, если и не составляетъ непосредственной части богослуженія. Духъ, вѣющій въ храмѣ Божіемъ, находящій выраженіе для себя въ богослужебныхъ чтеніяхъ, пѣсняхъ и молитвахъ, долженъ проникать ее собою, чтобы она не была чѣмъ-то чуждымъ среди дѣйствій, совершаемыхъ въ храмѣ Божіемъ при богослуженіи, и не нарушала собою впечатлѣнія, выносимаго изъ церкви.

Говорятъ и утверждаютъ, что форма, въ какую облекается слово проповѣдника, не есть что-либо самостоятельное по отношенію къ содержанію. Матерія сама себѣ творитъ форму, и форма выростаетъ изъ нея и неразрывно связывается съ нею, какъ душа съ тѣломъ. Въ церкви говорится о божественныхъ предметахъ, и этимъ содержаніемъ уже намѣчается особенный, божественный характеръ проповѣднаго слова. Амфитеатровъ, когда хочетъ опредѣлить, что требуется для соблюденія церковно-библейскаго духа въ проповѣди, сводитъ эти требованія къ тому, чтобы проповѣдникъ излагалъ въ своихъ поученіяхъ только святое, истинное и спасительное ученіе; такъ какъ Писаніе, которое для него должно быть первообразомъ, учитъ насъ, во-первыхъ, тому, что *свято* само въ себѣ" и священно для человѣка, во-вторыхъ, тому, что *истинно* само въ себѣ и вѣруется въ правду со стороны человѣка, и, въ-третьихъ, тому, что благо само въ себѣ и *спасительно* для человѣка[1]). Но этимъ не обнимаются требованія церковно-библейскаго духа въ проповѣди. Есть здѣсь нѣчто, что не дается однимъ содержаніемъ проповѣди. Можно проповѣдывать святое, истинное и спасительное ученіе Христово, и въ то же время проповѣдь можетъ не имѣть церковно-библейскаго духа. Ученіе, предлагаемое въ церковной проповѣди, облекается въ форму не само по себѣ, а чрезъ духъ и умъ человѣка, преподающаго это ученіе на-

[1]) Чтенія о церковной словесности, Амфитеатрова, ч. II. § 204, стр. 13.

роду. Сообщающій это ученіе, при передачѣ его, кладетъ на него или на его внѣшнюю форму свою личную печать, и въ его словѣ отпечатлѣвается его личное настроеніе. Отсюда одно и то же ученіе у одного проповѣдника принимаетъ такую форму, у другаго другую. Характеръ изложенія библейскаго и церковнаго ученія у разныхъ проповѣдниковъ не можетъ быть одинаковъ, если только слово этихъ проповѣдниковъ живое слово. Лице проповѣдника не простой каналъ, чрезъ который церковно-библейское ученіе переходитъ къ другимъ. Истина, имъ возвѣщаемая, проходитъ чрезъ горнило его ума и переработывается въ лабораторіи его сердца, и отсюда она получаетъ тотъ характерный обликъ, въ какомъ является въ устахъ проповѣдника предъ народомъ. Здѣсь форма или характеръ проповѣди опредѣляется не одною объективною, неизмѣнною, истиною, но еще и даже болѣе, субъективнымъ настроеніемъ проповѣдника.

Главное условіе, отъ котораго зависитъ соблюденіе церковно-библейскаго характера въ проповѣди,—чувство проповѣдника, исполненное христіанскаго духа и находящее для себя выраженіе въ словѣ. Не на содержаніе здѣсь нужно обращать вниманіе, при обсужденіи характера проповѣди, по крайней мѣрѣ не на одно содержаніе, а на тотъ тонъ, въ какомъ ведется раскрытіе этого содержанія, и какой проникаетъ все слово. Требуемые въ проповѣди чувство и тонъ, дающіе ей церковно-библейскій характеръ, могутъ быть не только тогда, когда проповѣдникъ говоритъ о высокихъ тайнахъ вѣры, но и тогда, когда, по вызову обстоятельствъ, онъ ниспускается къ потребностямъ плотскаго человѣка, къ предметамъ внѣшняго матеріальнаго быта, говоритъ о пищѣ, одеждѣ и т. д., или когда онъ борется съ современными заблужденіями. Напротивъ, чистаго церковнаго духа можетъ не быть и въ рѣчи о предметахъ высоко-догматическихъ. Нечистое воображеніе и въ библіи находитъ засаленныя страницы, и по поводу ихъ допускаетъ рѣчи, чуждыя всякаго благого-

вѣнія и церковнаго приличія. Въ средневѣковыхъ схоластическихъ проповѣдяхъ, и при изложеніи чистаго христіанскаго ученія, встрѣчаются шутки, забавные и остроумные анекдоты, иногда циническія выраженія, грубо нарушающія святость тѣхъ требованій, съ какими благочестивое чувство относится къ церковно-проповѣдному слову. А иногда раскрываютъ истину христіанскую языкомъ школы, проникнутой раціонализмомъ, или языкомъ свѣтской литературы, индифферентной къ христіанству, чтобы не сказать чего-либо больше; между тѣмъ въ содержаніи проповѣди вы не находите ничего, несогласнаго съ христіанскимъ ученіемъ.

Благочестивымъ слухомъ тотчасъ же ощущается присутствіе или отсутствіе церковно-библейскаго духа въ словѣ, ему предлагаемомъ. Но логически выяснить отличительныя черты его—вещь чрезвычайно трудная. Духъ невидимъ и не осязаемъ; гласъ его, какъ голосъ вѣтра, мы слышимъ, но уловить, наглядно представить его не можемъ. Церковно-библейскій духъ, желательный и требуемый въ проповѣди, видимъ въ словѣ того, кто весь проникнутъ благочестіемъ, питаетъ благоговѣніе къ слову Божію и ученію церкви, и кто воплотилъ въ себѣ духъ Евангелія. Частнѣе, въ духѣ библейскомъ можетъ говорить и говоритъ тотъ, кто всегда носитъ въ умѣ и сердцѣ своемъ основныя истины христіанскія,—о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, воплотившемся ради нашего спасенія и за насъ распятомъ, и о безпомощной бѣдности человѣка-грѣшника, предоставленнаго самому себѣ. У кого въ душѣ занимаютъ широкое мѣсто эти истины и составляютъ основные камни его міровоззрѣнія и настроенія, тотъ не станетъ говорить тономъ, чуждымъ Евангелію и церкви, у того само собою, безъ усилій, выльется слово, въ которомъ будетъ чувствоваться особенный, не мірской характеръ. Будетъ ли онъ говорить о высокихъ тайнахъ вѣры,—въ его словѣ будетъ слышаться чувство благоговѣнія предъ этимъ тайнами, и смиренное под-

чиненіе своего разума разуму Божію, благоволившему открыть намъ сокровенное отъ насъ. Будетъ ли онъ воспоминать о великихъ благодѣяніяхъ Божіихъ роду человѣческому,—рѣчь его не будетъ сухимъ, холоднымъ словомъ, но чувство умиленія и благодаренія Богу, нашему Благодателю и Спасителю, наполняющее сердце проповѣднику, дастъ ей теплоту и сердечность: Будетъ ли рѣчь его касаться нашего грѣховнаго состоянія, нашихъ земныхъ пристрастій, влекущихъ насъ долу и удаляющихъ насъ отъ путей спасенія,—въ ней будетъ тонъ сокрушенія сердечнаго, сильнаго потрясти слушателей. Будетъ ли онъ возбуждать свою паству къ любви и милосердію, его слово не будетъ бездушнымъ голосомъ, подобнымъ звуку мѣди звенящей или кимвала бряцающаго, а будетъ согрѣта пламенемъ, износимымъ изъ его сердца и одушевлено дыханіемъ его любящей души. Вообще, о чемъ бы ни говорилъ такой проповѣдникъ, сила религіознаго чувства, въ немъ живущая и его одушевляющая, непремѣнно проявитъ себя въ его словѣ, и дастъ ему такой отпечатокъ, который ясно будетъ свидѣтельствовать, что говорящій руководится не *духомъ міра сего*, но *духомъ, иже отъ Бога* (1 Кор. 11, 12.). Слѣды такого духа будутъ проявляться не въ общемъ только складѣ рѣчи, но и въ частностяхъ ея. Человѣкъ такого духа не можетъ допустить никакого выраженія неблагоговѣйнаго. Онъ не скажетъ: „Христосъ или Іисусъ“, а скажетъ: Господь Іисусъ Христосъ“, не скажетъ: „Марія“, а пресвятая Дѣва Марія или пресвятая Богородица“, не скажетъ: „Павелъ, Василій, Григорій“, но скажетъ: „святый апостолъ Павелъ, святый Василій Великій, святй Гыригорій Богословъ“ и т. д.

Видимымъ проявленіемъ церковно-библейскаго духа въ проповѣди служитъ частое обращеніе къ священному Писанію, и благоговѣніе предъ словомъ библіи. какъ словомъ Божіимъ, служащимъ для нашего разума незамѣнимымъ руководствомъ, и дающимъ намъ ясное и неопровержимое указаніе для рѣше-

нія всѣхъ вопросовъ, занимающихъ религіозное сознаніе человѣка. Кто проповѣдуетъ съ библіею въ рукахъ, или у кого всегда готовы свидѣтельства, почерпаемыя изъ священнаго Писанія, въ подтвержденіе или разъясненіе той или другой истины, для того легко исполненіе требованія церковно-библейскаго духа, при сообщеніи христіанскаго ученія народу. Для насъ въ этомъ отношеніи образцомъ, къ которому мы должны приближаться, и которымъ должны повѣрять себя, служитъ долженъ Господь Іисусъ Христосъ, единый истинный (идеальный) Учитель. Заповѣдь новую или новое ученіе давалъ Онъ людямъ, къ которымъ обращался съ своимъ словомъ, но при изложеніи своего ученія Онъ весьма часто приводилъ свидѣтельства изъ Писанія, и ими разъяснялъ и подтверждалъ свои наставленія, съ какими обращался къ ученикамъ или народу. При первомъ открытіи своего ученія въ нагорной бесѣдѣ, Онъ говоритъ предъ народомъ о высокомъ нерушимомъ значеніи закона Божія или богооткровеннаго слова, даннаго чрезъ пророковъ іудеями. *Аминь глаголю вамъ* (говоритъ Онъ): *дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона* (Матѳ. V, 18). Далѣе, исходною точкою для своихъ частныхъ наставленій въ этой бесѣдѣ Онъ ставитъ слово закона или ветхозавѣтнаго Писанія, только одухотворяя и расширяя смыслъ, въ нихъ заключающійся. Нѣсколько разъ повторяетъ Онъ, переходя отъ одного наставленія къ другому: *слышасте, яко рѣчено бысть древнимъ* (Матѳ. V, 21. 27. 31. 33. 38. 43). Шесть выраженій привелъ Онъ изъ древняго божественнаго закона, и признавая обязательное значеніе требованій, въ нихъ заключающихся, ведетъ своихъ слушателей къ болѣе высокому и совершенному пониманію ихъ. На словѣ Писанія, такъ сказать, построевается его назидающая рѣчь. На законъ и пророковъ Онъ часто ссылается, указывая здѣсь ту силу, къ которой должно обращаться наше

разумѣніе, ищущее истины (Матѳ. VII, 12. XXII, 40). Спрашиваетъ Его одинъ законникъ: *учителю, что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдую* (Лук. X, 25)? Онъ отвѣчалъ ему, отсылая Его къ Писанію: *въ законѣ что писано есть? Како чтеши* (26)? и словами закона наставляетъ его. Другой разъ приступили къ нему саддукеи, не вѣрующіе въ воскресеніе мертвыхъ, и предложили Ему вопросъ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ поставить Его въ затрудненіе. Было у насъ, говорятъ они, семь братьевъ, и первый, женившись, умеръ, не имѣя дѣтей, а жену оставилъ брату своему, который, по закону Моисееву, долженъ былъ возстановить сѣмя брата своего, и этотъ умеръ бездѣтнымъ, и такъ далѣе до седьмаго. Котораго же изъ семи братьевъ будетъ женою жившая съ ними въ брачномъ сожитіи? Вразумляя искушающихъ Его саддукеевъ, Господь говоритъ имъ: *прельщаетеся, не вѣдуще Писанія, ни силы Божія...? О воскресеніи мертвыхъ нѣсте ли чли рѣченнаго вамъ Богомъ, глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковлъ: нѣстъ Богъ Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѳ. XXII, 29. 31—32). Еще фарисеи обратились къ Нему съ укоризною, по поводу того, что ученики Его, идя въ субботу чрезъ засѣянное поле, срывали колосья и ѣли: этого-де нельзя дѣлать въ субботу. И фарисеевъ Писаніемъ вразумляетъ и обличаетъ Господь, какъ обличалъ и вразумлялъ саддукеевъ: *Нѣсте ли чли* (говоритъ Онъ имъ), *что сотвори Давидъ, егда взалка самъ и сущіи съ нимъ? Како вниде въ храмъ Божій и хлѣбы предложенія снѣде, ихже не достойно бѣ ему ясти, ни сущимъ съ нимъ, шокмо іереемъ единымъ? Или нѣсте чли въ законѣ, яко священники въ субботы въ церкви субботу скверняютъ* (нарушаютъ) *и не повинни суть* (Матѳ. XII, 3—5)? Видя, что фарисеи, а подъ ихъ вліяніемъ большинство народа іудейскаго, полагаютъ все благочестіе въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ и предписаній закона и оставляютъ главное, существенное въ законѣ, онъ, желая

исправить такое односторонее пониманіе требованій закона, неоднократно приводилъ, къ вразумленію народа, извѣстное изреченіе пророка Осіи: *милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. IX, 13. XII, 7, Пс. VI, 6). Далѣе, замѣтивъ безчиніе въ храмѣ, Господь, для вразумленія продающихъ и купующихъ въ церкви, опять обращается въ Писанію: *нѣсть-ли писано, яко храмъ мой храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ? Вы же сотвористе его вертепъ разбойникомъ* (Марк. XI, 17. Матѳ. XXI, 13. Лук. XIX, 48. Ис. LVI, 7. Іер. VII, 11). Приступили къ Нему фарисеи, и спрашиваютъ Его: можно-ли по всякой винѣ разводиться человѣку съ своею женою? Онъ въ отвѣтъ говоритъ имъ: *нѣсте ли чли, яко сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть?*....(Матѳ. XIX,4). Къ Писанію обращается Господь, когда хочетъ дать понятіе фарисеямъ о Христѣ Мессіи, котораго фарисеи называли сыномъ Давидовымъ (Матѳ. XXII, 43—45). Предложивъ притчу іудеямъ о дѣлателяхъ въ виноградникѣ, убившихъ посланныхъ къ нимъ рабовъ, а затѣмъ и сына владѣтеля виноградника, Онъ, желая довести ихъ до уразумѣнія смысла притчи, говоритъ имъ: *нѣсте ли чли николиже въ писаніихъ: камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла? Отъ Господа бысть сей, и есть дивно во очію вашею* (Матѳ. XXVI, 46. Псал. CXXII, 22—23. Ис. XXVIII, 16). И въ бесѣдахъ съ учениками Господь часто приводитъ слова Писанія (Матѳ. XXVI, 24); явившись по воскресеніи двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ Онъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они мало внимательны къ тому, что сказано въ Писаніи: *О несмысленная и косная сердцемъ, еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголоша пророцы* (говоритъ Онъ имъ)! *Не сія ли подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою? И начень отъ Моисея и отъ всѣхъ пророкъ, сказаше има отъ всѣхъ писаній, яже о Немъ* (Лук. XXIV, 25—27). Явившись въ другой разъ всѣмъ ученикамъ, Онъ напоминаетъ имъ то, что говорилъ имъ, когда еще былъ съ

ними, *что подобаетъ скончатися всѣмъ написаннымъ въ законѣ Моисеовѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о Мнѣ* (Лук. XXIV, 44).

Но не одно частое обращеніе къ Писанію въ рѣчахъ Господа Іисуса Христа, долженствующихъ служить для насъ руководительными образцами, при разъясненіи вопросовъ вѣры и жизни христіанской, должно обращать на себя наше вниманіе. Пользуясь буквою Писанія, Господь не довольствовался однимъ внѣшнимъ указаніемъ ея. Онъ въ то же самое время вводилъ своихъ слушателей или учениковъ въ духъ Писанія, выставлялъ существенное въ немъ и доводилъ тѣхъ, къ кому обращался, до уразумѣнія болѣе глубокаго смысла, заключающагося въ томъ или другомъ мѣстѣ Писанія. Были въ его время буквалисты-схоластики, почивавшіе на законѣ, хвалившіеся знаніемъ того, сколько разъ въ библіи или какой-либо книгѣ Писанія повторяется та или другая буква, злоупотреблявшіе буквою Писанія и подтверждавшіе ею разныя наслоенія преданій, вводимыхъ ими въ кругъ заповѣдей Божіихъ. Господь обличалъ такихъ учителей, хотя почивавшихъ на законѣ, на не разумѣвшихъ духа его, и прямо называлъ ихъ *невѣдущими Писанія, ни силы Божіей* (Мѳ. XXII, 29). Уже въ первой Его нагорной бесѣдѣ Его слово всецѣло направлено къ тому, чтобы ввести слушателей чрезъ букву Писанія къ болѣе глубокому пониманію его и къ уразумѣнію духа его, возвышая и расширяя тѣ требованія, какія даны буквою закона. Не разъ Онъ, далѣе, въ нѣсколькихъ словахъ, для вразумленія слушателей, указывалъ сущность закона и пророковъ, то есть, всего священнаго Писанія (Матѳ. XXII, 37—40. Матѳ. VII, 12). *Въ сію обою заповѣдію* (о любви къ Богу и ближнему) *весь законъ и пророцы виятъ. Вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророцы.* Указывая существенное въ законѣ и пророкахъ, Господь чрезъ то возжигалъ свѣтъ въ простомъ разумѣніи,

приступающемъ къ слову Божію съ яснымъ желаніемъ назиданія. Послѣ такого руководственнаго указанія яснѣе становилось людямъ все то, что они встрѣчаютъ на страницахъ библіи или слышатъ изъ устъ разныхъ учителей. Послѣ уразумѣнія сущности дробныя частности болѣе или менѣе будутъ понятны для нихъ.

Замѣчательны и знаменательны тѣ обороты рѣчи, въ какихъ Господь приводилъ слова Писанія. Желая дать разъясненіе вопроса или подтвержденіе того или другаго положенія, Онъ часто пользуется такою формою: *нѣсте ли чли въ законѣ или писаніяхъ* (Матѳ. XXI, 46. XIX, 4. XII, 3—5, XXII 31)? *Въ законѣ что написано есть? Како чтеши* (Лук. X, 26)? Такое обращеніе прежде всего свидѣтельствуетъ о томъ, что Господь предполагалъ извѣстнымъ народу іудейскому все, что дано ему и написано въ Откровеніи Божіемъ, что и должно быть въ силу важности слова Божія. Такое же знакомство должно бы быть и у христіанскаго народа, которому дано Евангеліе, и для котораго должно быть въ высшей степени цѣнно все, что Богу угодно было сообщить людямъ, для ихъ просвѣщенія и нравственнаго исправленія. Далѣе, такое обращеніе указываетъ на то, что Господь видѣлъ и другихъ научалъ видѣть въ словѣ Божіемъ высшее рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоумѣній, какія могутъ занимать и безпокоить душу нашу, и къ нему Онъ отсылалъ всѣхъ, ищущихъ для себя свѣта истины и не ложнаго руководства въ знаніи и практической жизни,—и это должно быть внушительнымъ урокомъ для всѣхъ насъ, въ особенности для тѣхъ, кто, по званію служителей церкви, обязанъ вести пасомыхъ путемъ спасенія и направлять къ достиженію высшаго блага.

Нашими руководителями въ способѣ проповѣдничества могутъ быть святые отцы—проповѣдники. У нихъ мы должны учиться тому, какъ намъ проповѣдывать, и какой характеръ давать своему проповѣдному слову. Въ своихъ проповѣдяхъ

святые отцы первѣе всего являются истолкователями священнаго Писанія, и духъ Евангелія, духъ божественнаго Писанія проникаетъ и оживляетъ ихъ слово. Когда они говорятъ и не на тексты Писанія, предъ ихъ взоромъ стоитъ авторитетъ откровеннаго слова Божія, высшій всякаго другого авторитета, и къ нему обращаются они всякій разъ, когда хотятъ утвердить и укрѣпить свое разсужденіе, и дать ему силу убѣжденія. Читая ихъ проповѣди, вы видите и чувствуете, что не *духъ міра* руководитъ ими и движетъ ихъ мысль и сердце, а *духъ, иже отъ Бога* (1 Кор. 11, 12). И если мы, изъясняя и сообщая народу ученіе вѣры, часто обращаемся къ святымъ отцамъ, и свидѣтельствами, заимствуемыми изъ ихъ Писаній, уснащаемъ свое слово, мы тѣмъ самымъ какъ бы уловляемъ черты, какія должны быть выдерживаемы въ характерѣ церковнаго слова; потому что, кромѣ библейскихъ писателей, святые отцы наиболѣе другихъ исполнены духа Божія, и слово ихъ дышетъ святынею вѣры и благочестія, чѣмъ они сильно дѣйствовали на сердца своихъ слушателей. Впрочемъ, не отъ внѣшнихъ заимствованій изъ отеческихъ писаній зависитъ соблюденіе въ проповѣди отеческаго, церковно-библейскаго духа, хотя и они могутъ имѣть въ этомъ случаѣ нѣкоторое значеніе. Гораздо важнѣе внутреннее сродство духа проповѣдника съ тѣмъ духомъ, какимъ проникнуты писанія святыхъ отцовъ. А это сродство пріобрѣтается, когда проповѣдникъ питаетъ себя ихъ твореніями, и въ нихъ ищетъ руководственныхъ указаній для себя. Чѣмъ болѣе знакомится онъ съ ними, тѣмъ болѣе можетъ усвояться имъ тотъ характеръ и тонъ, какимъ отличаются они, и какой желателенъ въ церковной проповѣди.

Въ иныхъ проповѣдяхъ, претендующихъ на современность, весьма рѣдко встрѣчаются библейскія выраженія, и проповѣдники, желающіе приноровливаться ко вкусу и настроенію современной интеллигенціи, обращаются къ библіи какъ бы нé хотя. Они какъ будто боятся проронить текстъ,

опасаясь, какъ бы этотъ текстъ не уронилъ достоинства ихъ проповѣди и ихъ резонерства, въ глазахъ людей, утерявшихъ духъ церковный, и привыкшихъ въ своей мысли руководиться не вѣрою, а свѣтскою мудростію, почерпаемою изъ журналовъ, не имѣющихъ ничего родственнаго съ христіанствомъ. Претитъ благочестивому слуху такое нарушеніе церковнаго приличія. Конечно, и при этомъ *такая* рѣчь можетъ заключать и раскрывать доброе, христіанское ученіе, можетъ найти въ ней выраженіе сильная мысль, желающая доставить назиданіе слушателямъ, и преступленія не совершаетъ тотъ, кто говоритъ съ церковной каѳедры, вводя въ свою рѣчь элементы раціональный, свѣтскій и заслоняя имъ элементъ священно-церковный. Преступленія не совершаетъ такой; но соблюдаетъ ли онъ при этомъ то, что требуется отъ него церковнымъ приличіемъ,—святостію мѣста и не мірскою, божественною силою того слова и ученія, которое поручено ему передавать и сообщать народу? Въ священной одеждѣ выходитъ на каѳедру проповѣдникъ: хорошо-ли, прилично-ли ему въ этой одеждѣ говорить такъ, какъ говоритъ какой-либо свѣтскій писатель въ журнальной статьѣ?

Иные изъ проповѣдниковъ свое рѣдкое обращеніе къ библіи думаютъ оправдать ссылкою на то, что библія въ глазахъ нашихъ современниковъ, принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи, не имѣетъ того авторитета, какимъ пользовалась прежде, и что доказательства изъ библіи неубѣдительны для людей нашего просвѣщенія, разошедшагося съ вѣрою.—Въ мірѣ христіанскомъ, гдѣ должна быть твердая вѣра въ Откровеніе, и въ церкви, гдѣ читается для назиданія вѣрующихъ слово Божіе, не должно бы быть подобныхъ отговорокъ. А если онѣ и имѣютъ нѣкоторую долю фактической правды, то и тогда не могутъ быть извиненіемъ для проповѣдника, пренебрегающаго библейскими доказательствами. Для него самого библія должна имѣть значеніе первостепен-

ной важности, и онъ долженъ выше всего цѣнить эту книгу книгъ, съ которою не можетъ идти въ сравненіе ничто, написанное рукою человѣческою, подъ воздѣйствіемъ естественнаго разума. Если есть и замѣчается неуваженіе или только недостаточное уваженіе къ библіи, проповѣднику не приспособляться нужно къ этому неуваженію, а напротивъ слѣдуетъ со всею силою показывать свое благоговѣніе предъ этою святою книгою, отъ Бога намъ данною, и своимъ примѣромъ внушать другимъ признаніе ея высокаго достоинства. Притомъ неуваженіе къ библейскому слову происходитъ больше отъ малаго знакомства съ нимъ: раскройте эту божественную книгу предъ людьми, которые, можетъ быть, ни разу не раскрывали ея, представляйте изъ нея умѣлою рукою сокровища знанія и божественной мудрости, и побѣждено будетъ ничѣмъ неоправдываемое невниманіе къ ней. Намъ припоминается давно когда-то читанный поучительный разсказъ, заимствованный изъ французской литературы. Одинъ невѣръ, никогда не раскрывавшій библіи, во время путешествія долженъ былъ остановиться въ провинціальной глуши на одномъ постояломъ дворѣ или въ бѣдной хижинѣ простолюдина. Коротая время въ невзрачной хижинѣ, онъ увидалъ на столѣ маленькую замасленную книгу, и перелистывая ее, заинтересовался ею, и познакомившись съ ея содержаніемъ, захотѣлъ непремѣнно пріобрѣсть ее. Онъ просилъ хозяина хижины уступить ему эту книгу, и предложилъ ему за нее цѣнную золотую монету, сказавъ при этомъ, что онъ много книгъ читалъ, а такой хорошей не встрѣчалъ. А эта книга была Евангеліе. Случайно раскрылъ эту книгу невѣръ, и она сразу поразила его высотою и достоинствомъ своего содержанія, и онъ готовъ былъ дать за нее какую угодно цѣну.

Въ рѣчи о характерѣ проповѣдей, когда первою отличительною чертою его мы выставляемъ библеизмъ и церковность, самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ, *какъ*, въ *ка-*

комъ текстъ,—русскомъ или *церковно-славянскомъ* нужно приводить слова Господа и вообще изреченія, заимствуемыя изъ священнаго Писанія. Современная проповѣдническая практика настоятельно ставитъ на очередь этотъ вопросъ людямъ, интересующимся дѣломъ проповѣдничества, и намъ слѣдуетъ на немъ остановиться. Многіе, и уважаемые и высоко-авторитетные люди, въ послѣднее время русскій текстъ предпочитаютъ церковно-славянскому, и имъ пользуются, приводя тексты священнаго Писанія, и это не только тогда, когда мѣсто изъ священнаго Писанія является не вполнѣ вразумительнымъ для немудраго слушателя, но и тогда, когда это не вызывается нуждою, когда церковно-славянскій текстъ совершенно ясенъ, безъ переложенія его на русское нарѣчіе. А иные даже считаютъ это совершенно необходимымъ, и стараются доказывать, что употребленіе въ проповѣди церковно-славянскаго языка, при приведеніи библейскихъ мѣстъ, совершенно неумѣстно, противно самому понятію проповѣди, какъ народной и современной формы слова Божія. Мы встрѣтили въ одной книгѣ, посвященной уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ гомилетики, такое выраженіе: „Говорить въ проповѣди русскому народу на славянскомъ языкѣ и даже приводить на этомъ языкѣ хотя бы только изреченія священнаго Писанія—это значитъ давать слушателямъ камень вмѣсто хлѣба (едва-ли умѣстно приведенное здѣсь библейское сравненіе) и вносить мракъ въ то, что есть средство религіознаго просвѣщенія, для многихъ русскихъ единственное. Русскій народъ (будто) славянскаго языка не понимаетъ [1]).

Мы держимся совершенно противоположнаго мнѣнія, и считаемъ употребленіе церковно-славянскаго языка въ проповѣди, при приведеніи текcовъ священнаго Писанія, не только умѣстнымъ, и не только предпочитаемъ употребленіе его въ

[1]) По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки М. Тарѣева, стр. 125.

проповѣди при текстахъ священнаго Писанія употребленію русскаго перевода, но даже считаемъ церковно-славянскій текстъ въ этомъ случаѣ наиболѣе приличнымъ и даже необходимымъ. Этого требуетъ то благоговѣйное уваженіе, какое мы должны всегда имѣть и питать къ слову Божію. Божественное слово нужно отличать и внѣшнимъ образомъ отъ нашего обычнаго слова или говора. Церковно-богослужебный языкъ для него то же самое, что священное облаченіе для служителя церкви, совершающаго то или другое священнодѣйствіе. Было бы странно и послужило бы явнымъ нарушеніемъ церковнаго приличія, если бы кто-либо дерзнулъ совершать богослуженіе въ простомъ, не церковномъ костюмѣ. Не то же ли нарушеніе церковнаго приличія происходитъ тогда, когда съ библейскаго слова въ церковной проповѣди мы снимаемъ священное облаченіе церковно-богослужебнаго языка и передаемъ его въ томъ нарѣчіи, какимъ ведемъ свои домашнія бесѣды? Когда божественное, библейское слово мы передаемъ обычнымъ говоромъ или тѣмъ языкомъ, какимъ выражаемъ свои мысли, мы чрезъ то какъ бы равняемъ его съ своими собственными умствованіями, и слушателю нашему не сразу можно отличить, что наше, и что Божіе. Но вы приведете текстъ въ священномъ облаченіи церковно-богослужебнаго языка, тотчасъ же всѣмъ будетъ видно, что это не простое наше слово, а слово, отмѣченное высшимъ божественнымъ характеромъ. Мы же обыкновенно отличаемъ въ своихъ рукописныхъ сочиненіяхъ библейскіе тексты отъ нашихъ рѣчей и разсужденій, подчеркивая ихъ, а въ печати употребляя для нихъ особый курсивный шрифтъ. Церковно-славянское облаченіе для библейскаго текста, служа къ отличенію его отъ нашего простаго разсужденія и къ возвышенію его надъ нашимъ обыденнымъ словомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ выраженіемъ нашего благоговѣнія къ нему, какое подобаетъ имѣть къ божественному слову пастырямъ церкви и проповѣдникамъ. И народъ нашъ, привыкшій слушать

слово Божіе при богослуженіи на церковно-славянскомъ языкѣ, питаетъ особенное благоговѣніе къ нему именно въ этомъ священномъ облаченіи, и мы полагаемъ, что лучшая, благочестивая часть его, преданная церкви, если не оскорбится прямо, когда будетъ слушать въ церкви библейскіе тексты въ обыкновенной русской рѣчи, то несомнѣнно почувствуетъ нѣчто рѣжущее его слухъ, отъ простого, безцеремоннаго отношенія къ чтимой святынѣ. И не дастъ ли это нашимъ раскольникамъ, держащимся старыхъ преданій, повода обвинять нашу церковь въ уклоненіи ея на такой путь, который ведетъ къ омірщенію духа, какимъ руководятся ея члены? И намъ приходилось слышать подобныя нареканія;—и опасенія, нами высказываемыя,—не наша выдумка. Въ особенности мало мирится благочестивый слухъ, когда приводятъ не на церковно-богослужебномъ языкѣ, а на русскомъ нарѣчіи, слова Господа Іисуса Христа. Простому не взыскательному разумѣнію христіанина понятно, какъ приличнѣе сказать: *жено, что плачеши? кого ищеши* (Іоан. XX, 15) или: женщина, что ты плачешь? кого ищешь? А между тѣмъ, по приведенному нами мнѣнію, приведшій эти слова Господа по церковно-славянски подаетъ народу камень, а передавшій ихъ по-русски подаетъ хлѣбъ. Говорятъ, что народъ нашъ не понимаетъ славянскаго языка, и потому ему необходимо передавать библейскіе тексты въ русскомъ нарѣчіи. Мы не можемъ принимать этого положенія во всей его силѣ. Нашъ народъ, напротивъ, любитъ церковно-славянскій языкъ и понимаетъ его. Къ нему онъ привыкаетъ въ церкви, постоянно слыша на немъ молитвы и пѣснопѣнія, и въ прежнее время съ славянской граматы начиналось его ученіе, и первыми книгами, какія наиболѣе были въ его употребленіи, служили часословъ и псалтирь, и нынѣ онъ съ охотою слушаетъ житія святыхъ на славянскомъ языкѣ изъ Четьихъ-Миней святаго Димитрія ростовскаго. Мы обращаемся къ главнѣйшей священной книгѣ—Евангелію, и намъ кажется, въ ней нѣтъ

ничего, что въ славянскомъ текстѣ было бы непонятно не только для мало-мальски образованнаго человѣка, но и для всякаго и не ученаго, малограмотнаго христіанина. Не споримъ: есть мѣста въ священномъ Писаніи неудобовразумительныя въ славянскомъ текстѣ. Для такихъ неудобовразумительныхъ мѣстъ, конечно, по требованію нужды, для облегченія ихъ пониманія, можно допускать русскій текстъ. Но такихъ мѣстъ сравнительно не такъ много. И въ этомъ случаѣ для соблюденія церковнаго приличія, можно бы сначала привести славянскій текстъ, а потомъ уяснить его, переложивъ его на русское нарѣчіе, и это послѣднее переложеніе будетъ имѣть значеніе перифраза или толкованія, вызываемаго неясностію славянскаго текста. Встрѣчаются неудобовразумительныя мѣста въ священномъ Писаніи, на какомъ бы языкѣ ни приводить ихъ, какъ свидѣтельствуетъ св. апостолъ Петръ, который говоритъ, что въ посланіяхъ апостола Павла *суть неудобь разумна нѣкая* (2 Петр. III, 16). Когда проповѣднику приходится приводить такія мѣста, его непремѣнный долгъ дать имъ надлежащее объясненіе. Пусть такимъ же объясненіемъ сопровождается и славянскій текстъ того или другого библейскаго мѣста, когда, по разумѣнію проповѣдника, смыслъ его для многихъ можетъ показаться темнымъ.

Церковно-славянскій текстъ, по выраженію автора книги: „По вопросамъ гомилетики“, камень, который предлагаютъ народу, вмѣсто хлѣба, проповѣдники, приводящіе на немъ библейскія мѣста, а русскій текстъ—это хлѣбъ, который долженъ быть предлагаемъ народу, и который одинъ можетъ быть удобопріемлемъ и понятенъ для него. Чтобы быть послѣдовательнымъ, авторъ, пожалуй, станетъ требовать замѣны русскимъ языкомъ церковно-славянскаго языка и при совершеніи богослуженія. Вѣдь руководясь его логикою, мы должны сказать, что церковь, предлагая при богослуженіи молитвы и пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ, подаетъ народу камень

вмѣсто хлѣба; такъ какъ, по его мнѣнію, славянскій языкъ не понятенъ для народа,—не понятенъ какъ въ проповѣди, такъ равно и въ богослужебныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Но если бы кѣмъ-либо предпринято было измѣненіе церковно-богослужебнаго языка и предписано было совершеніе богослуженія на русскомъ языкѣ, на который переложены бы были наши богослужебныя книги,—то отъ этаго произошло бы въ томъ народѣ, для котораго бы это дѣлалось, большее смущеніе, чѣмъ какое было во времена Никона, при исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Нѣтъ, повторимъ мы, нашъ православный народъ любитъ церковнославянскій языкъ, и вы будете говорить и дѣйствовать не въ его духѣ, когда будете предлагать ему божественное слово обыденнымъ языкомъ, а не въ облаченіи церковнобогослужебнаго текста.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія мы можемъ привести историческія справки. Есть свидѣтельства, записанныя въ исторіи, изъ которыхъ видно, что текстъ Писанія, освященный церковнымъ употребленіемъ, всегда пользовался особеннымъ уваженіемъ у народа, и что благочестивый слухъ многихъ оскорблялся, когда священныя слова, взятыя изъ библіи, произносились предъ народомъ съ церковной каѳедры не въ той формѣ и не въ той оболочкѣ, въ какой они привыкли слышать его въ церкви. Разъ епископъ Трифиллій осмѣлился измѣнить въ текстѣ Евангелія: *возьми одръ свой* слово τὴν κλίνην и замѣстить его другимъ словомъ, которое казалось ему благозвучнѣе. Спиридонъ, епископъ кипрскій, въ присутствіи многихъ епископовъ и въ виду всего народа съ сильнымъ укоромъ обратился къ Трифиллію за такое самоволіе. „Ужели ты, сказалъ Спиридонъ, лучше того, кто сказалъ: τὴν κλίνην, когда стыдишься пользоваться его словами“ [1])? И блаж. Августинъ сообщаетъ въ письмѣ къ Іеро-

[1]) Tripartitae historiae lib. 1, cap. X.

ниму объ одномъ епископѣ въ Африкѣ, что, когда онъ прочиталъ мѣсто изъ пророка Іоны не такъ, какъ оно читалось въ текстѣ, тогда употреблявшемся въ церкви, то подвергался опасности отъ негодованія возбужденнаго народа, оскорбленнаго измѣненіемъ текста, и едва не прогнанъ былъ съ каѳедры, и былъ бы прогнанъ, если бы не обѣщался впредь быть осторожнѣе и не позволять себѣ отступленій отъ принятаго въ церкви текста священныхъ книгъ [1]).

Противъ насъ или противъ нашего мнѣнія выставляютъ современные авторитеты, которыми защищаютъ новый обычай приводить тексты въ проповѣдяхъ на русскомъ языкѣ. Но мы, съ своей стороны, этимъ современнымъ авторитетамъ можемъ противопоставить другіе авторитеты болѣе значительные, которые неодобрительно относятся къ этому обычаю. Покойный митрополитъ московскій Филаретъ болѣе другихъ содѣйствовалъ переводу священнаго Писанія на русскій языкъ, но не смотря на это, онъ для церковной проповѣди считалъ неудобнымъ и неприличнымъ употребленіе этого русскаго перевода, при приведеніи библейскихъ текстовъ. „Въ церковныхъ поученіяхъ (говоритъ онъ) тексты священнаго Писанія должны быть приводимы по существующему славенскому переводу. Такое приведеніе можетъ сопровождаться изложеніемъ текста на русскомъ нарѣчіи, если то нужно по свойству текста, или по степени образованія слушателей“ [2]).

Заслуживаетъ еще вниманія мнѣніе о значеніи церковнославянскаго и русскаго текста новаго Завѣта и вообще библіи Ильминскаго, извѣстнаго дѣятеля по образованію ино-

---

[1]) См. нашу книгу: Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, стр. 43.

[2]) См статью „О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти и славянскаго переводовъ свящ. Писанія. Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ, изд. при Московской Академіи, 1858.

родцевъ, заботившагося о переводѣ священнаго Писанія на инородческій языкъ. Славянскій текстъ библіи онъ рѣшительно предпочитаетъ русскому, и по свидѣтельству Листовскаго [1]), въ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву, выражалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что „у насъ въ духовенство всосалось пренебреженіе къ славянщинѣ; готовы все по боку. Поэтому-то мнѣ еще сильнѣе и настоятельнѣе желательно напечатать редакцію Четвероевангелія (на древне-славянскомъ языкѣ); авось хоть этой искрой затлѣется угасающее чувство роднаго славянскаго и православнаго нашего дѣла". Онъ указывалъ на одну статью журнала „Вѣра и разумъ", гдѣ приведено разсужденіе протестанта, лучше многихъ изъ насъ понимающаго значеніе церковности для Россіи. „Самая опасная для русской церкви сила—это новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ (представляетъ тотъ протестантъ). Съ того времени, какъ дозволено распространеніе этой книги, борьба церкви противъ разлагающаго движенія дѣлается съ каждымъ годомъ тяжелѣе, и если ей не удастся это, то всякое внѣшнее давленіе на отдѣльныхъ личностей и ихъ религіозныя отправленія останутся напрасными"... Изъ вышеприведенной выписки (дѣлаетъ замѣчаніе Ильминскій) становится понятнымъ: почему иностранные миссіонеры съ такою настойчивостію распространяютъ русскій переводъ библіи и новаго Завѣта; трудно-де понять, съ какой стати мы, русскіе, такъ усердно содѣйствуемъ ихъ видамъ. Если православные міряне, плѣняясь, благодаря ясному русскому изложенію, содержаніемъ Евангеліи и вообще библіи, принимаютъ русскій переводъ и бросаютъ текстъ славянскій, то они порвали уже связь съ православною церковностію" [2]).

---

[1]) Русскій Архивъ, 1898, № 10, стр. 279—280.

[2]) Ст. Листовскаго. П. И. Ильминскій, въ Русскомъ Архивѣ, 1898, № 10.

Послѣ всѣхъ нашихъ указаній, мы выставляемъ такое общее правило касательно того, на какомъ языкѣ нужно приводить тексты священнаго Писанія въ проповѣдяхъ, предписываемое церковнымъ приличіемъ: слова Господа Іисуса Христа и всѣ заглавные тексты, ставимые въ началѣ проповѣди, непремѣнно и обязательно нужно приводить на языкѣ церковно-богослужебномъ. Если не обязательно, то въ высшей степени желательно, для соблюденія церковнаго приличія, чтобы и прочія мѣста Писанія, къ какимъ проповѣдникъ обращается при развитіи темы своей пропбвѣди, тоже приводимы были на языкѣ церковно-славянскомъ. Исключеніе можетъ быть допускаемо только тогда, когда мѣсто Писанія въ славянскомъ переводѣ можетъ показаться мало вразумительнымъ для слушателей. Но и въ этомъ случаѣ лучше привесть церковно-славянскій текстъ, а потомъ, какъ наставляетъ московскій митрополитъ Филаретъ, сопроводить его, для уясненія его, приведеніемъ его на русскомъ нарѣчіи.

Особыя требованія, въ силу церковно-библейскаго характера, какой долженъ быть соблюдаемъ въ проповѣди, должны быть предъявляемы по отношенію къ внѣшнему изложенію проповѣди вообще. Конечно, проповѣдникъ долженъ говорить чистымъ и правильнымъ языкомъ, которымъ говорятъ и пишутъ въ современномъ образованномъ обществѣ. Здѣсь мы не должны допускать нарушенія обще-литературной чистоты рѣчи Но это далеко не все, выполненія чего требуется отъ проповѣдника. Языкъ проповѣднический долженъ имѣть свои специфическія особенности, которыя оттѣняютъ и отличаютъ его отъ того языка, какимъ пишутся свѣтскія сочиненія и журнальныя статьи. Не наша только гомилетика, но и иностранныя языкъ церковной каѳедры отличаютъ отъ обще-литературнаго языка, и отличительною чертою языка церковной каѳедры считаютъ библеизмъ или священную важность рѣчи. Этого требуетъ, во-первыхъ, свойство тѣхъ предметовъ, о которыхъ говоритъ проповѣдникъ. Эти предметы—

предметы высокіе, заимствуемые изъ божественнаго ученія, внушающіе къ себѣ у вѣрующаго благоговѣніе. Можно-ли говорить о нихъ такимъ хлесткимъ, развязнымъ языкомъ, какимъ пишутся газетные фельетоны! Умѣстны-ли здѣсь какія-либо шутки, побасенки, анекдоты сомнительнаго качества, нечистоплотныя сравненія? Допустима-ли на церковной каѳедрѣ такая распущенность рѣчи, какою, нисколько не стѣсняясь, разсыпается иной свѣтскій писатель? Строгости, особенной выдержанности и священной важности языка требуетъ отъ проповѣдника, во-вторыхъ, высота цѣли, какую онъ долженъ преслѣдовать, далѣе святость того мѣста, именно храма Божія, въ которомъ онъ выступаетъ съ словомъ назиданія и, наконецъ, самое служеніе его, какъ посланника Господа Іисуса Христа, повелѣвшаго апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ преемникамъ ихъ служенія — пастырямъ церкви учить народы блюсти все, что заповѣдалъ Онъ. Проповѣдникъ долженъ всегда чувствовать и сознавать, что онъ не мірской, не свѣтскій учитель, а учитель церковный, возвѣщающій не свое ученіе, не свои умствованія, а вѣру, данную свыше и хранимую въ церкви, и выступающій съ словомъ назиданія, во имя Божіе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ обыкновенно говорится нынѣ предъ началомъ каждой проповѣди. Какъ же проповѣдывать во имя Божіе, и въ то же время дозволять себѣ несдержанную вольность и распущенность языка, ставящую проповѣдь въ рядъ съ какою-либо неопрятною журнальною статьею? Жиберъ, одинъ изъ лучшихъ гомилетовъ французскихъ, для церковной каѳедры находитъ наиболѣе приличнымъ стиль возвышенный и совѣтуетъ проповѣдникамъ ставить образцомъ для себя пророковъ. Пророки (говоритъ онъ), при всемъ различіи, какое замѣчается между ними, всѣ равно возвышены; потому что всѣ говорятъ отъ имени Божія, всѣ возвѣщаютъ великія истины, и всѣ имѣютъ въ виду устрашить, тронуть, обратить. Въ ихъ писаніяхъ должно учиться тому истинному

стилю, который наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ церковной каѳедры и характеру проповѣдника [1]).

Когда мы говоримъ, что проповѣди наиболѣе приличенъ стиль возвышенный, могутъ подумать, что мы рекомендуемъ проповѣдникамъ стиль напыщенный, уклоняющійся отъ простоты рѣчи, и могутъ замѣтить намъ, что наиболѣе нужна для проповѣди удобопонятность рѣчи, чему наиболѣе содѣйствуетъ простота и ясность выраженія. Но истинная высота стиля не нуждается въ какихъ-либо искусственныхъ прикрасахъ: она вполнѣ можетъ быть соединяема съ простотою рѣчи, только чуждою всякой тривіальности, и даже требуетъ такой простоты рѣчи, чистой и ясной. Поучительнымъ образцомъ для насъ въ этомъ отношеніи должны служить рѣчи Господа Іисуса Христа, записанныя въ Евангеліи. „Обратите вниманіе (говоритъ Фенелонъ) на рѣчи Господа Іисуса Христа: въ нихъ Онъ и простъ, и вмѣстѣ возвышенъ. Трудно, даже прямо невозможно, указать какого-либо проповѣдника, который-бы въ своихъ рѣчахъ, изготовленныхъ со всевозможною тщательностію, могъ говорить такъ просто и возвышенно, какъ Господь Іисусъ Христосъ“ [2]). И слово апостоловъ отличается простотою, но съ этою простотою сохраняется благородство и особая возвышенность рѣчи. Все у нихъ просто, и вмѣстѣ живо и трогательно. Не внѣшняя оболочка даетъ возвышенный характеръ рѣчи, а то настроеніе, благоговѣйное и святое, въ какомъ долженъ быть проповѣдникъ, излагающій и изъясняющій народу слово Божіе или высокое ученіе вѣры.

Характерную и отличительную черту проповѣдническаго языка гомилеты отмѣчаютъ именемъ библеизма, и въ этомъ

---

[1]) L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique. par Gilberh, chap. XXI. См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, стр. 204—205.

[2]) См. нашу книгу: Гомолетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера, стр. 231.

библеизмѣ языка видятъ особенное достоинство проповѣдническаго выраженія не только наши и римско-католическія гомилетики, но и протестантскія, свободнѣе относящіяся къ требованіямъ церковности, чѣмъ православные и римско-католики. Прекрасное объясненіе этого слова или указываемаго имъ свойства проповѣдническаго языка даетъ Жиберъ въ своей, уже цитованной нами, книгѣ „О христіанскомъ краснорѣчіи“ [1]). „Названіе („библеизмъ языка“) означаетъ то, что проповѣдникъ свой языкъ, образъ своего выраженія долженъ стараться приближать къ священному языку библіи. Священное Писаніе и творенія отцовъ, питавшихся духомъ библіи, должны быть для него главнымъ источникомъ, откуда онъ можетъ черпать выраженія, обороты, образы и сравненія. Отъ этого заимствованія библейскихъ и отеческихъ оборотовъ и выраженій языкъ проповѣдника получаетъ священную важность, которая не остается безъ добраго дѣйствія на сердце слушателя. Чувствуется какая-то особенная благодать, особенное таинственное помазаніе въ этомъ языкѣ, который напоминаетъ собою языкъ библіи, и никакой другой языкъ не можетъ произвесть въ храмѣ Божіемъ такого впечатлѣнія на сердце слушателя, какъ этотъ языкъ, отмѣченный печатію божественнаго помазанія. Да и можно-ли говорить о предметахъ христіанскихъ, забывая или умалчивая о томъ, какъ говорилъ о нихъ Господь Іисусъ Христосъ? Можно-ли говорить о предметахъ божественныхъ не такъ, какъ говорили о нихъ богодухновенные писатели? Не будетъ-ли это святотатствомъ снимать съ этихъ священныхъ предметовъ ту одежду, какую они имѣютъ въ Откровеніи, и представлять ихъ народу въ новой одеждѣ, отличной отъ одежды библейской? Іисусъ Христосъ представлялъ истину подъ образами, какіе находилъ нужнымъ употребить Его божественный духъ, и

[1]) L'eloquence chrctienne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Gilberh, ch. XI.

къ какимъ съ благоговѣніемъ относились лучшіе представители вѣковъ и народовъ,—а проповѣдникъ хочетъ представлять ихъ иначе, какъ-бы думая, что его образъ представленія и выраженія будетъ лучше! Никто не зналъ и не знаетъ такъ сердца человѣческаго, какъ Господь Іисусъ Христосъ, и никто лучше Его не могъ приближать къ пониманію народа великія и священныя истины. Евангеліе—великая руководственная книга для проповѣдника даже по отношенію къ образу изложенія мыслей: ни одно слово, и ни одинъ слогъ, ничто, вышедшее изъ божественныхъ устъ Господа, не должно ускользать отъ его вниманія, и онъ долженъ углубляться въ эту божественную книгу и научаться изъ нея".

Другой гомилетъ (Теремин), котораго руководство „Die Beredsamkeit eine Tugend, oder Grundlinien einen systematischen Rhetorik" включено въ составъ изданія „*Библіотеки богословскихъ классиковъ*", предпринятаго протестантскими богословами, какъ лучшее сочиненіе по гомилетикѣ,—выставляетъ на видъ то, что въ церковномъ краснорѣчіи не все сдѣлано, если языкъ проповѣди ничѣмъ не отличается отъ языка образованнаго общества, но что здѣсь, соотвѣтственно особому роду духовнаго краснорѣчія, умѣстенъ, и даже необходимъ особый языкъ,—именно библейскій. „Если библейскіе образы и выраженія вплетаются въ изложеніе не для пополненія пустаго пространства, но употребляются къ мѣсту, съ сохраненіемъ ихъ достоинства и силы, тогда они являются въ высшей степени соразмѣрнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію священнаго эффекта. Языкъ библіи никогда не старѣется, и онъ предлагаетъ многія знаменательныя выраженія для означенія разнообразныхъ состояній души и жизни, изъ которыхъ иныя вошли въ языкъ обыденной жизни и являются въ видѣ народныхъ общеупотребительныхъ присловій. Великое преимущество библейскаго языка состоитъ еще въ томъ, что въ немъ выраженія одинаково служатъ и разуму и чувству, а не отдѣль-

но иное для разума, другое для чувства, какъ въ человѣческихъ представленіяхъ. Библейское слово какъ-бы лучъ, дающій свѣтъ и теплоту, изъ ума проникающій въ сердце: если какое слово, то именно библейское можетъ согрѣвать и воспламенять всего человѣка“ [1]).

Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ есть не мало ревнителей чистоты русскаго литературнаго языка, которые не благопріятно смотрятъ на особенности, замѣчаемыя въ языкѣ церковной каѳедры, отмѣченныя печатію библеизма. Иные изъ нихъ, представляя исковерканные каррикатурные образцы рѣчи, якобы церковно-проповѣднической, приправленные славянщиною, подвергаютъ ее издѣвательству. Они хотѣли-бы сгладить всѣ особенности языка проповѣдническаго, хотѣли-бы изгнать изъ него всѣ славянскіе элементы, которые сами собою вторгаются въ рѣчь, посвященную церковно-религіознымъ предметамъ. Зачѣмъ, говорятъ, проповѣдникамъ уклоняться отъ общелитературнаго языка? Пусть каждый изъ нихъ говоритъ и пишетъ такъ, какъ говорятъ и пишутъ свѣтскіе писатели. И находятся проповѣдники, которые, волею или неволею, подчиняются этому мнѣнію, стараясь приравнивать свою рѣчь къ обыкновенному языку свѣтскихъ сочиненій, избѣгая церковно-славянскихъ выраженій, и вмѣсто нихъ пересыпая свою рѣчь иностранными словами, какими пестрѣетъ, часто совершенно безъ нужды, языкъ свѣтскихъ писателей. По нашему мнѣнію, иностранныя слова, часто непонятныя для простыхъ слушателей или читателей, гораздо болѣе вредятъ чистотѣ русской рѣчи, чѣмъ идіотизмы славянскаго языка, которые болѣе родственны нашему русскому языкѣ, чѣмъ иностранныя слова и выраженія, насильственно и незаконно вводимыя въ лексическій составъ русскаго языка. Намъ, проповѣдникамъ, нѣтъ нужды подчиняться вкусу или,

---

[1]) См. нашу книгу: Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, стр. 329—330.

точнѣе, безвкусію свѣтскихъ критиковъ, заявляющихъ свои притязательныя требованія по отношенію къ характеру рѣчи проповѣднической, а нужно сохранять свое достоинство и въ способѣ выраженія или во внѣшней оболочкѣ своихъ мыслей. Амфитеатровъ совершенно справедливо говоритъ, что употребленіе выраженій, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка легко можно согласить съ духомъ и чистотою современнаго, отечественнаго языка: онъ не противорѣчитъ ни аналогическимъ, ни идіолектическимъ свойствамъ нашего отечественнаго языка; потому что взаимный союзъ родства между ними заключенъ еще въ древніи времена и укрѣпленъ вѣками... Весьма много словъ изъ языка церковно-библейскаго уже давно перешло и доселѣ переходитъ въ народъ, безъ вѣдома грамматиковъ и филологовъ, и сіи слова получили здѣсь непобѣдимое право гражданства". Развивая далѣе свою мысль, Амфитеатровъ замѣчаетъ, и мы совершенно согласны съ тѣмъ, что „переводимый въ народъ, языкъ церковно-библейскій можетъ языку отечественному сообщать особенное величіе, естественность и богатство" [1]). Печать библеизма и церковности, замѣтная въ языкѣ проповѣдника, отнюдь не портитъ его рѣчи, а придаетъ ей особенную силу и красоту, такъ приличную въ церковномъ словѣ, и пріятно воспринимаемую благочестивымъ слухомъ.

По Амфитеатрову, слова библейскія необходимо должны встрѣчаться въ проповѣди, какъ первооснованія слога проповѣдническаго, по самому свойству тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ церковной каѳедрѣ, и они необходимо встрѣчаются во всякой благочестивой бесѣдѣ. Для проповѣди эти своего рода техническія слова, соотвѣтствующія техническимъ словамъ какой-либо науки, безъ которыхъ не можетъ обойтись она, и приличіе церковное давно узаконило ихъ, какъ слова: *благодать, грѣхопаденіе, похоть плоти,*

[1]) Чтеніе о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 208, стр. 119—120.

таинство и т. под. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь сталъ спорить противъ того, что въ проповѣди приличнѣе сказать: *чело*, чѣмъ *лобъ*, *ланиты*, чѣмъ щеки, *одръ болѣзни*, чѣмъ постель, *рамена*, чѣмъ плечи, *уста*, чѣмъ *ротъ*. „Что было-бы, напримѣръ, (говоритъ Амфитеатровъ), если-бы мы, подражая языку свѣтскому, вздумали священное слово *благодать* замѣнять свѣтскими граціями, харитами, прелестями? Что же была-бы за рѣчь, когда бы мы стали вмѣсто *Господь Іисусъ* говорить *господинъ* Іисусъ, вмѣсто *владыка* употреблять бояринъ, вмѣсто *ахъ*, *братіе*—ахъ, братцы, вмѣсто *самоумерщвленіе*—самоубійство, вмѣсто *крещеніе*—купаніе, вмѣсто *таинство*—секретъ, вмѣсто *чудо*—диковинка, вмѣсто *пѣснь*—пѣсня, когда-бы *гортань* замѣнили горломъ или глоткою, *жезлъ*—палкого, *мечъ*—шпагою и т. д. и т. д.[1]). Намъ разъ пришлось быть свидѣтелемъ такой неожиданной выходки проповѣдника: выступаетъ въ храмѣ на каѳедру въ священномъ облаченіи человѣкъ, очевидно бьющій на современность и желающій угождать свѣтскому вкусу, говоритъ: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, и тотчасъ-же послѣ этихъ словъ дѣлаетъ такое обращеніе къ слушателямъ: милостивыя государыни и милостивые государи! Такія слова, съ апломбомъ произнесенныя съ церковной каѳедры, у многихъ слушателей возбудили смѣхъ, а у другихъ горькое сожалѣніе о грубой безтактности проповѣдника, служащей выраженіемъ крайняго неприличія. Но нашлись люди (и мы потому только упоминаемъ объ этой странности, допущенной проповѣдникомъ), которые говорили, что въ такомъ обращеніи, хотя бы съ церковной каѳедры, нѣтъ ничего страннаго и неприличнаго. Отъ чего де не допустить въ церковной рѣчи того, что принято въ образованномъ свѣтскомъ обществѣ, и что узаконено лучшими свѣтскими ораторами?... Мы считаемъ излишнимъ доказывать всю неосновательность подобнаго мнѣнія и все неприличіе введенія такихъ свѣтскихъ зама-

[1]) Чтеніе о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 27, стр. 121—122.

шекъ въ церковную проповѣдь. Такъ очевидна для всякаго, не потерявшаго совершенно церковнаго духа, нелѣпость подобныхъ свѣтскихъ обращеній. Но критики, нападающіе на обособленность проповѣдническаго языка, пожалуй, могутъ довести иныхъ проповѣдниковъ, желающихъ быть модными, до того, что они къ своимъ слушателямъ станутъ обращаться, вмѣсто принятаго въ проповѣдническомъ языкѣ слова: *братіе*, съ словами: милостивыя государыни и милостивые государи, какъ принято у свѣтскихъ ораторовъ.

II.

Другое коренное свойство, какимъ должна отличаться проповѣдь,—*популярность* проповѣди.

Говорить популярно значитъ говорить или излагать ученіе народу полнымъ открытымъ словомъ, для всѣхъ доступнымъ и удобопріемлемымъ. Понятна необходимость такого свойства рѣчи проповѣднической. Церковный учитель предлагаетъ народу сокровище божественной истины,—предлагаетъ съ тѣмъ, чтобы народъ воспринялъ его и воспользовался имъ. Было-бы противно цѣли и назначенію проповѣди, если бы назиданіе, въ ней предлагаемое, сообщаемо было народу въ такомъ видѣ, что онъ затруднялся бы принять и понять его во всей цѣлости. Было бы далѣе со стороны проповѣдника признакомъ невниманія къ народу, пожалуй, нѣсколько обиднаго для него, если бы проповѣдникъ въ своей рѣчи, обращенной къ народу, не сообразовался со степенью воспріемлемости слушателей. Если малѣйшая частная тѣнь заслоняетъ предъ взоромъ народа то, что хочетъ дать или сообщить ему проповѣдникъ,—это уже недостатокъ проповѣди, и нарушеніе коренного требованія, обращаемаго къ проповѣднику.

Проповѣдникъ возвѣщаетъ или долженъ возвѣщать народу ученіе евангельское. Отличительное свойство этого ученія то, что оно ученіе всенародное, всѣмъ данное, общегод-

ное. Господь повелѣлъ апостоламъ: *шедше научите вся языки* (Матѳ. XXVIII, 19). Посылая двенадесять апостоловъ на проповѣдь, Онъ говорилъ имъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте въ свѣтѣ, и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Матѳ. X, 27). Рѣчь во свѣтѣ, передающая сказанное во тьмѣ, и проповѣдь, возглашающая на кровѣхъ слышанное дома въ уединеніи, заповѣданная апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ послѣдующимъ служителямъ церковнаго слова, есть именно рѣчь популярная, всѣмъ понятная, для всѣхъ удобопріемлемая. Словами, выше приведенными, Господь всѣмъ провозвѣстникамъ Евангелія внушаетъ обязательно такъ передавать ученіе, имъ порученное, чтобы каждый изъ народа всецѣло могъ воспринять его.

Популярность, такимъ образомъ, сколько желательное, столько и необходимое свойство проповѣди. Между тѣмъ на практикѣ, въ дѣйствительности, полная совершенная популярность встрѣчается весьма рѣдко, и ея часто мы не находимъ въ произведеніяхъ самыхъ выдающихся проповѣдниковъ. Общегодная, для всѣхъ данная, христіанская истина, прежде, чѣмъ излиться въ словѣ проповѣдника, проходитъ чрезъ горнило его сознанія, и онъ передаетъ ее въ такой формѣ, какую образуетъ и даетъ ей работа его мысли. И вотъ часто эта форма, сплетенная работою мысли проповѣдника для передачи народу истины евангельской, не даетъ ей надлежащаго свѣта, и заслоняетъ ее такъ, что для многихъ изъ слушателей она не является вполнѣ ясною, и не воспринимается ими во всей цѣлости, а иногда проносится мимо ушей ихъ. Жиберъ въ своей прекрасной книгѣ „Христіанское краснорѣчіе въ идеѣ и практикѣ“ [1]), выставляя попу-

[1]) L'eloquence chretienne dans l' idée et dans la pratique par le p. Gisbert, chap. XII, p. 192.

лярность изложенія, какъ одно изъ необходимыхъ качествъ проповѣди, съ сожалѣніемъ говоритъ о томъ, что этого качества нѣтъ въ проповѣдяхъ большинства проповѣдниковъ, даже самыхъ отличныхъ, пользующихся наибольшею репутаціею. „Они говорятъ вещи всегда разумныя, всегда христіанскія, и излагаютъ ихъ языкомъ чистымъ, изящнымъ, благороднымъ и возвышеннымъ. Чего же недостаетъ имъ? Недостаетъ того, чтобы они говорили популярно... Проповѣдникъ имѣетъ предъ собою многочисленную аудиторію; его въ молчаніи слушаетъ, можно сказать, весь міръ, то есть, лица всякихъ возрастовъ, званій, состояній и степеней образованія, и образованные между ними составляютъ меньшинство. Между тѣмъ многіе думаютъ объ этихъ образованныхъ, и ихъ вкусу и запросамъ хотятъ удовлетворять, когда составляютъ свои проповѣди. Но тотъ не пріобрѣтетъ репутаціи великаго проповѣдника, кто хочетъ говорить для людей образованныхъ и ученыхъ. Ученые и образованные не составляютъ большинства, а необходимо говорить большинству,—всему народу, чтобы заслужить у него титло великаго оратора“.

Что же долженъ соблюдать проповѣдникъ, во исполненіе закона популярности?

Требованія закона популярности очень широкія. Часто ограничиваютъ эти требованія одними свойствами языковаго изложенія. Но такое узкое пониманіе закона популярности не отвѣчаетъ существу дѣла. Требованія закона популярности касаются: 1) содержаніи проповѣди, 2) образа представленія и раскрытія мысли и наконецъ 3) языковаго изложенія.

Содержаніемъ проповѣди служитъ евангельская или христіанская истина, понимаемая во всей ея широтѣ. Эта евангельская истина, составляющая предметъ проповѣдническихъ изложеній или рѣчей, обладаетъ совершенною прозрачностію, и ясна не только для образованнаго человѣка, но даже и для

младенческаго, мало развитого ума. Такою она является въ устахъ божественнаго Учителя Господа Іисуса Христа, Который долженъ служить для насъ образцомъ въ дѣлѣ исполненія учительскаго долга. Ученіе, Имъ преподаваемое народамъ, при всемъ своемъ величіи и высотѣ, для всѣхъ понятно, для всѣхъ впечатлительно, и нѣтъ въ немъ никакой тѣни, возбуждающей сомнѣніе или затрудняющей пониманіе. Берите изъ этой сокровищницы то, что прямо открывается предъ вашими глазами, но не утруждайте себя изысканіемъ какихъ-либо особыхъ утонченныхъ темъ, съ цѣлію заинтересовать людей болѣе или менѣе образованныхъ.

Одинъ можетъ быть вѣрный указатель того, что лучше всего, сообразуясь съ закономъ популярности, выбирать для назиданія народа изъ широкой и многообъемлющей истины христіанской,—это точное знаніе нуждъ и духовныхъ потребностей народа, и безошибочное представленіе его религіозно-нравственнаго состоянія. Разъясняйте народу то изъ христіанскаго ученія, что мало знакомо ему, или что неправильно понимается имъ. Направляйте свое слово противъ тѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаете въ средѣ, окружающей васъ. Если этой средѣ угрожаютъ какія-либо заблужденія, идущія отъ внѣшнихъ, или уже вторгаются въ нее и омрачаютъ ея религіозное сознаніе,—непремѣнный долгъ проповѣдника предохранять отъ этихъ заблужденій паству, для которой проповѣдникъ является учителемъ и руководителемъ, и разсѣивать ложь, затемняющую умы вѣрующихъ.

Иные изъ проповѣдниковъ не хотятъ довольствоваться простымъ ученіемъ о предметахъ вѣры, а ищутъ новыхъ матерій для своихъ поученій; потому что (говорятъ) избитыя, всѣмъ извѣстныя, вещи, излагаемыя заурядным образомъ, не интересно слушать, и проповѣдь такого рода не производитъ впечатлѣнія на слушателей. Но проповѣдь говорится не для того, чтобы доставить услажденіе тому или другому изъ слушателей и удовлетворить изысканной пыт-

ливости ихъ. Она предлагаетъ доброе назиданіе слушателямъ и указываетъ имъ путь спасенія. Бѣды нѣтъ въ томъ, если указаніе пути спасенія повторяется не разъ и не два, особенно, если замѣтно уклоненіе отъ него въ той средѣ, которой предлагается ученіе. Святый Іоаннъ Златоустъ нимало не стѣснялся, а, напротивъ, находилъ нужнымъ нѣсколько разъ говорить своимъ слушателямъ объ одномъ и томъ же, когда видѣлъ, что его внушенія мало дѣйствуютъ на нихъ, и они не исправляются отъ его увѣщаній. „Хотя я и вчера и третьяго дня говорилъ вамъ объ этомъ предметѣ (избѣжаніи клятвъ),—читаемъ мы въ его пятой бесѣдѣ о статуяхъ—однако не перестану и сегодня, и завтра, и послѣ завтра внушать то же. И что говорю,—завтра или послѣ завтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающіе законъ не имѣютъ стыда, тѣмъ болѣе мы, внушающіе не преступать закона, не должны стыдиться постояннаго увѣщанія объ одномъ и томъ же. Постоянное напоминаніе объ одномъ и томъ же зависитъ не отъ говорящаго, но отъ слушающихъ, которые требуютъ непрерывнаго наставленія въ простыхъ и удобоисполнимыхъ дѣлахъ [1]). Въ другой бесѣдѣ (двѣнадцатой) онъ опять высказываетъ то же самое: „Хочу опять поговорить съ вами о клятвахъ, не стыжусь. Не тяжело мнѣ говорить вамъ и день и ночь одно и то же, но боюсь, чтобы, прослѣдивъ за вами столь много дней, не обвинить мнѣ васъ въ великой безпечности тѣмъ, что нужно вамъ постоянно напоминать о такомъ великомъ дѣлѣ. Да не только стыжусь, но и боюсь за васъ; потому что непрерывное наставленіе внимательнымъ полезно и спасительно, а нерадивымъ вредно и опасно“ [2]).

---

[1]) Св. Іоанна Златоуста бес. о статуяхъ 5, п. 7. Творенія св. І. Злат., изд. С.-Петерб. Академіи, т. II, кн. 1, стр. 80.

[2]) Св. Іоанна Златоуста бес. о статуяхъ XII, п. 6. Твор. св. І. Злат. т. II, кн. 1, стр. 146.

Если святой славный отецъ, величайшій изъ всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, нисколько не стѣснялся и даже находилъ нужнымъ много разъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ предъ своими слушателями, напоминать имъ объ одномъ и томъ же правилѣ, въ видахъ исправленія нравовъ и искорененія дурныхъ обычаевъ, то почему не слѣдовать его примѣру другимъ заурядным проповѣдникамъ? Зачѣмъ искать новыхъ, необычныхъ матерій, не указываемыхъ прямо евангельскою истиною?

Ученіе христіанское ученіе древнее, данное божественнымъ откровеніемъ и неизмѣнно хранимое въ церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе никогда не старѣющееся: оно полно силы во всей своей простотѣ. Изысканность, старающаяся блеснуть здѣсь искусственностію и оригинальностію, здѣсь вещь неудобная. Берите ученіе готовое и разъясняйте его, зовите къ суду его явленія жизни, предъ вами раскрывающейся, исправляйте и укрѣпляйте его разъясненіемъ вѣру и поведеніе христіанъ. Вотъ задача, выполненіе которой первый и главный долгъ проповѣдника. Въ принятіи и преподаваніи готоваго даннаго ученія не затрудненіе для проповѣдника, а прямая выгода для него. Святый Григорій Двоесловъ въ своемъ *Пастырскомъ правилѣ* касательно этого предмета даетъ проповѣдникамъ слова Божія такое доброе наставленіе: совѣтуя и предписывая проповѣднику тщательно обдумывать то, что онъ хочетъ предложить слушателямъ, святой отецъ говоритъ при этомъ, что „главное стараніе его здѣсь не туда должно быть направлено, чтобы изобрѣсть что-нибудь особенное и интересное, или поразить слушателей неслыханною мудростію, заповѣдуя ему *не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. XII, 3). Во что вѣруютъ всѣ христіане, что всѣ должны знать,— только то онъ долженъ раскрывать предъ ними. Первая его забота, при обдумываніи проповѣди, должна быть о томъ, чтобы какою-нибудь неправославною мыслію не возмутить

и не оскорбить совѣсти слушателей. Въ противномъ случаѣ онъ, стараясь показаться мудрѣйшимъ, расторгнетъ только союзъ единства, и тѣмъ лишь больше выкажетъ свое неразуміе“ [1]).

Если что новое можетъ быть допустимо въ проповѣди по отношенію къ ея содержанію, и даже желательно въ ней для большей ея дѣйственности, то это не новость ученія, а нѣкоторая живость или новость представленія и раскрытія религіозныхъ истинъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Эта новость состоитъ въ томъ, чтобы въ проповѣди видна была печать личнаго, самостоятельнаго труда проповѣдника, печать личной мысли и личнаго чувства. Для этого нужно, чтобы истина христіанская не была для проповѣдника сухимъ мертвымъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ книгъ, а чтобы она была пережита, перечувствована имъ и проникала все существо его души. Тогда въ его словѣ не будетъ безцвѣтнаго повторенія чужихъ мыслей, а въ немъ будетъ чувствоваться новая живая сила,—отголосокъ живой души, износящей святую истину изъ внутренней лабораторіи своего сердца, и старому будетъ дано новое освѣщеніе, служащее отраженіемъ пережитаго опыта.

Въ силу закона популярности проповѣднику не слѣдуетъ поднимать на церковной каѳедрѣ утонченные богословскіе вопросы и занимать вниманіе слушателей разсужденіями о такихъ предметахъ, о какихъ спорятъ и разсуждаютъ люди ученые въ школѣ и въ печати. Каѳедра церковная не то же, что каѳедра школьная, профессорская. Умѣстное и нужное на каѳедрѣ школьной можетъ оказаться непригоднымъ для каѳедры церковной. Каѳедра церковная существуетъ не для сужденій о предметахъ чистаго теоретическаго знанія: она

---

[1]) Regula pastoralis, p. 11, l. IV. Patrologiae latinae c. T. LXXVII. См. нашу книгу: Св. Григорій Двоесловъ—его проповѣди и гомилетическія правила, стр. 320.

имѣетъ спеціальную цѣль вводить въ жизнь христіанскія начала, направлять людей на путь спасенія и руководить ихъ къ нему. Въ угоду людямъ образованнымъ иные изъ проповѣдниковъ рѣшаются предлагать на церковной каѳедрѣ такія мудреныя изложенія, которыя напоминаютъ собою ученые трактаты или школьныя лекціи. Но проповѣдникъ всегда долженъ представлять, что онъ говоритъ не предъ избранною публикою, а предъ народомъ, въ которомъ больше простыхъ людей, чѣмъ людей образованныхъ, интересующихся вопросами высшаго знанія, хотя бы и богословскаго. Да и сами образованные едва-ли получатъ удовлетвореніе, если бы предъ ними въ храмѣ, куда они являются по побужденію религіознаго чувства, ища здѣсь того, что питаетъ душу, жаждущую спасенія, станутъ разглагольствовать о вопросахъ утонченнаго свойства, не имѣющихъ прямого непосредственнаго отношенія къ дѣлу нашего спасенія, и будутъ показывать предъ ними школьную ученость. Для разсужденій о предметахъ высшаго знанія должна быть другая обстановка и другое мѣсто, и это могутъ чувствовать всѣ образованные, когда имъ предлагается, вмѣсто спасительнаго слова вѣры, ученое разсужденіе.

Наше положеніе о томъ, что на церковной каѳедрѣ нужно избѣгать спорныхъ, трудныхъ и отвлеченныхъ матерій, мы можемъ подтвердить наставленіемъ святаго апостола Павла. Апостолъ предписываетъ Тимоѳею, а въ лицѣ его и всѣмъ христіанскимъ учителямъ, уклоняться *отъ стязаній и словопреній, а держаться здравыхъ словесъ Господа нашего Іисуса Христа и ученія, еже по благовѣрію* (1 Тим. VI, 20. 3). Къ этимъ стязаніямъ и словопреніямъ относятся ученыя изысканія, которыя подвергаются разбору и вызываютъ разногласіе мнѣній въ трудахъ людей школы. *Суть* бо такія изысканія, вызывающія споры, по слову Апостола, *не полезны и суетны* (Тим. III, 9). Апостолъ совѣтуетъ соблюдать въ ученіи чистоту, степенность, не-

поврежденность, и возвѣщать слово здравое, не зазорное, слыша которое противникъ ничего не могъ бы сказать о насъ укоризненнаго (Тим. II, 7—8). Въ чемъ состоитъ это слово, здравое и не зазорное, Апостолъ объясняетъ далѣе, когда говоритъ: *явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже предалъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ*... Указавши сущность спасительнаго ученія вѣры и благочестія, Апостолъ прибавляетъ: *сія глаголи, и моли и обличай со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 11—15).

Наставленіе Апостола держаться въ проповѣди Евангелія простого и здраваго слова и избѣгать всякихъ ухищреній и мудрованій подтверждается примѣромъ его собственнаго благовѣствованія, и этотъ примѣръ долженъ быть сдерживающею силою для людей, желающихъ выносить на церковную каѳедру трудные ученые вопросы... Христосъ послалъ меня (говорилъ онъ) благовѣствовать *не въ премудрости слова*, чтобы не упразднить креста Христова. И когда приходилъ я къ вамъ, братіе (пишетъ онъ Коринѳянамъ), приходилъ возвѣщать вамъ свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова или мудрости.. И слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы, чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей (I Кор. 1, 17. 11, 1. 4).

Кажется, достаточно ясно указывается и наставленіемъ и примѣромъ Апостола тотъ желанный, законный путь, какимъ нужно слѣдовать служителямъ церковнаго слова, чтобы ученіе, ими преподаваемое, нося характеръ церковный, на-

ходило всякій доступъ въ умы и сердца народа, и чтобы имъ быть проповѣдниками популярными.

Другое условіе, выполненіе котораго требуется отъ проповѣдника въ силу закона популярности, касается способа представленія или развитія мысли, посвященной уясненію той или другой истины христіанской. Слово проповѣдника не будетъ словомъ популярнымъ, если онъ будетъ говорить словомъ сухаго, холоднаго разсудка и будетъ вращаться въ кругѣ отвлеченныхъ представленій. Чистое логическое разсужденіе, хотя бы и умное, не даетъ слова, впечатлительнаго для народа. Для того, чтобы найти легкій доступъ къ уму и сердцу народа, это разсужденіе должно быть сопровождаемо или покрываемо словомъ болѣе или менѣе живаго воображенія. Здѣсь необходима наглядность представленія и раскрытія мысли. А эта наглядность представленія достигается тогда, когда проповѣдникъ, вмѣсто общихъ отвлеченныхъ опредѣленій и разсужденій, изображаетъ предметъ въ частныхъ чертахъ, примѣнительно къ умственному состоянію и образу представленія слушателей. Вмѣсто отвлеченныхъ умствованій въ проповѣди (если она хочетъ обладать свойствомъ популярности) желательны описанія и изображенія тѣхъ состояній, въ какихъ проявляется въ жизни то или другое правило или понятіе. Жизнь и ея явленія должны быть тѣмъ началомъ или матеріаломъ, откуда онъ долженъ заимствовать свои поясненія для болѣе впечатлительнаго представленія народу извѣстной части истины, взятой изъ общей сокровищницы вѣры Христовой. „Законъ популярности (говоритъ Шоттъ, авторъ замѣчательной „*Теоріи краснорѣчія, съ особеннымъ примѣненіемъ къ духовному краснорѣчію*“) мы соблюдаемъ тогда, когда всеобщее представляемъ въ частныхъ явленіяхъ и невидимое въ конкретномъ образѣ, основное положеніе переводимъ въ факты и примѣры, и эти образы, факты и примѣры заимствуемъ изъ круга наблюде-

ній и опытовъ близкихъ къ народу [1]). Это необходимо потому, что у народа или у большинства слушателей господствуетъ чувственный образъ представленія, и онъ не способенъ къ воспріятію логическихъ отвлеченныхъ понятій и разсудочныхъ доказательствъ, какъ бы они ни были основательны.

Идеальный образецъ истинно популярнаго представленія истины, подражать которому можно поставить въ обязанность каждому проповѣднику, мы видимъ въ рѣчахъ Господа Іисуса Христа, записанныхъ въ Евангеліи. Высокія истины раскрываетъ Онъ въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ или учениками. И какъ у Него выпукло и разительно выставляется все, о чемъ бы Онъ ни говорилъ. Въ Его рѣчи нѣтъ ни малѣйшей тѣни, и всякій понимаетъ и принимаетъ ее къ сердцу. Вмѣсто того, чтобы вести къ истинѣ путемъ умозаключеній, Онъ представляетъ примѣръ, приводитъ разные образы и сравненія, и эти образы и сравненія берутся изъ круга предметовъ, близкихъ народу и ему понятныхъ. Предъ людьми изъ народа Онъ говоритъ объ ихъ дѣлахъ и ежедневныхъ занятіяхъ, и чрезъ нихъ, или чрезъ указаніе на нихъ, приближаетъ къ ихъ пониманію тайны царствія Божія. Для разъясненія духовныхъ предметовъ Онъ приводитъ образы и примѣры изъ жизни земледѣльцевъ, изъ жизни людей, занимающихся ловитвою рыбъ или воздѣлываніемъ виноградника, изъ жизни пастуховъ, стерегущихъ овецъ и ищущихъ заблудшую овцу и тому под., и эти образы, родные слушателямъ, глубоко напечатлѣваясь въ ихъ сердцѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденно доводили ихъ до усвоенія того внутренняго смысла, для котораго эти образы служили видимымъ облаченіемъ. И можно ли логическимъ

[1]) Die Theorie der Beredsamkeit mit besonderer Anwendung auf geistliche Beredsamkeit, dargestell v. D. N. Aug. Selott. См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, стр. 278.

путемъ и теоретическими доказательствами такъ сильно и впечатлительно изобразить милосердіе Божіе къ падшему грѣшнику, въ особенности для людей, не привыкшихъ къ тяжелымъ размышленіямъ, какъ это изображаютъ притчи Спасителя о пастырѣ, потерявшемъ одну овцу и оставившемъ девяносто девять для того, чтобы искать одну заблудшую, или о женѣ, имѣющей десять драхмъ, утерявшей одну и употреблявшей всѣ старанія, чтобы сыскать потерянную драхму, и еще болѣе трогательная притча о блудномъ сынѣ? Или возьмите мысль о значеніи вдѣшнихъ удовольствій и страданій и отношеніе ихъ къ послѣдней судьбѣ человѣка. Сколько бы нужно было длинныхъ разглагольствій для уясненія этой мысли, если держаться логическаго пути ея раскрытія, и эти разглагольствія были бы сухи и не впечатлительны. Но изъ устъ Спасителя вылилась притча о богатомъ и Лазарѣ, и богатая назидательная мысль не находитъ лучшаго выраженія, краткаго, но полнаго, понятнаго для всѣхъ и въ то же время обнимающаго всю широту истины. Или хочетъ внушить Спаситель своимъ слушателямъ быть всегда бдительными въ ожиданіи грядущаго суда Божія, и вмѣсто теоретическихъ доказательствъ Онъ предлагаетъ притчу о десяти дѣвахъ и о рабахъ, ждущихъ господина своего, и эти притчи передаютъ глубокую истину въ болѣе рельефномъ образѣ и оставляютъ болѣе сильный слѣдъ въ умахъ слушателей, чѣмъ это сдѣлали бы разсудочныя доказательства. Мы не приводимъ другихъ примѣровъ изъ рѣчей Спасителя, могущихъ научить насъ, какъ нужно разъяснять народу высокія истины вѣры. Ими наполнено святое Евангеліе, и они хорошо извѣстны всѣмъ, исповѣдающимъ вѣру во Христа Господа. Какъ было бы желательно, чтобы такая метода ученія, отличающаяся такою наглядностію, выпуклостію и впечатлительностію представленія высокихъ истинъ вѣры, усвоена была служителями церковнаго слова! Овладѣвъ ею, они по истинѣ были бы популярными проповѣдниками.

Амфитеатровъ, въ своей гомилетикѣ указывая свойства, какими должно отличаться церковное собесѣдованіе, между прочимъ, требуетъ отъ проповѣдника, чтобы онъ приспособлялся къ духу и характеру того народа, которому проповѣдуетъ и ставитъ для него такое правило: *поучай такъ, чтобы ученіе вѣры было доступно духу и характеру твоего народа.* Разъясняя это правило, онъ ставитъ на видъ то, что наша проповѣдь,—проповѣдь русскихъ проповѣдниковъ, должна быть всецѣло проповѣдію русскою, отличною отъ проповѣди иностранной. „Не у всякаго народа (говоритъ онъ) одинъ и тотъ-же духъ и характеръ, вкусъ и навыки, способности и страсти, добродѣтели и пороки; не одинакова для всѣхъ нужна и бесѣда. Годное для германца не совсѣмъ годится италіянцу; блестящее и назидательное у француза не совсѣмъ назидательно русскому". Далѣе Амфитеатровъ представляетъ характеристику проповѣди французской и противопоставляетъ ее проповѣди, желательной на русской каѳедрѣ. „Читайте (говоритъ онъ) на русской каѳедрѣ самое лучшее слово французскаго проповѣдника, каково, напримѣръ, слово о *маломъ числѣ избранныхъ*: что произведетъ оно въ вашихъ слушателяхъ? Вѣроятно, немного что болѣе, кромѣ скуки и усталости. Кому понятны эти тонкія страсти, эта подробность чувствованій, эти едва замѣтные оттѣнки внутреннихъ движеній сердца, которые такъ искусно умѣютъ раскрывать французскіе проповѣдники? Для кого нужна эта искусная ткань мыслей, ловкость оборотовъ, кстати или не кстати живопись, жаръ, вопросъ, воззваніе,—эта вычищенность, выглаженность, можно сказать, придворная манерность, по которой французская проповѣдь выходитъ превосходнымъ произведеніемъ литературнымъ, но въ которой, кажется, недостаетъ ни простоты христіанской, ни даже народности французской? Ибо французскіе проповѣдники по большей части раскрываютъ истины общія, дробятъ страсти общія, описываютъ добродѣтели и пороки об-

щіе. Всякая иностранная проповѣдь, исключая отеческія, годится на русской каѳедрѣ развѣ только въ передѣлкѣ, и русскій проповѣдникъ гораздо народнѣе въ своей безыскусственности, въ своей прямотѣ и простодушіи, чѣмъ въ заученномъ деликатствѣ и тонкости рѣчи, въ своей краткости, чѣмъ въ подробности, въ наготѣ истины болѣе, нежели въ ея украшеніи, въ большемъ количествѣ предметовъ, помѣщаемыхъ въ одной проповѣди, нежели въ одномъ предметѣ, со всею обширностію и тонкостію разсматриваемомъ во многихъ проповѣдяхъ. Не всегда раскрашивай, но учи просто, открыто, великодушно, твердо и благосердечно, какъ проста, откровенна, тверда и добросердечна русская душа; ты будешь въ своемъ церковномъ наставленіи *народенъ по-русски*“ [1]).

Мы признаемъ вполнѣ основательнымъ выставленное Амфитеатровымъ общее начало, по которому проповѣдь, чтобы быть проповѣдію популярною, должна сообразоваться съ свойствами и духомъ того народа, которому говорится, и носить на себѣ явственную печать народности. Русская проповѣдь по своему характеру должна быть болѣе или менѣе своеобразною, и должна отличаться отъ проповѣди французской или нѣмецкой или какой-либо другой иностранной. Но мы не находимъ совершенно точною ту характеристику, какую даетъ Амфитеатровъ русской проповѣди, въ отличіе ея отъ проповѣди иностранной. Кореннымъ отличительнымъ свойствомъ русской проповѣди онъ считаетъ и выставляетъ полную безыскусственность, при которой проповѣдь является совершенно чуждою украшеній. Русская народная проповѣдь, по его указанію, должна быть простою бесѣдою, не подчиняющеюся какимъ-либо искусственнымъ правиламъ, и не соблюдающею единства предмета, хотя бы она была бесѣ-

---

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 221, стр. 38—39.

дою очень краткою. Въ признаніи проповѣди русской народною проповѣдію, только при соблюденіи его полной безъискусственности, намъ кажется, есть доля излишняго односторонняго увлеченія гомилета. Зачѣмъ русской проповѣди назначать такія узкія границы? Почему не желать, чтобы она отличалась другими достоинствами, кромѣ прямоты и безъискусственности? И при соблюденіи эстетическихъ законовъ краснорѣчія, и при высокомъ достоинствѣ внѣшняго строя проповѣди, проповѣдь въ устахъ умѣлаго проповѣдника можетъ быть русскою народною и популярною. Между христіанскими проповѣдниками самымъ популярнымъ признается святый Іоаннъ Златоустъ. Но, соблюдая законъ популярности, онъ въ то же самое время болѣе, чѣмъ другіе, удовлетворяетъ требованіямъ высшаго краснорѣчія. Отъ чего не можетъ быть и русской проповѣди, отличающейся и популярностію и краснорѣчіемъ? Дѣло не въ нарочитой простотѣ, которая можетъ быть дѣланная и искусственная, а въ умѣньи приспособиться къ духу и пониманію народа, въ способности воплотить въ себѣ душу народа, говорить его умомъ и сердцемъ. Свойство это говорить въ духѣ своего народа составляетъ достоинство не гомилетическихъ только произведеній, но и литературы свѣтской. Иной говоритъ о высокихъ предметахъ, повидимому, не имѣющихъ тѣсной связи съ жизненными интересами народа, и говоритъ языкомъ изящнымъ, обработаннымъ, но чувствуется въ его рѣчи русскій духъ, и она вызываетъ сочувствіе народа. Возьмите въ примѣръ Пушкина. У него ли нѣтъ высокаго строя мысли и чувства, и неподражаемаго изящества поэтической рѣчи? А между тѣмъ онъ говоритъ всегда, какъ русскій поэтъ, котораго душа переполнена элементами, текущими изъ души народной, и это видно даже въ тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ предметы, взятые изъ сферъ далекихъ отъ народа, и выражаетъ чувства общечеловѣче-

скія. Другой изображаетъ низшіе слои народа, рисуетъ картины, взятыя какъ будто со дна народности, представляетъ кабацкія сцены, подлаживается подъ говоръ пьяныхъ босяковъ,—и выходитъ натянуто, искусственно, мало народно. Могутъ ли сравниться съ великимъ русскимъ поэтомъ силою пониманія русской народной души и умѣнья говорить въ тактъ и созвучіе ей позднѣйшіе изобразители народнаго быта, думающіе и старающіеся внѣшнимъ сходствомъ, передачею какихъ-либо случайныхъ частностей, ими подмѣченныхъ, передразниваньемъ простонароднаго говора замѣнить отсутствіе внутренняго сродства съ глубинами народнаго духа?

Третіе требованіе закона популярности касается внѣшняго изложенія или языковаго выраженія мысли, и обыкновенно когда говорятъ о популярности, какъ свойствѣ обязательномъ для проповѣдника, то первѣе всего, если не исключительно, думаютъ при этомъ о языкѣ проповѣдей.

Что же требуется здѣсь по отношенію къ внѣшнему изложенію, для того, чтобы проповѣдь была проповѣдію популярною? Прежде всего требуется совершенная ясность и прозрачность рѣчи. Соблюденіе полной ясности и прозрачности рѣчи ставятъ въ непремѣнное правило ораторамъ, говорящимъ предъ народомъ, всѣ, изъяснявшіе законы краснорѣчія, и по указанію авторитетныхъ представителей риторической науки публичная рѣчь предъ народомъ является безцѣльною и теряетъ свое значеніе, если въ ней нѣтъ этого качества. „На слова языка, въ какія ораторъ облекаетъ свою мысль (говоритъ Квинтиліанъ), онъ долженъ смотрѣть, какъ на деньги, которые онъ даетъ народу; онъ долженъ бросать ихъ, если народъ не принимаетъ ихъ... Прозрачная ясность,—первое существенное свойство рѣчи, произносимой предъ народомъ, по Квинтиліану, въ стилѣ условливается опредѣленностію выраженія, правильною разстановкою

словъ, разумною мѣрою въ длинѣ предложеній, также и тѣмъ, чтобы не выпускать ничего необходимаго и не говорить ничего излишняго. Тогда и хорошо образованные чувствуютъ себя удовлетворенными, и необразованные не выходятъ съ пустыми головами... А чего нельзя понять сразу, того присутствующіе не станутъ слушать съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ или съ такимъ интересомъ, чтобы можно было разсчитывать, что они сами постараются изъяснить менѣе понятное, и дадутъ себѣ трудъ болѣе темныя мѣста освѣтить свѣтомъ своего ума; скорѣе они будутъ слушать разсѣянно и займутся совершенно сторонними мыслями. Поэтому все, что вы ни говорите, должно быть такъ прозрачно и ясно, чтобы смыслъ рѣчи, безъ особеннаго вниманія, какъ бы самъ собою напечатлѣвается на умѣ слушателей, подобно тому, какъ свѣтъ солнца напечатлѣвается на глазѣ. Потому нужно заботиться не о томъ, чтобы изложеніе можно было понимать, но о томъ, чтобы его нельзя было не понять. На этомъ основаніи болѣе важныя мысли нужно выражать два и три раза, если можно догадываться, что иначе слушателями онѣ не будутъ поняты“ [1]).

Совершенно согласно съ этимъ авторитетнѣйшимъ представителемъ классической риторической науки говоритъ блаженный Августинъ, давшій первое руководство по гомилетикѣ. „Для христіанскаго наставника (говоритъ онъ) первый и главный долгъ,—во всѣхъ своихъ поученіяхъ быть сколько возможно вразумительнымъ, и говорить съ такою ясностію, что развѣ только самый безпонятный человѣкъ былъ бы не въ состояніи понимать насъ; или же причина неудобовразумительности въ рѣчахъ происходила бы не отъ нашихъ словъ, а отъ чрезвычайной трудности и утонченности предметовъ, которые мы желаемъ изъяснить другимъ. Но та-

[1]) Quintiliani Institutiones oratoriae, VIII, c. 2.

кихъ предметовъ или вовсе никогда не должно предлагать народу для слушанія, или предлагать весьма рѣдко, въ случаѣ какой-либо необходимости... Въ бесѣдахъ мы не должны щадить никакого труда для того, чтобы истины, даже самыя трудныя для разумѣнія, но хорошо нами постигнутыя, какимъ бы то ни было образомъ довести до пониманія другихъ, и во что бы то ни стало,—перелить оныя въ душу слушателя... Въ бесѣдѣ вся забота наставника должна быть не о томъ, какъ бы краснорѣчивѣе, но о томъ, какъ бы яснѣе и очевиднѣе изложить предметъ свой [1]).

Для соблюденія полной ясности изложенія, проповѣдникъ заботливо долженъ избѣгать всего, могущаго затруднять для простого, мало развитаго, ума пониманіе рѣчи. Такъ не желательны въ проповѣди, произносимой предъ народомъ, длинные періоды, многосложныя предложенія, съ вставочными объясненіями. Они умѣстны въ книжномъ языкѣ, и при чтеніи могутъ не затруднять пониманія читаемой книги. А въ живой рѣчи болѣе удобна рѣчь краткая, отрывистая; для неискушеннаго ума рѣчь, состоящая изъ многосложныхъ предложеній, служитъ препятствіемъ къ легкому усвоенію предлагаемой истины.

Далѣе, изъ проповѣдническаго языка должны быть изгнаны всѣ иностранныя слова, которыя безъ нужды пестрятъ и искажаютъ чистую русскую рѣчь, и не для всякаго понятны. Между тѣмъ у современныхъ проповѣдниковъ онѣ все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Къ чему они въ церковной проповѣди? Не понятныя для большинства народа, они являются здѣсь излишнимъ придаткомъ, какимъ служили бы, при расплатѣ съ народомъ, фальшивыя или чуждыя монеты, значенія которыхъ онъ не понимаетъ. И кромѣ того они нарушаютъ цѣлостный церковный характеръ проповѣдническаго языка.

---

[1]) Христіанская наука блаж. Августина, кн. IV, §§ 22 и 23.

Вмѣстѣ съ этимъ должны быть изгоняемы изъ проповѣдническаго изложенія всѣ техническія выраженія, обычныя въ школьномъ языкѣ, имѣющія условное значеніе. А такихъ выраженій чрезвычайно много, и мы, привыкшіе къ школьному языку, часто не замѣчаемъ неумѣстнаго пользованія выраженіями и терминами, народу не вполнѣ понятными. Но что понятнѣе, казалось намъ, терминовъ: *положительный*, *отрицательный*, *органическій* и т. под.? Но мы имѣли случай убѣдиться, что рѣчь, пересыпанная такими, повидимому, ясными и общеупотребительными терминами, была для многихъ слушателей темною грамотою, и они не уразумѣвали ея, какъ слѣдуетъ.

Даже съ осторожностію нужно употреблять библейскія выраженія, смыслъ которыхъ не вполнѣ ясенъ для человѣка, незнакомаго съ богословскою школьною терминологіею. Всѣмъ ли будетъ понятно, если мы употребимъ выраженіе: „Священникъ по чину Мелхиседекову, а не Ааронову“ или „Христосъ наша пасха“, или „ходить по духу, а не по плоти“. и т. под.? Если будетъ надобность употребить подобныя выраженія, ихъ нельзя оставлять безъ объясненія. Въ проповѣдническомъ изложеніи строго должна быть соблюдаема цѣльность языка, взятаго изъ народнаго лексическаго богатства, безъ всякой посторонней примѣси.

Ясности изложенія содѣйствуетъ простота рѣчи, которая должна быть другимъ отличительнымъ свойствомъ популярнаго изложенія. Въ чемъ состоитъ эта простота языка? Понятіе простоты исключаетъ все натянутое и искусственное, и рѣчь, отличающаяся простотою, является естественнымъ, непринужденнымъ выраженіемъ мысли и чувства. Отступаетъ отъ требуемой простоты рѣчи проповѣдникъ, когда говоритъ языкомъ ученыхъ разсужденій или слѣдуетъ обычаю школьнаго изложенія, всегда болѣе или менѣе искусственнаго. Онъ безхитростно долженъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ языка, какой находится въ общенародномъ упо-

требленіи, и въ его рѣчи долженъ быть строго выдерживаемъ тонъ простой, естественной, непринужденной бесѣды, какой наблюдается въ рѣчахъ людей образованныхъ.

Мы нарочито выставили указаніе на то, что въ церковной бесѣдѣ, при соблюденіи возможной простоты рѣчи, долженъ быть выдерживаемъ тонъ и характеръ бесѣдъ людей образованныхъ. Простота, требуемая въ проповѣди, не то, что простоватость. Эта простота въ церковной рѣчи должна быть чистою и благородною. Въ ней не должно быть ничего вульгарнаго и низменнаго. Проповѣдникъ не долженъ говорить такимъ языкомъ, какимъ говорятъ простолюдины, или какой слышенъ на толкучемъ рынкѣ. Всегда долженъ помнить и сознавать проповѣдникъ свое значеніе, какъ посланника Господа Іисуса Христа, приносящаго народу Его слово, и говорящаго во имя Божіе,—важность и священное величіе того предмета, который онъ разъясняетъ народу, и высокое значеніе той каѳедры, на которой стоитъ онъ. Это сознаніе должно сдерживать его отъ ниспаденія въ простоватый тонъ, и воодушевлять его къ веденію своей бесѣды языкомъ простымъ, но въ то же время благороднымъ и возвышеннымъ.

О популярности, какъ необходимомъ качествѣ проповѣди (говоритъ Жиберъ) [1]), не нужно имѣть низкаго представленія. „Церковный проповѣдникъ долженъ быть популяренъ, но въ то же время и высокъ. Онъ поднимаетъ такія возвышенныя матеріи, возвѣщаетъ народу о такихъ великихъ вещахъ, которыя не могутъ не возбуждать возвышенныхъ чувствъ и не устремлять мысли горѣ... Древніе учители (Цицеронъ въ книгѣ De oratore) хотѣли, чтобы ораторъ возводилъ взоръ свой къ небу, и чтобы ему присуще было знаніе вещей небесныхъ для того, чтобы онъ испол-

[1]) L' eloquence chretienne dans l' idée et dans la pratisque, par Gisbert, ch. XIII.

нялся великими идеями, и чтобы потомъ, переходя къ вещамъ низкимъ, земнымъ, говорилъ о нихъ болѣе благороднымъ и возвышеннымъ образомъ. Проповѣдники въ этомъ отношеніи имѣютъ великое преимущество предъ свѣтскими ораторами. Если знаніе звѣздъ и движенія неба способно возвышать душу, то не тѣмъ ли болѣе должно содѣйствовать возвышенному настроенію церковнаго оратора знаніе великихъ предметовъ, какія вѣра ставитъ предъ его глазами, мысль о безконечномъ величіи Божіемъ, о вѣчныхъ мученіяхъ, о блаженствѣ праведныхъ и т. под.? О такихъ предметахъ нельзя говорить словомъ низкимъ, и они сами собою должны настраивать проповѣдника на возвышенный тонъ".

Случается, что иные проповѣдники, изъ излишняго стремленія къ популярности, поддѣлываются подъ народный говоръ, употребляютъ провинціальныя и пересыпаютъ свою рѣчь грубоватыми простонародными выраженіями, какія слышатся въ языкѣ необразованныхъ простолюдиновъ. Думаютъ тѣмъ угодить народу. Но народъ едва ли будетъ доволенъ, если проповѣдникъ будетъ спускаться въ своемъ проповѣдническомъ изложеніи до грубой необдѣланной рѣчи. Народъ все же сознаетъ священную важность церковной каѳедры, и благоговѣйное чувство, съ какимъ вѣрующій народъ расположенъ слушать священную проповѣдь, не заявитъ ли глухаго протеста, если проповѣдникъ о божественныхъ вещахъ будетъ говорить грубымъ простонароднымъ языкомъ, и не признаетъ ли нѣкотораго нарушенія святыни церковнаго слова? Напрасно думаютъ, что народъ не пойметъ васъ, если вы будете говорить съ нимъ языкомъ чистымъ и облагороженнымъ. Не мудрите только, не ломайте искусственно свою русскую рѣчь, и она, облеченная въ простыя, но очищенныя и облагороженныя формы, будетъ понятною для него, и будетъ больше нравиться ему, чѣмъ рѣчь, уснащенная

простоватыми выраженіями, взятыми изъ непечатнаго народнаго лексикона.

По этому вопросу прекрасное замѣчаніе сдѣлано было покойнымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ [1]). Оно вызвано было тѣмъ, что ему представлена была программа ежемѣсячнаго изданія общепонятныхъ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія. По этому поводу митрополитъ Филаретъ выразилъ опасеніе, какъ бы не стали наполнять тонкую книжку сказаніями о грубыхъ порокахъ и безобразныхъ поступкахъ людей не образованныхъ, излагаемыми столь же грубымъ и безобразнымъ языкомъ. Для насъ собственно важно мнѣніе его о языкѣ, какимъ должно излагать народу христіанскія истины въ назначенныхъ для него сочиненіяхъ и проповѣдяхъ. „Говорятъ (замѣчаетъ онъ), что это—изложеніе ученія христіанскаго языкомъ простонароднымъ, не чуждымъ грубости—популярно. Да, популярно въ томъ случаѣ, если, вмѣсто прогресса отъ необразованности къ образованности, хотятъ вести народъ понятнымъ движеніемъ отъ образованности къ необразованности. Этотъ антипрогрессъ началъ было являться даже на церковной каѳедрѣ одной изъ епархій, и, къ оскорбленію не только вкуса, но и нравственнаго и благочестиваго чувства въ печатной проповѣди [2]), можно было читать слѣдующее и подобное слѣдующему: *надо крестить младенца—надо идти къ попу съ вином.ъ*. Благодареніе начальству, что такія поученія не долго оглашали храмы, и вскорѣ перестали являться въ печати. Можно говорить понятно для самыхъ простыхъ людей, съ сохраненіемъ чистаго и правильнаго языка безъ обиды

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ московскаго митрополита Филарета. Т. V. ч. 2, стр. 862.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду проповѣди Ѳеофана Лебединцева, печатавшіяся въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей въ первые годы по основаніи этого журнала. Автору по этому поводу пришлось имѣть (въ 1863 году) личную бесѣду съ покойнымъ митрополитомъ, который поручилъ ему довести до свѣдѣнія кіевскаго Владыки о замѣченномъ имъ неприличіи въ кіевскихъ проповѣдяхъ.

грамматикѣ и логикѣ. Когда писатель или наставникъ говоритъ простолюдинамъ языкомъ правильнымъ и степеннымъ, они чувствуютъ себя ниже его, и располагаются ко вниманію и уваженію. А когда онъ поддѣлывается подъ ихъ грубое изломанное нарѣчіе, тогда они видятъ его ниже себя; потому что подражатель естественно ниже подражаемаго, и вниманію ихъ представляется не возвышенная идея наставника, а пошлый видъ актера, представляющаго ихъ бытъ".

Амфитеатровъ, въ своей гомилетикѣ, дозволяетъ проповѣднику въ церковной бесѣдѣ употреблять простонародный языкъ, указавши на то, что онъ, при своихъ несовершенствахъ, имѣетъ свои же достоинства, и рекомендуя брать изъ него то, что въ немъ есть цѣломудреннаго, точнаго и выразительнаго [1]). Но выставивши это общее положеніе, онъ счелъ нужнымъ сдѣлать надлежащее ограниченіе его въ справедливомъ опасеніи, что излишнее пользованіе выраженіями, взятыми изъ простонароднаго говора, можетъ повредить чистотѣ проповѣдническаго языка и довести церковную бесѣду до неприличія. „Принимая въ себя то, что въ простонародномъ языкѣ хорошо само по себѣ и годно вообще (говоритъ онъ), церковная бесѣда отнюдь не должна вдаваться въ вульгаризмъ безотчетный, и спускаться до тона площади, не должна употреблять словъ низкихъ и грубыхъ, не должна превращаться въ поговорку деревенскую... Однимъ словомъ, не должна свою мысль важную, требующую тона и рѣчи важной, рядить въ плебейскія *прибаутки*, въ многословіе деревенской сходки, въ наивность слишкомъ простонародную. Подобный образъ бесѣдованія не только не есть бесѣда церковно-простонародная, но есть искаженіе самаго простонародія. Слишкомъ простонародить себя значитъ—не

---

[1]) Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. 2, §§ 290—293, стр. 147—152.

учить, а по простонародному же выраженію, *розмовлять*, или терять рѣчи по пусту; за какую потерю осудилъ бы насъ и самый недалекій поселянинъ; потому что и онъ одаренъ чувствомъ приличія, умѣніемъ отличать рѣчи своей хижины отъ рѣчи церковной“ [1]).

Въ силу указанныхъ соображеній, подтвержденныхъ авторитетными представителями науки и церковной пропроповѣди, мы не сочувствуемъ мнѣнію и желанію тѣхъ, которые, въ видахъ большей популярности, требуютъ проповѣди въ церкви на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ послѣднее время особенно ратуютъ украинофилы за то, чтобы въ храмахъ малороссійскаго края проповѣди произносились не на русскомъ языкѣ, а на украинскомъ нарѣчіи. Претензія, намъ кажется, совершенно напрасная. Русскій языкъ, развившійся и окрѣпшій въ своихъ литературныхъ формахъ, одинъ, какъ одно русское племя, и намъ нужно стремиться не къ разчлененію и раздробленію его, а къ утвержденію и укрѣпленію его единства; въ единеніи его сила, а въ раздробленіи его ослабленіе. Особенности украинскаго нарѣчія вовсе не такъ велики, чтобы нужно было думать и заботиться о совершенномъ выдѣленіи его изъ общерусскаго языка. Забота объ этомъ выдѣленіи его изъ общерусскаго языка вызывается не необходимостію, а сепаратическимъ узкимъ патріотизмомъ, которому мерещится, хотя въ отдаленномъ будущемъ, политическое отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи, и ея самостоятельное (самостійное) политическое существованіе. Говорятъ, что русскій языкъ не понятенъ малороссійскому народу; но это напраслина, произвольно взводимая на малороссійскій народъ и безъ основанія увеличивающая его малопонятливость. Мы даже думаемъ, что общерусскій языкъ ему болѣе понятенъ, чѣмъ тотъ малороссійскій языкъ, какимъ пишутъ

---

[1]) Гомилетика Амфитеатрова, ч. 2, § 294, стр. 153.

сепаристы-украинофилы. Сочиненія, издаваемыя товариществомъ Шевченки, пишутся такимъ кованнымъ искусственно языкомъ, наполненнымъ полонизмами и новоизмышленными словами, что истые малороссы не понимаютъ этого самостійнаго языка, и общерусскій языкъ для ихъ является болѣе понятнымъ, чѣмъ этотъ языкъ, претендующій на самостоятельное существованіе, наравнѣ съ общерусскимъ языкомъ. И едва ли будетъ отвѣчать общему желанію народа въ Малороссіи употребленіе украинскаго нарѣчія въ церковной проповѣди. Это желаніе интеллигенціи, не чуждой сепаратическихъ стремленій, искусственно навязываемое простому народу. Мы имѣемъ свидѣтельства отъ лицъ, служившихъ въ самомъ центрѣ Малороссіи (въ Полтавской губерніи), подтверждающія это положеніе. Въ одномъ большомъ селеніи вели дѣло проповѣди два священника,—одинъ при этомъ пользовался общерусскимъ языкомъ, а другой говорилъ свои поученія по-малороссійски. Народъ съ бо́льшимъ вниманіемъ и уваженіемъ относился къ первому проповѣднику, чѣмъ ко второму, и даже заявлялъ неудовольствіе на то, зачѣмъ батюшка въ церкви розмовляетъ по нашему, по деревенски.

Какъ на высочайшій образецъ рѣчи популярной, мы опять указываемъ на бесѣды Господа Іисуса Христа, записанныя въ Евангеліи. При изложеніи возвышеннаго ученія все является у Него въ совершенно прозрачной формѣ. Все говорится просто, нѣтъ ни одного выраженія непонятнаго, но съ этою совершенною простотою соединяется необыкновенное благородство и чистота рѣчи. Онъ беретъ выраженія изъ обыкновеннаго языка человѣческаго. но ничто не чистое и грубое не попадаетъ въ Его слово. Для уясненія предмета Онъ употребляетъ сравненія, близкія къ быту простыхъ людей. Но можно ли найти въ Его рѣчи какой-либо образъ, не отмѣченный печатію чистоты и достоинства?

Изъ христіанскихъ проповѣдниковъ самымъ популярнымъ проповѣдникомъ, по общему признанію, былъ святый

Іоаннъ Златоустъ. Никто не умѣлъ говорить такъ просто и впечатлительно для слушателей, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ полное достоинство церковнаго языка,—какъ этотъ проповѣдникъ, отмѣченный титломъ Златоуста, и никто не производилъ такого обаянія на народъ, собиравшійся вокругъ его каѳедры. Потому авторитетные гомилеты совѣтуютъ молодымъ проповѣдникамъ непрестанно, день и ночь, читать и перечитывать его бесѣды. Ни у кого, какъ у св. Златоуста (говоритъ Гиперій) нельзя научиться говорить ясно, просто, популярно, и вмѣстѣ умно, вполнѣ прилично и важно [1]). У того же проповѣдника рекомендуетъ учиться языку популярнаго краснорѣчія и Жиберъ. При совершенной простотѣ и прозрачности его словъ у него, по замѣчанію Жибера, нѣтъ никакого низкаго термина, ни одного грубаго образа, ни одного выраженія, могущаго оскорбить слухъ, привыкшій къ благородной рѣчи, но все чисто, благородно, возвышенно, вполнѣ достойно посланника Господа Іисуса Христа, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени популярно [2]).

Что же дѣлать, чтобы овладѣть популярностью,—этимъ необходимымъ качествомъ для церковной проповѣди? Есть ли какія-либо надежныя практическія средства къ тому?

Теорія указываетъ нѣкоторыя правила, соблюденіе которыхъ способствуетъ достиженію популярности изложенія, и ихъ нужно имѣть въ виду проповѣднику, чтобы по возможности приблизиться къ идеалу популярнаго проповѣдника. Но одними правилами, какъ бы ни были подробно и тщательно разработаны они, нельзя дать проповѣднику овладѣть въ совершенствѣ этимъ необходимымъ качествомъ церковной проповѣди. Чтобы сдѣлаться совершеннымъ популярнымъ проповѣдникомъ, для этого требуется особый талантъ. Св. Іоаннъ

[1]) De formansis concionibus sacris. Lib. 1, c. VI, p. 32.

[2]) L'eloquence chretienne dans l'idée et dans la pratique, chap. XIII, p. 251

Златоустъ сдѣлался таковымъ и овладѣлъ вполнѣ качествомъ популярнаго, впечатлительнаго изложенія не чрезъ правило, а благодаря своему природному таланту. Но если и не дано тому или другому церковному учителю такого таланта, онъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, что могло бы замѣнить ему недостатокъ таланта.

Первое условіе для достиженія возможно популярнаго изложенія и представленія христіанской истины въ проповѣди, выполненіе котораго обязательно для каждаго проповѣдника,— ясное и отчетливое сознаніе предмета, о которомъ вести хочетъ рѣчь проповѣдникъ. Часто рѣчь проповѣдника является не вполнѣ ясною для народа и грѣшитъ противъ закона популярности отъ того, что проповѣдникъ недостаточно продумалъ предметъ свой, и въ его головѣ нѣтъ отчетливаго представленія о немъ. Когда онъ окруженъ туманомъ въ умѣ проповѣдника, трудно ему явиться въ проповѣдномъ словѣ въ прозрачномъ видѣ, и въ этомъ случаѣ проповѣдникъ, и близкій къ народу, не дастъ ему того, чего народъ въ правѣ ожидать отъ него,—назиданія вполнѣ яснаго и вразумительнаго. А какъ часто выступаютъ на каѳедру церковную люди съ недозрѣлою мыслію, съ сужденіями, поспѣшно срывающимися съ языка и мало провѣренными, и говорятъ слова, подъ которыми скрывается истина, не выношенная ими, поверхностно затронутая ими, отъ чего теряется надлежащее впечатлѣніе отъ ихъ проповѣди. И это допускаютъ нерѣдко люди съ талантомъ, но излишне самоувѣренные и вслѣдствіе этой самоувѣренности не трудящіеся надъ обдумываніемъ и уясненіемъ себѣ содержанія того ученія, которое они намѣрены или должны предлагать народу. Нынѣ требуютъ отъ пастыря-проповѣдника слова импровизованнаго, и говорятъ, что это импровизованное слово наиболѣе отвѣчаетъ истинному понятію проповѣди и производитъ болѣе благотворное впечатлѣніе на слушателей, чѣмъ слово напередъ приготовленное и записанное. Прекрасно, кто владѣетъ даромъ импровизаціи и

усерднымъ упражненіемъ развилъ этотъ даръ. Но это преимущество не всѣмъ дается. Когда говорятъ импровизаціи люди дюжинные, не владѣющіе быстротою мыслію и живымъ воображеніемъ, въ ихъ словѣ нѣтъ того, что требуется отъ проповѣди закономъ популярности. Ихъ мысль, во время сказыванія проповѣди, въ мукахъ рожденія. Они нерѣдко съ трудомъ выискиваютъ слова для выраженія своихъ идей, и эти идеи выходятъ изъ его устъ въ видѣ мыслей недоношенныхъ, не получившихъ надлежащей, органической полноты, и имъ недостаетъ того, что первѣе всего требуется отъ публичнаго церковнаго слова,—ясности, чуждой всякой темноты. При этомъ какъ будто густое облако скрываетъ проповѣдника отъ слушателей, и слушатели не выносятъ изъ его не твердаго слова отчетливаго представленія о томъ, что онъ хотѣлъ внушить имъ. Кто рѣшается или вызывается говорить импровизованное слово,—долженъ хорошо обдумать или уяснить себѣ то, что имѣетъ предложить народу. Иначе неизбѣжна неясность и, пожалуй, спутанность его мысли, и слушатели при этомъ могутъ встрѣтить затрудненія въ усвоеніи того, что говорилъ имъ проповѣдникъ. Проповѣди будетъ недоставать необходимаго качества популярности.

Для того, чтобы говорить популярно и съ большею впечатлительностію для народа, мало уяснить себѣ проповѣдуемую истину путемъ холоднаго разсудка; ее нужно насадить и утвердить въ своемъ сердцѣ. Это второе средство, способствующее достиженію того качества или совершенства проповѣди, которое означается именемъ популярности. Слово разсудка, не вышедшее отъ сердца и не согрѣтое теплотою благоговѣйной души, скользитъ по поверхности души слушателей и не проникаетъ въ ея внутреннее, подобно тому, какъ сухое сѣмя или зерно, брошенное на землю, скорѣе развѣется вѣтромъ и меньше укрѣпится въ почвѣ, чѣмъ сѣмя влажное. Есть много проповѣдниковъ, которые говорятъ съ яснымъ, твердымъ сознаніемъ дѣла или предмета и говорятъ

умно и основательно; но ихъ слово не производитъ надлежащаго, полнаго впечатлѣнія на слушателей, и часто слушаютъ его разсѣянно. И это зависитъ отъ того, что они говорятъ только умно; и въ ихъ словѣ не слышится голоса сердца, который одинъ можетъ тронуть души слушателей и возбудить ихъ вниманіе. Сердечное слово никогда не пропадетъ даромъ. „Пока истина усвоена однимъ разсудкомъ (говоритъ Юнгманнъ), она лежитъ въ головѣ проповѣдника, какъ мертвый капиталъ. Мыслящій умъ обнимаетъ ее только въ половину“ [1]). Этому мертвому капиталу, предлагаемому въ сухой формѣ, затруднительно найти легкое обращеніе въ живой средѣ, въ сердцахъ народа, и истина, обнимаемая только мыслящимъ умомъ, половинчатая, не соприкасается всею полнотою своею и воспріемлемостію слушателей. Для того, чтобы она всею силою дѣйствовала на душу слушателей, ее нужно оросить росою благодати, согрѣть теплотою своего сердца, тогда она дастъ ростокъ, разовьется въ растеніе, покроется листьями и цвѣтами и принесетъ плодъ. Къ уясненію этого мы можемъ привести слова Господа Іисуса Христа, который говоритъ: *духъ есть, иже оживляетъ, плоть же не пользуетъ ничтоже: глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI, 63). Такими же словами могутъ быть характеризуемы всѣ высокія истины христіанскія, возвѣщать которыхъ призванъ проповѣдникъ. Онѣ должны быть обнимаемы всею полнотою души, и отъ полноты души, проникнутой ими, должны быть сообщаемы и передаваемы другимъ, и при этомъ условіи онѣ являются способными глубоко дѣйствовать на другихъ. Тогда онѣ являются духомъ оживляющимъ; а безъ этого, въ сухой разсудочной формѣ, онѣ могутъ быть тѣмъ, что Господь назвалъ плотію, которая, по Его

---

[1]) Theorie der geistlichen Beredsamkeit, v. Jungmann Th. II, s. 145.

словамъ, не пользуетъ ничтоже, то есть, тогда не производятъ онѣ надлежащаго своего дѣствія. Но какъ проповѣднику достигнуть того, чтобы въ его устахъ слово вѣры было не простою плотію, не однимъ холоднымъ словомъ знанія, но обладало силою духа и жизни? Одно средство для этого: нужно воспитать и укрѣпить въ себѣ духъ благочестія и сдѣлать свою душу воспріимчивою къ воздѣйствію благодати Божіей. Для достиженія этого живите полною жизнію церкви и сердцемъ участвуйте во всѣхъ священнодѣйствіяхъ, чаще обращайтесь своею мыслію къ Богу, чаще размышляйте и воспоминайте о Христѣ и планахъ божественнаго домостроительства, сдѣлайте предметомъ своего постояннаго вниманія ученіе о нашемъ спасеніи, изучайте съ неослабнымъ усердіемъ книги божественнаго откровенія, указующія намъ путь къ животу вѣчному и творенія его истолкователей,— святыхъ отцевъ, и вамъ легко будетъ въ рѣчахъ о высокихъ истинахъ вѣры избѣжать холодной сухости разсудка, и вы будете говорить съ силою и впечатлительностію. Такой совѣтъ проповѣдникамъ истинъ вѣры даетъ премудрый сынъ Сираховъ. *Только тотъ* (говоритъ онъ), *кто посвящаетъ свою душу размышленію о законахъ Всевышняго,... кто сердце свое направитъ къ тому, чтобы съ ранняго утра обращаться къ Господу, сотворшему его, и будетъ молиться предъ Всевышнимъ, и будетъ размышлять о тайнахъ Божіихъ, только тотъ покажетъ мудрость свою, и будетъ источать слова мудрости своей... и многіе будутъ прославлять знаніе его, воспринимая близкое сердцу ученіе его, и онъ не будетъ забытъ во вѣкъ* (Сир. XXXIX, 1, 6, 8, 10—13).

Третіе средство къ достиженію возможной популярности при проповѣданіи слова Божія—постараться войти во внутреннее единеніе съ тѣмъ народомъ, которому вы несете и сообщаете святое благовѣстіе, и усвоить себѣ духъ и характеръ народа, образъ его пониманія и складъ его чувство-

ваній. Для этого нужно полное и широкое знакомство съ народомъ, съ его стремленіями и воззрѣніями, со всѣми отправленіями его душевной жизнедѣятельности, въ особенности съ его разумомъ и степенью его воспріемлемости по отношенію къ предметамъ вѣры и религіознаго вѣдѣнія. Но одного теоретическаго знанія, какъ бы оно ни было хорошо, здѣсь недостаточно. Нужно не только знать народъ, которому вы проповѣдуете, но и любить его, и чрезъ любовь сродниться съ нимъ сердцемъ. Любовь—великая сила: она даетъ проповѣднику даръ или умѣнье говорить народу вполнѣ понятно для него, сильно и впечатлительно, и тогда слово проповѣдника будетъ ложиться на сердца слушателей, какъ слово имъ близкое, текущее изъ родственной груди. Указываютъ на мать, которая умѣетъ говорить и съ дитятею двухъ лѣтъ, и съ дитятею четырехъ лѣтъ и съ мальчикомъ лѣтъ десяти, каждый разъ приспособляясь къ ихъ развитію и способу ихъ пониманія. Что даетъ ей силу или умѣнье говорить внятно и вразумительно съ дѣтьми разныхъ возрастовъ и не одинаковой степени развитія? Эту силу даетъ ей любовь, какую она питаетъ къ своему дитяти, связывающая ее съ нимъ неразрывными узами. И для проповѣдника нельзя рекомендовать другого болѣе дѣйственнаго условія популярности его словъ, кромѣ его любви къ своей братіи, подчиненной его водительству, кромѣ внутренняго единенія съ тѣми, которые собираются вокругъ его каѳедры и ждутъ отъ него слова назиданія.

Какъ достигнуть этого внутренняго сближенія съ народомъ, составляющаго одно изъ главныхъ условій популярности проповѣди?

Амфитеатровъ указываетъ два способа къ этому, воспитаніе въ подлинномъ духѣ народа, и опытъ цѣлой жизни, ведомой вблизи народа и въ союзѣ съ нимъ. „Воспитаніе (говоритъ Амфитеатровъ) должно начинаться съ лона материнаго въ домѣ родительскомъ на народныхъ началахъ и

основаніяхъ. Съ первою земною пищею, т. е. съ молокомъ матернимъ дитя должно воспринимать въ свою душу живую любовь къ своему отечеству и своему народу, и здѣсь должны получиться зачатки будущаго единенія съ народомъ. По мѣрѣ возрастанія дитяти эти зачатки будутъ проясняться и укрѣпляться. Отъ этого пути отступаютъ тѣ, которые дѣтей своихъ, въ первые годы ихъ развитія, поручаютъ руководству иностранныхъ гувернеровъ или гувернантокъ, совершенно чуждыхъ русскому духу и не понимающихъ его, отчего и являются часто между такими воспитанниками отщепенцы отъ своего народа. Добрая няня въ этомъ отношеніи можетъ оказать болѣе благодѣтельное вліяніе на народный складъ души ребенка, чѣмъ иностранные воспитатели. Пушкинъ съ благодарностію вспоминалъ о своей нянѣ, которая его чуткой душѣ своими разсказами давала настроеніе, сдружавшее его съ народомъ.

Воспитаніе въ народномъ духѣ, начатое въ родительскомъ домѣ, должно бы продолжаться и въ школѣ. Но школа не всегда способствуетъ воспитанію въ духѣ народномъ. Она, даже тогда, когда наиболѣе національзирована, отрываетъ воспитанника отъ живой струи народной. Въ стѣнахъ школы образуется и скопляется особый, какъ бы тепличный воздухъ, отличающійся во многомъ отъ находящагося въ окружающей ее атмосферѣ. Дыша этимъ воздухомъ, воспитанникъ школы теряетъ чуткую воспріимчивость къ элементамъ, какими живетъ и питается народъ, и по выходѣ изъ школы если не теряется, то ослабляется живая непосредственная связь его съ народомъ. Мы съ сожалѣніемъ должны отмѣтить, что въ наши школы вторгается еще совершенно чуждый духъ, перенесенный изъ другихъ странъ, упредившихъ насъ на поприщѣ просвѣщенія. Утвердившись въ школѣ, овладѣвъ нерѣдко умами руководителей школы, онъ вытѣсняетъ изъ нея народныя начала, и изъ русскаго дѣлаетъ какого-то космополита, не то нѣмца, не то француза.

Особенно въ послѣднія десятилѣтія замѣтно уклоненіе школы отъ народныхъ элементовъ, вслѣдствіе чуждыхъ вліяній, и изъ нашихъ высшихъ школъ стали выходить люди, совершенно утерявшіе народный обликъ. Многіе изъ нихъ пренебрежительно относятся къ той святынѣ, которая составляетъ корень народной жизни, и которою народъ дорожитъ болѣе всего. А иные изъ нихъ идутъ въ народъ съ тѣмъ, чтобы перевоспитать его, и въ этихъ видахъ стараются подавить и истребить въ немъ тѣ добрыя начала, какими живетъ онъ, и посѣвать въ его душѣ чуждое ему разрушительное сѣмя. Нравственное шатаніе русскаго общества, отъ котораго такъ много страдаетъ наше поколѣніе, началось именно отъ школы, порвавшей связь съ крѣпкимъ духомъ народа. Тамъ первоначально явился духъ противленія порядку и самоволія, овладѣвающій массами, и выражающійся забастовками, и отъ питомцевъ высшихъ школъ, утерявшихъ національный духъ, и чрезъ нихъ онъ переходитъ къ части городскаго общества, а въ послѣднее время и деревенскаго, чрезъ что измѣняется народная физіономія и такъ много ущерба и скорби терпитъ страна наша.

Наши духовно-учебныя заведенія, въ которыхъ приготовляются будущіе пастыри церкви, находятся въ лучшихъ условіяхъ. Но и въ нихъ проторгается духъ, неблагопріятный для укрѣпленія народнаго сочувствія и раздружающій питомцевъ съ тою средою, на которую потомъ приходится дѣйствовать пастырю-проповѣднику. Для ослабленія этого вліянія, расторгающаго связь съ народомъ, могли бы служить отпуски воспитанниковъ школы въ вакаціальное время въ родные края, во время которыхъ они могли бы жить въ непосредственной близости къ народу и воспринимать отъ него силу единенія съ нимъ. Кромѣ отдохновенія, доставляемаго этими вакаціальными днями, здѣсь могло приниматься въ разсчетъ и то освѣженіе отъ общенія съ народною средою и освобожденіе отъ тепличнаго воздуха школы, не совсѣмъ

благопріятнаго для утвержденія въ душахъ живой связи съ народомъ.

Далѣе, къ единенію съ народомъ долженъ вести человѣка-проповѣдника опытъ жизни. Чтобы узнать народъ и сблизиться съ нимъ, мало довольствоваться случайными встрѣчами съ нимъ, какъ бы онѣ ни были часты. Нужно желать и искать этихъ встрѣчъ, и не смотрѣть холоднымъ окомъ издалека на развертывающуюся предъ нимъ жизнь, разузнавать нужды живущихъ близъ насъ людей, входить съ ними въ бесѣды, и съ участіемъ воспринимать ихъ заявленія. При такомъ общеніи съ народомъ откроется для проповѣдника душа народа; онъ узнаетъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ полюбитъ ее, и тогда дастъ ему возможность говорить съ нимъ по душѣ, мало и понятно для него,—въ высшей степени популярно.

Указываютъ, какъ на источникъ для ознакомленія съ народомъ, и какъ на пособіе къ пріобрѣтенію популярнаго изложенія, на разныя повѣствованія, изображающія бытъ народа, и написанныя языкомъ простонароднымъ. „Не споримъ (говоритъ Амфитеатровъ), что подобные источники помогаютъ изучать духъ народа; но здѣсь всегда угрожаетъ проповѣднику опасность, чтобы духъ книжный—начитанный не принять за дѣйствительный духъ. И развѣ не часто этотъ книжный духъ играетъ роль подлиннаго въ сочиненіяхъ разнаго рода?“ [1]).

Въ настоящее время у насъ пользуются особеннымъ вниманіемъ читающаго общества сочиненія Максима Горькаго и Андреева, избравшихъ своею спеціальностію изображеніе міра босяковъ, излюбленными героями которыхъ являются отверженцы общества, едва не потерявшіе образъ человѣческій. Авторы эти пишутъ грязныя картины прямо съ натуры, и своимъ умѣлымъ перомъ придаютъ имъ лоскъ художественности, прельщающій невзыскательнаго читателя, и какъ будто знакомятъ съ глубинами народной жизни. Но мы не совѣтовали бы проповѣдникамъ изучать бытъ народа по

[1]) Гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 224, стр. 43.

этимъ сочиненіямъ, и по нимъ знакомиться съ народомъ. Не народъ узнаете вы по нимъ, а только жалкіе подонки народа, и вмѣсто симпатіи къ народу отъ этихъ уродливыхъ типовъ и исковерканныхъ людей вы получите только горькое чувство сожалѣнія о той глубинѣ паденія, до какой можетъ дойти человѣкъ. А душа народа, въ ея чистотѣ, не искаженномъ образѣ, остается незатронутою ими. Это не повѣсть о народѣ, а пасквиль на народъ, выставляющій на верхъ его то, что должно скрываться въ трущобахъ и низменныхъ подземельяхъ. Такіе писатели даютъ одностороннее и ложное представленіе о народѣ, и нимало не способствуютъ внутреннему сближенію вашему съ народомъ, и не отъ нихъ можно научиться популярной рѣчи, дающей отвѣты на запросы души народа, и доступной для него по своему складу. Изучайте душу народа, такъ сказать, въ его сердцевинѣ, въ его чистыхъ представителяхъ, а не въ тѣхъ жалкихъ отбросахъ, въ которыхъ исказилась и исковеркалась идея національнаго типа до того, что трудно уловить здѣсь какія-либо существенныя черты народнаго характера.

Сознавая недостаточность указанныхъ нами средствъ къ пріобрѣтенію искусства популярнаго изложенія проповѣдей, мы обращаемся къ такту и усердію людей, призванныхъ къ служенію церковнаго слова. При усердіи и внимательности къ своему дѣлу, они практикою пріобрѣтутъ себѣ то, на что указываетъ теорія, но чего дать она одна не въ состояніи.

Только каждый, несущій долгъ проповѣдничества (таково будетъ наше заключительное слово) долженъ приложить всѣ заботы къ тому, чтобы не погрѣшать противъ законовъ популярности въ исполненіи своего долга и болѣе или менѣе, по мѣрѣ возможности, приближаться къ идеалу проповѣдника популярнаго. „Цѣните популярность выше всѣхъ качествъ христіанскаго оратора (скажемъ словами замѣчательнаго французскаго гомилета, писавшаго въ эпоху наивысшаго

расцвѣта французской проповѣди), и знайте, что вы настолько будете успѣвать въ краснорѣчіи, насколько будете успѣвать въ популярности. Ничего не забывайте для пріобрѣтенія ея,—знанія свѣта, знанія сердца, постояннаго изученія природы, непрестанныхъ размышленій о мысляхъ и чувствованіяхъ людей, о манерѣ, какою они выражаютъ ихъ, частаго обращенія къ древности. Питайте себя чтеніемъ святаго Златоуста: это популярный проповѣдникъ по преимуществу; на все, что онъ говоритъ, онъ умѣетъ распространять вѣянія популярности, дѣлающей его бесѣды такъ впечатлительными для всѣхъ“ [1]).

[1]) L' eloquence chrétienne dans l' idée et dans la pratique, par B. Gilbert, chap XIII, p. 251, изд 1866.

О приготовленіи проповѣдей.

Трудное ли дѣло проповѣдническое, или, говоря иначе, требуетъ ли особаго труда составленіе проповѣдей, предлагаемыхъ пастыремъ народу?

Въ автобіографическихъ запискахъ Теремина, извѣстнаго гомилета и проповѣдника первой половины прошедшаго столѣтія, приложенныхъ къ изданію его гомилетики, озаглавленной: *„Краснорѣчіе добродѣтель“* (1888 г.), мы встрѣчаемъ такой разсказъ. Когда Теремину было около восьми лѣтъ, онъ присутствовалъ при разговорѣ своего отца, сельскаго пастора съ его собратомъ по служенію, о проповѣдяхъ. Слушая молчаливо бесѣду двухъ проповѣдниковъ, онъ вдругъ сталъ передъ ними и сказалъ: „проповѣдывать, должно быть, очень трудно“. Отецъ Теремина ничего не сказалъ на это замѣчаніе мальчика, а его собесѣдникъ засмѣялся и сказалъ: „этого ты не понимаешь; со временемъ увидишь, что ничего нѣтъ легче, какъ проповѣдывать“. Теремінъ записалъ это обстоятельство потому, что въ немъ видѣлъ и указывалъ девизъ всей своей жизни; другіе ему говорили, что проповѣдывать очень легко, а онъ всегда находилъ, что проповѣдывать очень трудно [1]).

[1]) Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik, Fr. Theremin. 1883. S. 3.

Какое же мнѣніе болѣе состоятельно и справедливо? Мнѣніе ли сельскаго пастора, много лѣтъ несшаго на себѣ долгъ проповѣдничества, или мнѣніе Теремина, съ юныхъ лѣтъ занятаго мыслію о проповѣдничествѣ, изложившаго свои сужденія объ этомъ предметѣ въ оригинальной замѣчательной системѣ, и пріобрѣтшаго себѣ видное мѣсто въ исторіи гомилетики и проповѣдничества?

И то и другое мнѣніе находитъ защитниковъ. Выслушивая сужденія по этому вопросу, расходящіяся до противоположности, затрудняешься сразу установить правильную точку зрѣнія на это дѣло. У представителей того и другого воззрѣнія есть свои, болѣе или менѣе вѣскія, основанія.

Въ нашей литературѣ послѣдняго времени замѣтно склоненіе къ первому мнѣнію. Для пастыря (говоритъ одинъ изъ занимавшихся гомилетическими вопросами) болѣе или менѣе приготовленнаго къ выполненію своего служенія, проповѣдь должна быть простымъ, естественнымъ дѣломъ, которое не должно затруднять его. Пусть онъ говоритъ, что знаетъ и что находитъ нужнымъ сообщить народу,—говоритъ такъ, какъ ведетъ непринужденную бесѣду въ кругу знакомыхъ. У него не должно быть ни малѣйшей заботы ни о приступѣ, ни о риторическихъ фигурахъ, ни о патетической части и заключеніи, ни о красотѣ рѣчи. Мы забыли, до какой степени простою, безъискусственною и краткою рѣчью должно быть проповѣдническое слово. Нечего проповѣднику много думать и трудиться надъ тѣмъ, что и какъ сказать [1]).

Совершенно согласно съ нимъ говоритъ другой, недавно скончавшійся, представитель проповѣдничества, издавшій въ печати нѣсколько огромныхъ сборниковъ своихъ проповѣ-

---

[1]) По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки М. Тарѣева. 1903 г. Гл. V. Проповѣдь, какъ живое слово, стр. 171.

дей,—протоіерей Григорій Дьяченко. „Простая проповѣдь отъ сердца, по примѣру апостоловъ,—не приготовленная и не записанная,—вотъ въ чемъ, по его словамъ, правильная постановка проповѣдническаго дѣла. Люди исказили даръ слова, свободный, какъ движеніе, и онъ сталъ труденъ. Созданы искусственные тормазы для его проявленія, построены цѣлыя многосложныя теоріи ораторской рѣчи и церковнаго краснорѣчія. Прочь всѣ эти путы и тормазы! Въ послѣднія восемь, десять лѣтъ начинаютъ постепенно проходить старые предразсудки относительно проповѣдничества... Долой тетрадки, долой формализмъ, долой рутину! Пусть раздается живое слово, слово убѣжденія“ [1]).

Упрощенный взглядъ на проповѣдь, какъ непринужденную бесѣду, не требующую особеннаго труда отъ проповѣдника, проводитъ Церковный Вѣстникъ [2]). „Пусть пастырь (такъ поучаетъ Церковный Вѣстникъ) русскимъ толковымъ языкомъ сдѣлаетъ перифразъ прочитаннаго евангелія или апостола, вставитъ отъ себя нѣсколько подходящихъ религіозно-нравственныхъ наставленій,—и достаточно“...

Итакъ, забота о составленіи проповѣдей, по мнѣнію видныхъ представителей нашей духовной литературы,—старый предразсудокъ, который нужно оставить.

Такъ ли это?

Мы не можемъ раздѣлять такого мнѣнія,—не можемъ первѣе всего потому, что дѣло проповѣдника считаемъ дѣломъ высокимъ и святымъ, требующимъ отъ служителя церковнаго слова всевозможнаго съ его стороны вниманія. А это вниманіе влечетъ за собою усердіе и трудъ. Чтобы совершать достойнымъ образомъ святое дѣло, порученное проповѣднику, отъ него ожидается и требуется возможное съ его стороны напряженіе душевныхъ силъ, ему дарованныхъ.

[1]) Изъ посмертныхъ бумагъ протоіерея Гр. Дьяченко. Странникъ, мартъ. 1904 г. Ст. „Средства борьбы съ антихристіанскимъ духомъ современнаго общества“.

[2]) Церковный Вѣстникъ, 1905 г. № 30. „О проповѣдничествѣ“ (передовая статья).

При общемъ высокомъ значеніи проповѣдническаго дѣла, требующаго вниманія къ себѣ, и каждый частный актъ его, т. е. каждая частная проповѣдь не должна быть предоставляема одной случайности. Нуженъ трудъ какъ для совершенія проповѣдническаго служенія вообще, такъ и для всѣхъ частныхъ отдѣльныхъ проявленій его. Иное отношеніе, освобождающее отъ труда проповѣдника, и предоставляющее ему говорить, какъ онъ можетъ, безъ особенныхъ заботъ о томъ, что и какъ скажется, не будетъ ли сочтено признакомъ легкомыслія? И не можетъ ли пасть на проповѣдника, такъ легко относящагося къ высокому и святому дѣлу Божію, обвиненіе въ небрежномъ исполненіи его? А Писаніе угрожаетъ проклятіемъ всякому, творящему дѣло Божіе съ небреженіемъ (Іер. XLVIII, 10).

Думаютъ, что проповѣдь возрастетъ въ силѣ и дѣйственности, когда будетъ раздаваться, какъ живое не сочиненное слово. Она можетъ возрасти количественно, если каждый легко будетъ относиться къ ней и будетъ имѣть смѣлость говорить, какъ придется. Но не послужитъ ли это къ пониженію проповѣди въ качественномъ отношеніи, если будутъ смотрѣть на нее, какъ на простую непринужденную бесѣду, для которой не требуется никакого приготовленія, и если не будутъ прилагать никакой заботы къ тому, чтобы по возможности лучше и достойнѣе совершать дѣло благовѣстія Христова?

Указываютъ проповѣдникамъ на примѣръ апостоловъ, и рекоменцуютъ ихъ примѣромъ руководиться въ исполненіи учительскаго долга. Да, мы должны подражать вѣрѣ апостоловъ, и ихъ усердію и ревности въ ученіи благовѣстія Христова, исполняя которое они готовы были жертвовать своею жизнію. Но, съ другой стороны, не слишкомъ ли дерзновенно нынѣшнимъ проповѣдникамъ ставить себя наравнѣ съ апостолами? Апостолы имѣли особыя благодатныя дарованія, сообщенныя имъ Духомъ Святымъ, по обѣтованію ихъ Учи-

теля, пославшаго ихъ на проповѣдь: при этихъ дарованіяхъ они, безъ пособія естественныхъ средствъ, могли съ успѣхомъ нести всюду слово благовѣстія. А мы имѣемъ ли эти апостольскія дарованія? Не имѣя же ихъ, можемъ ли мы пренебрегать доступными намъ средствами къ болѣе успѣшному выполненію своего долга? Можемъ ли освобождать себя отъ труда, такъ необходимаго къ правильной постановкѣ высокаго дѣла, намъ порученнаго? —Апостолы, далѣе, хотя получили особыя силы для совершенія своего служенія, не сразу выступили на него, а наперед приготовляемы были къ нему своимъ Учителемъ и Господомъ, и не даромъ они назывались учениками единаго истиннаго Учителя, Господа Іисуса Христа.

Святому Григорію Богослову указывали нѣкогда, зачѣмъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ прибѣгаетъ къ пособію искусства ораторскаго, и тщательно обработываетъ ихъ. Рыбари-де (апостолы) такими средствами не пользовались при своей апостольской проповѣди. На этотъ упрекъ святой отецъ отвѣчалъ: „Я охотно, подобно рыбарямъ, пренебрегалъ бы средствами искусства, если бы я, какъ тѣ рыбари, имѣлъ даръ творить чудеса“.

Указываютъ иные на святыхъ отцовъ, оставившихъ славное имя въ исторіи проповѣдничества, которые-де говорили проповѣди, нерѣдко изо-дня въ день, не трудясь надъ составленіемъ ихъ, подобно многимъ нынѣшнимъ проповѣдникамъ. Но если мы обратимся къ славнѣйшимъ изъ нихъ, обладавшимъ богатыми талантами, то услышимъ отъ нихъ, что для достойнаго исполненія проповѣдническаго долга необходимъ трудъ, и трудъ большой. Святый Григорій Богословъ, сужденіе котораго мы только что привели по вопросу о томъ, почему онъ, въ своей проповѣднической практикѣ, не можетъ подражать примѣру рыбарей—апостоловъ, въ своемъ извѣстномъ словѣ „о бѣгствѣ“ въ очень сильныхъ выраженіяхъ говоритъ противъ тѣхъ, которые смотрятъ на

проповѣдь, какъ на дѣло легкое, всякому доступное. „Что касается раздаянія слова (говоритъ онъ), что составляетъ первую нашу обязанность (я разумѣю слово божественное и высокое), то, ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ, и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать малоумію) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и немалаго духа требующимъ дѣломъ каждому *даяти во время житомѣріе* (Лук. XII, 42) слова и съ разсужденіемъ вести домостроительство истины нашихъ догматовъ... *Трудно* бесѣдующему о высокихъ божественныхъ предметахъ, особенно въ многочисленномъ собраніи людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое, подобно многострунному органу, требуетъ неодинаковыхъ ударенiй,—трудно, говорю, найти слово, которое бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія. Трудно уже и потому, что какъ опасность съ трехъ сторонъ, то есть, отъ мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться если не во всемъ, то по крайней мѣрѣ въ чемъ либо одномъ. Ибо, если умъ не просвѣщенъ, или слово слабо, или слухъ не очищенъ, и потому не вмѣщаетъ слова,—отъ одной изъ сихъ причинъ такъ же, какъ и отъ всѣхъ, необходимо храмлетъ истина“ [1]).

Какъ мало согласуются съ этимъ вѣскимъ мнѣніемъ вселенскаго учителя и славнаго проповѣдника приведенныя нами выше сужденія русскихъ авторовъ, присвояющихъ себѣ претензію быть выразителями современнаго истиннаго взгляда на дѣло проповѣди. И на чью сторону вы склоняетесь,—читатели,—на сторону ли святаго вселенскаго учителя, или нашихъ новыхъ глашатаевъ? Не правда ли, что болѣе основательности сужденія у св. Григорія Богослова,

---

[1]) Св. Григорія Богослова слово 3-е о бѣгствѣ. Твореніе св. Григорія Богослова, ч. 1, стр 36—37. 39—40.

чѣмъ у нихъ, желающихъ освободить пастыря церкви отъ излишней заботы о лучшемъ составленіи проповѣдей, что кажется имъ старымъ предразсудкомъ?

Обратимся къ другому, первенствующему представителю христіанскаго проповѣдничества, обладавшему необыкновеннымъ даромъ слова, почтенному отъ церкви именемъ Златоуста. Можетъ быть, онъ, при своемъ дарѣ слова, не считалъ необходимымъ особеннаго труда для достойнаго веденія дѣла проповѣдническаго,—по крайней мѣрѣ для людей съ талантомъ и практикою усовершившихъ этотъ талантъ! Нѣтъ, совершенно напротивъ. У него мы читаемъ обращенный къ проповѣдникамъ призывъ къ усиленному труду для удовлетворенія тѣмъ требованіямъ, какія обыкновенно предъявляются проповѣднику, и отъ этого труда, по его совѣту, не могутъ освободить себя и люди, достигшіе высокой степени совершенства въ проповѣдническомъ словѣ. Напротивъ имъто и нужно трудиться не менѣе, и даже болѣе, чѣмъ людямъ малоопытнымъ и не имѣющимъ богатаго дара слова. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ предметѣ великій Златоустъ, котораго слушать и которому подражать приглашаютъ проповѣдниковъ всѣ лучшіе гомилеты. „Кто владѣетъ великою силою слова (а ее у немногихъ можно найти), даже и тотъ не бываетъ свободенъ отъ непрестанныхъ трудовъ. Такъ какъ сила слова не дается природою, но пріобрѣтается образованіемъ, то хотя кто довелъ ее до высшаго совершенства, и тогда онъ можетъ потерять ее, если постояннымъ усердіемъ и упражненіемъ не будетъ развивать этой силы. Такимъ образомъ образованнѣйшіе должны болѣе трудиться, нежели менѣе образованные; ибо нерадѣніе тѣхъ и другихъ сопровождается не одинаковымъ ущербомъ; но у первыхъ оно столько важнѣе, сколько различія между тѣмъ, чѣмъ владѣютъ тѣ и другіе. Послѣднихъ никто не будетъ укорять, если они не произносятъ ничего отличнаго; а первые, если не

всегда будутъ предлагать бесѣды, превышающія то мнѣніе, которое всѣ имѣютъ о нихъ, то подвергаются отъ всѣхъ великимъ укоризнамъ. Притомъ послѣдніе и за малое могутъ получить великія похвалы; а первые, если слова ихъ не будутъ сильно удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвалъ, но и находятъ многихъ порицателей. Слушатели судятъ о проповѣди не по ея содержанію, а по мнѣнію о проповѣдникахъ. Потому, кто превосходитъ всѣхъ краснорѣчіемъ, тому болѣе всѣхъ нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тѣмъ общимъ недостаткомъ природы человѣческой, что невозможно успѣвать во всемъ; но если его бесѣды не вполнѣ будутъ соотвѣтствовать высокому мнѣнію о немъ, то онѣ сопровождаются множествомъ насмѣшекъ и порицаній отъ народа. Никто самъ въ себѣ не разсуждаетъ о томъ, что приключившееся уныніе, безпокойство, забота, а часто и гнѣвъ, помрачаютъ чистоту ума и не позволяютъ произведеніямъ его являться свѣтлыми, и что вообще человѣку невозможно всегда быть одинаковымъ и во всемъ успѣвать, но естественно иногда погрѣшать и оказаться слабѣе собственной силы. Ни о чемъ этомъ ие хотятъ подумать, но винятъ проповѣдника, судя о немъ, какъ объ ангелѣ".

„Если и способные говорить съ великою властію имѣютъ нужду въ постоянномъ упражненіи для сохраненія этой способности, то нисколько не приготовившійся ранѣе и принужденный думать объ этомъ во время самыхъ подвиговъ, какія встрѣтитъ трудности, какое безпокойство, какое смущеніе, чтобы съ великимъ трудомъ пріобрѣсть какой-нибудь малый успѣхъ!

Принявшій на себя долгъ учительства не только долженъ трудиться для усовершенствованія себя вообще, но, въ частности, тщательно долженъ заботиться о составленіи своихъ поученій. Трудясь надъ составленіемъ своихъ поученій, онъ

долженъ не внимать похваламъ постороннихъ людей, и не ослабѣвать своею душею безъ нихъ, но составлять свои поученія такъ, чтобы угодить Богу; ибо это у него должно быть правиломъ и единственною цѣлію тщательнѣйшаго составленія поученій“ [1]).

Между отцами-проповѣдниками западной латинской церкви наибольшимъ авторитетомъ пользовался св. Григорій Двоесловъ. И у него мы встрѣчаемъ настоятельное увѣщаніе, обращенное къ избирающимъ для себя проповѣдническое служеніе, усердно трудиться для приготовленія себя къ тому служенію, и не предоставлять случайному вдохновенію каждую частную проповѣдь. „И въ свѣтѣ (говоритъ онъ) не берутся учить какому-либо искусству, не изучивъ его предварительно, посредствомъ внимательнаго размышленія“ [2]); тѣмъ болѣе это необходимо въ такомъ дѣлѣ, какое возлагается на служителя церковнаго, долженствующаго управлять волею людей. Ибо управленіе душами человѣческими (повторяетъ онъ мысль св. Григорія Богослова [3]), есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ“. Но и изучившему это трудное искусство, болѣе или менѣе приготовившемуся къ служенію церковнаго слова, каждый разъ, когда онъ собирается предложить народу слово назиданія, по указанію св. Григорія Двоеслова, необходима особая забота, не малый трудъ. Проповѣдникъ съ возможною тщательностію долженъ обдумывать то, что онъ хочетъ предложить народу въ назиданіе, при этомъ обдумываніи заботясь болѣе всего о томъ, чтобы не сказать чего-либо, уклоняющагося отъ евангельской истины, и тѣмъ не смутить совѣсти слушателей. Но этого мало. Не на одно со-

---

[1]) Св. Іоанна Златоуста слово о священствѣ пятое, Твореній св. Іоанна Златоуста. Т. I, кн. 2, стр. 455—458.

[2]) Regulae pastoralis. Lib. I, c. 1. Patrologiae latinae, t. LXXVII, col. 14.

[3]) Св. Григорія Богослова слово 3-е. Твореній св. Григорія Богослова. Т. I, стр. 26.

держаніе, но и на внѣшнее содержаніе нужно обращать вниманіе, при изготовленіи проповѣди. „Нужно проповѣднику (говоритъ святой отецъ) старательно заботиться и о томъ, чтобы не только не говорить ничего дурного, но и о хорошемъ говорить не безъ мѣры и не безъ порядка; потому что проповѣдь часто теряетъ свою силу отъ того, что слушатели замѣчаютъ безпорядочную болтливость въ проповѣдникѣ“ [1]).

Сужденіе святыхъ отцовъ о необходимости труда, и труда неослабнаго для достойнаго веденія дѣла проповѣдническаго мы можемъ подкрѣпить наставленіемъ Апостола. На апостоловъ часто ссылаются, какъ на внушительный примѣръ, показывающій, что благовѣстіе Христово можно нести, не прилагая къ тому нарочитаго труда. Между тѣмъ, апостолъ Павелъ даетъ увѣщаніе Тимоѳею: *потщися себе искусно поставить предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины* (2 Тим. II, 15). Это увѣщаніе Апостола, обращенное къ Тимоѳею, поставленному имъ въ правителя и учителя церковнаго, потщиться или приложить особенное стараніе о томъ, чтобы поставить себя искуснымъ предъ Богомъ, дѣлателемъ непостыднымъ—право, т. е., вѣрно и хорошо преподающимъ слово истины, не есть ли призывъ къ усердному труду для угоднаго Богу и непостыднаго выполненія служенія благовѣстника Христова? И въ лицѣ Тимоѳея не предписывается ли Апостоломъ и всѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, избравшимъ служеніе, какое въ свое время несъ Тимоѳей, такой же трудъ въ ихъ дѣлѣ? Безъ тщанія, безъ труда нельзя поставить себя, при исполненіи служенія церковнаго слова, искуснымъ дѣлателемъ предъ Богомъ, и непостыднымъ предъ людьми и предъ своею совѣстію.

---

[1]) Regulae pastoralis. Liber., p. 11, c. IV. C. compl. patrologiae latinae, t. LXXVII, col. 31—32.

Къ этимъ указаніямъ считаемъ не лишнимъ присоединить сужденія свѣтскихъ авторитетовъ. Церковная проповѣдь хотя составляетъ особый родъ словесныхъ произведеній, но какъ рѣчь, говоримая въ собраніи предъ народомъ, она подпадаетъ, какъ видъ, подъ родовое понятіе ораторскихъ произведеній, и законы ораторства имѣютъ для нея болѣе или менѣе обязательную силу, и сужденія, высказанныя объ ораторствѣ вообще, касаются и практики проповѣднической. А сужденія авторитетныхъ мужей всѣ говорятъ о необходимости труда для оратора. „Краснорѣчія, т. е., умѣнья хорошо говорить предъ народами (читаемъ мы у Платона) никто не пріобрѣтаетъ безъ долгаго изученія и большого труда; и мудрый мужъ употребляетъ этотъ трудъ не для того, чтобы быть въ состояніи заслужить одобреніе слушателей, но для того, чтобы нравиться богамъ и умѣть говорить такъ, какъ имъ угодно“ [1]). Или вотъ сужденіе главы риторовъ Квинтиліана. Онъ требуетъ отъ оратора, чтобы онъ для своей рѣчи прилагалъ столько заботливости, сколько возможно. „Ибо говорить хуже, чѣмъ ты можешь,—это не только небрежность, но и преступленіе; это вѣроломство, измѣна тому дѣлу, которое принимаешь на себя... Являться предъ многочисленнымъ собраніемъ, не обдумавши основательно и не приготовивши со всѣмъ стараніемъ того, что хочешь говорить,—это неуваженіе и невниманіе къ другимъ. Публично обсуждать дѣла высочайшей важности, не употребивши для этого полной заботливости и старанія, какого они требуютъ,—это легкомысліе, недостойное мужа, и дерзость, подлежащая наказанію [2])“.

---

[1]) Федръ, 273. Сочиненія Платона, въ переводѣ Карпова, изд. 2-е, т. IV, стр. 165.

[2]) Quintiliani Institutiones oratorie, XII, c. 9, n. 3. T. II, p. 419.

Представляющіе проповѣдничество дѣломъ легкимъ, не требующимъ особеннаго труда отъ избравшаго это служеніе, основываютъ свое сужденіе на томъ положеніи, что проповѣдь есть простое, безыскусственное христіанское поученіе, а не искусство. У Тарѣева есть длинный трактатъ, обсуждающій вопросъ: есть ли проповѣдь искусство [1])? Въ этомъ трактатѣ онъ усиливается доказать, что проповѣдь отнюдь не искусство, а простое дидактическое изложеніе или передача христіанской истины. Но намъ кажутся совершенно напрасными усилія автора развивать и доказывать то положеніе, что проповѣдь не искусство. Серьозная теорія не считала и не считаетъ проповѣди искусствомъ. Она подпадаетъ подъ понятіе ораторства, обнимающаго собою всѣ виды публичныхъ рѣчей къ народу. Ораторство же—родъ дѣятельности, совершенно независимый отъ искусства и параллельный ему. Церковная проповѣдь, какъ видъ ораторства,—практическая дѣятельность, а не искусство. Отличается она отъ искусства существенно тѣмъ, что искусство выражаетъ идею въ соотвѣтственной художественной формѣ, не преслѣдуя никакой внѣшней цѣли, и что подчиненіе художественнаго произведенія какой-либо цѣли вредитъ искусству, а проповѣдь, какъ и ораторство вообще, непремѣнно преслѣдуетъ внѣшнюю цѣль. Ораторъ непремѣнно имѣетъ въ виду слушателей и хочетъ подѣйствовать на нихъ, давая имъ то или другое направленіе. Если онъ излагаетъ ученіе и раскрываетъ какую-либо истину, онъ хочетъ убѣдить въ этой истинѣ другихъ, и хочетъ эту истину сдѣлать ихъ достояніемъ. Если онъ въ своемъ словѣ касается практической жизнедѣятельности и выставляетъ какое-либо нравственное правило, отъ котораго видитъ отступленіе въ окружающей средѣ, онъ

---

[1]) Тарѣевъ. По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки. Гл. IV, стр. 127—163.

убѣждаетъ ее жить и поступать такъ, какъ ему кажется полезнымъ и необходимымъ для нея. Нѣтъ прямой цѣли у оратора и проповѣдника, нѣтъ стремленія направить слушателей на добрый путь, ими открываемый,—нѣтъ ораторства и не получится и проповѣди. Художникъ исполняетъ свою работу, хотя никого нѣтъ у него предъ глазами, а проповѣдникъ, какъ и ораторъ вообще, говоритъ только для народа, имѣя предъ собою слушателей, говоритъ съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе подѣйствовать на нихъ. Возникаетъ ораторство на почвѣ простой передачи своихъ мыслей и знаній, своихъ чувствъ и желаній. Но эта простая передача нашихъ мыслей и желаній еще не составляетъ ораторства. Она дѣлается ораторствомъ, когда мы усиливаемъ энергію своей души при этой передачѣ, съ цѣлію сильнѣе подѣйствовать на другихъ и склонить и направить ихъ туда, куда намъ это кажется нужнымъ и полезнымъ для нихъ. При этомъ могутъ быть привлекаемы къ этой дѣятельности художественные элементы, которые отнюдь не составляютъ существенной принадлежности ораторскаго слова. Слово проповѣдника, какъ и оратора вообще, можетъ быть сильнымъ и дѣйствительнымъ и безъ нихъ, какъ и при нихъ. Сила души, большая или меньшая степень одушевленія, проявляющаяся въ дѣятельности оратора,—вотъ главное условіе дѣйственности его слова. Хотѣть и требовать, чтобы слово проповѣдника было не чѣмъ инымъ, какъ только простою, безыскусственною передачею христіанскаго ученія,—это значитъ хотѣть, чтобы проповѣдь никогда не сходила съ низшей ступени своего проявленія, и совершалась самымъ примитивнымъ образомъ, безъ всякаго напряженія со стороны проповѣдника. Нѣтъ, такая проповѣдь всегда будетъ слабою,—думаемъ, мало дѣйственною проповѣдію. Приложите къ ней трудъ, вложите въ нее душу, сообщите ей энергію, какою полна душа ваша въ минуты одушевленія, что невозможно безъ нѣкотораго напряженія съ

вашей стороны,—и тогда ваша проповѣдь будетъ словомъ сильнымъ и дѣйственнымъ. Достоинство священной каѳедры, священная важность той истины, разъясненіе которой на ней преддагается, и высота цѣли, ей указанной, требуютъ, чтобы проповѣдь возвышалась надъ будничнымъ, непосредственнымъ выраженіемъ нашихъ мыслей, и отмѣчена была печатію большей силы въ сравненіи съ обыденною рѣчью, являющеюся часто въ небрежномъ видѣ. А само собою разумѣется, что для приданія нашему слову большей силы и чистоты нуженъ трудъ, нужно большее или меньшее напряженіе нашей душевной дѣятельности.

На что же долженъ быть обращенъ трудъ проповѣдника, при изготовленіи своей проповѣди?

Первая забота проповѣдника должна быть о томъ, о чемъ говорить народу въ проповѣди, и нельзя сказать, чтобы при выборѣ предмета не было для него затрудненія. Правда, люди, легко смотрящіе на дѣло проповѣди, и проповѣдующіе новыя теоріи, освобождающія пастыря отъ излишняго, по ихъ мнѣнію, труда надъ составленіемъ и изготовленіемъ проповѣдей, говорятъ, что напрасно пастыри затрудняются въ выборѣ предмета для своихъ церковныхъ бесѣдъ. Это-де результатъ своеобразнаго взгляда на проповѣдь. Пусть пастырь русскимъ толковымъ языкомъ сдѣлаетъ перифразъ прочитаннаго евангелія или апостола, вставитъ отъ себя нѣсколько подходящихъ религіозно-нравственныхъ наставленій,—и достаточно“ [1]). Пожалуй, достаточно для того, чтобы выполнить форму, и чтобы что-нибудь сказать. Но проповѣдь говорится не для того только, чтобы что-нибудь сказать и кое-какъ выполнить внѣшній долгъ. Когда проповѣдникъ является на каѳедрѣ, предъ нимъ стоятъ и

[1]) Церковный Вѣстникъ. 1905 г. № 30. „О проповѣдничествѣ“.

его слова ждутъ слушатели съ разнообразными нуждами, и онъ каждый разъ долженъ предлагать имъ назиданіе, строго соображенное съ ихъ нравственнымъ состояніемъ, и слово его должно давать имъ духовную пищу, наиболѣе для нихъ пригодную. Предъ его мысленнымъ взоромъ чрезвычайное множество матерій, полнота, можно сказать, неисчерпаемая божественной истины, откровенной свыше и хранимой въ церкви. Что же брать изъ этой полноты божественной истины? Хорошо ли будетъ, если проповѣдникъ схватить и будетъ раскрывать первую, случайно попавшуюся ему, мысль, и не долго думая, будетъ предлагать народу, ждущему отъ него доброй духовной, потребной ему пищи, схваченную имъ налету частицу истины? Не будетъ ли это напоминать сухой черствый кусокъ, небрежно брошенный голодающимъ? Нѣтъ, нужно не мало подумать и потрудиться, чтобы предложить народу въ проповѣди не кое-что случайное, а наиболѣе для него полезное и необходимое, по соображенію обстоятельствъ мѣста и временн. Тотъ не выполнитъ своего долга и не принесетъ ожидаемой отъ него пользы народу, кто, не стѣсняясь, свободно будетъ говорить, о чемъ ни попало, лишь бы говорить. Можетъ рѣчь его литься, какъ быстрый потокъ, и пусть въ ней не будетъ замѣтно никакого запинанія. Но будетъ ли она отвѣчать тѣмъ запросамъ, съ какими стоятъ у каѳедры слушатели. Хорошо, если систематически ведется дѣло ученія, и если для системы избранъ удачный кругъ предметовъ. Легко въ такомъ случаѣ идти по напередъ избранной дорогѣ. Но наши проповѣди большею частію проповѣди отрывочныя. Церковно-богослужебный уставъ, чтенія, пріуроченныя къ тому или другому дню церковнаго года, священныя событія, воспоминаемыя церковію въ извѣстные праздники, помогаютъ проповѣднику избрать приличную дню тему проповѣди, но они не указываютъ прямо предмета, на которомъ лучше всего сосредоточить вниманіе

слушателей, и сосредоточиться самому проповѣднику. Въ библейскихъ чтеніяхъ, предлагаемыхъ въ церкви въ извѣстные дни, въ священныхъ праздничныхъ воспоминаніяхъ представляются предметы сложнаго состава; ихъ обыкновенно не обнимаютъ во всей цѣлости, а берутъ или извлекаютъ изъ нихъ одну какую-либо часть. Кромѣ этихъ прямыхъ указаній богослужебной практики для проповѣдника непремѣннымъ заднимъ основаніемъ при выборѣ темы должно быть вниманіе къ потребностямъ и запросамъ слушателей; нужно выбирать не только то, что предлагается содержаніемъ того или другого церковнаго дня, но и то, что при данныхъ обстоятельствахъ наиболѣе потребно и полезно для народа. Умѣть выбрать наиболѣе подходящую для извѣстнаго дня и мѣста тему—большое достоинство проповѣдника, и мы полагаемъ, что для этого требуется не мало размышленія. Иначе проповѣдникъ можетъ оказаться человѣкомъ, говорящимъ безъ разсчета, и слово его будетъ раздаваться, какъ кимвалъ звенящій, потрясающій слухъ, но ничего не оставляющій въ душѣ. Итакъ, изучайте народъ, старайтесь войти въ ближайшее знакомство или единеніе съ нимъ, и это единеніе укажетъ вамъ наиболѣе подходящія темы для уроковъ назиданія, какими вы хотите направить его на путь спасенія и вести по нему, въ виду улучшенія и возвышенія его нравственнаго состоянія.

Есть одно важное условіе, могущее облегчить проповѣднику трудъ его, о которомъ постоянно и съ настойчивостію нужно напоминать всѣмъ, желающимъ преуспѣвать въ дѣлѣ благовѣстія Христова,—это глубокое благочестивое настроеніе проповѣдника или полнота религіозной жизни его. Безъ особенныхъ затрудненій найдетъ достойную матерію для поученія, съ теплотою и впечатлительностію выразитъ и разовьетъ ее тотъ, у кого мысль о Богѣ и божественныхъ предметахъ глубоко залегаетъ въ душѣ и постоянно проявляется въ его сознательной жизнедѣятельности, кто живо

представляетъ себѣ глубину нашего паденія и немощи человѣческой души, предоставленной самой себѣ, изнемогающей въ борьбѣ съ соблазнами и искушеніями, и носитъ въ сердцѣ своемъ представленіе о милосердіи и любви Божіей, ищущей нашего спасенія, и дарующей намъ благодатныя средства къ стоянію и утвержденію въ добрѣ. Если же ваша религіозная жизнь бѣдна, если святыя помышленія о Богѣ и Его милосердіи къ намъ и о домостроительствѣ нашего спасенія только изрѣдка навѣщаютъ душу вашу, и вы постоянно заняты предметами, не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу вѣры и спасенія, и живете вы въ мірѣ по мірскому, а не по Божьему указанію, тогда, конечно, не можетъ легко дастся вамъ удачный выборъ предмета для проповѣди, и если остановится на чемъ ваша мысль, ваша рѣчь не польется живымъ потокомъ, и отъ нея будетъ вѣять холодомъ, такъ какъ предметъ ея не выношенъ былъ вами и не согрѣтъ теплотою души вашей. Итакъ, возгрѣвайте въ себѣ духъ вѣры и благочестія, наполняйте и обогащайте свою душу святыми помышленіями, не выпускайте изъ рукъ книги Откровенія, раскрывающей предъ нами исторію домостроительства нашего спасенія, и пусть мысль о Богѣ и нашемъ спасеніи будетъ первою и послѣднею мыслію вашего сознанія, главнымъ средоточнымъ пунктомъ, „къ которому обращена душа ваша,—тогда будете владѣть великою силою при исполненіи служенія церковнаго слова“ и вамъ легко будетъ износить изъ сокровищницы своего сердца то, что хранится въ ней, и чѣмъ дорожите вы, какъ святынею, и предлагать то для назиданія народу, ждущему отъ васъ душеспасительныхъ руководственныхъ указаній.

Послѣ заботы объ избраніи темы, другой вопросъ, касающійся изготовленія проповѣди,—вопросъ о томъ, какъ раскрывать избранную тему. Слѣдовать ли извѣстной традиціи и развивать тему, соображаясь съ логическими и гомилетическими правилами? Или предоставить дѣло личному

вдохновенію и не принуждать себя стѣсняться правилами школы? Защитники живого слова требуютъ свободнаго теченія словъ, не стѣсняющагося никакими правилами. Говорите такъ, какъ вы говорите въ домашней бесѣдѣ (часто слышится нынѣ, когда разсуждаютъ о томъ, какъ нужно проповѣдывать. „Долой формализмъ, долой рутина“) [1]). Долой всѣ путы, долой весь этотъ механическій и логическій аппаратъ, подъ который прежде укладывалась мысль проповѣдники! Не нужно, чтобы проповѣдь сочинялась, какъ словесное произведеніе, по законамъ логики и риторики [2]). Всѣ эти логическія рамки, которыя изъ риторики переносились въ гомилетику, и съ которыми заставляли сообразоваться проповѣдниковъ,—старый предразсудокъ схоластики, одно лишнее и напрасное стѣсненіе для проповѣдника. Пусть такъ. Но не будетъ ли безпорядка въ рѣчи, если проповѣдникъ не будетъ связывать себя логическими узами? Рѣчь сравниваютъ съ потокомъ, который свободно несетъ свои воды. Но вѣдь потокъ долженъ имѣть свое русло: если онъ не найдетъ этого русла, несомыя имъ воды разсѣются по безбрежной равнинѣ, или онъ изсякнетъ въ пескахъ, встрѣтившихся на пути его. И проповѣдь, текущая, какъ не сдержанный, не имѣющій русла потокъ, можетъ не оставить никакого впечатлѣнія въ тѣхъ, къ кому направляется. Нѣтъ! По нашему мнѣнію, нельзя пренебрежительно относиться къ логическимъ требованіямъ. Логическіе законы построенія и развитія мысли— не путы, не стѣсненіе для проповѣдника, а заправляющая, руководительная сила, помогающая ему. Порядокъ всегда и всюду великое достоинство, и нарушеніе стройнаго порядка не можетъ проходить безнаказанно. При обдумываніи проповѣди далеко не лишнее дѣло составлять твердое и ясное расположеніе слова, и уяснить себѣ планъ, какому вы бу-

---

[1]) Изъ посмертныхъ бумагъ прот. Гр. Дьяченко.

[2]) Церковный Вѣстникъ, 1905 г. № 30. О проповѣдничествѣ.

дете слѣдовать въ развитіи своей темы. Логическія формы, въ какія будетъ укладываться ваша мысль, будутъ для васъ такимъ же сдерживающимъ и урегулирующимъ началомъ, какимъ служитъ русло для потока. И чѣмъ больше обозначите вы для себя рамки вашей работы, тѣмъ легче польется ваша проповѣдь, и вы сами лучше будете владѣть своею мыслію и управлять частными представленіями, служащими къ развитію вашей темы. И слушатели съ удовольствіемъ будутъ воспринимать ясную и раздѣльную рѣчь вашу, и скорѣе и лучше усвоятъ то, что вы хотите внушить имъ, когда вы рельефно обозначите главные пункты своей проповѣди.

Положимъ, въ проповѣди желательна свобода изложенія; въ проповѣди неумѣстна такая строгая методика и такое сухое изложеніе, какъ въ учебникѣ. Здѣсь могутъ производить невыгодное впечатлѣніе эти, употребляемые въ школьныхъ сочиненіяхъ, во-первыхъ, во-вторыхъ, въ-третьихъ. Пусть льется живая рѣчь, не скованная сухими рубриками. Но избѣгая сухихъ дѣленій, не нарушайте логическаго порядка въ устроеніи своей проповѣди. Не годится здѣсь сухой скелетъ, облекайте его плотію, и тогда ваше слово будетъ живымъ организмомъ, а не расплывающеюся болтовнею. Нужно пріучаться къ порядку, къ повиновенію (говоритъ Вине) [1]), чтобы потомъ пользоваться свободою... Хорошихъ мыслей много, и онѣ раждаются у многихъ, но, не связанныя въ одно цѣлое организующею мыслію, онѣ могутъ безслѣдно пропадать. Нужно организовать ихъ, представить въ связномъ цѣломъ. Тогда, при приведеніи ихъ въ порядокъ, устранится неопредѣленность и спутанность впечатлѣнія отъ проповѣди. А нѣтъ строгаго порядка въ рѣчи, говоримой человѣкомъ, при молчаніи слушателей,—слушатели теряютъ нить мыслей, и не знаютъ, куда хочетъ вести ихъ пропо-

---

[1]) Homiletique ou Theorie de la predication par A. Vinet. Importance de la disposition. Гомил. въ новое время. В. Пѣвницкаго, стр. 530.

вѣдникъ. Рѣчь, лишенная порядка (говоритъ Квинтиліанъ) [1], точно вода, которая шумно бурлитъ, клокочетъ, не протекая, и не имѣетъ никакой твердости. Подобно человѣку, заблудившемуся ночью въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, она повторяетъ много вещей, много другихъ опускаетъ, и не намѣтивъ ни исходной точки, ни цѣли, она повинуется не намѣренію, но случаю".

Можно ли пастырю пользоваться чужими проповѣдями, и вмѣсто своего слова предлагать слушателямъ слово какого-либо извѣстнаго проповѣдника, въ цѣломъ видѣ, или въ передѣлкѣ и сокращеніи?

На этотъ вопросъ нельзя дать прямого отрицательнаго отвѣта. Нынѣ существуетъ такъ много изданій сборниковъ проповѣдей, что въ нихъ можно найти пособіе для разъясненія какого угодно религіознаго вопроса. Иными редакціями духовныхъ журналовъ предпринимаются нарочитыя изданія проповѣдей для практическаго пользованія пастырями церкви, и печатаемыя въ нихъ проповѣди издаются въ такомъ порядкѣ, что подписывающіеся на нихъ пастыри-проповѣдники получаютъ для себя готовыя поученія на ближайшіе дни и мѣсяцы церковнаго года. Чужими проповѣдями, какъ пособіемъ, могутъ пользоваться пастыри, затрудняющіеся составленіемъ собственныхъ проповѣдей, или за множествомъ занятій не имѣющіе времени для изготовленія своихъ поученій, а между тѣмъ чувствующіе за собою долгъ учительства. Это не можетъ быть возбранено имъ, и отцы или церковные писатели дозволяютъ такую практику учительскую. „Есть люди (говоритъ блаженный Августинъ), которые могутъ хорошо произносить проповѣди, но не могутъ выдумывать того, что произнести,—не могутъ сами писать проповѣдей. Въ такомъ случаѣ нѣтъ грѣха и безчестія заимство-

[1]) Quintiliani Institutiones oratoriae, lib. VII.

вать у другихъ мудро и краснорѣчиво написанныя поученія, выучивать ихъ на память и предлагать народу. Проповѣдники, сказывающіе чужія поученія, отнюдь не должны приходить въ смущеніе отъ гласа пророка Іереміи, чрезъ коего Богъ обличалъ тѣхъ, *иже крадутъ словеса Его отъ искренняго своего* (Іер. XXIII, 30). Ибо крадетъ тотъ, кто похищаетъ чужое, а слово Божіе не есть чужое для тѣхъ, кои повинуются Богу... Если добрые христіанскіе наставники ссужаютъ свои сочиненія добрымъ же проповѣдникамъ, то здѣсь оба,—и сочинители и сказыватели,—проповѣдуютъ свое, а не чужое; поелику у обоихъ у нихъ и Богъ свой, коему принадлежитъ то, что они проповѣдуютъ, и сочиненія чужія дѣлаются своими для тѣхъ, кои, не могши сочинить своихъ, живутъ чинно по чужимъ сочиненіямъ“ [1]). Въ церковной практикѣ мы видимъ пользованіе чужими проповѣдями, въ особенности тѣми, которыя отмѣчены были печатію особеннаго достоинства. Геннадій массилійскій, говоря о св. Кириллѣ александрійскомъ, замѣчаетъ, что онъ сочинилъ много бесѣдъ, которыя греческимъ епископамъ рекомендуются для церковнаго употребленія, то есть, для произнесенія ихъ предъ народомъ [2]). Другое свидѣтельство о пользованіи на каѳедрѣ чужими проповѣдями мы встрѣчаемъ въ книгѣ гомилета XIII вѣка, генерала доминиканскаго ордена Гумберта романскаго. „Иные проповѣдники (говоритъ онъ) хотя не имѣютъ достаточной способности составлять отъ своего ума хорошія рѣчи, однако считаютъ неприличнымъ пользоваться тѣмъ, что сказано было другими, но хотятъ говорить только то, что сами выдумаютъ. Такіе подобны тѣмъ, которые не хотятъ подавать хлѣба, кромѣ испеченнаго ими самими. Я слышалъ, что папа Иннокентій, при которомъ былъ соборъ латеранскій, мужъ великой учености,

---

[1]) Блаж. Августина. Христіанская наука, кн IV, гл. 62, стр. 350—3.

[1]) De scriptoribus ecclesiasticis, c. 57.

разъ проповѣдуя въ большой праздникъ, имѣлъ подлѣ себя человѣка, который держалъ бесѣду св. Григорія на этотъ праздникъ, и слово въ слово передавалъ народнымъ языкомъ то, что тамъ написано было по-латыни, спрашивая о томъ, что слѣдуетъ, отъ державшаго книгу, когда память измѣняла ему. Послѣ проповѣди спрашивали его, почему онъ такъ сдѣлалъ, когда самъ можетъ сказать многое другое,— онъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ этимъ укоръ тѣмъ, которые гнушаются произносить сказанное другимъ“ [1]).

Но представляя невозбраннымъ пользованіе чужими проповѣдями, при сообщеніи добраго ученія народу, мы не видимъ въ томъ надлежащаго выполненія проповѣдническаго долга. Настоящая проповѣдь должна быть выраженіемъ личнаго чувства и убѣжденія; въ ней хотѣли бы мы видѣть живое слово, исходящее изъ сердца проповѣдника, проникнутое и согрѣтое дыханіемъ души говорящаго. А таковою не будетъ проповѣдь, если будетъ повторять чужія слова: это будетъ слово мертвой книги, а не прочувствованное слово живого человѣка. Разные проповѣдническіе листки, предлагающіе въ изобиліи готовыя проповѣди для пастырей—подспоріе и пособіе, собственно говоря, для лѣности или для слабости человѣческой, то есть, для тѣхъ, которые, какъ говоритъ блаженный Августинъ, не могутъ сами составлять проповѣди, или не хотятъ трудиться надъ этимъ дѣломъ, пожалуй, еще для тѣхъ, которые, за множествомъ занятій, не имѣютъ времени приготовить поученіе для того или другого дня, а между тѣмъ не желаютъ оставить свою паству безъ приличнаго назиданія. Эти листки напоминаютъ намъ средневѣковыя пособія для проповѣдниковъ, являвшіяся иногда подъ вычурными заглавіями, въ родѣ „Parati sermones“ или „Dormi secure

---

[1]) De eruditione concionatorum Gumberti de Romanis Maxima bibliotheca veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum, 1677 t. См. Средневѣковыя гомилетики, кн. В. Пѣвницкаго, стр. 63.

vel Dormi sine cura“ (Спи спокойно: проповѣдь твоя готова). Подобные сборники, содержавшіе проповѣди на воскресные и праздничные дни церковнаго года, въ средніе вѣка, пользовались большою популярностію и издавались много разъ ad usum praedicantium. Но позднѣйшая исторія указала, что подобные сборники имѣли неблагопріятное вліяніе на проповѣдниковъ, освобождая ихъ отъ самостоятельной работы. Пользуясь ими, проповѣдники часто предлагали слово, которое мало приноровлено было къ потребностямъ слушателей и ихъ умственному и нравственному состоянію. Надъ средневѣковою схоластическою проповѣдію произнесено исторіею осужденіе за не живое, механическое отношеніе къ задачѣ, ей предлежавшей, чему не мало способствовали тогдашніе проповѣднические сборники, издававшіеся въ большомъ количествѣ.

Изученіе, и изученіе внимательное образцовыхъ проповѣдниковъ нельзя не рекомендовать людямъ, призваннымъ къ служенію церковнаго слова. Изучая ихъ, мы можемъ лучше развить и усовершенствовать свой талантъ, можемъ разчистить и уравнять путь, которымъ должны идти, исполняя свое служеніе. Но изучая образцовыхъ проповѣдниковъ, мы должны обогащать себя знаніями, изъ нихъ почерпаемыми, должны стараться усвоить духъ ихъ, перенимать отъ нихъ, по мѣрѣ возможности, внутреннюю силу, въ нихъ проявляющуюся и дѣлающую ихъ слова такъ впечатлительными, и ихъ гомилетическіе пріемы. Но это отнюдь не должно простираться до рабскаго копированія буквальнаго строя ихъ произведеній. Всегда намъ нужно быть самими собою, когда мы выступаемъ на служеніе, намъ поручаемое церковію. Терять свою личность тамъ, гдѣ ожидаютъ нашего слова, значитъ прямо обнаруживать предъ всѣми свою слабость и несостоятельность.

Что мы говорили о пользованіи чужими проповѣдями, то же самое должны сказать о пользованіи такими пособіями

для проповѣдниковъ, каковы „Практическая гомилетика“ Толмачева, гдѣ на каждый воскресный и праздничный день церковнаго года, на основаніи установленныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній и воспоминаній знаменательныхъ событій, пріуроченныхъ къ тому или другому дню, указано нѣсколько темъ проповѣдей, съ болѣе или менѣе подробнымъ ихъ развитіемъ, съ представленіемъ главныхъ мыслей, служащихъ къ уясненію поставленной темы. Можно пользоваться подобными пособіями; они могутъ облегчать трудную работу веденія проповѣдническаго дѣла. Но они не могутъ и не должны имѣть преобладающаго значенія въ проповѣднической дѣятельности. Къ нимъ можно обратиться, когда проповѣдникъ встрѣчаетъ затрудненіе въ выполненіи своего служенія. А кто рабски или слѣпо будетъ руководствоваться чужими указаніями, тотъ не будетъ удовлетворять существенному требованію отъ проповѣди, понимаемой въ качествѣ живого слова, исходящаго отъ души проповѣдника.

Для успѣха въ дѣлѣ проповѣдничества пастырю необходимо постоянное чтеніе и изученіе сочиненій религіозно-назидательнаго содержанія для оживленія, утвержденія и расширенія своихъ познаній. При этомъ условіи онъ можетъ быть плодовитымъ проповѣдникомъ, и проповѣди его могутъ отличаться богатствомъ мыслей. Въ этихъ видахъ Югманнъ не рекомендуетъ пользоваться чужими практическими сборниками, составленными въ пособіе проповѣдникамъ. Гораздо полезнѣе, по его словамъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться чужими трудами, самому составлять подобные сборники и постоянно восполнять ихъ. Пусть, при чтеніи полезныхъ сочиненій, онъ записываетъ то, что покажется ему заслуживающимъ вниманія; на память въ этихъ случаяхъ не всегда можно расчитывать. Для этого, при чтеніи книгъ, всегда нужно имѣть въ рукахъ перо или карандашъ. А для того, чтобы легче найти записанное при чтеніи, когда понадобится, нужно держаться

какого-либо порядка въ записной книгѣ, или систематическаго или алфавитнаго порядка названія предметовъ. Тогда у васъ всегда подъ руками будетъ требуемый, полезный для васъ матеріалъ [1]).

Въ трактатѣ о составленіи проповѣдей главный вопросъ, служащій камнемъ преткновенія, и вызывающій споры, — вопросъ объ импровизаціи проповѣдей. Въ виду разнорѣчій, при рѣшеніи этого вопроса, мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ съ подобающимъ ему вниманіемъ, и выставить нужныя основанія для полнаго освѣщенія его.

У насъ о проповѣднической импровизаціи заговорили послѣ введенія Устава духовныхъ семинарій въ 1867 году. Тогда постановлено было въ семинаріяхъ пріучать будущихъ пастырей къ живому импровизованному слову, и въ учебникѣ гомилетики, по указанію Учебнаго Комитета, явился особый отдѣлъ о проповѣднической импровизаціи [2]), который стоитъ здѣсь особнякомъ, не выведенный строго изъ систематическаго построенія науки. Практика импровизаціи, хотя вводилась въ школу, не сопровождалась особенно видными благопріятными результатами. Школа, и при усердіи наставниковъ, мало выпускала способныхъ импровизаторовъ, и въ церквахъ почти также рѣдко слышалось импровизованное проповѣдное слово, послѣ введенія Устава 1867 года, какъ и прежде.

Большое впечатлѣніе, по занимающему насъ вопросу, произведено было книгою преосвященнаго Амвросія, архіепископа харьковскаго „*Живое слово*“ (1892 г.), въ которой импровизація въ проповѣдническомъ дѣлѣ представлена наиболѣе желательнымъ и нормальнымъ способомъ проповѣд-

---

[1]) Theorie der geistlichen Beredsamkeit, von Iungmann. IV. Abschnitt. XI. Kapitel. § 5, п. 325 Гомил. въ новое время. В. Пѣвницкаго, стр. 476.

[2]) Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика, Ѳаворова. Отдѣленіе 6 е, стр. 177—192.

ническаго ученія, и со времени появленія этой книги многіе стали ставить въ необходимость и въ непремѣнную обязанность пастырямъ говорить не сочиненное слово, а живое. Подъ этимъ живымъ словомъ, къ какому призывались проповѣдники, разумѣлись рѣчи совсѣмъ не писанныя, а только дома обдуманныя, или даже на мѣстѣ происшествія соображенныя, и потомъ произносимыя въ собраніяхъ въ тѣхъ выраженіяхъ, какіе сложатся у оратора въ минуту произнесенія... Рѣчь импровизатора есть рѣчь болѣе или менѣе разговорная. Проповѣдникъ пусть говоритъ такъ, какъ можетъ и какъ умѣетъ [1]).—Конечно, требованія предъявлять можно. Но легко ли выполнить ихъ? И всякій ли на то способенъ? И хорошо ли будетъ, достойно ли церковной каѳедры, если съ нея будетъ раздаваться слово неуклюжее, нестройное, туманное? Самъ преосвященный Амвросій, ратующій за живое импровизованное слово, сознаетъ, что для хорошей импровизаціи требуются отъ проповѣдника такія способности, какими не всякій владѣетъ,—крѣпкая, наилучшимъ образомъ развитая сила мышленія, быстрота, живость и сообразительность ума, живое воображеніе, особенный даръ слова, крѣпкія нервы, хорошее здоровье и сила голоса [2]).

Въ послѣдніе годы говоръ объ импровизаціи проповѣдей возбудилъ г. Тарѣевъ своею статьею въ Странникѣ (1902, 1). подъ заглавіемъ: „*Проповѣдь, какъ живое слово*“ (Эта статья, вмѣстѣ съ другими статьями гомилетическаго характера г. Тарѣева, явилась потомъ въ отдѣльной брошюрѣ, озаглавленной: „*По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки*“. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1903). Г. Тарѣевъ идетъ далѣе преосвященнаго Амвросія, и сталъ рѣшительно за импровизацію и, считая ее единственно возможнымъ для истиннаго проповѣдника словомъ, не ставить ея въ зависимость

---

[1]) Живое слово, стр. 29. 32 117. 123

[2]) Живое слово, стр. 161—173.

отъ особенныхъ талантовъ проповѣдника. По его мнѣнію, всякій можетъ быть импровизаторомъ. Для этого достаточно одного религіознаго воспитанія. Сознаніе пастырскаго учительскаго долга одно служитъ достаточною психологическою основою проповѣднической импровизаціи. Истинный проповѣдникъ можетъ говорить только живою импровизованною рѣчью, и никакихъ особенныхъ требованій отъ проповѣди, какъ живого слова, не должно быть. Неспособность къ проповѣднической импровизаціи свидѣтельствуетъ о религіозной неподготовленности пастыря къ своему дѣлу [1]).

Мнѣніе г. Тарѣева вызвало сочувственные отзывы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало и возраженія. Въ томъ же Странникѣ, гдѣ Тарѣевъ горячо ратовалъ за импровизацію проповѣдей, высказаны были сужденія, не согласныя съ требованіями Тарѣева, въ статьяхъ священниковъ Влад. Бибуры и В. Зеленева, подъ заглавіемъ: *„Къ вопросу о проповѣди, какъ живомъ словѣ“* [2]). Бибура указываетъ на то, что нельзя всѣхъ обязывать говорить импровизаціи, такъ какъ не всякій способенъ импровизировать. А Зеленевъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе слову писанному предъ словомъ импровизованнымъ, какъ слову болѣе обдуманному и взвѣшенному, и заявляетъ, что, во избѣжаніе явнаго вреда для церкви Божіей, отнюдь не слѣдуетъ узаконять импровизацію ко всеобщему употребленію.

Что скажемъ мы, въ виду разнорѣчивыхъ сужденій по этому вопросу?

Чтобы представить не голословное рѣшеніе вопроса, трактуемаго съ разныхъ сторонъ въ нашей литературѣ и въ устныхъ бесѣдахъ, мы считаемъ нужнымъ обратиться къ авторитетамъ, снискавшимъ себѣ славное имя въ исторіи краснорѣчія или публичнаго слова, предлагаемаго народу, и

---

[1]) По вопросамъ гомилетики, Тарѣева, стр. 172.

[2]) Странникъ, 1902, мартъ, стр. 484—491. Апрѣль, стр. 786—790.

въ исторіи науки объ ораторствѣ, и о проповѣдничествѣ, въ частности, и съ ихъ сужденіями познакомить читателей.

Видные авторы, почти всѣ безъ исключенія, не на сторонѣ защитниковъ чистой импровизаціи. Они не одобряютъ тѣхъ, кто рѣшается говорить рѣчи народу безъ всякаго приготовленія.

Послушаемъ сначала, что говорятъ свѣтскіе классическіе ораторы и риторы. Во главѣ ораторовъ всемірно-историческихъ стоитъ Димосѳенъ, высокій талантъ котораго всѣми признается несомнѣннымъ. Онъ владѣлъ словомъ свободнѣе и лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ публичныхъ ораторовъ, и говорилъ по такимъ вопросамъ, которые сильно занимали его душу, и составляли предметъ его заботъ. Ему-ли, при его высокомъ талантѣ, при опытности, нажитой имъ ораторскою практикою, и при его патріотическомъ одушевленіи, стѣсняться говорить народу рѣчи безъ особеннаго, нарочитаго приготовленія? Между тѣмъ онъ всегда тщательно приготовлялъ свои рѣчи. Когда одинъ изъ его друзей съ усмѣшкою указывалъ ему на то, зачѣмъ онъ такъ трудится надъ изготовленіемъ своихъ рѣчей, онъ отвѣчалъ этому другу: „я стыдился бы явиться предъ такимъ большимъ собраніемъ безъ приготовленія, не имѣя ничего сказать ему, кромѣ того, что случайно взбредетъ мнѣ на умъ“.

Послушаемъ другого славнаго оратора древности, перваго представителя римскаго краснорѣчія—Цицерона. Онъ тоже неблагопріятно смотритъ на методу, усвояемую импровизаторами. Въ книгѣ „Объ ораторѣ“ онъ влагаетъ въ уста Красса такую мысль. Упражненіе въ импровизаціи (замѣчаетъ онъ) приноситъ свою пользу. Но весьма многіе при такой импровизованной рѣчи упражняютъ только свою грудь и свой голосъ; они усовершенствовали изворотливость своего языка и счастливы тѣмъ, что могутъ разсыпаться обиліемъ словъ. Ихъ обольщаетъ мысль, которую часто можно слы-

шать: „практикою обыкновенно люди пріобрѣтаютъ способность говорить". Но справедливѣе нужно сказать: дурно говорить люди научаются отъ того, что имъ весьма легко даются плохія рѣчи. Посему въ самыхъ тѣхъ упражненіяхъ, хотя хорошо говорить рѣчи и экспромптомъ, но гораздо лучше, употребивши время на размышленіе, говорить рѣчь, тщательно приготовленную заранѣе. Но главное дѣло какъ можно больше писать. Стиль (перо) самый лучшій и самый превосходный производитель и учитель краснорѣчія. И это справедливо: ибо, если послѣ размышленія и обдумыванія легко удается иной разъ импровизованная и случайная рѣчь, то послѣ усидчиваго и усерднаго записыванія она выйдетъ несравненно лучше. Тогда, при внимательномъ и усердномъ отношеніи къ дѣлу, лучше возникаютъ и развиваются мысли, служащія къ уясненію того предмета, о которомъ мы пишемъ; далѣе подпадаютъ мало по малу подъ перо обороты и выраженія, наиболѣе подходящія къ особенной цѣли и предмету рѣчи и, наконецъ, чрезъ запись научаются искусству правильнаго строенія рѣчи, и пріобрѣтаютъ стиль, отличающійся благозвучіемъ и ораторскою размѣренностію [1]).

Лучшій риторъ изъ древнихъ писателей Квинтиліанъ тоже съ недовѣріемъ относится къ методѣ импровизацій, при произношеніи публичныхъ рѣчей. Онъ рекомендуетъ писать (упражняться въ письменныхъ работахъ) какъ можно усерднѣе и какъ можно чаще. Письменная обработка рѣчей (говоритъ онъ) дѣло, требующее большого труда, но за то обѣщающее большую пользу и великій успѣхъ. Безъ ясно обдуманнаго ряда мыслей способность говорить импровизаціи даетъ только пустого болтуна и слова, рождающіяся на губахъ [2]).

---

[1]) Ciceronis. De oratore. Lib. I, c. XXXIII, n. 149—153. Cicer. opera 1, p. 58—59. Parisiis.

[2]) Quintiliani Institutiones oratoriae. Lib. X, c. III, T. II. p 238.

Такія же сужденія по этому вопросу мы встрѣчаемъ у представителей краснорѣчія новаго времени. Лордъ Брукгамъ (Brougham), одинъ изъ лучшихъ ораторовъ англійскихъ, говорилъ объ этомъ предметѣ рѣчь въ 1860 году, въ качествѣ канцлера Эдинбургскаго университета. Указывая на Димосѳена, который рѣшительнѣйшимъ образомъ возстаетъ противъ импровизаціи, онъ такъ выражается о публичной рѣчи безъ приготовленія: „Кто не имѣетъ естественнаго расположенія къ ораторству, тотъ въ этомъ случаѣ будетъ говорить совершенно дурно, а одаренный отъ природы по крайней мѣрѣ будетъ говорить безъ краснорѣчія. Ему можетъ попасться на мысль тонкое замѣчаніе, удачный образъ; но нетвердая, небрежная и вялая дикція, неспособность излагать свои мысли въ надлежащей полнотѣ и давать имъ возможно лучшую и впечатлительную форму,—все это сдѣлаетъ изъ импровизатора обыкновеннаго болтуна. Иной ораторъ такого рода, пожалуй, никогда не спутается въ словѣ, но едва ли и одно изъ его словъ будетъ достойно слушанія... Это заблужденіе—называть импровизацію естественнымъ краснорѣчіемъ, напротивъ, импровизація и неестественна и не краснорѣчива. Человѣкъ подъ вліяніемъ сильныхъ чувствъ или страстей, увлекаемый тѣмъ, что наполняетъ его душу, конечно, производитъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей и достигаетъ иногда безъ искусства высшей красоты. Языкъ страсти течетъ легко; онъ сжатъ и простъ,—совершенная противоположность расплывчатой болтливости дюжиннаго импровизатора. Но онъ удается оратору опытному, развившему свои способности образованіемъ. Въ этомъ состоитъ достоинство изученія: оно дѣлаетъ человѣка способнымъ во всякое время оказывать то, что только въ рѣдкихъ случаяхъ доставляетъ одна природа. Для исправленія недостатковъ нынѣшняго краснорѣчія нѣтъ лучшаго средства, какъ прилежное изученіе античныхъ образцовъ, въ особенности цѣломудренной красоты

греческой композиціи, и при этомъ строгая практика письменнаго приготовленія".

Другой разъ, въ письмѣ къ отцу извѣстнаго лорда Маколея, Брукгамъ еще рѣшительнѣе выражаетъ свою мысль противъ методы импровизацій. Говоря отцу Маколея о воспитаніи сына, онъ настаиваетъ, чтобы тотъ напередъ записывалъ свои рѣчи... Безъ сомнѣнія, это тяжелая работа, несомнѣнно болѣе тяжелая, чѣмъ говорить экспромптомъ; но она необходима, чтобы сдѣлаться совершеннымъ ораторомъ, совершенно необходима, чтобы привыкнуть къ правильной дикціи... Я иду далѣе и утверждаю, что до конца жизни нужно записывать рѣчи отъ слова до слова, если хотѣть, чтобы онѣ были прекрасными рѣчами. Спрашивается теперь: хочетъ ли вашъ сынъ быть великимъ ораторомъ, или нѣтъ? Другими словами, хочетъ ли онъ достигнуть почти неограниченной силы въ свободной странѣ оказывать добро для человѣчества, или не хочетъ этого? Если въ немъ есть это желаніе, онъ долженъ слѣдовать этимъ правиламъ [1]).

Такія сужденія (могутъ сказать) относятся къ свѣтскому краснорѣчію, а не къ проповѣди церковной. Но проповѣдь, предлагаемая народу съ каѳедры, такая же публичная рѣчь, какъ и всякая другая и, будучи такою, она не можетъ не подлежать общимъ законамъ краснорѣчія, хотя и имѣетъ свои специфическія особенности или видовыя отличія.

Обратимся къ авторитетнымъ представителямъ христіанскаго проповѣдничества и посмотримъ, какія у нихъ воззрѣнія на предметъ, нами обдуманный. Мы приводили выше сужденія по вопросу объ исполненіи проповѣдническаго долга, высказанныя главнѣйшими изъ христіанскихъ проповѣдниковъ,— св. Григоріемъ Богословомъ и св. Іоанномъ Златоустымъ. Они мало благопріятны для требующихъ отъ проповѣдника

---

[1]) Judische Homiletik, v. Maybaum. 1890, p. 160—163.

чистой импровизаціи. Св. Іоаннъ Златоустъ не только требуетъ непрерывнаго труда отъ людей, посвятившихъ себя служенію церковнаго слова, но внушаетъ имъ тщательнѣйшимъ образомъ составлять поученія не для того, чтобы снискать похвальныя рукоплесканія, а для того, чтобы угодить Богу. Даже, по его указанію, чѣмъ большимъ талантомъ и образованіемъ отличается проповѣдникъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ ему трудиться и заботиться о лучшемъ изготовленіи своихъ рѣчей, потому что отъ него большого ожидаютъ, и если онъ предложитъ слово, не отвѣчающее этимъ ожиданіямъ, то онъ подвергается осужденію отъ слушателей, и послѣ этого они не станутъ слушать его съ прежнимъ вниманіемъ. Людей, не отличающихся особеннымъ талантомъ, онъ предостерегаетъ отъ вступленія на каѳедру для сообщенія народу слова назиданія, безъ приготовленія, указывая на ту опасность, какой они могутъ подвергаться во время сказыванія проповѣди. „Если и способные говорить съ великою властію имѣютъ нужду въ постоянномъ упражненіи (говоритъ онъ), то нисколько не приготовившійся ранѣе и принужденный думать объ этомъ во время самыхъ подвиговъ (т. е. во время сказыванія проповѣди) какія встрѣтитъ трудности, какое безпокойство, какое смущеніе, чтобы съ великимъ трудомъ пріобрѣсть какой-нибудь малый успѣхъ“! [1]).

Въ нашей русской духовной литературѣ наибольшимъ авторитетомъ пользуется покойный митрополитъ московскій Филаретъ, и его сужденіямъ до сихъ поръ придаютъ особенный вѣсъ, считая его руководителемъ въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ богословскаго вѣдѣнія. Но онъ былъ рѣшительный противникъ импровизаціи; всѣ свои проповѣди онъ писалъ напередъ, и даже многія изъ нихъ, прежде произношенія, посылались для просмотра и, въ случаѣ какой-либо обмолвки,

---

[1]) Св. Іоанна Златоуста, слово о священствѣ 5-е, п. 5, 7 и 8. Твореній св. Іоанна Злат. Т. 1, кн. 2, стр. 455. 457. 458.

исправленія близкимъ къ нему подчиненнымъ лицамъ, къ которымъ относился съ довѣріемъ. И не разъ имъ высказываемо было мнѣніе о необходимости предварительнаго приготовленія проповѣдей, прежде ихъ произнесенія. По его мысли, въ 1829 году, написано было и потомъ напечатано было въ числѣ сочиненій студентовъ Московской духовной Академіи разсужденіе о томъ, что „церковныя поученія должны быть заблаговременно сочиняемы, потому что всего предпочтительнѣе осторожность и предусмотрительность въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ малѣйшее небреженіе влечетъ за собою гибельныя послѣдствія... И когда представимъ сіе, то, конечно, не удивимся, ежели и искуснѣйшій не осмѣлится произнесть ничего такого, что не приготовлено имъ предварительно со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, и что не провѣрено не только собственнымъ его сужденіемъ, но даже сужденіемъ многихъ“ [1]).—Одинъ изъ предстоятелей церковныхъ заявлялъ митрополиту Филарету, что онъ рѣшился приготовлять церковныя поученія, какія говорилъ народу, не прежде, какъ во время литургіи. Митрополитъ Филаретъ въ письмѣ къ нему высказалъ слѣдующее: „нѣкоторые благоговѣйные люди замѣтили, что предстоятель долженъ предшествовать всѣмъ, находящимся въ церкви, непрерывнымъ вниманіемъ къ молитвѣ и къ таинству, а не оставлять оное безъ вниманія, занимаясь приготовленіемъ къ поученію“ [2]).

Другіе наши первоклассные проповѣдники или вовсе не пользовались импровизаціею, или, и владѣя свободнымъ словомъ, не считали импровизацію обычною для себя методою, и авторитетъ снискивали проповѣдями, надъ которыми они не мало потрудились.

Покойный Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій, обладалъ быстрою производительностію, и мысль его

[1]) Нѣсколько разсужденій студентовъ Московской духовной Академіи (1829 г.). Ч. 1, стр. 136—137.

[2]) Письма митр. Филарета, изд. архіеп. Саввою. Т. 1, стр. 20.

была живая и обильная, но онъ никогда не рѣшался говорить проповѣди, не записавъ ея напередъ, и не стѣснялся выходить на каѳедру съ заготовленною тетрадію, хотя лекціи свои въ академической аудиторіи онъ говорилъ наизусть. Причина такой предусмотрительности заключалась въ его высокомъ уваженіи къ церковной каѳедрѣ, а поводомъ къ такому предусмотрительному образу дѣйствій былъ непріятный случай, какому онъ подвергся, при окончаніи академическаго курса въ 1835 году. На публичномъ экзаменѣ, по старому обычаю, онъ, какъ лучшій студентъ, долженъ былъ говорить рѣчь предъ митрополитомъ и собравшеюся публикою. Рѣчь имъ была приготовлена и записана, просмотрѣна и одобрена Иннокентіемъ, бывшимъ тогда ректоромъ Кіевской Академіи. Но вслѣдствіе волненій, при торжественной обстановкѣ, память измѣнила ему, и онъ, вышедши говорить рѣчь, запнулся на первомъ словѣ, и не могъ продолжать рѣчи.

Не былъ импровизаторомъ и преосвященный Никаноръ одесскій. Ему легко доставались его проповѣди, снискавшія ему славу оригинальнаго, сильнаго мыслію, проповѣдника. Но всѣ онѣ напередъ, предъ сказываніемъ, были записаны, и онъ не произносилъ ихъ наизусть, а обыкновенно читалъ по тетради. Самъ преосвященный харьковскій Амвросій, авторъ „Живого слова“, рекомендующій проповѣдникамъ говорить импровизованныя поученія, въ своей практикѣ далеко не всегда держался этой методы. На всѣхъ его проповѣдяхъ, изданныхъ имъ, лежитъ печать труда мысли и труда не малаго, свидѣтельствующаго о томъ, что онъ много и, можетъ быть, долго обдумывалъ ту тему, разсужденіе о которой рѣшался предложить слушателямъ съ церковной каѳедры. Да и извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ часто не самъ произносилъ свои проповѣди, а, написавъ ихъ, поручалъ произносить ихъ одному изъ протоіереевъ. Знаменитый Иннокентій (Борисовъ) хотя владѣлъ и пользовался импро-

визованною рѣчью, особенно въ послѣдніе годы своего служенія, но славу знаменитаго проповѣдника пріобрѣлъ не импровизаціями своими, не проповѣдями послѣднихъ лѣтъ, а проповѣдями перваго цвѣтущаго періода своей жизни, надъ изготовленіемъ которыхъ онъ трудился очень тщательно.

Приведемъ въ примѣръ еще одного изъ популярнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ,—протоіерея Родіона Путятина. Проповѣди его выдержали 17 изданій, что едва ли доставалось проповѣдническимъ произведеніямъ кого-либо другого изъ нашихъ проповѣдниковъ. Проповѣди его весьма кратки по объему, и содержаніе ихъ самое простое, и языкъ такой, какой употребляется въ обыкновенномъ разговорѣ, безъ всякой изысканности. Казалось, что для такихъ простыхъ и краткихъ поученій не нужно никакого нарочитаго приготовленія. Между тѣмъ они ему не легко доставались: онъ много трудился надъ ними, и всѣ они имъ напередъ были записываемы. Самая простота ихъ, которою они особенно нравились, была плодомъ его заботливой обработки ихъ. Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ [1]) напечатанъ отрывокъ изъ его дневника, и изъ него узнаемъ мы, какихъ заботъ, безпокойствъ и долгихъ размышленій стоило ему изготовленіе простыхъ, повидимому, не мудрыхъ, поученій. „И самое краткое поученіе (говоритъ онъ) не малаго труда мнѣ стоитъ: вчера, часа три, четыре я все рождалъ, и десять строкъ не больше успѣлъ написать. Да, я всю ночь мучился, не спалъ, по милости приготовленія поученія и доходилъ вчера до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда... Тяжелое дѣло сочинительство. Сколько однихъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній!...—Вотъ искушеніе! Первый часъ за полночь, а я не сплю, и никакъ уснуть не могу. Думалъ о поученіи къ зав-

[1]) Церковныя Вѣдомости, 1904, № 28, стр. 1041—2. „Изъ дневника протоіерея Р. Путятина“.

трему: ничего не могъ придумать. Отъ чего эти поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ: нѣтъ, надобно,... ужъ я не знаю, какъ сказать, что надобно: надобно измучиться, изъ силъ выбиться, послѣ большихъ усилій, послѣ долгаго напряженія, и все-таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для всякаго писателя вдохновеніе необходимо, то есть, необходимо, чтобы свыше что-нибудь пришло къ тебѣ, чтобы что-нибудь натолкнуло тебя на мысль. Что меня заставляетъ заниматься, или, вѣрнѣе сказать, мучиться надъ поученіями?... А я въ собственномъ смыслѣ мучусь или мучился надъ нѣкоторыми изъ нихъ". Приготовляя поученіе, переводя обдумываемое содержаніе на бумагу, онъ часто не доволенъ былъ собою, не доволенъ былъ тѣмъ, что вылилось изъ-подъ пера его, и онъ отмѣчалъ въ дневникѣ своемъ: „все не то, все не такъ. Такъ что же? Такъ какъ же? Господи! Вразуми меня, вразуми меня, что я долженъ говорить. Мнѣ хочется говорить; мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется".

Мы могли бы представить нѣсколько примѣровъ отрицательнаго отношенія къ методѣ импровизацій изъ исторіи иностранныхъ проповѣдниковъ. Но это могло бы завлечь насъ далеко, не представивъ новыхъ основаній къ уясненію вопроса, нами обсуждаемаго. Не можемъ, впрочемъ, не привесть характернаго отвѣта на этотъ вопросъ одного изъ видныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ прошлаго столѣтія—Гармса. Этому Гармсу, снискавшему большой авторитетъ, и слывшему выдающимся ораторомъ, говорилъ одинъ проповѣдникъ: „не правда ли, г. пробстъ, что вы теперь уже не записываете болѣе своихъ проповѣдей? Когда я былъ молодъ, я записывалъ ихъ, а теперь Духъ Святый даетъ мнѣ, что я долженъ говорить". Гармсъ отвѣчалъ: „я и теперь записываю всѣ свои проповѣди. Единственный разъ въ своей жизни не сдѣлалъ этого. Тогда Духъ Святый сказалъ

мнѣ на каѳедрѣ: Клавдій! Клавдій (такъ звали Гармса), ты лѣнивъ сталъ! Ничего другого не сказалъ мнѣ Духъ Святый“ [1]).

Обратимся къ лучшимъ гомилетамъ иностраннымъ, и послушаемъ ихъ разсужденій по вопросу объ импровизаціи.

Какъ гомилетъ, особеннымъ авторитетомъ во французской литературѣ пользуется Жиберъ, писавшій свое гомилетическое сочиненіе въ самое цвѣтущее время французской проповѣди,—время Боссюэта, Бурдалу и Массильйона. Онъ рѣшительный противникъ импровизаціи и требуетъ непремѣннаго предварительнаго приготовленія проповѣдей. Являться на церковную каѳедру безъ приготовленія, по его воззрѣнію, значитъ, во-первыхъ, показывать неуваженіе къ слушателямъ, и, во-вторыхъ, не считать достойнымъ заботъ такое высокое дѣло, какъ проповѣдничество. Проповѣдниковъ импровизаторовъ онъ называетъ авантюристами, которые съ безпечностію безразсудно пускаются въ широкое и опасное море христіанскаго краснорѣчія, и весьма часто терпятъ здѣсь кораблекрушеніе. Проповѣдники, слишкомъ полагающіеся на свой талантъ и выходящіе на каѳедру съ такою же безпечностію и съ такимъ равнодушіемъ, съ какими они идутъ на прогулку, не понимаютъ величія своего служенія и забываютъ, что они имѣютъ бесѣдовать съ народомъ, ожидающимъ отъ нихъ не случайнаго слова, какое взбредетъ имъ въ голову и сорвется съ ихъ языка. Для надлежащаго выполненія проповѣдническаго долга, каждый разъ едва достаточно самое упорное приготовленіе, какъ бы ни былъ великъ талантъ у проповѣдника...

Кто хочетъ думать о томъ, что сказать, только въ минуту произнесенія проповѣди, тотъ искушаетъ Господа и легко можетъ остаться на мели, говорить очень дурно и вызвать укоръ и осмѣяніе. Выходить на каѳедру безъ при-

[1]) Practische Theologie, v. Achelis. Theil. 1. § 113, S. 370.

готовленія не значитъ слѣдовать внушеніямъ Святаго Духа, а значитъ грѣшить противъ Духа Святаго, который хочетъ, чтобы мы заботливо исполняли возлагаемыя на насъ обязанности, касающіяся труднаго и важнаго служенія слова... Трудясь, вы достигнете того, что ваше слово произведетъ впечатлѣніе, а безъ труда едва-ли это возможно.

Могутъ иные освобождать себя отъ тяжелаго труда составленія проповѣдей подъ тѣмъ предлогомъ, что они владѣютъ отличнымъ талантомъ, при которомъ легко могутъ говорить приличныя рѣчи безъ приготовленія. Но какимъ бы геніемъ вы ни обладали, вы рискуете спуститься ниже посредственности, если не будете поддерживать его трудомъ. Сознаніе своего собственнаго таланта не должно быть для васъ основаніемъ лѣности и небрежности, а сильнымъ побужденіемъ къ труду. Пусть проповѣдники, полагающіеся на свой талантъ и потому не трудящіеся, помнятъ примѣръ Господа о лѣнивомъ рабѣ, у котораго Онъ велитъ отнять талантъ, ему прежде ввѣренный... Когда проповѣдники достигаютъ извѣстной степени репутаціи, эта самая репутація обязываетъ ихъ съ особеннымъ усердіемъ заниматься своими проповѣдями: имъ нельзя быть болѣе посредственными. По словамъ Златоуста, народъ, у котораго проповѣдникъ достигъ славы, ожидаетъ отъ него чего-нибудь великаго, возвышеннаго, удивительнаго, и если онъ не отвѣчаетъ его ожиданіямъ, онъ отвращается отъ него и презираетъ его [1]).

Другой французскій гомилетъ—Фенелонъ хотя не рекомендуетъ записывать и отъ слова до слова выучивать наизусть рѣчь, назначенную для публичнаго произнесенія, но не является защитникомъ импровизаціи въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ требуетъ тщательнаго, предварительнаго

---

[1]) L'eloquence chretienne dans l' idee et dans la pratique, par le p. B. Gisbert, chap. XVIII. См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, стр. 193—195.

приготовленія той проповѣди или рѣчи, какую ораторъ или проповѣдникъ намѣренъ произнесть. По его указанію, лучшая метода изготовленія проповѣдей—тщательное обдумываніе предмета, о которомъ хочетъ говорить проповѣдникъ,—обдумываніе не общее, а входящее во всѣ частности. Ораторъ, обдумывая свою рѣчь, начертываетъ въ умѣ своемъ порядокъ мыслей, приготовляетъ сильныя выраженія, которыми выпуклѣе и впечатлительнѣе можетъ изобразить предметъ свой, взвѣшиваетъ всѣ доказательства, какими можетъ подкрѣпить всѣ положенія, имъ защищаемыя или внушаемыя слушателямъ, придумываетъ извѣстное число патетическихъ мѣстъ. И вотъ, когда онъ выходитъ на каѳедру,—онъ владѣетъ собою, говоритъ естественно, мысли текутъ изъ готоваго источника; его изложеніе живо и полно движенія“ [1]).

Нѣмецкіе протестантскіе гомилеты,—Шоттъ, Шлейермахеръ, Швейцеръ, Бассерманнъ,—всѣ требуютъ приготовленія проповѣдей. Вопросъ здѣсь у нихъ не въ томъ, записывалась ли проповѣдь, а въ томъ, что нужно ли вообще приготовлять ее. Внутреннее приготовленіе, самое тщательное, не только рекомендуется ими, а вмѣняется въ обязанность проповѣднику. Это приготовленіе проповѣди должно простираться не только на расположеніе или планъ проповѣди, не только на частныя мысли, служащія къ уясненію темы, но и самое изложеніе, даже на самое произношеніе.

Методы полной импровизаціи (говоритъ Шоттъ, авторъ замѣчательной „Теоріи краснорѣчія съ особеннымъ примѣненіемъ къ духовному краснорѣчію“) нельзя рекомендовать проповѣдникамъ и нельзя требовать введенія ея въ обычную проповѣдническую практику. Она можетъ быть до-

---

[1]) Dialogues sur l' eloquence en general, et sur celle de la chaire en particulier. Д. И. См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, стр. 226.

пускаема въ особенныхъ случаяхъ, когда какое-либо обстоятельство вынуждаетъ проповѣдника къ скорой неожиданной рѣчи, когда вдругъ по какому-либо непредвидѣнному поводу приходится ему говорить въ собраніи. Могутъ попадаться избранные, высоко-даровитые ораторы, которые, безъ затрудненія и замѣшательства, складно и сильно могутъ экспромптомъ говорить о разныхъ предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ познанія. Но люди съ такими счастливыми дарованіями составляютъ своего рода рѣдкость. Да и они, выдающіеся таланты, состоятъ въ зависимости отъ благопріятныхъ настроеній, которыя не всегда въ ихъ власти. И для нихъ можетъ быть опасность, что въ минуту произнесенія рѣчи у нихъ не найдется приличная мысль, и они станутъ замѣнять ее повтореніями и многословіемъ, или прибѣгнутъ къ общимъ мѣстамъ, и мало значительнымъ стереотипнымъ фразамъ [1]).

Швейцеръ, писавшій въ половинѣ истекшаго столѣтія (Homiletik der evangelischen Kirche, systematisch dargestellt), руководству котораго германскіе гомилеты (Краусъ [2]), Ахелисъ [3])) придаютъ особенное значеніе, указываетъ три метода, какими пользуются проповѣдники: запись проповѣди отъ слова до слова, импровизація и тщательное внутреннее обдумываніе. Относясь неодобрительно къ методѣ записыванія проповѣди отъ слова до слова и выучиванія ея наизусть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не одобряетъ и чистой импровизаціи. Импровизація, которая въ моментъ произнесенія проповѣди сниски-ваетъ мысли и ихъ выраженія, кажется ему дѣломъ ненормальнымъ, которое нельзя вводить въ порядокъ вещей; при

---

[1]) Die Theorie der Beredsamkeit, mit besonderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit, v. Schott. Dritt. Theil zweit. Abtleilung, S. 260—293. Гомилетика въ новое время, В. Пѣвницкаго, стр. 293.

[2]) Lehrbuch der Homiletik, 1883, S. 111.

[3]) Practische Theologie, 1890, § 90. S. 297.

ней и мысли и ихъ развитіе и изложеніе будутъ неудовлетворительны, по крайней мѣрѣ, не достигнутъ надлежащаго совершенства. Импровизацію только изъ нужды можно допускать, и проповѣдникъ, пользующійся ею, не вызываемый къ тому обстоятельствами, не заслуживаетъ извиненія. Чѣмъ важнѣе дѣло проповѣди, тѣмъ необходимѣе тщательное приготовленіе къ ней. Если находятся люди, которые думаютъ, что имъ не нужны ни правила, ни приготовленіе къ достойному совершенію проповѣдническаго дѣла, то нельзя не признать ихъ впадшими въ нетерпимое заблужденіе. Неумѣренное хватаніе случайныхъ летучихъ мыслей и выраженій, во время произнесенія импровизованной рѣчи, и легкомысленная болтовня, часто при этомъ замѣчаемая, заставляютъ предпочитать этому способу сказыванія проповѣдей всякій другой родъ приготовленія проповѣдей, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ [1]).

Рѣзкое сужденіе объ импровизаціи высказалъ голландскій богословъ Остерцее, котораго практическое богословіе переведено почти на всѣ европейскіе языки [2]). „Есть проповѣдники (говоритъ онъ), которые осмѣливаются почти безъ приготовленія говорить предъ общиною о высочайшемъ и святѣйшемъ и излагать народу сразу представившіяся мысли, часто въ помазанномъ тонѣ. Такое поведеніе мы представляемъ, какъ плодъ лѣности, высокомѣрія или печальнаго фанатизма и предаемъ публичному презрѣнію. Выражаясь мягко, это игра святынею, нечестивое искушеніе Бога, безсовѣстное пренебреженіе неотъемлемымъ правомъ общины на лучшее, то есть, на зрѣлые плоды нашего освященнаго размышленія объ откровенной тайнѣ Божіей. Отъ импровизаціи

---

[1]) Homiletik der evangelisch-protestantischen Kirche, systematisch dargestellt v. Al. Schweizer, 1848. §§ 214 и 215. В. Пѣвницкаго, стр. 403—404.

[2]) Osterzee. Practische Theologie. Deutsche Ausgabe von Matthia und Petry. Bd. 1, S. 401.

вредъ для общины: въ этихъ бѣглыхъ проповѣдяхъ ей даютъ солому вмѣсто хлѣба,—вредъ и для проповѣдника: проповѣдническая дѣятельность отъ этого падаетъ, и проповѣдникъ дѣлается пустымъ болтуномъ, который высочайшее и святѣйшее унижаетъ и оскверняетъ фразами".

Сужденіе Остерзее принимаетъ и повторяетъ Ахелисъ въ своемъ *Практическомъ богословіи* [1]). Онъ считаетъ недостаточнымъ внутреннее обдумываніе и усвоеніе проповѣдей, а рекомендуетъ записывать проповѣди. Онъ замѣчаетъ, что родъ приготовленія проповѣди, соотвѣтствующій психологическому закону, важности дѣла и нормальному дарованію, тотъ, чтобы проповѣдь заботливо вырабатывалась письменно. Онъ указываетъ, что всѣ выдающіеся представители духовнаго краснорѣчія буквально записывали свои проповѣди, и это указаніе подтверждаетъ свидѣтельствомъ Шустера, авторитетнаго представителя гомилетической литературы послѣдняго времени. Преимущество записыванія проповѣдей у Шустера выставляется въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) оно предохраняетъ отъ всѣхъ вредныхъ дѣйствій, какія могутъ производить на духовнаго оратора въ часъ произношенія проповѣди неблагопріятное настроеніе или тѣлесное нерасположеніе проповѣдника, какіе-либо внезапные возмущающіе случаи въ собраніи, 2) облегчаетъ болѣе глубокое и богатое развитіе матеріи проповѣди, 3) даетъ ручательство за добрый порядокъ мыслей, 4) даетъ возможность обращать больше заботливаго вниманія на словесное изложеніе, и 5) даже на усовершенствованіе произношенія [2]).

За запись проповѣдей стоитъ и Юнгманнъ, авторъ „Теоріи духовнаго краснорѣчія", служащей однимъ изъ лучшихъ гомилетическихъ руководствъ въ нѣмецкой римско-ка-

---

[1]) Achelis. Practische Theologie, 1890—1. Theil. 1, § 113, S. 369—370.
[2]) Achelis. Practiche Theologie, § 115, S. 374—377.

толической литературѣ, ссылаясь на лучшіе авторитеты, начиная съ Квинтиліана.

Что же? Какое заключеніе мы поставимъ послѣ приведенія сужденій авторитетныхъ мужей по вопросу, нами поставленному? Ужели совершенно осудимъ методу импровизацій, какъ методу непригодную?

Нѣтъ, мы не сдѣлаемъ такого заключенія. Та и другая метода,—метода импровизацій и метода тщательнаго приготовленія проповѣди, чрезъ запись или чрезъ одно внутреннее обдумываніе и усвоеніе содержанія проповѣди,—могутъ быть употребляемы въ дѣло. Предписывать исключительно одну изъ этихъ методъ, заставлять слѣдовать непремѣнно одной изъ нихъ,—это могло бы повести къ уменьшенію числа проповѣдниковъ,—чрезъ это мы могли бы привесть къ молчанію такихъ людей, которые могли бы быть украшеніемъ церковной каѳедры. Таланты и расположенія людей различны, и пусть каждый въ своей проповѣднической практикѣ сообразуется съ своими природными расположеніями. Кто безъ стѣсненія можетъ импровизировать, не боясь замѣшательства, кто владѣетъ свободнымъ словомъ,—пусть импровизируетъ. Кто, приготовляя проповѣдь, находитъ возможнымъ довольствоваться однимъ внутреннимъ обдумываніемъ, безъ записи своихъ мыслей на бумагѣ,—пусть слѣдуетъ этой методѣ. А много и такихъ, для которыхъ такое приготовленіе недостаточно, и которые, не боясь конфуза, могутъ произносить только записанное. Зачѣмъ запрещать такимъ выступать на каѳедру съ словомъ, напередъ записаннымъ? Здѣсь мы можемъ привести слово апостола Павла, которому возвѣстили, что многіе различно и по разнымъ побужденіямъ проповѣдуютъ благовѣстіе Христово; онъ замѣтилъ по этому

---

[1] Theorie der geistlichen Beredsamkeit. Academische Vorlesungen, v. Joseph Jungmann. 1877. Fünfter Abchnitt. XV Kapitel, § 4, s. 1149—1157, Гомилетика въ новое время. В. Пѣвницкаго, стр. 488—491.

поводу: *что жъ до того? Какимъ бы образомъ ни проповѣдывали Христа (притворно или искренно), я и тому радуюсь, и буду радоваться* (Фил. 1, 18). Если онъ не отвергалъ притворнаго благовѣствованія о Христѣ, то, конечно, не сталъ бы подвергать осужденію тѣ, въ нравственномъ отношеніи невинные, способы, какими пользовались и пользуются позднѣйшіе проповѣдники Евангелія, исполняя служеніе церковнаго слова, сообразуясь съ своими личными способностями.

Мы не рѣшаемся и не можемъ рекомендовать и предписывать всѣмъ импровизировать на церковной каѳедрѣ, хотя готовы воздать подобающую честь способному импровизатору,—не можемъ потому, что для хорошей импровизаціи требуются многія дарованія, трудно соединимыя въ одномъ видѣ. Съ импровизованнымъ словомъ безбоязненно можетъ выступать такой человѣкъ, у котораго быстрая мысль, живое воображеніе, отличная память, свободное выраженіе, и при этомъ спокойствіе и полное самообладаніе, при которомъ человѣкъ не можетъ смѣшаться ни при какихъ возмущающихъ обстоятельствахъ. Но многіе ли владѣютъ такими дарами? А когда дюжинный человѣкъ, съ срединными дарованіями, выступаетъ съ импровизованнымъ словомъ, у него чаще всего мысль не отчетливая, рѣчь вялая, расплывчатая, не впечатлительная, и случаются грубыя обмолвки, lapsus linguae, могущія вызвать строгое осужденіе на проповѣдника.

Болѣе нормальная и болѣе безопасная метода проповѣдничества—тщательное приготовленіе проповѣдей. Она основывается на психологическихъ началахъ. Что хочетъ предписывать наука, какъ обязательное правило для всѣхъ, то должно быть разсчитано на людей средняго уровня, какихъ большинство. А для такихъ было бы большою смѣлостію пользоваться, при исполненіи проповѣдническаго служенія, методою импровизаціи. Какъ бы ни былъ силенъ умъ, мысль при

первоначальномъ зарожденіи является не сформировавшеюся; въ ней не созрѣли составныя части, не выдѣлились члены. Нужно напряженіе и, пожалуй, напряженіе не малое, чтобы изъ этого зародыша образовался организмъ, и приличное слово не всегда сразу найдется для возникающей и быстро формирующейся въ умѣ мысли. Тѣмъ болѣе нельзя разсчитывать на силу слова, доходящаго до раздѣленія души и духа. А когда проповѣдникъ хорошо приготовилъ то, что предполагалъ сказать, онъ является хозяиномъ своего слова, съ увѣренностію имъ распоряжающимся. У него все взвѣшено и обдумано; ему не угрожаетъ опасность смѣшаться и запутаться и сказать что-либо, мало достойное церковной каѳедры, хотя бы въ какомъ-либо неприличномъ сравненіи и грубой фразѣ .. И слушатели болѣе могутъ цѣнить его рѣчь, когда они видятъ, что проповѣдникъ выноситъ не случайно и мгновенно попавшееся ему слово, а выношенное имъ и созрѣвшее у него въ глубинѣ его сердца, и они платятъ ему полнымъ вниманіемъ. Если же слышится ими не твердая и сбивчивая рѣчь импровизатора, въ ихъ глазахъ умаляется цѣна рѣчи и ея внутренняго содержанія, и ими овладѣваетъ непріятное чувство боязни, какъ бы не сбился и не смутился проповѣдникъ, когда они видятъ, что предъ ними мысль проповѣдника является въ не легкихъ мукахъ рожденія.

Нечего стыдиться и записи проповѣдей отъ слова до слова, нечего стѣсняться выходить на церковную каѳедру и съ рукописью въ рукахъ, когда вы не обладаете счастливою памятію, и не можете быть увѣрены въ томъ, что безъ пособія рукописи вы безъ всякаго замѣшательства и съ полнымъ успѣхомъ выполните свое дѣло.

Суть дѣла, при достойномъ выполненіи проповѣдническаго служенія, вовсе не въ той или другой манерѣ составленія и приготовленія проповѣдей, не въ томъ, импровизаціею ли вы говорите, или тщательно и подробно обдумываете

свою проповѣдь, или буквально записываете все, что имѣете сказать. Въ дѣлѣ проповѣдничества это внѣшнее условіе проповѣдническаго служенія имѣетъ второстепенное значеніе. Проповѣдь можетъ быть хороша и оказывать свое дѣйствіе при той, другой и третьей методѣ проповѣдничества, равно какъ и обратно—проповѣдь можетъ не отвѣчать своему назначенію, какою бы методою вы ни пользовались въ своей практикѣ.

Суть дѣла въ томъ, чтобы проповѣдникъ искренно былъ преданъ дѣлу вѣры и дѣлу спасенія своихъ братій, чтобы въ его груди теплился и, когда нужно, воспламенялся огонь благочестиваго одушевленія. Если въ немъ есть много одушевленія, изъ его устъ будетъ раздаваться впечатлительное слово, какъ бы онъ ни приготовлялъ его. Этимъ огнемъ будетъ согрѣваться его душа, когда онъ въ своемъ кабинетѣ при уединенномъ размышленіи будетъ обдумывать, что сказать своимъ слушателямъ, которымъ онъ долженъ нести спасительное слово благовѣстія. И этотъ огонь не угаснетъ, если онъ будетъ предавать письму то, чѣмъ возбуждена и занята душа его. Напротивъ, чрезъ эту запись, отвердѣютъ волнующіяся летучія мысли и, получивъ наглядную форму, онѣ, какъ дрова, положенныя подъ сосудъ съ водою, будутъ поддерживать и все болѣе возбуждать пламя, движущее и согрѣвающее душу проповѣдника. И когда настанетъ часъ вынести предъ лице братій слово спасенія, выношенное проповѣдникомъ въ минуту кабинетнаго размышленія и, пожалуй, повѣренное письмени,—одушевленіе, хранящееся въ душѣ его, преданной дѣлу Божіему, дѣлу вѣры и спасенія, проявится съ новою силою, разгорится яркимъ пламенемъ, при видѣ множества людей, ждущихъ отъ него святаго назиданія.

По этому вопросу достойный вниманія отвѣтъ даетъ нѣмецкій гомилетъ Теремин, словами котораго о трудности проповѣдническаго служенія мы начали статью свою. Къ его

сочиненію „*Краснорѣчіе добродѣтель или основныя черты систематической риторики*“ приложенъ разговоръ „*о духовномъ краснорѣчіи*“, въ которомъ молодой человѣкъ, посвящающій себя дѣлу пропоповѣдничества, желая уяснить себѣ, какъ лучше выполнять это дѣло, обращается за совѣтомъ къ опытному проповѣднику, и предлагаетъ ему нѣсколько вопросовъ, въ надеждѣ получить отъ него указаніе лучшей методы проповѣдничества. Между этими вопросами стоитъ вопросъ о томъ, записывать ли проповѣдь и потомъ выучивать ее наизусть, или импровизировать, и другой, близкій къ нему, вопросъ о томъ, писать ли проповѣди по правиламъ школы, слѣдуя установившейся традиціи или, ничѣмъ не стѣсняясь, предоставить свободу своей личности.

Опытный мужъ (т. е. Теремінъ) по этому поводу отвѣчаетъ, что вопросы подобнаго рода не касаются существа дѣла, а побочныхъ, второстепенныхъ вещей. Не въ томъ главное условіе успѣшнаго проповѣдничества, а совершенно въ другомъ. Можно проповѣдывать и такъ и сякъ,—какъ позволяютъ обстоятельства, личныя расположенія и способности проповѣдника. Чтобы направить молодого человѣка на правильный путь и указать ему, въ чемъ заключается секретъ успѣшнаго проповѣдничества, опытный мужъ, съ своей стороны, предлагаетъ ему нѣсколько вопросовъ, которые совершенно въ другую сторону должны направить его вниманіе. Онъ спрашиваетъ молодого человѣка: 1) Считаешь ли ты себя грѣшникомъ, и болитъ ли сердце твое скорбію о грѣхѣ? 2) Читаешь ли библію? Читаешь ли ее, не какъ ученые, занимающіеся критикою и изслѣдованіемъ текста, а какъ простой благочестивый христіанинъ, какъ почтительный сынъ читаетъ посланіе возлюбленнаго отца, живущаго вдали отъ него? Слагаешь ли въ своемъ сердцѣ драгоцѣнныя слова, именно какъ бы для тебя сказанныя Богомъ? 3) Молишься ли Богу? Обращаешься ли къ своему небесному Отцу, къ

VII - 664

своему Спасителю съ такимъ чувствомъ и расположеніемъ, съ какимъ дитя обращается къ своему отцу? Повергаешь ли предъ всемогущимъ и милосерднымъ Господомъ всѣ свои нужды, великія и малыя, духовныя и земныя?.. Если ты не можешь отвѣчать утвердительно на эти вопросы, то ты не можешь проповѣдывать впечатлительно [1]).

[1]) Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik, Fr. Theremin. 1888. S. 180—197. Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера. В. Пѣвницкаго, стр. 334—335.